

СОБРАНИЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА. Ср. Подъяч. № 1.

ИЗЪ НОВЫХЪ.

(РОМАНЪ.)

Часть вторая.

I.

Передъ зданіемъ довольно обширной станціи, на N*** желѣзной дорогѣ, въ жаркій іюльскій день, часу въ третьемъ, на платформѣ, ближе къ краю отъ полотна, разговаривала группа ожидающихъ поѣзда.

Посрединѣ—человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, въ вицмундирѣ, со жгутами на плечахъ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и при звѣздѣ, одѣтый такъ, какъ ходятъ начальники губерній. Все на немъ сидѣло ловко. Высокій воротничокъ рубашки немного подпиралъ полныя щеки лица съ нѣмецкимъ типомъ и съ ріпсе-пез на носу.

Съ нимъ говорили трое мѣстныхъ помѣщиковъ, только что пріѣхавшіе изъ Москвы; они, вмѣстѣ съ губернаторомъ, дожидались поѣзда, чтобы ѣхать туда же, куда и онъ ѣхалъ, по экстренному дѣлу.

Послѣдъ стояли: начальникъ станціи, мѣстный полицеймейстеръ—городъ былъ уѣздный, но значительный,—два жандарма, околотовный, частный приставъ, желѣзнодорожный служитель...

Въ столовой буфета всѣ торопливо ѣли на нѣсколькихъ столахъ. Отдѣльно, за столикомъ, доѣдали дыплятъ со свѣжими стручками Рынинъ и Зина. Онъ потребовалъ

чашку черного кофе, она—также, и какого-то ликера, котораго не оказалось.

— Tant mieux,—выговорилъ онъ вполголоса.

Зина ничего на это не отвѣтила и начала что-то искать въ своей сумкѣ, которую она положила, передъ тѣмъ, рѣдомъ, на стулѣ. Она была возбуждена въ лицѣ, съ замѣтными пятнами на щекахъ и на лбу, отъ загара, а быть-можетъ, и отъ желчнаго расстройства. Лицо ея горѣло и отъ того еще, что она передъ ѣдой умылась. Тотъ же сѣрый туалетъ, въ которомъ она навѣщала въ послѣдній разъ отца и мать, сидѣлъ на ней не такъ, какъ въ Москвѣ. Корсета она не надѣла на дорогу, а только высокую „ceinture“. Цѣлыхъ три дня пролежала она въ гостиницѣ, и когда согласилась ѣхать дальше, то сама объявила, что ни съ отцомъ, ни съ матерью простаться не поѣдетъ. Отъ Лукашина знала она, что Людмила Миროновна оправилась и очень бы желала проститься съ нею, но Зина отклонила это, сказала прямо:

— Мнѣ здоровье такъ же дорого, какъ и ей.

И не поѣхала.

За отца Рынину досталось было отъ нея; она находила его поведение безтактнымъ и малодушнымъ, но Парменій Никитичъ не допустилъ выговора и сталъ ей дѣловымъ тономъ доказывать необходимость отдать Мартына Лукича подъ опеку за расточительность или даже снова подвергнуть его освидѣтельствованію въ губернскомъ правленіи.

Эта мысль уже приходила самой Зинѣ, когда она въ Москвѣ лежала больная. Отъ мужа она не приняла ея и сдѣлала презирающую мипу, которая вызвала въ Рынинѣ возгласъ:

— Нечего гримасничать... Вы потому только возмущаетесь, что это отъ меня исходитъ!..

Она сильно вознегодовала за то, что онъ такъ легко проникаетъ ей въ душу. Они, и по-русски, и по-французски, стали говорить на „вы“. Передъ отъѣздомъ и на желѣзной дорогѣ Зина не находила нужнымъ скрывать того, какъ ей вся эта поѣздка противна. Докторъ, лѣчившій ее въ Москвѣ, въ присутствіи Рынина настаивалъ: если Зинаидѣ Мартыновнѣ нельзя ѣхать сейчасъ же за границу, то онъ рекомендуетъ кумысъ—и какъ можно скорѣе... На нее напала такая вялость, что заграничная поѣздка совсѣмъ ее не манила. Настойчивый совѣтъ московскаго доктора насчетъ кумыса Рынинъ принялъ съ одобре-

ніемъ и сейчасъ по уходѣ его сказалъ Зинѣ, что все это можетъ устроиться; они только побываютъ вмѣстѣ въ Ширлевѣ и покончатъ съ купцомъ—вѣдь деньги даетъ она; потомъ онъ проводить ее на Волгу.

— Вы можете и не беспокоиться,—отвѣтила она ему,— я и одна могу тамъ остаться. Мнѣ все равно...

И дѣйствительно, она чувствовала, вмѣстѣ съ раздраженіемъ, и полное равнодушіе. Точно для той стороны, куда она заѣхала, не стоило о чемъ-нибудь хлопотать, къ чему-нибудь стремиться. На кумысъ она согласилась только потому, что ее пугало все возрастающее разстройство.

„Для этой ужасной страны надо тройное здоровье!“

Докторъ наговорилъ ей чудесъ о дѣйствіи напитка, который она впередъ назвала „saleté“. Хотя аппетитъ должно ей возвратить питье гадости и тоска въ какомъ-нибудь ужасномъ курортѣ на Волгѣ. Она любила русскія закуски и блюда, и ни разу не могла покушать съ удовольствіемъ ни въ „Эрмитажѣ“, ни въ „Московскомъ“, ни въ „Патрикѣнскомъ“. Да и мужъ все со своими предостереженіями, особенно насчетъ ея „англійскихъ привычекъ“... Въ дорогѣ—точно то же. Какъ будто она, въ самомъ дѣлѣ, „une rocharde“!

Плохая ночь въ вагонѣ, духота, пыль, жаръ, начавшійся съ семи часовъ утра, дѣлали ея настроеніе невыносимымъ...

— J'étouffe! — выговорила Зина, встала и сказала мужу:—marchons un peu!..

Они дожидались поѣзда уже больше часа.

На платформу вышла Зина, подъ руку съ мужемъ. Она этого не любила. Хожденіе подъ руку казалось ей самаго дурного стиля, когда шли мужъ съ женой... Но она чувствовала себя такъ вяло, что ей нужна была опора... Единственное, чтò, по ея мнѣнію, Парменій Никитичъ дѣлалъ недурно,—это велъ подъ руку.

Группа съ губернаторомъ, стоявшая все еще тамъ же, уменьшилась. Съ нимъ разговаривалъ теперь только одинъ мѣстный землевладелецъ.

Выйдя изъ буфета, Рынинъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на фуражку съ краснымъ околышемъ, поглядѣлъ на то, что вдоль фасада станціи вытянулось разное начальство, что-то сообразилъ, остановился передъ однимъ изъ полицейскихъ и спросилъ:

- Это губернаторъ?
- Такъ точно,—отвѣтилъ ему полицейскій.
- Максъ... какъ, бишь, его по имени, отчеству?
- Викторъ Александровичъ.
- Благодарю...

П по-французски онъ сообщилъ вполголоса женѣ, что встрѣчалъ этого Макса, когда тотъ былъ еще военнымъ. Надо было подойти къ нему. Она не очень этому обрадовалась. Ни туалетъ ея, ни лицо, ни огорченное состояніе не давали ей охоты знакомиться „avec un fonctionnaire“ — навѣрно съ претензіями.

Мужъ, однако, настоялъ и прибавилъ, что этотъ Максъ весьма и весьма „*talon rouge*“ и еще очень недавно прекрасно танцевалъ мазурку.

Но издали „*talon rouge*“ не притягивалъ ея. Прищуривъ глаза отъ солнца, она оглядывала его плотную фигуру въ невиданномъ еще ей сюртукѣ, со жгутами на плечахъ, въ картузѣ военного покроя, надѣтомъ немного на затылокъ... Звѣзда также не дѣйствовала на нее. Въ Россіи у кого же нѣтъ орденовъ?

Рынина губернаторъ сейчасъ же узналъ, встрѣтилъ его чрезвычайно радушно и нѣсколько шумно раскланялся передъ Зиной, даже минуты съ двѣ стоялъ передъ нею на самомъ припекѣ съ картузомъ, приподнятымъ надъ головой. Его свѣтлорусые, густые и жирные волосы были причесаны по-англійски, съ чуть замѣтнымъ заднимъ проборомъ.

Съ ней разговоръ пошелъ исключительно по-французски. Рынина губернаторъ успѣлъ разспросить о его службѣ за границей и въ полку, о переходѣ по гражданскому вѣдомству, пошутить насчетъ того, что онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, его тайный ревизоръ... Зинѣ онъ наговорилъ множество любезностей, по ея мнѣнію, не только избытокъ, но и съ тѣмъ произношеніемъ, отъ котораго она страдала постоянно и въ Петергофѣ, а еще сильнѣе въ Москвѣ... Этотъ плотный господинъ со звѣздой и краснымъ околышемъ, когда показалъ свою прическу, сейчасъ же сталъ для нея похожимъ на что-то знакомое изъ любого нѣмецкаго отеля, и его акцентъ, а въ особенности бакенбарды, воротнички и посадка туловища, какъ только онъ подтянетъ животъ и выпатитъ грудь въ разговорѣ съ нею... Ужъ если такой „*fonctionnaire*“ — первое лицо въ губерніи, по своей свѣтскости и пріятности разговора, то что же остальные?..

Какъ бы отвѣчая на ея вопросъ, подошли опять двое помѣщиковъ. Всѣхъ троихъ губернаторъ сейчасъ же представилъ Рынину. Одинъ былъ какъ лунъ сѣдой старикъ съ большой бородой — извѣстный коннозаводчикъ и экспертъ по скаковымъ призмамъ, очень богатый человѣкъ, мягкаго тона и хорошихъ манеръ. Остальныхъ Зина причислила къ мѣстнымъ „домшеух“. Они подолгу жилали за границей и ихъ тонъ напоминалъ ей „стоящихъ вниманіи“ русскихъ, какіе бывали у Сосѣ за просто... Всѣ мужчины подтянулись при знакомствѣ съ ней не менѣе губернатора; двое заграничныхъ успѣли, однако, ей дать почувствовать, что они не только не поражены ея видомъ и жаргономъ, но и знаютъ даже, кто она... Одинъ изъ нихъ не безъ улыбочки спросилъ ее, какъ „попрыгиваетъ“ (онъ какъ бы нарочно употребилъ это русское слово) „мильйшій Мартынъ Лукичъ“?..

Рынинъ былъ доволенъ пріемомъ губернатора и общимъ впечатлѣніемъ, производимымъ Зиной на мужчинъ. Вопроса одного изъ помѣщиковъ о Мартынѣ Лукичѣ онъ не слышалъ, занятый разговоромъ съ губернаторомъ и старикомъ-коннозаводчикомъ.

Губернаторъ сообщилъ ему съ улыбкой благодушнаго и дѣятельнаго администратора, что онъ ѣдетъ въ Парявинскую волость по одному нѣсколько деликатному дѣлу съ „мужичками“, но надѣется все сегодня же уладить и вернуться домой... На вопросъ Рынина, какъ онъ себя чувствуетъ на этомъ посту, губернаторъ отвѣтилъ, что все у него до сихъ поръ идетъ „безъ задоринки“, отношенія съ сословіями и отдѣльными учрежденіями весьма хороши — „и даже, — пошутилъ онъ, — съ судебнымъ вѣдомствомъ мы въ „амикошонствѣ“...“

Рынинъ слушалъ его и видѣлъ себя на такомъ же посту не больше какъ года черезъ два; онъ не прочь переименоваться гражданскимъ чиномъ, какъ только будетъ полковникомъ. Все въ немъ нарочно устроено и приготовлено для власти и выполненія высшихъ мѣръ. А ужъ на временномъ посту начальника губерніи онъ будетъ казаться гигантомъ. Развѣ у него „удѣльный вѣсъ“ (его любимое выраженіе о себѣ), какъ у такого Макса? Что такое этотъ Максъ? Что онъ былъ какихъ-нибудь семь лѣтъ назадъ? Штабный изъ нѣмцевъ офицеръ, средняго общества и происхожденія, въ полномъ смыслѣ случайный, дюжинный карьеристъ, немного набившій себѣ руку въ

вице-губернаторствѣ трехъ губерній, года по два въ каждой... Въ сущности же, только приличный и сладковатый вивёръ, весьма слабый къ женщинамъ. И все-таки онъ еще не изъ плохихъ, потому что полунѣмецкая кровь и привычка къ военной выправкѣ, кое-какая грамотность и природная смѣлка сдѣлали его исполнительнымъ и ловкимъ.

Продолжая разговоръ съ губернаторомъ и сѣдлымъ бариномъ, Рынинъ все это перебиралъ въ головѣ и смотрѣлъ сверху на фуражку начальника губерніи. До него доносились справа отрывочныя фразы разговора Зины съ двумя землевладѣльцами. И она была по росту головой выше каждого изъ нихъ.

Стоявшія вдали полиція и желѣзнодорожное начальство цекотали въ Рынинѣ будущее начальническое чувство. Безъ статистовъ ему не прожить; они совсѣмъ и не обуза, и не скука; въ нихъ наглядно сказывается значеніе челоуѣка. Такой символизмъ власти всегда былъ ему по душѣ, и онъ ужѣлъ самъ выполнять подчиненную мимику, особенно передъ тѣмъ, кого онъ признавалъ достойнымъ извѣстнаго сана.

— *Chère madame*,—вдругъ обратился губернаторъ къ Зинѣ, ступивъ два шага въ ея сторону, и только что хотѣлъ продолжать, какъ къ нему поспѣшной походкой приблизился полицеймейстеръ, сдѣлавъ подъ козырекъ и громко выговорилъ:

— Ваше превосходительство, Александрію бомбардируютъ!..

— Что такое? — переспросилъ губернаторъ и переглянулся со всѣми.

— Сейчасъ депеша въ газетахъ... англичане Александрію бомбардируютъ.

Всѣ разсмѣялись, кромѣ губернатора. Онъ поблагодарилъ и отпустилъ полицеймейстера; потомъ вполголоса сказалъ:

— *Une scène d'opérette!*

И въ самомъ дѣлѣ, полицеймейстеръ доложилъ ему о депешѣ точно такимъ звукомъ, какъ если бъ загорѣлась баня въ Стрѣлцкой слободѣ.

Это настроило всѣхъ игривѣ. Но Рынину поправился и внезапный докладъ полицеймейстера. Что же тутъ смѣшнаго? Прочелъ въ газетахъ, а доложить—и любезно, и даже его прямая обязанность. А что у него это „по-

жарно" вышло, такъ вѣдь и самая телеграмма огромной важности. Она грозитъ тоже великимъ пожаромъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ этихъ господъ и можетъ вполне оцѣнить, чѣмъ это пахнетъ и какія осложненія будутъ черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли на „полуостровѣ“, оттого что „народный Вильямъ“ поддался софизмамъ, измѣнилъ славянскому дѣлу, ускользнулъ изъ-подъ вліянія своей русской Эгеріи въ такой моментъ!

Голова его начала работать очень быстро: онъ былъ за тысячи верстъ отъ платформы, и губернатора, и жены своей, и въ груди у него сейчасъ же загорался особаго рода огонекъ сознанія своего превосходства надъ своими соотечественниками, людьми съ положеніемъ, въ чинахъ, съ дворянскими взглядами и притязаніями, и все-таки безъ всякой „идеи“, безъ политическаго чутья, безъ вышаго честолюбія, порочными, пустыми женолобами, картежниками или обжорами...

— *Chère madame*,—пѣвуче началъ опять губернаторъ, приближаясь къ Зинѣ, и пригласилъ ее въ парадныя комнаты станціи.

На платформѣ становилось слишкомъ жарко.

Сейчасъ же забѣгали сторожа. Комнаты открыли. Въ нихъ было довольно прохладно. Громоздкая мебель стояла въ чехлахъ. Лакей принесъ десертъ. Но Зинѣ пришлось кашлять отъ дыма сигаръ. Мужчины попросили у нея позволенія: отказать нельзя же было. Всѣ эти знаки вниманія и любезности мало тѣшили ее. Она отвѣчала на фразы губернатора и двухъ землевладѣльцевъ безъ своей, когда-то рѣзавшей какъ бритва, короткой и франтоватой фразы. Все, что они говорили, похоже было, въ ея глазахъ, на женскія моды, запоздавшія года на два, на три, что вѣдь въ модахъ—цѣлая вѣчность!..

Этотъ „*talon rouge*“, со звѣздой и со жгутами на плечахъ, продолжалъ смахивать, въ ея глазахъ, на дирижера танцевъ на какихъ-нибудь водахъ; только онъ тамъ говорилъ бы по-нѣмецки. Любезности его—такія все поношенные. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, нагибая передъ ней голову, фразу:

— *Nous nous mettons aux pieds de madame!*

Предлагалъ онъ имъ остаться въ губернскомъ городѣ, куда они придутъ къ вечеру, переночевать и послушать недурной оркестръ музыки въ городскомъ саду, гдѣ клубъ и каждый вечеръ гулянье. Когда узналъ изъ разговора,

что Зину шлют „на кумысь“, онъ вызвался написать тамошнему губернатору. „Madame n'a qu'à ordonner“... „Madame sera servie à souhait!“

И ничего-то на нее не дѣйствовало. Она знала, что сидить съ утомленнымъ, сердитымъ лицомъ, и улыбка, вынужденная и глупая, перекосила ей ротъ.

На мужъ ея и парадныя комнаты для высокихъ особъ, и ухаживанія губернатора отражались совсѣмъ по-другому. Все это дополняло для него впечатлѣніе платформы. Ему неприятно было только за Зину, что она, при ея фигурѣ, лицѣ, свѣтскости, бойкомъ bagout, такъ ослабла физически, или такъ брезгливо и неумно относится ко всему, что ее теперь окружаетъ и будетъ окружать...

Появленіе полицеймейстера прервало общій разговоръ. Поѣздъ уже вышелъ съ послѣдней станціи. Съ этимъ поѣздомъ уѣзжалъ губернаторъ и оба землевладѣльца. Рынины должны были ждать еще полчаса. Они проводили тѣхъ господъ до вагона.

Изъ окна губернаторъ крикнулъ Зинѣ:

— J'embrasse les pieds de madame!..

Жаръ не спадалъ. Хорошо было бы пойти опять въ парадныя комнаты, но ихъ уже заперли, и Рынинъ не хотѣлъ рисковать отказомъ или какой-нибудь двойственной фразой начальника станціи. Пришлось вернуться въ буфетъ, гдѣ отъ обѣда чадъ стоялъ во всѣхъ углахъ, сдѣлалось еще тѣснѣе отъ новыхъ пассажировъ; на диванахъ, столахъ, даже на полу лежалъ разный багажъ подушки, узлы.

У Зины начала болѣть голова. Она пошла въ дамскую уборную и, уходя, сказала мужу, что не поѣдетъ въ общемъ отдѣленіи вагона. Пускай онъ возьметъ особое купе.

Это было сказано такъ рѣшительно, что Рынинъ не нашелъ удобнымъ отказывать ей. Онъ отыскалъ начальника станціи и попросилъ особое купе. Тотъ ему отвѣтилъ, что новаго вагона перваго класса съ этой станціи не пойдетъ, что въ поѣздѣ будетъ тоже, по всей вѣроятности, одинъ вагонъ, и врядъ ли съ особымъ, не занятымъ отдѣленіемъ, но что онъ постарается удовлетворить „господина полковника“.

Поѣздъ запоздалъ. Зина присылала два раза изъ уборной свою горничную-нѣмку справляться.

Начальникъ станціи предсказалъ вѣрно: въ поѣздѣ оказался всего одинъ вагонъ перваго класса, да и то не

цѣльный, а съ отдѣленіемъ второго класса. Пришлось объявить это Зинѣ. Она такъ разсердилась, что замолчала, и Рыпинъ ожидалъ, что она не пойдетъ дальше. Ея нервность уже въ Москвѣ внутренне бѣсила его, и онъ назначилъ себѣ срокъ показать ей, какъ себя сдерживать. Будетъ это на-дняхъ, какъ только она перепуститъ мѣру.

Въ отдѣленіи перваго класса былъ общій салонъ, съ диванами вокругъ, и два тѣсныхъ отгороженныхъ мѣста, занятыхъ еще съ Москвы.

Кондукторъ увѣрялъ, что сидѣть и даже „ночевать въ общемъ салонѣ — превосходно“. Рыпинъ сейчасъ же занялъ мѣста на двухъ диванахъ. Вещей лежало немного — пассажиры пошли закусывать. Зина только что расположилась было съ ногами на одномъ изъ дивановъ, какъ вошла цѣлая семья купцовъ и втащили подушки, узлы и трехъ дѣвочекъ. Они заняли всѣ свободныя мѣста и кто-то изъ нихъ попросилъ даже Зину „прибрать маленько ножи“.

„C'est un comble!“ — по привычкѣ воскликнула она про себя, приподнялась, сѣла въ уголъ, полузакрyla глаза и часа два сряду глядѣла на лицо купчихи, отражавшееся въ зеркалѣ: оно висѣло противъ Зины.

„Вотъ и я такая же буду, если останусь въ этой странѣ“, — думала она, и впервые стало ее мозжить ожиданіе неволи, съ неотразимымъ чувствомъ непоправимости своего положенія.

Въ Москвѣ она уже „кусала себѣ локти“, но не такъ, не съ этимъ, вотъ, чувствомъ преступника, который знаетъ, что ему ужъ не выйти изъ своей тюремной, одиночной кельи, именно: „одиночной“. До замужества она совсѣмъ и не знала, что такое одиночество. Дни проходили всѣ такъ быстро и всегда на міру, точно въ непрестанной смѣнѣ спектаклей и приготовленій къ нимъ.

А теперь, съ мужемъ, она познала и познаетъ съ каждымъ лишнимъ часомъ, что такое настоящее постылое одиночество... Нечего имъ повѣрять другъ другу. Она избѣгаетъ уже всякаго горячаго разговора, — вѣдь такой разговоръ долженъ не нынче — завтра перейти въ бурную сцену; а кто возьметъ верхъ? При ея теперешнемъ физическомъ состояніи, вѣроятно, — онъ.

Глупой ложью и уродливой фальшью дохнули на нее всѣ фразы, вычитанныя ею во множествѣ романовъ, о

„слияніи“ двухъ душъ, умовъ, сердець. Да если бы Парменій Никитичъ былъ и совсѣмъ въ ея вкусѣ, никогда она не перестала бы чувствовать себя отдѣльно отъ мужчины.

„Est-ce qu'un est jamais à deux?“ — спросила она себя, и вопросъ немного утѣшилъ ее.

Другіе только тѣшать себя. Никто не можетъ „сливаться въ одно“... И никогда этого не будетъ у женщины.

Взглядъ на мужа, сидѣвшаго у окна, съ его блуждающей улыбкой и папирсой, еще болѣе убѣдилъ ее въ ту минуту, что ея одиночеству не будетъ конца...

Поездъ ползъ по-черепаши. Безпрестанныя остановки казались Зинѣ нелѣпыми и несносными, какъ и все остальное.

II.

Отъ маленькой *** полустанціи Рынины поѣхали въ тарантасъ; еще хорошо, что нашелся и такой: купеческій, огромный, съ сѣномъ внутри и неподвижнымъ верхомъ, пропитанный запахомъ дегтя. Рынинъ телеграфировалъ начальнику станціи о приличномъ экипажѣ, но его нельзя было достать, а просить объ этомъ кунца, владѣльца Ширяева, онъ самъ не хотѣлъ. Зина и въ воображеніи своемъ не представляла себѣ подобнаго „véhicule“. Она съ трудомъ поднялась туда, чуть не ушибла ногъ, завязла ею въ желѣзной сквозной подножкѣ, ее поддерживали и горничная Милли, и мужъ, и сторожъ. Ямщикъ разсмѣялся, а за нимъ и нѣмка. Рынинъ былъ веселъ, а ей хотѣлось всѣхъ ихъ проглотить. Никогда еще не приходилось ей чувствовать себя до такой степени тяжелой, почти неуклюжей въ движеніяхъ, наконецъ, просто смѣшной. Развѣ гдѣ-нибудь въ Европѣ ее заставили бы забираться въ подобную „saleté“, какъ этотъ тарантасъ: развѣ тамъ кучеръ или лакей, или эта самая глупая Милли осмѣлились бы ухмылиться и даже хохотать?..

И все это надо было вынести и соглашаться съ мужемъ, чтобы не дѣлать при людяхъ сценъ, что внутри тарантаса покойно, когда тамъ надо сейчасъ же лечь, какъ на постель, на сѣно, покрытое одеяломъ, болтаться изъ стороны въ сторону и глядѣть на грязные обрывки холста, оставшіеся отъ внутренней обивки верха. Ночь

Зина спала отвратительно, да еще должна была на разсвѣтъ пересѣсть въ другой поѣздъ.

Поѣхали они проселкомъ, съ бубенчиками и двумя колокольчиками. Ихъ звонъ и гулъ отдавались въ головѣ и тянули за душу своей безконечностью и „глупой“ ненужностью. Ямщикъ, въ одной бѣлой рубахѣ, гналъ лошадей и выдѣлывалъ смѣшные жесты локтями, безпрестанно толкалъ лѣвымъ локтемъ Милли, и та продолжала смѣяться. Ее все чрезвычайно занимало, да и на губахъ Рынина появилась опять противная Зинѣ блуждающая усмѣшка. Такъ надо было проѣхать слишкомъ двадцать верстъ. Изъ-за кожанаго фартука Зина видѣла только небо, очень голубое, совсѣмъ безъ облаковъ. Справа, въ скважину между фартукомъ и бокомъ тарантаса,—все ту же дорогу, черную, потрескавшуюся отъ засухи, съ клубами темно-сѣрой пыли, и хлѣбъ—то совсѣмъ желтые, готовые къ жнитву, то по бурѣ, то сизо-зеленоватые, то съ бѣлыми, то съ красноватыми цвѣточками, то съ густой темно-зеленой листвою, съ трубочками и кистями.

И такъ безъ перерыва, нѣсколько верстъ, по одной плоскости, съ легкими спусками и подъемами. Одному оврагу—по его склонамъ росъ молодой дубнякъ—она обрадовалась, но тутъ же испытала ненавистное ей чувство испуга; внизу, черезъ ручей, мостъ состоялъ изъ двухъ-трехъ бревенъ, прикрытыхъ хворостомъ и навозомъ; тарантасъ сильно накренило на-бокъ, и тотчасъ же послѣ того ямщикъ ухнулъ, а тройка вскачь вынесла ихъ наверхъ.

— Молодецъ!—крикнулъ Рынинъ, обернулся къ Зинѣ, и глаза его заблестали.

Онъ что-то такое началъ говорить о необозримости русскихъ полей, но она отвернула отъ него голову и закрыла глаза; про себя она вымолвила съ сильнымъ отѣнкомъ презрѣнія:

— Roseur! Va!

Она знала одно: душно, пыльно, уныло до отчаянья, запахъ дегтя и кожи, мухи, звонъ и гулъ, качка тарантаса. И хоть бы какой-нибудь пейзажъ, лѣсокъ, что ли, перспектива, селеніе. Всего одинъ разъ, очень далеко, увидѣла она темный профиль старой деревянной церкви. А потомъ опять пошло то же.

— „Опять поля, кругомъ поля!“—вдругъ задекламировала Рынинъ.

— Qu'est-ce?—почти съ испугомъ спросила она, и даже подняла туловище.

Рынинъ не останавливался, усиливаль свой паеосъ и до-
кончилъ все стихотвореніе.

— Вы не знаете, чьи это стихи?—спросилъ онъ ее съ
улыбочкой, тономъ учителя.

— Не знаю,—отвѣтила она вызывающимъ голосомъ,—
да и знать не желаю!..

Зина пристыдила самой себя. Это вышло грубо, глупо,
глупѣе того—на ея оцѣнку—напускного паеоса ея мужа.
Она начала тутъ же вспоминать, что это стихотвореніе
она слыхала чуть ли не отъ заграничнаго батюшки или
отъ того псаломщика, который училъ ее „словесности“.

— Вамъ и Майковъ не знакомъ?—уже злѣе сказалъ Ры-
нинъ, и также выпрямилъ свой станъ.

— А развѣ это преступленіе?

Опять глупо вышло, и все оттого, что по-русски. Она
никогда не выберется изъ рѣзкостей и безтактныхъ отвѣ-
товъ. Но съ какой же стати будетъ она вѣрить въ поэти-
ческое настроеніе Парменія Никитича, въ его лиризмъ и
патріотизмъ? Она и забыла совсѣмъ, что у него было на
это маленькое право: онъ подѣлжалъ къ селу, гдѣ, ка-
жется,—она навѣрное не знала,—родился и провелъ дѣт-
ство. Такихъ чувствъ она не пашла въ себѣ. Какое, для
нея, родное мѣсто? Гдѣ она родилась? Конечно, въ Мо-
сковѣ; но гдѣ именно, въ какомъ домѣ, на какой улицѣ—
она объ этомъ даже и не полюбопытствовала узнать отъ
своей матери... Да и не все ли это равно?

Голосъ и тонъ мужа вызвали въ ней еще болѣе досад-
ное чувство на себя. Она, по своей винѣ, допустила вы-
казать ей такое презрительное превосходство — учителя
къ дѣвчонкѣ-невѣждѣ, и вѣдь она читала, навѣрное, больше
него—разумѣется, на европейскихъ языкахъ, особенно по-
англійски. Начни она сейчасъ спрашивать его, такъ онъ
и заглавій-то не знаетъ тѣхъ томовъ, какіе она прочла.
И не однихъ романовъ...

А вотъ теперь онъ повернулъ лицо къ своимъ толстымъ
„полямъ“ и все съ той же улыбочкой убѣдился — въ ко-
торый только разъ?—въ своемъ безусловномъ превосход-
ствѣ надъ ней.

И чтò это за истины „à la Joseph Prudhomme“ или „mon-
sieur de la Palice“? Ну, поля? А потому что? Безграничныя,

безбрежныя... Это глупость!.. Вотъ черезъ часъ ее привезутъ въ село Ширяево.

Стало, не безграничныя... Да и всѣ эти возгласы, фразы передъ безграничностью моря, — развѣ они не осмѣяны вездѣ, въ карикатурахъ, въ разныхъ фарсахъ и подписяхъ?..

Она вспомнила, изъ одного журнала, фигуру буржуа— во вкусѣ господина Прюдома,—восклидающаго, въ экстазѣ, на берегу какого-то морского купанья, въ Дьеппѣ или Этретѣ:

— „Que d'eau!“

И ей захотѣлось спародировать это восклицаніе и крикнуть:

— Que de mangeaille!

Но къ чему? Онъ этого не стоить, со всѣми своими фальшивыми чувствами и плохой декламаціей русскихъ стиховъ. Можетъ-быть, только эти „Поля“ и знаетъ наизусть.

И совсѣмъ онъ не тронуть, не взволнованъ родиной, близостью „праха“ своихъ родителей, русской „ширью“, а просто обдумываетъ покунку имѣнія у купца, все то, какъ онъ его прижметъ. Самодовольно думаетъ и о ней, своей женѣ, объ этой „ресоге“, которую онъ подвелъ такъ ловко: дать ему сорокъ тысячъ на выкупъ родовой „вотчины“ (что за напыщенное слово!) для ихъ будущихъ дѣтей, когда она прекрасно знаетъ, что у нея дѣтей не будетъ! Это ей весьма ясно и безъ всякихъ смягченій сказалъ недавно спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ.

Вотъ что вызываетъ эту улыбку, а совсѣмъ не сыновнія чувства и не поэзія русскихъ полей!..

Лошади стояли, оводы ихъ давно уже донимали. Задняя телега отстала, звукъ колокольчика еле доносился. Рынинъ заботливо, раза два, поглядѣлъ назадъ: она ли ѣдетъ? На той парѣ везли огромные сундуки барыни и сидѣлъ лакей Никифоръ, бывший полковымъ денщикомъ Рынина, отслужившій свой срокъ, малый огромнаго роста и солдатской выправки, что тоже не нравилось Зинаидѣ Мартыновнѣ.

Когда она увидала, какъ мужъ оборачивается назадъ, она, въ свою очередь, улыбнулась и придерживала на запекшихся отъ жара и пыли губахъ эту улыбку.

Багажъ его беспокоить; въ этомъ беспокойствѣ — на-

стоящій Рынинъ, а не въ стихахъ и не въ фальшивомъ блескѣ его желто-сѣрыхъ жесткихъ глазъ, гдѣ она еще не подглядѣла ни одного милаго выраженія, способнаго привлечь не то что ужъ женщину, — кого бы то ни было...

— Дай имъ догнать! — крикнулъ Рынинъ ямщику и спросилъ его: — Хорошо знаешь дорогу въ Ширяево?

— Какъ не знать, батюшка? Мы тутешніе!

— Ты откуда? — серьезнымъ помѣщичьимъ звукомъ захотѣлъ узнать Рынинъ.

— Изъ Подзайцева. Подзайцевскіе мы!..

— Помню, — точно про себя выговорилъ Рынинъ.

„Roseur! Roseur!“ — начала повторять мысленно Зина, и опять закрыла глаза, легла на подушку всей головой, закуталась въ газъ и пролежала такъ больше получаса. Жаръ все сильнѣе дышалъ ей въ лицо, пыль бѣла глаза, бубенцы и колокольчикъ зазвенѣли и загудѣли въ ритмъ задержанной рыси. Въ одномъ мѣстѣ трихнуло, потомъ — крутой поворотъ...

— Vois, Zina! Voici notre clocher! — разбудилъ ее отъ дремоты мужъ и взялъ за руку.

— Hein? — откликнулась Зина тѣмъ парижскимъ звукомъ, который Рынину былъ особенно неприятенъ.

— Notre clocher! — повторилъ онъ, отстегнулъ фартукъ своей стороны и высунулся наружу.

— Qui n'est pas à nous, — проговорила Зина, но дальше не продолжала.

Она тоже начала глядѣть вдаль. На небѣ уже совершенно отчетливо выдѣлились бѣлая колокольня и зеленая крыша купола полу-итальянской архитектуры, повсемѣстной съ николаевского времени и въ городахъ, и въ селахъ; можно уже было различить и темныя купы деревьевъ.

Лицо Рынина все оживлялось, онъ жадно глядѣлъ впередъ. Зрѣніемъ онъ отличался съ дѣтства, и въ кампаніи даже поражалъ имъ товарищей. Онъ уже превосходно распознавалъ не только очертанія сада съ липовыми аллеями, но и домъ съ красной крышей, и шпиль флюгера надъ каменной конюшней, и зелень посвѣтлѣе фруктоваго сада, спускающагося по пригорку, позади риги.

Онъ началъ все это объяснять Зинѣ. Она продолжала подѣ каждымъ его словомъ и новой чертой возбужденнаго лица предполагать или „позу“, или самодовольство

отъ ловкаго „*coup de filet*“, или тщеславіе обѣдѣвшаго барина.

Тарантасъ спустился, въ послѣдній разъ, въ оврагъ; усадьба исчезла. Въ оврагѣ такой же почти убогой мостикъ, и такъ же ухнулъ ящикъ при крутомъ подъемѣ.

— Вонъ и Ширяево! — показалъ онъ господамъ и выговорилъ имя села съ мѣстнымъ крестьянскимъ произношеніемъ.

И усадьба была уже какъ на ладони. Рынинъ еще сильнѣе высунулся. Зина поднялась окончательно, сбѣла съ выпрямленной спиной,правила платье и газовую вуаль на головѣ.

— *Où descendons-nous?* — спросила она мужа небрежно и не глядя на него.

Ей уже было извѣстно, что Рынинъ писалъ бывшему камердинеру своего отца, содержащему въ селѣ шинокъ, что они у него останутся и чтобы для барыни былъ приготовленъ диванъ отдохнуть. Попа онъ лично не зналъ, да и не хотѣлъ, чтобы пошли по селу лишніе разговоры; онъ только послалъ ему эстафету, чтобы ко второму часу причтъ пришелъ въ ограду, гдѣ лежали его родители, отслужить панихиду. Вечеромъ они отправятся въ уѣздный городъ—всего двѣнадцать верстъ—и тамъ поживутъ, пока онъ не покончитъ съ покупкой. Содержателю гостиницы въ уѣздномъ городѣ была уже послана депеша.

Все это Рынинъ по-французски повторилъ женѣ и прибавилъ, что просить „*un gîte*“ у купца Чернопалова было бы безтактно. Она промолчала. Опять оживилось лицо ея мужа и заблестали глаза. Вотъ жиденькая дубовая рошница, бывший когда-то „заказникъ“, съ тѣхъ поръ узнавшій разгромъ имѣнія, проданнаго съ аукціона; въ нее онъ мальчикомъ ходилъ съ дядькой изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеровъ и вспомнилъ, что дядька выговаривалъ не „дерево“, а „древу“, а его, „Меню“—такъ его звали дома—называлъ „дитѣ“ и обращался къ нему всегда въ третьемъ лицѣ. Говорилъ, напримѣръ, такъ:

„Дитю не слѣдуетъ обдирать древо—это непригоже“.

За рошницей пошли зады „однодворческой“ слободы, по-тамошнему, государственныхъ крестьянъ; ихъ въ селѣ было въ его дѣтствѣ до шестисотъ душъ, а у отца—всего полтора, въ этой вотчинѣ. Однодворцы жили съ нимъ въ яду. Опять у Рынина всплыла въ головѣ картинка.

Вечеръ, закатъ солнца, мягкій и дымчатый, послѣ знойнаго дня, въ рабочую пору. Онъ ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ и править лошадкой, жеребчикомъ, который прозывался „Пробникъ“—только не задолго передъ тѣмъ перевели конный заводъ. Отецъ—въ парусинномъ пальто и соломенномъ картузѣ, верхомъ, съ небольшимъ арапникомъ, рысцой. Передъ ними возъ со снопами. На возу, высоко, на брюхѣ, лежитъ крестьянскій паренъ изъ одного дворцевъ. Отецъ знаетъ, изъ какой онъ семьи. Подъѣхалъ тихонько и—хлысть его сзади арапникомъ. Тотъ оборачивается, снимаетъ шапку, смѣется и кричитъ:

— Микита Митричъ, чавѣ балуешься?!

Въ ушахъ его до сихъ поръ звучать еще теплый, немножко хриплый голосъ и мѣстный акцентъ парня съ удареніемъ на слогъ „си“ вмѣсто „ся“. И лицо его, широкое и безбородое, шляпа на затылкѣ, портки, рубашка съ отстегнутымъ воротомъ, шея, загорѣлая до груди. Все передъ нимъ, какъ будто онъ сейчасъ видѣлъ на этой вотъ дорогѣ.

Зады тянулись и на пригоркѣ, по ту сторону большого оврага, гдѣ долженъ быть, слѣва, прудъ. Можетъ, и его уже спустили. Онъ отошелъ, насколько Рынинъ помнилъ, къ отцовскимъ мужикамъ: они могли его, по нерадѣнію, загубить; и тогда еще, при старомъ баринѣ, въ половодье плотину чуть не каждый годъ прорывало.

Еще спускъ, но уже въ селѣ, переправа черезъ мостъ. Онъ былъ новый, крѣпкій, такой исправный, что Рынинъ спросилъ ямщика:

— Земство, что ли, постаралось?

— Нешто!—отвѣтилъ тотъ, но отвѣтилъ наобумъ; мостъ заново поставилъ купецъ Чернопаловъ, въ первый годъ своего хозяйства.

Тотчасъ послѣ подъема на горку, мимо крестьянскихъ бань и мшенниковъ, по пригорку, покрытому крапивой, тарантасъ взялъ направо вдоль порядка—прежде тутъ его не было. Сюда переселились бывшіе рынинскіе мужики, послѣ утвержденія уставной грамоты. Усадьба осталась по лѣвую руку. Она все еще не отгорожена со стороны оврага. Проездъ образовали службы, конюшня и контора. За ними потянулся дворъ съ постошенной травой; въ глубинѣ его—садъ и домъ съ красной крышей и мезониномъ, оштукатуренный и выкрашенный въ свѣтло-бурую

краску. Къ парадному крыльцу дорога вела кругомъ, отъ церкви.

— Василия Кузьмичева знаешь домъ?—спросилъ Рынинъ ямщика.

— Шинокъ держить?

— Да.

При словѣ „шинокъ“, Зина немного обернулась и вполголоса сказала:

— Est-ce que nous allons descendre dans un cabaret?

— Ахъ, мой другъ! — въ первый разъ вспыхнулъ Рынинъ, — дворца намъ здѣсь не приготовлено! Остановимся, гдѣ можно. Въ полѣ нельзя же, какъ цыгане.

Все это онъ, какъ бы нарочно, сказалъ по-русски. Зина тоже по-русски, не глядя на него, отвѣтила:

— Не понимаю только, зачѣмъ вы меня сюда везете? Мнѣ этого имѣнія не надо!..

— Не понимаете?—переспросилъ Рынинъ и сильно поблѣднѣлъ.

Зина не видала этой блѣдности, но въ голосѣ его что-то дрогнуло и дало ей знать, какъ онъ разсердился.

„Тѣмъ лучше!“—подумала она.

Домикъ Василия Кузьмичева стоялъ въ концѣ новаго поселка, наискосокъ господскаго коровника. Въ одной половинѣ былъ шинокъ съ особымъ ходомъ; въ другой—двѣ чистыхъ горницы съ крылечкомъ подъ соломенной крышей, какъ всѣ дворы, даже и домъ священника, виднѣвшійся неподалеку, вправо отъ господскаго палисадника.

Къ тараптасу сбѣжалъ принимать гостей Василий Кузьмичевъ съ женой, которую покойный отецъ Рынина — она служила горничной у его двоюродной сестры—звалъ „Анета Прекрасная“. За ними вышелъ и батракъ, паренекъ лѣтъ шестнадцати, въ ситцевой рубашкѣ и нанковой короткой поддѣвкѣ. Бывшій камердинеръ смотрѣлъ уже писаремъ,—онъ и служилъ въ писаряхъ еще недавно, — носилъ длинные усы на блѣдномъ кругломъ лицѣ породистаго двороваго. Онъ приодѣлся въ черный сюртукъ и выпустилъ цѣпочку по матерчатому жилету. Жена его была малорослая, еще моложавая, блѣлая женщина, чистоплотная, одѣтая, какъ горничная, въ шерстяномъ клѣтчатомъ платьѣ. На ея загорѣломъ кругломъ личикѣ торчалъ пугровкой носъ; волосы были закручены въ густую косу.

Рынинъ вылезъ первымъ и далъ себя поцѣловать въ

плечо и въ руку. Кузьмичевы встрѣтили его какъ барина, сдержанно выразили свою радость и бросились высаживать Зинаиду Мартыновну. И ее мужъ и жена поцѣловали въ плечико и въ ручку.

Василій толково, безъ поспѣшности, пригласилъ ихъ „пожаловать“ въ свою „хату“ и сейчасъ же доложилъ, что приготовлена кушетка отдохнуть барынѣ, что самоваръ дожидается, и „закусочка, чѣмъ Богъ послалъ“.

Все это было Рынину пріятно слышать; онъ узнавалъ въ говорѣ и пріемахъ Кузьмичева дворовыхъ хорошей школы, которые теперь выводятся, и замѣтилъ Зинѣ объ этомъ по-французски. Она спустилась съ пугавшей ее подножки тарантаса, какъ бы въ недоумѣніи, и оглянулась во всѣ стороны, молчала и не могла даже улыбнуться. Ей все это было такъ чуждо и несвойственно, точно она попала въ страну, чрезъ которую ѣдутъ „Богъ знаетъ“ куда. А между тѣмъ, и Василій Кузьмичевъ, и его „Анета Прекрасная“ говорили и вели себя, дѣйствительно, съ большимъ тактомъ, и самый звукъ ихъ рѣчей отзывался мягкостью, былъ гораздо пріятнѣе манеры говорить ся мужа, напоминалъ ей „le parler moscovite“ Теняшева.

Василій взялъ ее нѣжно подъ локоть, когда ей надо было подняться на крылечко, и сказалъ бережно:

— Головку извольте нагнуть, двери-то у насъ низменны.

Онъ это сказалъ, оборачиваясь. въ то же время, и къ Рынину: тому еще ниже приходилось нагибаться при его чуть не десяти-вершковомъ ростѣ.

Сѣни, съ землянымъ, довольно чистымъ поломъ, Зина прошла безъ чувства гадливости. Въ первой горницѣ, оклеенной обоями, было и свѣтло, и опрятно; на стѣнахъ—картинки, въ окнахъ—цвѣты; накрытый скатертью столъ передъ соломеннымъ диваномъ съ самоваромъ, разными закусками и двумя бутылками—водки и меда.

Справа, за перегородку, вела дверка, и тамъ приготовили барынѣ низкій турецкій диванъ и двѣ подушки съ наволочками въ кисейныхъ оборкахъ.

— Прикажете, сударыня, заварить?—спросила ее Анета.

Рынинъ отвѣтилъ за жену, сѣлъ сейчасъ же у стола. Зинѣ предложилъ онъ лечь, отъ чего она отказалась. Тогда Анета доложила, что въ горенкѣ за перегородкой приготовлено умыться, и провела туда тотчасъ же горничную, которой все объяснила, больше жестами, чѣмъ за-

ставило Милли нѣсколько разъ приснуть отъ веселаго настроенія.

Зина умываться не пожелала, но пошла за порегородку—освѣжить лицо одеколономъ и дать себя вычистить.

Анета принялась наливать чай Рынину. Онъ разстегнулъ китель, курилъ свою папиросу-пушку и сидѣлъ въ позѣ ласковаго барина, захотѣвшаго потолковать съ приказчикомъ. Василій сталъ поодаль, у печки, прямо противъ него. Солиде, смягченное коленкоровой занавѣской, лежало матовымъ слоемъ на его блѣдномъ лицѣ, русыхъ военныхъ усахъ, складкахъ его сюртука и цвѣточкахъ жилета.

Разговоръ сейчасъ же пошелъ о деревнѣ, о владѣльцѣ усадьбы, его дѣлахъ, о мужикахъ—бывшихъ „господскихъ“ и „однодворцахъ“. Василій служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ купцомъ, отчасти прямо, отчасти черезъ одного изъ мировыхъ судей: — тотъ вызвался самъ, по перепискѣ, помочь Рынину въ обратномъ приобрѣтеніи родовой вотчины отъ „кошатника, вообразившаго себя лордомъ-мэромъ“ — такъ писалъ мировой, отставной морякъ, поклонникъ литературы, сочинившій даже пьесу, которую онъ присылалъ Рынину въ Петербургъ съ просьбой о представленіи въ цензуру и театральнѣй комитетъ.

А „кошатникъ“ — по мѣстному презрительному термину—дѣйствительно бывалъ въ головахъ и даже въ этомъ званіи и запутался въ общественныхъ суммахъ и операціяхъ по земскимъ подрядамъ. Василій сейчасъ же сдѣлалъ Рынину описаніе его личности, свободно, легко и не безъ юмора; указалъ и на то, на чемъ этотъ Чернопаловъ всего больше „ловится“.

— Чрезвычайно, Парменій Никитичъ,—докончилъ Василій свою характеристику, — всѣ такіе купцы, что въ господа лѣзутъ, честь свою охраняютъ...

— А какъ же онъ... запутался? Стало, проворовался?—возразилъ съ улыбкой Рынинъ.

— Это точно; только у нихъ двѣ чести: одна въ дѣлахъ, а другая—какъ себя потоньше соблюсти, во всемъ... чтобы по-дешевльменски.

При этомъ Василій выпрямился, выпятилъ грудь и откинулъ голову.

Выражался онъ съ такимъ современнымъ отѣпкомъ потому, что былъ еще далеко не старъ, лѣтъ за сорокъ, а также потому, что мальчикомъ, при старомъ баринѣ,

наряду самой эмансипацией, былъ пристрастенъ къ газетамъ, журналамъ и книгамъ, читалъ много и даже самъ сочинялъ комитескіе куплеты. Теперь, въ содержателяхъ шинка, онъ многое потерялъ изъ прежняго своего языка, но Рынинъ помнилъ, что въ первый его прѣздъ въ Ширяево, послѣ смерти отца, Василій удивилъ его своей развитостью и, при этомъ, совсѣмъ не былъ смѣшонъ, употребляя выраженія образованныхъ людей. Такія слова, какъ „соціалистъ“, „прокламація“ и „джентльменски“ выговаривалъ онъ свободно и съ такимъ барскимъ звукомъ, какъ и самъ Рынинъ или покойный Никита Дмитричъ. Память у него была превосходная, и онъ, бывало, молодымъ малымъ могъ проговорить даже наизусть большіе отрывки изъ „Рыцаря на часъ“, зналъ заглавія и содержаніе рѣшительно всѣхъ разсказовъ изъ „Записокъ охотника“.

За перегородкой Зина сейчасъ же обратила вниманіе на эту свободную рѣчь Василя и нашла даже, что онъ „beaucoиr plus d'іole“, чѣмъ ея мужъ.

Купецъ Чернопаловъ былъ извѣщенъ Рынинымъ, и утромъ Василій ходилъ къ нему. Угощенія Рынинъ не желалъ принимать, и Василій долженъ былъ это дать почувствовать кушцу, что онъ и сдѣлалъ. Чернопаловъ ждалъ у себя Рынина послѣ панихиды, которая была заказана къ часу.

Не преминулъ Василій оговориться и насчетъ своего шинка, когда Рынинъ сталъ его спрашивать, какъ идутъ его собственныя дѣла. Онъ завелъ шинокъ съ чайной въ расчетъ на нѣкоторый барышъ—онъ этого не скрывалъ,—но съ охотою отъ такой, какъ онъ выразился, „коммерціи“ отказался бы и даже крѣпко объ этомъ подумываетъ. У него было три-четыре десятины коноплянника, и ему—достаточно. Аннушка завела коровенокъ, и имъ жаловаться нечего. Дѣтей не родилось. Онъ ни однимъ словомъ не поддѣлался къ Рынину, въ виду того, что могъ попасть къ нему въ нарядчики, о чемъ онъ, кажется, не особенно мечталъ. О мужикахъ Василій говорилъ не сладко, но и безъ враждебности или глумленія, хотя съ особымъ отгѣнкомъ. Себя онъ, мимоходомъ, опять выгородилъ; хотя-де у него есть продажа вина, но на селѣ дѣлныхъ три шинка, и у другихъ, настоящихъ кабатчиковъ, дѣла идутъ гораздо бойчѣе; онъ и чай держитъ, больше для чаю къ нему и ходить; а что пропился народъ—это вѣрно!..

— Да полно, такъ ли?—нарочно усомнился Рынинъ. Тутъ Василій отступилъ шага на полтора отъ печки и сталъ говорить оживленнѣе, даже позволилъ себѣ нѣсколько жестовъ правой рукой; лѣвую онъ держалъ за спиной.

— Какъ же не такъ, Парменій Никитичъ?—убѣжденно воскликнулъ онъ и началъ приводить факты; они у него полились струей.

Про бывшихъ рынинскихъ мужиковъ онъ не скрылъ, что ихъ положеніе — куда не красиво; надѣлъ имъ достался самый скудный, по обязательному выкупу. Рынинъ не возражалъ. Податей сходить столько съ душевого надѣла, что нѣтъ никакой возможности „справить ихъ“ тѣмъ, что получишь съ надѣла, даже и въ томъ случаѣ, коли съ Рождества сидѣть уже на покупныхъ хлѣбахъ. Безъ съемки чужой земли никто бы не прокормился, а отхожихъ промысловъ—Парменій Никитичъ самъ знаетъ—въ этихъ мѣстахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ. Аренда поднялась „до чрезвычайности“; купцы, да прасолы, да попы съ дьячками—сильные и ловкіе соперники. Василій, въ особенности, напиралъ на поповъ и говорилъ о нихъ съ усмѣшкой. И выходило, что бывшимъ рынинскимъ крестьянамъ и безъ водки-то только еле дышать можно, а „горечъ“ и въ нихъ дѣйствуетъ, однако, умеренно.

Но однодворцевъ Василій головой выдавалъ и не находилъ для нихъ никакого оправданія.

— По семи десятинъ на душу они получили,—все оживленнѣе доказывалъ онъ,—извольте только, Парменій Никитичъ, сообразить: по семи десятинъ, слѣдственно, на любую семью, которая посильнѣе, до тридцати десятинъ... А теперь какія цѣны? Вотъ Чернопаловъ въ затрудненіи, и его всякій прижметъ, однако, дешевле ста двадцати рублей вы врядъ ли обратнo получите вотчину, опять же безъ строеній. Ежели съ воли, у того же однодворца, случись у него своя земля — полтора ста, и никакихъ разговоровъ! По скольку это выйдетъ? По тысячѣ рублей на каждую душу въ землѣ досталось. И не угоднo ли вамъ, для примѣра, обозрѣть ту слободу за церковью—тамъ дворовъ полтора ста стоитъ, — коли мы на четыре двора больше одной лошади найдемъ — извольте меня вральманомъ обозвать, я свое получу безъ всякаго неудовольствія! — Василій сдержанно разсмѣялся. — Пахать не на чемъ! Скотины, коровенокъ, свиней тамъ что ли...

овець по двѣ штуки на дворъ не придется. А прежде, до того, какъ ихъ устраивали по-новому, окружное-то начальство нешто такіе порядки терпѣло? Тогда въ каждомъ дворѣ все было въ исправности, что твоя пожарная команда! Я ужъ на возрастѣ былъ въ тѣ поры, и все это превосходно помню. Въ настоящую же минуту—одна голытьба.

Весь этотъ обвинительный докладъ бывшего дворового Зина слышала и за перегородкой, и въ горницѣ, у стола. Анета предложила ей чаю, подставила кринку со сливками и домашнихъ лепешекъ. И то, и другое Зина начала кушать съ аппетитомъ. Василій, при ея появленіи, смолкъ было, но она сдѣлала ему знакъ головой, чтобы онъ продолжалъ. Рынинъ поглядѣлъ на нее многозначительно: „прислушайтесь, молъ, все это для васъ совершенно ново“.

Онъ указалъ ей глазами и на сервировку стола, весьма приличную, на сыръ, сардинки и бутылку красного вина съ этикеткой московской виноторговли Депрѣ.

— Почему у васъ,—позволила она себѣ спросить, прислушиваясь къ своему языку,—такъ пусто... нѣтъ зелени... садовъ?

Василій почтительно усмѣхнулся и сейчасъ же отъкашлянулъ въ руку.

— Помилуйте, Зинаида Мартыновна, — онъ уже справился о ея имени, отчества, — какіе сады?.. Этого по нашимъ мѣстамъ и требовать гдѣ ужъ! Огородикъ-то, грядки три-четыре, ну, капустки, лучку, рѣпки — такъ и то, на двадцать дворовъ, у однихъ хозяевъ врядъ ли найдете... Приди, къ примѣру, господа пруссаки, которые насчетъ контрибуцій охочи, — безъ своихъ консервовъ въ селѣ Ширяевѣ и лѣтомъ сядутъ на пищу святого Антонія!..

— Ха-ха-ха! — громко расхохотался Рынинъ. — Молодецъ Василій! *Beaucoup d'esprit naturel, n'est-ce pas?* — замѣтилъ онъ въ сторону Зины.

Она перевела губами.

— Почему же все это такъ? — выговорила она.

— А все потому же-съ, — еще болѣе оживился Василій, ободренный смѣхомъ Рынина, — все отъ того же горькаго напитка!

— Но вы, — она затруднилась немного, — сами продаете имъ вино?

Василій слегка смутился. Анета вся вспыхнула; она

наливала чай Рынину, — и бросила боковой взгляд на Зину.

— Это точно, — отвѣтилъ, съ усмѣшкой, уже оправившійся Василій, — ваше слово правильно, Зинаида Мартыновна: потому мнѣ и самому въ тягость мое чайное заведеніе съ раздробительной продажей. Но, по совѣсти вамъ скажу и Парменію Пикитичу, какъ сосчитать, что у меня однодворцы за круглый годъ выпьютъ — это ихъ не разорить. Да ко мнѣ они, можно сказать, и не ходятъ. Кредиту я не оказываю, вещей не принимаю. Безобразій у меня также не бываетъ; не угодно ли по всей волости дознаніе произвести?..

Анета вздохомъ облегчила себя и молодымъ своимъ, высокимъ голосомъ спросила Зину:

— Прикажете, матушка, еще чашечку?

„Матушка“ Зинѣ не очень понравилось.

Василій давно уже понялъ, что барыня „совсѣмъ заграничная“. Ея вопросъ, довольно для него неожиданный и не безъ ехидства, не возбудилъ его противъ нея; онъ и самъ далеко не прочь былъ пораздумать и потолковать объ „общественныхъ вопросахъ“.

Онъ этимъ сейчасъ же и воспользовался.

На желаніе Рынина узнать, сколько дворовъ теперь у бывшихъ господскихъ, ушедшихъ послѣ освобожденія на новый порядокъ, Василій сообщилъ, что дворовъ „чуть ли не двойной комплектъ“, потому, собственно, что всѣ начали дѣлиться. Рынинъ высказался, разумѣется, противъ раздѣловъ; за нихъ и Василій не стоялъ, но прибавилъ, что, по теперешнему „духу“, это неизбежно и ничѣмъ отвратить раздѣловъ нельзя, а идетъ оно, главнѣе всего, „отъ женскаго сословія“. Онъ улыбнулся въ сторону Зины; улыбнулась и Анета, все еще хлопотавшая около самовара и закуски.

— Плохое имъ житье, Парменій Никитичъ! — закончилъ онъ про бывшихъ рынинскихъ крестьянъ, и даже вздохнулъ. — Какъ приглядѣться, повѣрьте чести, иной разъ и удивляться нечего тому, что господа социалисты изволятъ проповѣдывать...

Эта фраза, сказанная полусутоливо, заставила Зину быстро поглядѣть сначала на Василія, потомъ и на Рынина.

— Il a peut-être raison, — выговорилъ тотъ въ отвѣтъ на ея изумленный взглядъ.

Лакей пришелъ спросить: не угодно ли барину надѣть сюртукъ. Рынинъ былъ въ кителѣ. Василій напомнилъ тутъ, что священники, должно-быть, готовы, въ оградѣ. Пробило часъ на стѣнныхъ часахъ съ гирями.

Рынинъ пошелъ съ лакеемъ переодѣться въ комнату. Василій попросилъ позволенія за себя и за жену—сходить съ господами на панихиду.

— Très dévoué,—громко сказалъ Рынинъ изъ-за перегородки.

Зина промолчала. Милли подала ей шляпу и зонтикъ. Аннушка извинилась въ томъ, что зеркало, которое висѣло въ простѣнкѣ, тускло и „чуть-чуть кривить личико“. Если бы что-нибудь помѣшало Зинѣ идти на кладбище,—она была бы чрезвычайно рада, но напускать на себя слабость она боялась: пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ навличете что-нибудь. Она еле выносила заупокойную службу, запахъ ладана и пѣніе простыхъ дьячковъ. Да и не было въ ней никакого желанія, даже наружно, участвовать въ „декорумъ“ родственныхъ чувствъ Парменія Никитича.

Василій что-то началъ сообщать Рынину дѣловымъ тономъ. Она прислушалась.

— Никакой вѣтъ возможности,—говорилъ онъ, стоя у полуотворенной двери въ комнату. — Вы отцу Арсенію изложили бы внушить, Парменій Никитичъ. Третій замокъ вламываютъ. Вѣдь это кощунство называется.

— Еще бы!—крикнулъ Рынинъ.

— И всѣ речейки на чугуновой оградѣ обломаны... да и спицъ много уже не хватаетъ. Отцу-то Арсенію надо бы православныхъ усовестить. Покойниковъ обкрадываютъ. Шапенька-то его, вѣдь, въ попы посадилъ, и землицей его, и сѣменами... и лошадь въ тѣ поры презентовали! А его дѣло—сторона: онъ знай кубышку свою набиваетъ, да въ городъ ѣздитъ проценты по купонамъ получать.

Зина поняла, что рѣчь идетъ объ оградѣ, гдѣ „прахъ“ родителей Рынина, и это оставило ее равнодушной.

— Я скажу ему,—строго выговорилъ ей мужъ,—это...

— Êtes-vous prêt?—громко окрикнула она его и перебила его рѣчь.

— A vos ordres!—отвѣтилъ онъ и тотчасъ же вышелъ въ застегнутомъ сюртукѣ.

Изъ дома Кузьмичева двинулись господа, за ними Василій, Анета и камердинеръ Рынина, поодаль. Милли

осталась на крыльцѣ и съ новымъ любопытствомъ оглядывалась на пса.

Могила отца съ матерью, дѣда и даже прадѣда Рынина, каждая съ высокимъ мраморнымъ памятникомъ, помѣщались за чугунной рѣшѣткой, саженяхъ въ десяти отъ крестьянскаго кладбища. Дорогой, Василій, идя сейчасъ за господами, продолжалъ докладывать, до какой степени набаловался народъ: мало того, что три замка украли, у деревьевъ—рябины и клѣна—сучья обломали. И трава на самыхъ могилахъ вокругъ потоптана. Онъ даже сдѣлалъ жестъ, по которому Рынинъ могъ догадаться, что и еще хуже было надѣлано...

— Eh bien?—вдругъ замѣтила ему Зина, и даже оставила его—они шли подъ руку,—votre peuple archireligieux? C'est du propre!..

Рынинъ только покраснѣлъ немножко. Онъ не желалъ подходить къ могиламъ отца и матери въ раздраженномъ настроеніи. А тутъ—этотъ Василій со своими подробностями дѣйствительно „свинскаго“ поведенія крестьянъ, мерзкихъ какихъ-нибудь мальчишекъ... Онъ сдержалъ свое желаніе дать отпоръ Зинѣ и ускорилъ шагъ.

Причтъ уже больше четверти часа дожидался на самыхъ могилахъ. Священникъ—отецъ Арсеній—въ плисовъ черной ризѣ, закапанной воскомъ, сидѣлъ на каменномъ выступѣ; рябоватое и веснучатое лицо его, загорѣлое и унылое, всплыло прежде всего передъ глазами Зины. Рыжеватые, колпистые волосы лоснились отъ коровьяго масла. Сидитъ онъ въ скучающей позѣ и думаетъ, въ эту минуту, о томъ, высылать ли завтра косить рожь, или еще подождать дёпекъ? И Рынинъ прошелся взглядомъ по фигурѣ священника, и раздражительное настроеніе его усилилось... Онъ нашелъ, что попу не слѣдовало садиться,—почти на самый памятникъ. Припомнилось ему тутъ же, какъ отецъ говорилъ попу „ты“ и сажалъ въ кабинетъ какъ можно дальше отъ себя, находя, что отъ него идетъ невыносимый запахъ смазныхъ сапоговъ...

Позади священника помѣстились дьяконъ, въ такомъ же плисовомъ стихарѣ, и два дьячка въ нанковыхъ подрясникахъ; дьячки бородатые, матерые, оба ростомъ съ Рынина. Они тоже присѣли, кто на ограду, кто и на траву, покрывавшую выпуклости могилъ.

— Съ пріѣздомъ!—поздравилъ отецъ Арсеній Рынина хриплымъ теноровымъ голосомъ.

Подъ благословеніе Рынинъ къ нему не подошелъ, что Зина про себя отмѣтила. Ея обоняніе уже задѣлъ запахъ ладава, дешеваго, деревенскаго.

— Приступите, — почти строго выговорилъ Рынинъ, вы-свободилъ руку Зины и снялъ фуражку.

Зина стала у рѣшетки и взялась за одинъ изъ уцѣлѣвшихъ репьевъ ея. Рынинъ вошелъ въ ограду. Начали панихиду. Священникъ произносилъ свои возгласы немного въ носъ, пѣлъ хрипловатымъ теноромъ; дьяконъ, молодой еще малый, старался и тянулъ послѣднія ноты такъ, что у Зины точно кто надъ ухомъ проводилъ по грифельной доскѣ — самый раздражающій для нея звукъ. Дьячки пѣли довольно согласно.

Нѣсколько ребятишекъ подбѣжали-было къ оградѣ, но Василій замахалъ на нихъ рукой и такъ поглядѣлъ, что они начали сейчасъ же пятиться. На селѣ было совсѣмъ безлюдно: много и однодворцевъ, и бывшихъ „рынинскихъ“ вышло уже на жнитво ржи.

Службу причтъ не тянулъ: имъ всѣмъ хотѣлось по-скорѣе домой.

Безъ фуражки, Рынинъ, на самомъ припекѣ, стоялъ съ закрытыми глазами и съ поникшей головой. Онъ хотѣлъ сосредоточиться; усиліе его Зина подмѣтила и чуть замѣтно усмѣхнулась. Она рѣшительно не вѣрила въ искренность его сыновнихъ чувствъ. Но усиліе онъ дѣлалъ надъ собою только въ первыя минуты. Потомъ, въ темнотѣ отъ зажмуренныхъ глазъ, на него нашло настроеніе, какое бывало съ нимъ въ дѣтствѣ, когда его водили на панихиды. Онъ этимъ чувствомъ и удовлетво-рился. Частое повтореніе однихъ и тѣхъ же молитвен-ныхъ словъ почти нравилось ему: во всемъ обрядѣ была та заботливость объ особахъ покойниковъ и покойницъ — поминались два „болярина“ и двѣ „болярыни“, — безъ ко-торой онъ не признавалъ жизни, достойной себя.

Зину эти повторенія начинали уже поводить. Она почти возмущалась службой, такъ ненужно напоминавшей, по ея мнѣнію, про смерть, гниль, разложеніе, возможность „долгихъ и глухихъ“ страданій. Слозь призыва къ тому „злачному“ мѣсту, гдѣ все свѣтъ и радость, она не слы-хала, да и мало бы поняла ихъ. Усталость отъ дороги, жаръ, несносное солнце, полное отсутствіе тѣни и хотя мажѣйшаго вѣтерка — давили ей виски. Она не могла

удержаться, посмотрѣла на часы, когда панихида кончилась:—шла она всего одиннадцать минутъ.

Рынинъ сунулъ священнику въ руку красную бумажку. Тотъ увидѣлъ его строгое лицо и не посмѣлъ заговорить съ нимъ по-просту, но выговора не ожидалъ и откашлянулся-было такъ, какъ дѣлають, когда хотять уходить.

— Минуту, батюшка! — громко остановилъ его Рынинъ.—Василій подвинулся къ оградѣ.—Прошу васъ обратить вниманіе на то, что и ограда, и памятники подвергаются почти оскверненію...

Отецъ Арсеній усиленно замигалъ, и капли пота заблистали у него на низкомъ, морщинистомъ лбу.

— Ваше высокородіе, — заговорилъ онъ голосомъ еще ниже того, какимъ служилъ, — я не могу... дѣйствовать...

— Какъ не можете? — съ особенной отчетливостью произнесъ Рынинъ и „рекомендовалъ“ ему обратиться къ православнымъ въ первое же воскресенье съ приличнымъ случаемъ словомъ — показать имъ все безобразіе такихъ поступковъ. Онъ упомянулъ и о „кошунствѣ“, и кончилъ угрозой жалобы благочинному.

Причтъ съезжился и повѣсилъ головы; священникъ даже громко вздохнулъ и пошелъ тяжелой, но ускоренной походкой, придерживая рясу.

„C'est ce valet de chambre qui lui a soufflé ça“, — подумала Зина и спросила мужа:

— Est-ce fini?

— Oui, — сухо отвѣтилъ онъ, подозвалъ камердинера и послалъ его въ господскій домъ доложить купцу Чернопалову, что Парменій Никитичъ Рынинъ желаетъ его видѣть.

Пока онъ говорилъ это камердинеру, Зина смотрѣла вслѣдъ уходящему причту. Отецъ Арсеній ступалъ по выжженной травѣ къ церковной оградѣ своими широкими тяжелыми сапогами, и курчавыя пряди его волосъ вздрагивали. Дьяконъ шелъ осанистѣе и лѣтливѣе; дьячки взяли вправо, и ихъ сапоги были еще болѣе мужицкіе, чѣмъ у священника и дьякона.

Она глядѣла на этого „ministre du Seigneur“, — какъ говорили тамъ, за границей, высокимъ слогомъ, — и ей не стало жаль его; она подумала только о томъ, какъ всякій баринъ, подполковникъ, въ родѣ ея мужа, даже не мѣстный помѣщикъ, можетъ здѣсь прикрикнуть на священника въ облаченіи, указывать ему, что онъ обязанъ дѣ-

лать. И такой баринъ еще толкуетъ про необходимость высоко ставить авторитетъ церкви... исполняетъ обряды религіи...

Глаза Зины все еще слѣдили за удаляющимся священникомъ. Внутри у нея было полное отсутствіе чего-нибудь похожего даже на отголосокъ дѣтскихъ вѣрованій, страховъ ада или полетовъ къ небу. Ничего тамъ такого не было. То, что она дѣлала съ Сосѣ, разъ въ годъ, на Страстной недѣлѣ, входило въ программу ихъ ранней весны. Она брала уроки у псаломщика и „батьюшки“, помнила довольно хорошо разныя „исторіи“; ей казалось „drôle“, среди иностранцевъ, ходить иногда въ „chapelle gresque“ и слушать пѣніе, которое исполняли пѣмды. Но она никогда, буквально никогда, не представляла себѣ, какъ это все тамъ, въ Россіи, въ деревнѣ.

И вотъ, она стоитъ и смотритъ на „поповъ“, идущихъ, по полученіи красной бумажки и выговора, съ барской панихиды, и даже не спрашиваетъ себя, касается ли все это ея, Зинаиды Мартыновны Ногайцовой, законной дочери русскаго барина и танцовщицы, навѣрно вѣрующей со всей стародавней обрядностью? Ей еще больше чужда и дика казалась эта деревня, послѣ панихиды.

И что она будетъ теперь дѣлать одна, пока Рынинъ пойдетъ къ куцу?

— Si j'allais avec vous, — сказала она, когда подошла къ нему, въ видѣ полувопроса.

Рынинъ поглядѣлъ на нее сначала немножко съ недоумѣніемъ, потомъ тотчасъ же подумалъ: „она желаетъ взглянуть на комнаты, въ которыхъ я родился“.

— Я хотѣлъ вамъ предложить, — сказалъ онъ по-русски.

Подошелъ Василій—Анета раньше еще удалилась—и спросилъ насчетъ того, къ какому часу они поѣдутъ въ городъ?

— Тотъ коммерсантъ, — съ ироніей указалъ онъ на господскій домъ, — навѣрно вамъ свой экипажъ предложить, а лошадей двѣ тройки я подготовилъ.

Камердинеръ вернулся и доложилъ, что господинъ Чернопаловъ проситъ пожаловать.

— Allons-nous? — спросилъ Рынинъ, и подаль Зинѣ руку.

— Non! j'ai changé.

Она не захотѣла сказать, что ей не хорошо отъ сливокъ и лепешекъ.

Рынинъ не выразилъ никакого недовольства и довелъ

ее сначала до дома Василя, потомъ пошелъ къ Чернопалову.

III.

Дома, гдѣ родился, Рыпинъ не видалъ около восьми лѣтъ. Отецъ умеръ въ его отсутствіе, мать—когда еще они жили за границей. Но все внутреннее устройство сохранилось въ его памяти: на подробности обстановки память у него была образцовая. Снаружи домъ почти не измѣнился; его только подчистили, оштукатурили крыльцо, поправили рѣшетку палисадника, выкрасили заново крышу. При отцѣ онъ сохранилъ внутри старинную отдѣлку: въ немъ жили только лѣтомъ, и комнаты стояли въ томъ почти видѣ, какъ онѣ перешли отъ дѣда.

У крыльца Рыпинъ подумалъ, что этотъ „кошатникъ—лордъ-мэръ“ навѣрно все передѣлалъ на свой вкусъ и заставилъ весь домъ банальнѣйшей мебелью изъ Москвы, со Срѣтенки, а стѣны оклеилъ обоями съ позолотой. Вспомнилъ онъ тутъ же, что въ гостиной должны висѣть большіе масляные портреты дѣда и отца—на боковыхъ стѣнахъ, надъ диваномъ—портретъ бабушки, первой жены дѣда. Онъ часто упрекалъ себя за то, что не позаботился объ этихъ фамильныхъ реликвіяхъ. Но онъ былъ за Балканами, когда ширьевская усадьба пошла въ продажу.

Въ сѣняхъ, по лѣстницѣ, покрашенной и чистой, лежалъ ковровый половичокъ, покрытый свѣжимъ полотнянымъ. Такихъ затѣй при господахъ не было. И дверь передѣлана: она—стеклянная, со звонкомъ. Сквозь нее видна передняя, такая же чистая, съ ясеновой мебелью; обои кирпичиками, какъ въ любой петербургской квартирѣ средней руки.

Онъ позвонилъ и ждалъ не долго. Отворила горничная, приличная, въ шелковомъ фартукѣ и голубомъ шерстяномъ платьѣ, совсѣмъ городская, пріятнаго лица, молодая.

— Пожалуйте, сударь,—сказала она ему первая и ловко посторонилась, держась за ручку двери, когда пропускала его мимо себя.

Отъ нея шелъ запахъ помады.

Передняя, по своему устройству и отдѣлкѣ, дѣйствительно была неузнаваема. Исчезли лари и большой облѣзлый столъ, на которомъ при дѣдушкѣ лакеи играли въ шашки и занимались, кто портняжилъ, кройкой шта-

новъ. Она была похожа на переднюю въ любой конторѣ потаріуса или адвоката. Лампа спускалась съ потолка; зеркало надъ столикомъ отразило его фигуру, и онъ въ него посмотрѣлся, когда снялъ фуражку. Эта отдѣлка передней заставила его еще разъ подумать: какъ купецъ переименилъ „на модный фасонъ“ комнаты александровскаго стиля.

— Иванъ Галактіонычъ просить васъ въ гостиную, — сказала горничная, отворивъ ему дверь въ залу, и сама ретировалась задомъ въ коридоръ, шедшій вдоль парадныхъ комнатъ, мимо столовой, къ кабинету и спальнѣ покойнаго отца.

Тонъ и этотъ „задній ходъ“ горничной, напоминавшій придворныя сцены, говорилъ о значительной дрессировкѣ: камеръ-фрейлина Зины, Милли, хотя и читала романы Гаклендера и понимала свободно по-англійски, не выказывала такой же выучки.

„Скажите, пожалуйста!“ — мысленно замѣтилъ Рынинъ, улыбнувшись своей косой улыбкой, со сжатыми губами, и вступилъ въ залу.

Онъ былъ такъ удивленъ, что остановился у дверей и съ минуту оглядывалъ залу. Все первое дѣтство, до отъѣзда за границу, разомъ всплыло передъ нимъ. Да, это та же зала: посрединѣ бильярдъ, отцовскій, дубовый, высокій, на двѣнадцати ножкахъ, перебранныхъ между собой спайками изъ дубовыхъ же брусьевъ. Лампа виситъ надъ нимъ; но лампа — новая; только она подходитъ къ залѣ, въ стилѣ „empire“. Стѣны выкрашены, а не обиты обоями, стало-быть, хозяинъ захотѣлъ ихъ такими оставить, навѣрно не изъ скупости на обои — видно было по всему, что онъ торовать, оттого и запутался. И краска — точно такого оттѣнка; его теперь нигдѣ не увидишь, кромѣ, развѣ, въ какомъ-нибудь старинномъ, запущенномъ московскомъ домѣ. Въ простѣнкахъ — тѣ же зеркала, уже настоящія старинныя, такія же, какъ и столики подъ ними, съ полочками. Лампы на стѣнахъ висятъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ будто и онѣ похожи на прежніе „кепкѣты“, которые были замѣнены еще отцомъ — онъ и это помнить. На окнахъ занавѣски короткія, въ старомъ же вкусѣ. И стулья тѣ же, только покрыты лакомъ, подновлены, смотрятъ точно у хорошаго антикварщика. Взглядъ на потолокъ привелъ его даже въ чувство. Старая малярная расписка вся была восстановлена по тѣмъ

же рисункамъ и, кажется, лучше, чѣмъ прежде, когда работали „свои“. Расписывали „малари“ еще при дѣдушкѣ. Посрединѣ большой кругъ съ украшеніями въ греческомъ вкусѣ; вдоль и поперекъ четверугольники изъ тонкой гирлянды съ виноградными гроздьями, въ углахъ по большой вазѣ съ цвѣтами и съ садовыми растеніями.

„Скажите, пожалуйста!“—во второй разъ повторилъ онъ про себя.

Дверь въ гостиную была отворена. Двери онъ, входя, не сразу увидать, и онѣ были сохранены и реставрированы на рѣдкость: изъ корельской березы, съ рѣзбой и позолотой, чистѣйшаго стили имперіи; ихъ дѣдъ его изъ Петербурга выписалъ, — про это говорилъ Мень отецъ. Каждая дверь была теперь „un objet d'art“. Купецъ Чернопаловъ зарекомендовывалъ себя такъ, что Рынину сдѣлалось вдругъ неловко: вѣдь онъ шелъ къ „кошачнику“; ему надо было во всемъ сознаніе безусловнаго своего превосходства надъ „купчишкой“, захватившимъ дворянскую усадьбу и способнымъ все обратить въ трактиръ съ райскими птицами на матеріяхъ и крашеными алебастровыми эмблемами на печяхъ. Съ такимъ же „реставраторомъ“ неловко будетъ торговаться, найти приличный поводъ обдавать его своимъ сословнымъ и нравственнымъ авторитетомъ съ высоты своего почти десятивершковаго роста. Это было Рынину положительно не на руку; но онъ не могъ останавливаться на такомъ, все-таки же, низменномъ ощущеніи; комнаты его завлекали.

Въ гостиную вошелъ онъ тихо, сдерживая шаги, и опять остановился въ открытыхъ настежь дверяхъ. Тутъ онъ былъ совсѣмъ пораженъ; его умиленіе сказалось въ томъ, что вѣки у него покраснѣли. Прямо, со стѣны, изъ заново отзолоченной рамы, смотрѣло на него длинное, съ темнымъ цвѣтомъ кожи лицо отца, писанное не очень искусно какимъ-то художникомъ въ Москвѣ; сходство было большое: такимъ онъ былъ передъ отъѣздомъ за границу, уже съ признаками желтухи, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ, по модѣ шестидесятыхъ годовъ, — человѣкомъ лѣтъ подлѣ пятьдесятъ. Рынинъ былъ единственный сынъ; сестра умерла дѣвочкой, явившись очень поздно, когда отцу минуло тридцать девять лѣтъ, послѣ двѣнадцатилѣтней женой жизни.

И всѣ гостиная такъ и стояла нетронутая, по подчищенная, подновленная: двери и большіе диваны изъ ко-

рельской березы, съ позолотой, тотъ же овальный столъ передъ среднимъ диваномъ, тѣ же зеркала, узенькія и съ бронзовыми карнизами, штофъ на мебели, портретъ бабушки въ бѣлой шали, накинутой черезъ плечо по модѣ александровскаго времени, въ открытомъ лифѣ подъ самими мышки, и портретъ ея мужа въ свѣтло-голубомъ фракѣ, полосатомъ жилетѣ и съ владимірскимъ крестомъ подъ высокимъ бѣлымъ галстукѣмъ и складками батистоваго жабо. Взглянулъ Рынинъ на полъ—штучный, дубовый, съ орѣхомъ и кленомъ, прекрасной работы временъ реставраціи, безъ всякаго ковра, какъ и быть слѣдовало.

Стѣны съ той же свѣтло-синей краской и потолокъ въ широкихъ гирляндахъ, люстра французской бронзы, съ подсвѣчниками въ формѣ факеловъ и съ нитями хрусталиковъ. На окнахъ—узкія штофныя гардины.

Онъ просто ахнулъ. И неожиданность пріобрѣсти опять гостиную своего дѣтства, точно будто нарочно сохраненную для него доброй волшебницей, наполнила его почти дѣтской радостью, — и то же неловкое чувство явилось вслѣдъ за ней: какъ же это онъ будетъ торговаться съ „такимъ“ купцомъ? Нѣтъ, онъ не „кошатникъ“! Сейчасъ же слѣдовало выразить ему благодарность за такое „джентльменство“. Онъ вспомнилъ выраженіе Василія Кузьмичева и его усмѣшечку. Что же: этотъ „лордъ-мэръ“ можетъ, по-своему, и очень высоко поднимать голову, если онъ способенъ былъ понять своей „смекалкой“, что слѣдовало сохранить отдѣлку господской усадьбы, вплоть до чужихъ фамилійныхъ портретовъ, и не замѣнять ихъ олеографіями изъ премій иллюстрированныхъ журналовъ да репсовыми диванами „подъ воскъ“ со Щукина или изъ-подъ Сухаревой башни.

Волненіе еще вполне владѣло Рынинымъ, когда дверь изъ третьей комнаты—бывшій кабинетъ, съ альковомъ, и образная отпа—тихо отворилась одной своей половиной, и въ гостиную вошелъ, почти неслышными шагами, владѣлецъ ширяевской усадьбы.

— Доброго здоровья!—привѣтствовалъ онъ гостя.

Въ Чернопаловѣ Рынинъ увидѣлъ пестраго, весьма даже моложаваго блондина. Большое, продолговатое, похудѣвшее лицо, съ пушистой бородой клинужкомъ, глядѣло голубыми глазами удивленно и чопорно, съ достоинствомъ. Волосы носилъ онъ гладко причесанными, съ проборомъ посрединѣ, довольно короткіе. Черный скрутокъ,

при бѣломъ галстукѣ, по московской модѣ, и все остальное въ туалетѣ, вплоть до ботинокъ, было франтовато и степенно. Ростомъ Чернопазовъ только на какой-нибудь вершокъ не могъ бы поровниться съ Рынинымъ. Онъ шелъ, немного нагнувши голову, съ опущенными руками.

— Иванъ Галактіоничъ, — назвалъ его Рынинъ сейчасъ же по имени-отчеству, и первый протянулъ ему обѣ руки.

Это сдѣлалъ онъ невольно, но чрезъ минуту уже пожалѣлъ.

Степенность и чопорное джептьменство Ивана Галактіонича не исчезли отъ такого поощрительнаго жеста. Онъ пожалъ правую руку покупателя и указалъ лѣвой на средній диванъ.

— Милости прошу!

Говорилъ онъ короткими фразами, тихо и часто опуская свои густыя рѣсницы, но произносилъ слова пріятнымъ купеческимъ говоромъ московскаго отѣнка.

Онъ сейчасъ же предложилъ закутить или „кофейку“. Отъ того и другого Рынинъ отказался. Сѣли они на двухъ концахъ огромнаго жесткаго дивана съ совершенно отвѣсными стѣнками и съ такими же широкими и высокими боками. И это ощущеніе отнесло опять Рынина къ дѣтству.

— Позвольте прежде всего благодарить васъ, — не удержался онъ, хотя другой истиннѣе и не одобрялъ такой ненужной „экспансивности“.

И онъ окончилъ свою фразу въ еще болѣе благородномъ тонѣ, пожелалъ при этомъ и узнать: почему Иванъ Галактіоничъ такъ бережно поступилъ со „старьемъ“, къ которому и столичные господа относятся безъ пониманія.

Этотъ вопросъ былъ предложенъ въ деликатной формѣ, но Иванъ Галактіоничъ повелъ на особый ладъ правымъ плечомъ и почти обиженно отвѣтилъ, что благодарить его не за что...

Подъ звуками его, повидимому, скромнаго отвѣта замѣтно сидѣла порядочная доля гордости и щепетильности.

„Такъ ты вотъ какой!“ — подумалъ Рынинъ; онъ не сталъ съ нимъ рѣзче, — это было невыгодно и глупо, — однако, уже не возвращаясь болѣе къ тому же; прибавилъ только — какъ ему пріятно очутиться опять среди лучшихъ воспоминаній дѣтства, и спросилъ, между прочимъ, въ какомъ видѣ остальные комнаты?

Чернопаловъ сейчасъ же предложилъ осмотрѣть домъ, все съ тѣмъ же скромно-горделивымъ видомъ и тономъ.

Онъ своей повадкой какъ бы желалъ дать почувствовать этому барину, что хотя его и постигли „непріятности“, но онъ своего достоинства не намѣренъ понижать ни на одну зарубку, и до сихъ поръ помнить, какимъ почетомъ пользовался онъ въ городѣ, и могъ бы сейчасъ же надѣть пожалованный ему орденъ.

Эта независимость и купеческая гордость начинали бѣсить Рынина и дѣлали его положеніе — ловкаго покупателя — гораздо труднѣе. Онъ обрадовался предложенію осмотрѣть весь домъ, и они начали обходить съ ближайшей комнаты—кабинета.

Кабинетъ и у отца потерялъ стиль, былъ заставленъ всякой сбродной мебелью и держался небрежно. Стѣны его покрывало всякое „дряпцо“ — какъ онъ самъ говаривалъ: кое-какія картинки съ женскими фигурами, множество фотографій и портретовъ, охотничьи вещи, этажерки со старыми книгами и вещичками, довольно цѣпкими. Спаль онъ въ бывшей „боскетной“, гдѣ окно было замазано, а въ образной, кромѣ кіуты, помѣщены еще два шкапа съ одними только томиками романовъ брюссельскаго изданія.

Кабинета Рынинъ не узналъ — тутъ все было такъ, какъ у богатаго купца на Басманной или въ своемъ амбарѣ на Варваркѣ: зеленымъ сукномъ обитый полъ, подъ сукно темные обои, шкапы цѣльнаго орѣха, несгораемый шкапъ, огромное письменное бюро, лампы, гравюры, много растений въ углахъ. Стѣну между бывшей боскетной и образной проломали — и вышла спальня съ двумя кроватями.

Рынинъ услышалъ отъ хозяина, что его „фамилія“ — жепы и двое дѣтей съ гувернанткой — въ отсутствіи, на минеральныхъ водахъ, въ сосѣдней губерніи.

Изъ комнаты, гдѣ спалъ маленькій Мѣня, когда сталъ подрастать, и гдѣ надъ его кроваткой висѣла нарисованная голова генерала Ермолова съ надписью вокругъ: „vanitas vanitatum et omnia vanitas“, Иванъ Галактіоновичъ сдѣлалъ просторную бібліотеку: шкапы сохранилъ тѣ же, но заказалъ къ нимъ третій, также въ стилѣ „Jasch“.

Дѣвччя — въ послѣдствіи пѣчто въ родѣ задней передней, гдѣ висѣли лисьи шкуры, аршиники и охотничьи ерпаки — превратилась въ гардеробную. Лѣсенка на ан-

тресоли изъ бильярдной была неузнаваема. Дѣтскіи комнаты — также. Коридоръ освѣщался окномъ, прорубленнымъ въ крышѣ, и напоминалъ коридоръ въ какомъ-нибудь блистательно содержимомъ учебномъ заведеніи. Тутъ же сохранился и чуланъ; комната дядьки, въ два окна, отдѣлапа была парядно; занимала ее гувернантка.

Обзоръ кончили они, зайдя въ столовую, гдѣ дубовая мебель стояла вдоль стѣны съ деревянной же обшивкой и дорогимъ птичьимъ шкапомъ. Въ буфетѣ—весьма опрятной комнатѣ—устроилъ Чернопаловъ „кафешёнскую“ для чаю и кофе.

На оцѣнку Рыпина—онъ ее производилъ въ умѣ, переходя изъ комнаты въ комнату—все новое стоило не одну тысячу, не считая весьма цѣнныхъ, на охотника, реставрированныхъ старыхъ вещей и мебели.

Первый вопросъ его, когда они вернулись въ кабинетъ хозяина, былъ: думаетъ ли Иванъ Галактіоновичъ продавать домъ со всѣмъ устройствомъ, или только съ нѣкоторой частью обстановки?

Чернопаловъ не сразу отвѣтилъ и сначала спросилъ съ своей стороны: угодно Парменію Никитичу войти въ окончательные переговоры, въ такомъ случаѣ, онъ къ его услугамъ. И у него сейчасъ же на лицѣ явилась, между бровями, новая складка, и голову онъ сталъ иначе держать; рука, съ тонкими, нервными пальцами, протянулась къ небольшимъ счетамъ изъ бѣлой кости.

На это Рыпинъ отвѣтилъ весьма категорически и закурилъ папиросу, что у него являлось всегда само собой, какъ только онъ къ чему-нибудь приступалъ.

— Чайку не угодно?—спросилъ его Чернопаловъ точно съ возрастающимъ чувствомъ щекотливаго достоинства.

Отъ чаю Рыпинъ отказался, но попросилъ воды съ краснымъ виномъ. Хозяинъ приложился къ воздушному звонку. Эта подробность комфорта показала Парменію Никитичу почти дерзостью.

„Лордъ-мэръ“,—выбранилъ онъ его мысленно и облегчилъ себя струей презрительнаго чувства, пріятно разлившейся по нему.

Когда вода съ виномъ была принесена, они приступили къ переговорамъ.

Не раньше, какъ чрезъ два съ половиной часа, Рыпинъ вышелъ изъ господскаго дома, не съ параднаго, а съ зад-

ного крыльца — ему было такъ ближе попасть на новый порядокъ, въ дому Василя Кузьмичева.

Онъ весь былъ красный и шелъ медленно, замѣтно задерживалъ себя на ходу, какъ будто беззвучно говорилъ что-то. Губы его перебирали какія-то слова. Возвращался онъ почти владѣтелемъ Ширлева, даже послѣ дѣлового рукопожатія, но былъ крайне недоволенъ всѣмъ, что вышло на переговоры.

Купецъ Чернопаловъ держался все той же чопорной горделивости и сразу закинулъ уду на „дворянскіе“ чувства покупателя. Онъ сказалъ, что за Ширлево ему дадутъ не сорокъ тысячъ — цифра, о какой приблизительно они переписывались съ Рыниныъ, — а больше, и сейчасъ же выложилъ цѣлый портфель писемъ отъ троихъ покупателей. Этихъ покупателей не было Рынину серьезнаго повода считать подставными. Чернопаловъ, все въ томъ же тонѣ, „поставилъ его въ извѣстность“, что ни съ однимъ изъ этихъ покупателей онъ не желалъ входить въ соглашеніе окончательно, не повидавшись сначала съ Парменіемъ Никитичемъ.

— Весьма хорошо понимаю, — сказалъ онъ, — что вы, какъ представитель рода, имѣете, такъ сказать, нравственное преимущество.

„Туда же, точно спичъ произносить!“ — оборвалъ его, про себя, Рынинъ, но долженъ былъ сознаться, что такое вступленіе весьма неглупо обдуманно, хотя бы и безъ обмана.

Что же оставалось, какъ не согласиться со справедливостью и законностью такого вступленія? Пришлось поблагодарить и за него. Ни запродажной расписки, ни даже простого письма, въ смыслѣ согласія, онъ отъ Чернопалова не получалъ.

И приходилось доплачивать. Продавецъ поднялъ цѣну до пятидесяти тысячъ, ссылаясь на одно изъ писемъ. Рынинъ съ цѣлью парировать этотъ ударъ, замѣтилъ съ колкой усмѣшкой, что предлагать еще не значитъ заплатить, и что ему выгоднѣе подождать аукціонной продажи.

Чернопаловъ принялъ ударъ и, съ своей стороны, нанесъ уже гораздо чувствительнѣе. Онъ высказалъ вообще, какъ нынче господа дворяне утрачиваютъ прежній свой гоноръ, хотя и пренебрежительно „изволятъ“ смотрѣть на землевладѣльцевъ изъ „прочихъ“ сословій. Но онъ, Иванъ Галактіончъ, увѣренъ, что „господинъ Ры-

винъ“ неспособенъ дѣйствовать, какъ какой-нибудь „кошачникъ“, и, дойди дѣло до аукціона, если бѣ у нихъ и не было предварительной переписки, все-таки далъ бы больше всѣхъ, чтобы „водвориться въ родовой отчинъ своей“.

Ничего не оставалось, кромѣ самаго обыкновеннаго способа—торговаться. Аукціона можно бы ждать, да вѣдь этотъ Чернопаловъ еще не былъ ни объявленъ несостоятельнымъ, ни преданъ суду. Онъ могъ найти подставнаго покупателя. Упускать имѣніе Рынинъ не хотѣлъ ни подѣ какимъ видомъ.

И торговались они около двухъ часовъ; на сорока пяти тысячахъ Рынинъ уперся; имѣніе съ теперешней отдѣлкой дома стоило этихъ денегъ; всѣ хозяйственные улучшения Чернопаловъ предложилъ показать, какъ только спадетъ жаръ.

Оставалось сказать рѣшительное слово. Чернопаловъ не требовалъ его прежде, чѣмъ покупатель, во всѣхъ частяхъ, не ознакомится съ имѣніемъ, но просилъ сказать сейчасъ же, согласенъ ли будетъ Рынинъ дать сорокъ пять тысячъ, если все найдетъ отвѣчающимъ описи, которую тутъ же и представилъ.

Это было равносильно полному согласію. Разумѣется, все будетъ найдено въ исправности, иначе продавецъ не говорилъ бы съ такой увѣренностью. И Рынинъ далъ слово.

Но когда онъ сошелъ съ задняго крыльца, ему представилась необходимость — просить эти пять тысячъ у жены. Зина согласилась на сорокъ тысячъ, да и тогда еще уперлась на нихъ. Ему памяты ея слова, сказанныя особымъ звукомъ:

— Pas un rouge liard de plus!

Краска не сходила съ его, все еще прыщавыхъ, щекъ, обраставшихъ бородой. Но на что же онъ мужчина? Неужели онъ испугался жены? Все его существо говорило ему, что нѣтъ. Онъ зашагалъ рѣшительнѣе и вошелъ на крыльцо дома Кузьмичева. Въ какомъ именно тонѣ вести разговоръ о пяти тысячахъ—это деталь. Покупка прекрасная: хуторъ — образцовый, домъ въ изумительномъ порядкѣ. Онъ сейчасъ же предложить ей пойти туда: Чернопаловъ зоветъ отобѣдать или, по крайней мѣрѣ, закусить и вызвался самъ уступить свой экипажъ въ городъ; говорилъ даже, что переночевать можно у

него въ домѣ — гдѣ угодно, даже въ спальнѣ. Самъ онъ пойдетъ наверхъ.

Когда Рынипъ вступалъ въ сѣни, ему казалось, что все обойдется безъ малѣйшей зацѣпки, и что дѣло онъ обработалъ превосходно.

Въ его долгое отсутствіе Зина хотѣла было сначала соснуть; ей это не удалось. Милли подала ей книгу. Но чтеніе также не пошло. Ей стало опять дурно отъ сливокъ и лепешекъ, и она, лежа на диванѣ, злобно прислушивалась къ звукамъ деревни. Сердилась она и на эту „Анету Прекрасную“, точно она на зло обкоржила ее деревенской фдой. Ея раздраженіе противъ жены Василия стало такъ велико, что она послала за ней.

Анета, не спрашивая, что случилось, сейчасъ же предложила Зинѣ сдѣлать припарки, и прежде чѣмъ та раскрыла ротъ, улетѣла къ себѣ, вернулась минутъ черезъ пять съ теплыми салфетками, съ кувшиномъ горячей воды, обернутымъ въ кусокъ фланели, и еще съ чѣмъ-то. Она начала ухаживать за Зиной такъ ловко и кротко, съ разными уменьшительными бывшихъ дворовыхъ, что не было никакой возможности сдѣлать ей выговоръ. Да тѣмъ временемъ Зина и сообразила, что Анета нисколько не виновата въ ея болѣзненности.

Завязался разговоръ. Зина повела его съ задней мыслью: имѣть побольше фактовъ, чтобы поиграть на фальши чувствъ и принциповъ Парменія Никитича. Она прекрасно запомнила то, что Василій рассказывалъ про рынинскихъ мужиковъ.

Анета это подтвердила, а она была родомъ изъ другого уѣзда и родственниковъ на деревнѣ не имѣла. Не только падѣль дали имъ — самый малый и посадили на обязательный выкупъ, да и прежде, при старомъ баринѣ, барщина была тяжелая. Зина начала даже разспрашивать Анету, что такое „тяжелая“ барщина, и старалась понять. Къ мужикамъ у нея совѣтъ не лежало сердце; она все это оставила для себя, для близкой бесѣды съ Парменіемъ Никитичемъ.

Анету она отпустила за полчаса до прихода мужа.

„Торгуется, — думала она и улыбалась подборой усмѣшкой. — Хочетъ и „прахъ“ отцовъ приобрести подешевле!“

Она шла даже до подозрѣнія, что изъ сорока тысячъ онъ способенъ утаить тысячу пять и войти въ сдѣлку съ кушомъ Чернопаловымъ.

И вся эта „исторія“, т. е. поѣздка въ деревню и покупка имѣнія, начала опять мозжить ее своей „нелѣпностью“. Еще диче, тоскливѣе, бессмысленнѣе чувствовала она себя въ деревнѣ, лежа на диванѣ съ теплой припаркой, отъ которой ей стало, впрочемъ, совсѣмъ хорошо.

Въ такомъ настроеніи нашелъ ее мужъ.

Непринужденный рассказъ Парменія Никитича Зина перебила на первыхъ же его фразахъ, и прямо, безъ всякихъ оговорокъ, сказала ему:

— Vous agissez comme un grippe-sou!

Это заставило его встать во весь ростъ. Онъ сначала сидѣлъ около ея изголовья.

Она не горячилась и доказала ему, что если бъ онъ хотя чуточку жалѣлъ „народъ“, какъ онъ любитъ толковать, — ему слѣдовало не выкупать „прахъ“ отцовъ, а дать бывшимъ рыннпскимъ мужикамъ по десятинѣ или по двѣ на душу. Ихъ положеніе при немъ останется то же; можетъ быть, еще и ухудшится.

— Voilà ce que vous aviez à faire! — закончила она и приподняла голову.

Этого онъ не ожидалъ. Такой оборотъ борьбы съ нимъ, подобное „подсигиванье“ его надо было пресѣчь сразу. Онъ рѣзко огрызнулся. Зина отвернулась къ стѣнѣ, объявила, что, если онъ не научится иначе говорить съ нею, она сейчасъ же — вонъ отсюда, пойдетъ къ купцу, тотъ дастъ ей экипажъ, и она уѣдетъ обратно на желѣзную дорогу.

— Vous n'aurez pas ça des quarante mille roubles! — почти крикнула она, повернулась лицомъ къ нему, сдѣлавъ французскій жестъ — погтемъ по зубамъ.

Второе пораженіе терпѣлъ онъ въ теченіе двухъ часовъ. Дѣлать сцену — невозможно, тутъ, въ жилѣ Василия Кузьмичева. А острастка нужна была. Если не теперь ее дать, — такая натура, безъ правилъ, съ чудовищнымъ эгоизмомъ — онъ въ этомъ убѣдился — отобьется окончательно отъ рукъ.

Скажи Зина ему еще одно ядовитое слово, — онъ бы ее схватилъ за руки и пригнулъ къ полу. Можетъ-быть, сдѣлалъ бы и еще похуже... Но его разсуждающая голова пересилила. Рыницъ подошелъ только къ окну, раскрылъ его, постоялъ двѣ минуты молча, вернулся къ дивану и однимъ духомъ выговорилъ:

— Дѣло сдѣлано. Имѣніе за нами. Домъ, усадьба, инвентарь—въ образцовомъ видѣ.

— Quarante mille?—безстрастно спросила она.

— Quarante cinq!

И произнесъ онъ эту цифру такъ небрежно, что Зина стало вдругъ стыдно показать себя еще болѣе „grippé-sou“, чѣмъ онъ.

— Bon!—вырвалось только у нея.

И послѣ того они молчали минуты съ двѣ.

Забывая о своей припаркѣ, Зина встала, быстро заходила по горницѣ, и когда остановилась противъ мужа, бывшаго у двери въ сѣни, то такъ же стремительно, какъ и онъ передъ тѣмъ, проговорила, что она хочетъ ѣхать сегодня же и только переночуетъ въ городѣ, и потому прямо на Волгу, на кумысь, что, если это не будетъ исполнено, она, безповоротнo, назадъ! — и никакія упрасиванія не заставятъ ее измѣнить рѣшеніе, — и денегъ она ему не дастъ.

Рынинъ только молчалъ и потряхивалъ, стоя, правой ногой.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ онъ и вышелъ вонъ.

Его задушило бы, если бы онъ остался еще хоть одну минуту.

Отъ обѣда Зина отказалась, когда Чернопаловъ прислалъ просить, но экипажъ его приняла. Она сказала мужу передъ тѣмъ, какъ тотъ отправился осматривать хозяйство, что онъ можетъ оставаться покупать имѣніе, сколько ему угодно. Она ѣдетъ на кумысь одна и не вернется, пока не будетъ здорова.

И это вынесъ Рынинъ.

IV.

Порывисто шумѣлъ бѣлый пароходъ американской постройки. Онъ бѣжалъ по Волгѣ отъ Нижняго, лѣтнимъ яркимъ закатомъ. На него смотрѣли большіе изъ кумысолѣчебнаго заведенія, съ террасы и балконовъ, и въ разныхъ мѣстахъ по парку. Жаръ тяготилъ растомленное побережье, и близость рѣки не давала еще прохлады. По овражистымъ высотамъ берега разросся паркъ: онъ спускался къ Волгѣ нѣсколькими обрывами и болѣе пологими балками. Лѣчебница бѣлая, въ два отдѣльных зданія, съ наружной галлереей и башенкой, издали смотрѣла чѣмъ-то восточнымъ. Въ пролетѣ надъ высокой лѣстни-

цей съ площадкой выглядывала зелень сада, подстриженных акacias, уходивших вглубь.

Въ красно-золотой дымкѣ заката домъ съ его башенками и переходами получалъ мягкій тонъ, дѣлался красивѣе и тоньше.

По двору проходили гуляющіе. На балконѣ отдѣльныхъ квартиръ и на нижней галлерей сидѣло и стояло нѣсколько женскихъ фигуръ. Многія были безъ шляпокъ, въ бѣлыхъ или свѣтлыхъ платьяхъ.

Пароходъ исчезъ за выступомъ горы, справа, внизъ по теченію. Смотровшая на него группа кумысниковъ тронулась. Нѣкоторые пошли къ кіоску на спускѣ, недалеко отъ того полукруглаго дивана, гдѣ то и дѣло появилась татарка-продащица и переходила отъ кіоска къ дивану съ бутылками.

Издалека можно было разглядѣть ея длинный станъ въ ситцевой рубашкѣ и скользящую походку.

Въ сторонѣ отъ другихъ гуляла, вдоль обрыва, Зинаида Мартыповна Рынина.

Питую бутылку выпивала она. Только что взяла она ее отъ татарки и стояла съ кружкой въ рукѣ, поодаль отъ группы кумысниковъ, ближе къ обрыву, и глядѣла вслѣдъ крушой ряби, которую взбилъ по рѣкѣ пароходъ.

Въ ея голоуѣ начиналось, каждое послѣ-обѣда, легкое возбужденіе, менѣе сильное, чѣмъ отъ двухъ рюмокъ вѣски или хорошаго грога, болѣе ровное и бодрящее; къ нему она скоро привыкла и полюбила его. Это было особаго рода охьянѣніе, безъ усиленнаго прилива къ лицу, безъ ощущенія, утромъ, въ постели, непріятнаго вкуса во рту, какъ, бывало, случалось за границей. Она, въ началѣ леченія, съ согласія врача, приливала къ кумысу коньяку, но потомъ сама отъ этого отстала. Ей довольно было и одного дѣйствія, на первый вкусъ, такого противнаго напитка, отзвѣвающего клеемъ; отвкусъ клеа держался и тогда, когда кумысъ началъ уже притягивать ее къ себѣ.

Докторъ вскорѣ замѣтилъ ей, что кумысъ „точно для нея выдуманъ“. И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ первой же недѣли, прошли головныя боли, и общая нервность притихла. Потомъ, съ каждымъ днемъ, все тѣло набиралось живительной силы. Страхъ за то, что упадетъ въ обморокъ, какъ не бывало. Жаръ, какого Зина и не допускала въ Россіи, на Волгѣ, въ суткахъ ѣзды отъ Москвы, сталъ для нея потребностью: онъ расширялъ поры, увеличивалъ

жажду, тинулъ ее къ этимъ бутылочкамъ, которыя подавала ей интересная, на ея вкусъ, татарка, худая, стройная, съ мелкими миловидными чертами блѣднаго лица, въ своей длинной цвѣтной рубахѣ и въ длинной же головной повязкѣ изъ пестраго платка. Съ жарой Зина связывала дѣйствіе кумыса, и ее хватала за сердце картина глухой осени, зимы, тамъ, въ Ширяевѣ, гдѣ надо будетъ прожить, быть-можетъ, весь первый годъ.

Но, пока, она гнала отъ себя все, что могло нарушить блаженное самоощущеніе ея тѣла. Она чувствовала, почти осязательно, какъ расцвѣтаетъ. Къ замужству Зина такъ похудѣла, что всѣ платья стали въ груди замѣтно широки, и она на ходу начала даже немного гнуться. Та же худоба продолжалась и послѣ свадьбы. Только въ талии она не могла стигиваться; страдала нервной опухолью подъ ложечкой. Теперь эта опухоль прошла, талия получила прежнюю гибкость въ перехватѣ, плечи округлились. Она не носила корсета, по требованію доктора, и ходила въ платьяхъ, скроенныхъ почти какъ пеньюары, безъ хвостовъ, съ вырѣзнымъ воротомъ и очень открытыми рукавами. Перчатки она рѣдко надѣвала и не боялась загара: онъ къ ней шелъ; руки, шел, щеки получили розово-янтарный отливъ, небывалую золотистость отблеска; все тѣло, отъ ежедневныхъ купаній и отъ жара, съ его испариной и жаждой, дѣлалось все гибче. Волосы приобрѣли прежній блескъ. Она ихъ носила безъ косы, съ перехватомъ на темени, откуда они падали длиннымъ пучкомъ.

Никогда Зина не бывала такъ хороша.

Свѣтлое платье-пеньюаръ изъ тафты, японскій зонтикъ съ краснымъ подбоемъ выдѣляли ея станъ на краю обрыва, въ лазури темнѣющаго неба. Жаръ темного опалъ. Зина опять пошла къ татаркѣ и спросила послѣднюю, шестую, бутылочку, сѣла на диванъ въ сторонѣ отъ кіоска, гдѣ продавался кумысъ, откинулась на спинку дивана и глубоко-глубоко вдохнула въ себя воздухъ.

Сладкая тѣлесная истома разливалась по ней. Она полузакрyla глаза. Ей пріятно было сидѣть тутъ одной. Съ публикой заведенія она не любила сталкиваться, хотя это ей и приводилось каждый день. Всѣ номера и квартиры были заняты; но для нея этотъ „народъ“ существовалъ только потому, что она отъ него отбѣгала себя, ставила себя особенно и брезгливо обходила его. Это чувство было у нея ново; явилось оно только въ Россіи.

Прежде, за границей, живя у Сосѣ, она отдѣляла себя также отъ остальнаго человѣчества; но тамъ все, что было „drôle“, допускалось ею. Она не удостоивала вниманія того, какъ посмотрятъ на ея привычки, туалеты, обращеніе съ мужчинами жители курорта, всѣ, кто не причислялся ею къ ея кружку. Какое дѣло ей было до пересудовъ о ея прогулкахъ по аллеямъ и тропинкамъ горныхъ склоновъ, съ мужчинами вдвоемъ, во всякое время? Развѣ она скрывала когда-нибудь свой „flirt“ съ кѣмъ бы ни было? Для нея существовалъ міръ избраннаго общества, „la haute gomme“; точно какая корпорація, родъ масонства. Остальное было только фонъ, то, что она, когда объ этомъ думала, называла: „geroussoir“.

Теперь—не то! „Масонство“ куда-то исчезло. Нѣтъ его. Съ тѣхъ поръ, какъ она въ Россіи, исключая Петергофа, въ прошломъ году, она не повстрѣчала ни одного мужчины „de son bord“, ни одной женщины, кромѣ тѣхъ, что знавала раньше, за границей. Ничего въ этой странѣ, въ ея „отечествѣ“, не было „drôle“, въ ея смыслѣ. Но къ ней, уже въ Москвѣ, подкралось другое чувство, сословное, барское, хотя она еще не могла его такъ назвать. Она еще не разбирала его, а только полусознательно подчинялась ему. Зина Ногайцева, кузина Сосѣ, „la renversante gommeuse“—такъ называлъ ее одинъ парижскій репортеръ, пріѣзжавшій на сентябрьскія скачки,—не знала тамъ, въ курортѣ, заботы о томъ, чтобы не мѣшаться „Богъ знаетъ съ кѣмъ“. Она не могла тамъ смѣшиваться не со своими. Съ тѣхъ же поръ, какъ съ нея сошло тавро незаконнаго происхожденія и завелось у нея приданое въ двѣсти тысячъ, она перестала и думать о своемъ положеніи. Это положеніе было всѣмъ ясно: красавица и первоклассная представительница моды и стиля, не желающая подчиняться ничему, что не забавно, ново и красиво.

Въ Россіи и, въ особенности, здѣсь въ эти три-четыре недѣли на берегу Волги, въ кумысномъ заведеніи, въ нее пошла небывалая тревога брезгливости. Здѣсь пельзя смѣшиваться—именно ей, дочери танцовщицы Расшивиной, потому что она „изъ общества“. Это опредѣленіе услыхала она въ Россіи же. Тамъ, въ курортѣ, было сходное понятіе, но оно только подразумевалось; тутъ же его надо было безпрестанно повторять себѣ. Иначе „on s'encanaïlle“—потеряешь все: не только вишневое изищество, „le bagout“, манеру, стиль, но и положеніе дворянки,

жены подполковника Рынина, дѣлающаго видную карьеру, будущей—и весьма близко—губернаторши...

Надо было впередъ мириться со скукой. Ничего не предвидѣла Зина, раньше окончательнаго устройства въ Петербургѣ, похожаго на прежнюю жизнь, и чѣмъ старательнѣе станетъ она отдѣлять себя отъ „Богъ знаетъ кого“, тѣмъ ей будетъ все тоскливѣе, суше, безвкуснѣе. Тѣмъ временемъ, и въ Москвѣ, и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, и здѣсь, на кумысѣ, она видѣла и замѣчала вотъ что: вездѣ на виду, живетъ, ѣздитъ, тратитъ, громко говоритъ, веселится, фразитъ всякій „народъ“, то, что при ней въ Петергофѣ называли тягучимъ русскимъ произношеніемъ „une société très mêlée“. Деньги и здѣсь стали первой силой. Купцы, купчихи, какія-то „барыньки“, которыхъ она не успѣла еще отнести къ какому-нибудь „bord“, попадаются вездѣ, и вотъ эта-то „mêlée“, эта-то сбродная толпа и составляетъ преобладающее „общество“, съ которымъ надо сталкиваться, если не сидѣть въ клѣткѣ, если не держаться одного избраннаго круга, что возможно только въ Петербургѣ. Москву она всегда исключала изъ своихъ плановъ.

Ея мужъ, стоящій за разныя „правá“, толкующій о первенствѣ того, что онъ называетъ „высшимъ сословіемъ“, вѣдь и онъ долженъ водиться съ этимъ новымъ обществомъ и будетъ съ нимъ водиться все больше и больше; карьеру свою ему надо сначала установить въ провинціи, вотъ въ такомъ мѣстѣ, какъ тотъ губернский городъ, на Волгѣ, въ трехъ верстахъ отъ заведенія.

Она не хотѣла пользоваться услугой губернатора „talon rouge“, со станціи, письмомъ къ мѣстному начальнику губерніи, о чемъ, все-таки, пожалѣла—ей дали бы лучшес помѣщеніе и взяли бы навѣрное дешевле: Зина находила, вообще, все страшно дорого „rouge un trou racheil!“ Она не пожелала знакомиться съ нимъ и въ тотъ вечеръ, когда онъ пріѣзжалъ сюда, по случаю благотворительнаго концерта, на который она не пошла. Привезъ его въ „долгушкѣ“ (ей даже выговорить было трудно это слово), въ одну лошадь, съ простой дугой, плохо одѣтый кучеръ изъ сторожей. Она увидала господина въ макферланѣ и мягкой шляпѣ, съ сѣдыми бакенбардами. На площадкѣ, передъ концертомъ, съ нимъ такъ заиросто вели себя разныя, весьма не изысканные на видъ, больные, что она не хотѣла вѣрить, будто это мѣстный „пре-

фектъ" — по-нѣмецки „Herr Ober-President". Въ ея курортѣ какой-нибудь „директоръ полиціи", немного больше того пристава, который докладывалъ о бомбардированіи Александріи, какую важную особу представляетъ собой! И она съ Сосѣ, и всѣ „знатные иностранцы" обязательно раскланивались съ нимъ, хотя онъ собственно и не допускался въ ихъ кружокъ.

Все въ Россіи, на ея взглядъ, распущено: нѣтъ никакой ни въ комъ представительности, и никто не знаетъ, какого кому держаться кѣста. Вотъ поэтому-то и необходимо стоять вдали и своей манерой показывать, что вы не хотите, что вы не можете сжѣшиваться со всѣми. И узнать, кто такой вонъ тотъ мужчина: родовитый баринъ, князь, очень богатый помѣщикъ, или камергеръ, крупный „magistrat", или простой купецъ, музыкантъ, учитель — очень трудно, почти невозможно. Она уже нѣсколько разъ ошибалась; приняла, вотъ тутъ, за пожилого піаниста или живописца господина, оказавшагося сенаторомъ, какъ ей сказала потомъ докторъ.

Черезъ доктора, тоже, на ея оцѣнку, довольно-таки безцеремоннаго и чрезвычайно болтливаго, Зина уже знала, что она вездѣ интригуетъ, что и „барыньки" — онъ такъ всегда выражался — и „мужчинки" рвутся къ знакомству съ ней. Но она ему объявила рѣшительно, что пріѣхала сюда лѣчиться, а не дѣлать знакомства. Онъ пригрозилъ ей „скутищей", замѣтилъ даже, что какъ же это она все одна будетъ ходить? Она и за границей привыкла ходить одна, чего же ей стѣсняться здѣсь, гдѣ она чувствуетъ себя, какъ въ деревнѣ, въ собственной усадьбѣ, гдѣ ни разу даже не надѣвала шлпки?..

Всѣхъ почти кумысныхъ „барынекъ" — и она такъ стала произносить мысленно — Зина усмѣла достаточно разглядѣть издали. Самая красивая была сильная брюнетка, пыганскаго лица, съ пышнымъ бюстомъ и лѣпивой, но граціозной походкой, лѣтъ подъ-тридцать. За ней ухаживало двое молодыхъ людей, одинъ въ бѣломъ кителѣ, который усмѣлъ сдѣлаться противенъ Зинѣ, потому что такой же китель носилъ Царменій Никитичъ. Докторъ уже хвалилъ эту брюнетку и даже прищелкнулъ раза два языкомъ. Она „выдаетъ себя" за жену адвоката изъ Перизы, но, по глазамъ доктора, видно, что онъ въ это не вѣритъ; всего вѣроятнѣе, она — актриса и, во всякомъ случаѣ, „femme entretenue". Вотъ и знакомьтесь!.. Еще

три-четыре семейства „совершенно невозможных“ — съ дѣтьми, подростками-дѣвочками. Изъ молодыхъ людей одинъ напоминаетъ, по моднымъ сѣютамъ, нѣчто заграничное. Онъ — миллионеръ съ какой-то „ужасной“ купеческой фамиліей, и докторъ считалъ его безнадежнымъ. Изрѣдка появлялся онъ на террасѣ, рядомъ съ ея балкономъ, и на правахъ чачоточнаго — они вѣдь влюбчивы — глядѣлъ на нее слишкомъ пристально.

Вездѣ попадался мужчина лѣтъ сорока, въ чичунчѣ, какъ докторъ Лукашинъ. Она замѣтила его большую черную бороду, малenkій бѣлый носъ и золотыя очки. Докторъ же сообщилъ ей, что этотъ господинъ — литераторъ „изъ столицы“. Ей онъ сдѣлался несноснымъ больше потому, что пилъ кумысъ въ тѣ же часы и всегда торчалъ около кіоска татарки.

Остальные бродили, какъ тѣни; серьезно больныхъ Зина ненавидѣла и нѣсколько разъ сказала доктору:

— Только, пожалуйста, чтобы никто у васъ при мнѣ не умиралъ!..

— Рады стараться! — отвѣчалъ ей каждый разъ докторъ.

Пылающая заря начинала розовѣть. Было все такъ же тепло, только съ рѣки подползала еле осязаемый вѣтерокъ. Грудь Зины поднималась отъ наплыва всѣхъ живительныхъ дыханій вечера. Ноздри были расширены. Она вбирала запахи травъ и листвы; что-то густое, острое и хватающее за сердце чувалось въ этихъ прирѣчныхъ вздрагиваніяхъ воздуха.

Впервые потянуло ее куда-то. Сойти бы къ рѣкѣ, сѣсть въ лодку, поплыть вдоль вонъ того красиваго нагорнаго берега... Но съ кѣмъ? Ей захотѣлось говорить, слышать молодой голосъ, стать самой моложе. Во всемъ тѣлѣ ощущала она биеіе тысячи жлоковъ. Ее потянуло изъ того угла, гдѣ недвижно сидѣла она больше двадцати минутъ. Плавной, слегка колымащейся поступью поднялась она къ верхней площадкѣ и тамъ приостановилась. Ее привлекъ тихій шумъ пролетки. Къ террасѣ подѣхалъ извозчикъ изъ города: широкая пролетка съ яркимъ триномъ, гнѣдая толстая лошадь и молодой парень-извозчикъ, въ лѣтнемъ кафтанѣ съ вздувшимися, на ватѣ, складками сидѣнья. Вотъ уже второй день видитъ она этого извозчика. Вчера, послѣ обѣда, привезъ онъ мужчину въ свѣтло-сѣромъ, въ соломенной шляпѣ и въ жел-

тыхъ башмакахъ—она это замѣтила. Онъ приѣзжалъ въ гости къ дамамъ, что живутъ въ угловыхъ комнатахъ, съ балкономъ: мать и дочь, худенькая брюнетка; ходитъ все въ бѣлыхъ платьяхъ и подъ большой кисейной шляпой-коробомъ. Только съ ней бы она и познакомилась.

На террасу вошла брюнетка, въ своей шляпѣ-коробѣ, провожать гости. Онъ навѣрно приѣздомъ; жилъ здѣсь для нея, въ городѣ, и теперь спѣшитъ на вечерній пароходъ. Оба они смѣются, пожимаютъ другъ другу руки сильно и весело. У нея на рукахъ собачка-моська. Оба они ласкаютъ ее. Это если не влюбленные, то большіе друзья—въ нихъ есть что-то смѣлое, новое, подмывающее, хотя она слабенькая и смотритъ почти чахоточной.

Зина дождалась отъѣзда господина въ свѣтло-сѣромъ и поглядѣла вслѣдъ дѣвушкѣ. Та пошла къ воротамъ и, вдогонку, что-то крикнула ему, должно-быть, смѣшное; онъ обернулся, сдѣлалъ жестъ рукой и потомъ махнулъ шляпой. Пролетка, за воротами, взяла вправо, къ городу. Дѣвушка пошла въ садъ, спустила моську на землю и, удаляясь, играла съ нею.

Зина долго на все это смотрѣла. И ее потянула къ себѣ тѣнь сада. У входа въ аркаду изъ акацій попался ей мальчикъ-подростокъ, лѣтъ девятнадцати, въ парусинномъ опрятномъ пальтедѣ, въ форменной фуражкѣ, покрытой бѣлымъ чехломъ. На блѣдный овалъ лица спадалъ изъ-подъ фуражки клокъ темныхъ волосъ двумя прядями. Онъ былъ высокъ для своихъ лѣтъ, тонокъ, хорошо сложенъ. Въ рукахъ держалъ онъ вѣтку и помахивалъ ею.

Три дня передъ тѣмъ заговорила съ нимъ Зина у татарки. Онъ ей помогъ откупорить бутылку и сбѣгалъ за ея кружкой. Она уже до того замѣчала, что юноша слѣдитъ за ней своими большими и глубокими синеватыми глазами, старается встрѣчать ее вездѣ, гдѣ можно. Встрѣтитъ, остановится, дастъ ей дорогу и наклонитъ голову въ родѣ поклона. Послѣ его услуги—онъ ее исполнилъ такъ усердно, что задыхался, когда приѣзжалъ назадъ—Зина сама заговаривала съ нимъ, дѣлала короткіе вопросы и при этомъ оглядывала его лицо и фигуру съ усмѣшкой, давно не являвшейся на ея губахъ: онъ получили опять цвѣтъ жидкой крови.

Юношу звали Андрюша Казанцевъ; онъ приѣхалъ съ матерью, совсѣмъ разслабленной, изъ Москвы, пилъ ку-мысъ отъ общей нервности и послѣдствій легкаго плев-

рита. Онъ былъ „хорошей фамиліи“, но съ нетвердымъ французскимъ языкомъ, ужасно всѣмъ интересовался, говорилъ уже какъ большой, съ литературными оборотами, высокими, срывающимся безпрестанно баритономъ. Звукъ этого голоса щекоталъ Зинѣ слуховые нервы. Весь подростокъ казался ей „bien drôle“.

— Bonsoir!—сказала Зина протяжно, улыбнулась, прищурила глаза отъ солнца и стала вбокъ.

Андрюша весь вспыхнулъ и отъ этого сейчасъ же сдвинулъ брови. Такого ласковаго оклика онъ еще не слыхалъ отъ нея.

Это его такъ пріободрило, что онъ скорыми шагами подошелъ къ ней, еще разъ приподнялъ холщевую фуражку; но руки, первый, не посмѣлъ протянуть.

Зина подала ему свою и очень сильно потрясла, на англійскій манеръ.

— Вы не умѣете подавать руку,—сказала она ему все тѣмъ же ласкающимъ звукомъ.

— А то какъ же?—звонко откликнулся Андрюша.

— Надо держать выше и потомъ сдѣлать вотъ такъ, а вы опускаете.

— Merci,—кратко отвѣтилъ юноша.— А шапанъ мнѣ все говоритъ, что я слишкомъ крѣпко жму.

— Да, по-русски... какъ всѣ здѣшнія дамы и дѣвицы.

Она брезгливо повела губами.

— Идемте туда!

Зина пошла впередъ.

Они прохаживались тихими шагами. Со второго же разговора Зина стала дѣлать Андрюшѣ маленькія замѣчанія тономъ ласковой и немного насмѣшливой старшей сестры. Андрюша молчалъ, но внутренне принималъ каждое замѣчаніе съ критикой. Разъ два позволилъ себѣ возгласъ:

— Это нераціонально!

Надъ этимъ словомъ Зина расхохоталась.

— Пожалуйста, безъ такихъ словъ!—приказала она ему.

Говорила она съ нимъ по-французски. Зина останавливала его, поправляла, остерегала отъ „московскихъ“ оборотовъ. Андрюша переходилъ къ русской рѣчи, какъ только начиналъ выражаться литературнымъ слогомъ.

Общество этого подростка было для нея дополненіемъ къ кумысу. Въ Андрюшѣ играла и бродила та же пѣнистая влага, еще закупоренная и ждавшая взрыва. Зина

глядѣла на него, и въ ея памяти воскресали прогулки по горамъ, въ тѣни буковыхъ просѣкъ, когда она такъ свободно и смѣло отдавалась своимъ дѣвичьимъ забавамъ. Давно ли это было? Пять-шесть лѣтъ назадъ. Въ мужчинахъ, какихъ она удостоивала прогулокъ по горамъ, уже не было ни въ одномъ того, что переполняетъ вотъ этого юношу. Ихъ всѣхъ, уже до встрѣчи съ ней, потеряла жизнь. И сколько фатовства или дерзкихъ претензій оказывалось въ нихъ! А въ немъ все такъ молодо и трепетно.

Она еще замедлила шагъ. Андрюша, уже совсѣмъ ободренный, говорилъ ей про вдову знаменитаго писателя, приѣхавшую вчера на лѣчение.

— Мы собирали ему на вѣнокъ, — продолжалъ онъ со вздрагиваньемъ неустановившагося голоса. — Ему можно многое было простить за его любовь къ народу и за то, что онъ пострадалъ.

— Кто? — спросила Зина.

Андрюша назвалъ имя писателя. Онъ уже произносилъ его нѣсколько разъ и не замѣтилъ, что по Зинѣ имя это скользнуло какъ что-то совершенно безразличное.

Онъ выговорилъ на этотъ разъ имя писателя съ особеннымъ удареніемъ.

— Вы думаете меня учить?

И съ вызывающей усмѣшкой она ему объявила, что „знаменитость“ очень мало ее занимаетъ, а еще менѣе его вдова, и что такому симпатичному „мальчику“, какъ онъ, не надо говорить высокимъ слогомъ: „любовь къ народу“, „пострадалъ“.

— *C'est à poutier de rire!* — вырвалось у нея, и она расхохоталась.

Андрюша весь вздрогнулъ отъ ея дробнаго смѣха. И досадно ему стало, и жутко по-новому, засосало въ груди и ударило въ виски. Онъ поддавался ей все сильнѣе. Она оскорбляла въ немъ его „принципы“, подсмѣивалась надъ нимъ, надъ тѣмъ, что онъ считалъ самымъ стоящимъ и важнымъ. Но голова только протестовала. Его влекло къ ней; а ему нужно идти къ барышнямъ изъ Симбирска, они согласились вмѣстѣ сидѣть въ залѣ, на концертѣ.

— Сегодня вечеръ у насъ, — выговорилъ онъ, когда они дошли до конца аллеи.

— Какой?

— Разсказчикъ изъ Москвы, очень хорошій, артистъ Малаго театра, и еще на цитрѣ артистъ...

Зина оспаривала его и тутъ: нельзя повторять все „артистъ“. Одинъ актеръ, другой играетъ на цитрѣ— вотъ и все.

— Вы еще успѣете, — рѣшила она и приласкала его взглядомъ.— Пойдемте къ рѣкѣ. Теперь посидимъ здѣсь.

Они сѣли подъ трельяжемъ. Блѣдно-розовый лучокъ лучей заката вырывался изъ-подъ затемнѣвшаго лѣсистаго холма. Стало чуть-чуть свѣжѣе, и влага пошла отъ рѣки и густыхъ зарослей позади той скамьи, куда они сѣли. Зина поглядѣла на закатъ, повела глазами внизъ, туда, гдѣ обрывъ къ Волгѣ, и остановила ихъ на лицѣ Андрюши. Онъ сидѣлъ въ полъ-оборота головы. Ему ужасно хотѣлось взглянуть на нее, но онъ не смѣлъ. Взглядъ Зины чувствовалъ онъ, и смущеніе его росло. Не мальчуганъ онъ, у него есть свои идеи, и ничего нѣтъ хорошаго въ томъ, что эта „аристократка“ не знаетъ даже, какіе есть первоклассные русскіе писатели. Спорить онъ съ ней не будетъ, но унижительно также измѣнять своему „credo“. Андрюша часто употреблялъ про себя это латинское слово.

— Вамъ нужно туда, на этотъ вечеръ?— лѣниво спросила Зина.

— Нѣтъ... я нисколько...

Ему уже не стало стыдно оттого, что онъ солгалъ.

— Лодку можно достать?

— Можно!

При одной мысли поѣхать съ ней вдвоемъ, у него духъ захватило. Онъ быстро отвѣтилъ: „можно“; даже и не подумалъ, дѣйствительно ли можно.

— Вы умѣете весломъ?— неловко выразилась Зина по-русски.

— Умѣю.

И опять онъ отвѣтилъ слишкомъ стремительно, не спросивъ себя, умѣетъ ли онъ грести, какъ слѣдуетъ?

Въ головѣ Зины мелькали уже сцены русскаго flirt'a. Андрюша пріятно тревожилъ ее и забавлялъ, и хотѣлось ей сбить съ этого мальчика его серьезность. Пускай въ немъ забродятъ инстинкты, которые сдѣлаютъ изъ него собачонку. Тогда онъ не станетъ говорить литературнымъ слогомъ и смотрѣть студентомъ „съ принципами“. Онъ скажетъ ей послѣ спасибо. Ее самое потянуло помолодѣть, позабыть, что она жена Парменія Никитича Рынина, отдаться волнѣ нахлынувшего здоровья.

— Marchons!—звонко приказала она Андрюшѣ.

V.

Душное послѣ-обѣда давило всѣхъ: и больныхъ, и здоровыхъ. Краснымъ шаромъ висѣло солнце посреди густого пара. Трудно дышалось даже въ тѣни.

Въ оврагѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наверху помѣщался павильонъ татарки, на камнѣ, у самой расщелины, сидѣлъ Андрюша, съ открытой головой, въ парусинной блузѣ. Голову онъ опустилъ низко и смотрѣлъ на тонкую, чуть замѣтную, струйку воды, пробирающуюся по камешкамъ. Фуражка лежала на травѣ. Волосы его были въ беспорядкѣ. Одна прядь спустилась низко на лобъ, у переносицы.

Онъ сидитъ такъ уже больше четверти часа. Обыкновенно блѣдное, лицо его пылало. Цѣлый день пилъ онъ кумысъ—выпилъ вдвое больше своей порціи. Съ раннего утра ходилъ онъ то очень скоро, то чуть двигаясь, ходилъ въ городъ, на пристань, къ паровой мукомолѣ, опять въ городской садъ; ходилъ долго по саду сосѣднаго кумыснаго заведенія, гдѣ у него не было и знакомыхъ; спускался раза три къ рѣкѣ, въ разныхъ мѣстахъ...

Ночь онъ не спалъ—такъ всю ночь, напролетъ. Вчера онъ проплакалъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сидитъ, въ сумерки. Ночная мгла застала его тутъ. Долго сдерживалъ онъ рыданія, стыдился ихъ. Онъ большой, почти студентъ—плакать! Но слезы не облегчили его. Въ груди точно все было оборвано. Тогда его потянуло къ рѣкѣ. Мысль покончить съ собой пришла сразу и казалась чудеснымъ облегченіемъ. Нестерпимѣ ничего быть не могло того, что онъ испытывалъ...

Но какъ сдѣлать, чтобы въ одинъ мигъ перестать жить? Такого обрыва, откуда можно прямо броситься—нѣтъ. Внизу плоско, бечевникъ, песокъ. Пока дойдешь до глубины, чтобы съ головой, все въ тебѣ остынетъ, испугаешься, да и глупо. Раздѣтымъ? Точно купаться пойдешь. Въ платѣ—еще глупѣе. Андрюша разсуждалъ въ припадкѣ своего страшнаго горя. Разсужденія и привели его къ такому переполоху.

Наканунѣ онъ дошелъ до выводовъ, до такихъ выводовъ, что жить нельзя, если глубоко не презирать себя. А онъ уже чувствуетъ самое явное презрѣніе къ себѣ.

Онъ его даже физически ощущаетъ, точно желчный вкусъ на языкѣ.

Цѣлую недѣлю онъ былъ для нея игрушкой, чѣмъ-то ничтожнѣе болонки или москки. Съ первыхъ ея ласкъ онъ уже сознавалъ, что эта женщина хочетъ испортить его, развратить, осквернить все, что онъ считаетъ честнымъ и высокимъ. Она не переставала издѣваться надъ нимъ. Чуть онъ скажетъ какую-нибудь „хорошую“ вещь, она сейчасъ же:

— Que vous êtes insupportable, bébé! Je vous permets ceci et cela—et vous raisonnez toujours!

Отъ этихъ „ceci et cela“ онъ совсѣмъ безумѣлъ, готовъ былъ цѣловать ея ноги; разъ поцѣловалъ даже то мѣсто на травѣ, гдѣ она прошла. Но „ceci et cela“ Зинаиды Мартыновны были только „flirt'омъ“. Она точно опыты дѣлала надъ нимъ, не желала и знать, что ему скоро двадцать лѣтъ минетъ. Она позволяла съ собой все, что входило въ ея программу. Андрюша смутно понималъ это, но не смѣлъ сначала и мечтать о чемъ-нибудь иномъ. И вдругъ посмѣлъ—и высказалъ, и вышло это у него не мольба, не восторженный порывъ, а именно требованіе. Какъ это такъ случилось, онъ и не могъ сначала объяснить:—теперь вотъ объясняетъ и очень опредѣленно.

Его развратили въ пять-шесть дней. Онъ глотнулъ яду. Въ немъ заговорилъ мужчина, заявилъ впервые свои права. Захотѣлъ взять свое, почувствовалъ въ учительницѣ прикосновеніе женщины, которой „нельзя спускать“.

И его обида, страхъ за себя, презрѣніе къ себѣ, вплоть до мысли о самоубійствѣ, послѣ безсонной ночи, перешли въ нѣчто другое. Съ утра, сегодня, когда онъ ходилъ безъ умолку, пилъ одну бутылку кумыса за другой, въ головѣ его распалаясь совсѣмъ иная мысль...

Такъ оставить это нельзя!.. Какъ бы онъ себя ни презиралъ, но вѣдь онъ былъ жертвой!.. Его дерзость вызвала тѣмъ, какъ она дѣйствовала съ нимъ. И хоть бы она остановила его гнѣвно, оттолкнула бы, ну, дала бы пощечину, а то нѣтъ: она начала его вышучивать, давать ему совѣты, называть: „un ingrat“ и „un petit bonhomme présomptueux“, и разными другими модными заграничными выраженіями, по тѣхъ онъ не удержалъ въ памяти. И на другой день, когда онъ хотѣлъ броситься на колѣни и просить прощенія, она утомленно улыбнулась, безъ словъ прошла мимо, и сказала только одно слово:

— Basta!

Значить „баста“—и по-русски такъ выходить. И какъ будто онъ не существуетъ больше. Комаръ прожужжалъ,—отмахнула его; можно и прихлопнуть хлопучкой!..

Но ядъ—въ немъ. Онъ ее отлично понималъ. Знаетъ онъ, что больше уже ему не быть Андрюшей Казанцевымъ, котораго товарищи звали „принципистомъ“, юношей съ чистыми взглядами, съ вѣрой въ женское достоинство. Никогда, никогда не быть! Тотъ Андрюша умеръ. Да; но простить этого нельзя. Съ такой „барыней“ все позволительно. Она не стѣснялась ничѣмъ: всѣ видѣли, какъ они уходили вдвоемъ гулять, оставались до поздней ночи въ паркѣ, катались въ лодкѣ, ѣздили два раза къ Жигулевымъ горамъ. Все заведеніе уже загудѣло толками. Барышни Соймоновы, брюнетка изъ Пензы, два офицера, его знакомые, не давали ему проходу. Тогда его это сладко щекотало.

Чѣмъ больше думалъ онъ сегодня въ жарѣ, въ полупьянствѣ, тѣмъ глубже затыкала онъ куда-то свои прежнія правила и взгляды.

Не только нельзя спустить этого безъ наказанія, но надо ей показать, что уроки ея пошли ему на пользу. Жаловаться онъ не станетъ, канючить, чтобы надъ нимъ же подтрунивали. Нѣтъ, онъ заговорить о ней другимъ языкомъ, будетъ упоминать ея имя въ такомъ тонѣ, что всякій долженъ укрѣпиться въ своихъ подозрѣніяхъ. Да и этого еще мало. Не то ему нужно, чтобы его сочли возлюбленнымъ этой „гордычки“, которая держала себя точно принцесса; а то, чтобы въ нѣсколько дней всѣ стали на нее глядѣть, какъ на „Богъ знаетъ кого“.

Подло это будетъ, отвратительно; но вѣдь прежняго Андрюши Казанцева въ немъ уже нѣтъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ — онъ задохнется, съ ума сойдетъ: ни того, ни другого онъ не желаетъ изъ-за такой „госпожи“.

Когда онъ пришелъ къ этому выводу, сидя у ручья, въ тѣни оврага, онъ вдругъ повеселѣлъ. Радостное, злобное чувство овладѣло имъ и разлилось по всемъ жиламъ. Онъ всталъ, наклонился къ ручью, зачерпнулъ пригоршней студеной воды, плеснулъ себѣ въ лицо, потомъ выпилъ изъ другой пригоршни, обтеръ платкомъ лицо и руки, надѣлъ фуражку и сталъ подниматься къ парку.

Въ головѣ возбужденіе его проходило, но лицо было все такъ же красно. Андрюша оправилъ на себѣ блузу и

пошелъ бойкой походкой, перескакивая съ глыбы на глыбу; кое-гдѣ онъ взбѣгалъ по крутому спуску дороги. Переполненный своими „планами“, онъ желалъ одного—поскорѣе приступить къ дѣлу.

Зина сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, у татарки, и пила послѣднюю предобѣденную бутылочку. Жаръ особенно мучилъ ее сегодня. Батистовое платьѣ тяготило какъ шерстяное. Она вся ушла подъ свой японскій зонтикъ; открытыя выше локтя руки укрывались на этотъ разъ отъ загара въ шелковыхъ высокихъ перчаткахъ и опускали отъ нихъ маленькую прохладу.

Утромъ получила она письмо изъ Ширяева. Парменій Никитичъ соскучился по ней. Если она думаетъ остаться еще больше недѣли—онъ „нанесетъ ей визитъ“,—писалъ онъ по-русски, по своей неизмѣнной привычкѣ. Этого она совсѣмъ уже не желала—именно теперь. Такъ несносно жарко, и явится онъ, еще, пожалуй, съ заявленіемъ своихъ супружескихъ правъ. Она опять впала въ безразличное равнодушіе и вялость. Докторъ сказалъ ей, что больше недѣли не слѣдуетъ жить, а то „перепуститъ мѣру“. Письмо Рынина являлось новымъ побужденіемъ. Безъ кумыса задыхаться въ этой африканской жарѣ—хуже, чѣмъ ходить по прохладнымъ комнатамъ ширяевской усадьбы.

Третій день шелъ, какъ она покончила свой flirt съ юношей. Послѣ письма мужа мысль ея перешла къ Андрюшѣ. Она зажмурила глаза, и передъ ней встала вся фигура этого мальчика, который оказался совсѣмъ не такимъ, какъ она думала. Напрасно она не надрала ему уши за то, что онъ и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя большимъ. Зачѣмъ она стала шутливо усовѣщивать его? Какъ это глупо! И въ такомъ мальчикѣ, право, ничего нѣтъ неожиданнаго. „Aucune saveur âpre“,—опредѣлила она мысленно. Гораздо умнѣе и толковѣе все выходило съ опытными мужчинами за границей, когда она каждый сезонъ развлекалась чѣмъ-нибудь новымъ, съ наступленіемъ весны. О! тѣ прошли отличную школу! Самый дерзкій былъ еще прищипъ, но тотъ выкупалъ тѣмъ, что такъ забавно просилъ извиненія, особенно послѣ обѣда, когда шампанское и ликеры дѣлали свое. А тутъ: школьникъ, неловкій, съ самой обыкновенной наружностью, заговорилъ чуть не о своихъ „правахъ“, точно Парменій Никитичъ. Ея уроки не пошли впрокъ. Онъ остался все

съ тѣми же нелѣпыми русскими идеями и невозможнымъ тономъ... Даже такого мальчика, „un potache“,—прибавила она про себя парижское прозвище,—не сумѣла она въ два-три приѣма превратить въ собачку, прыгающую на заднихъ лапкахъ передъ кусочкомъ сахара.

Вѣдь она вела себя не только банально, но и неосторожно. Всѣ могли видѣть, какъ они сидѣли въ темныхъ уголкахъ парка, ѣздили по рѣкѣ, отправлялись вмѣстѣ въ открытомъ экипажѣ!

Неосторожно? Но какое ей дѣло до кого бы то ни было изъ всей этой публики?

Зина отвѣтила такъ, и тотчасъ же задумалась. Да, ей мало было дѣла до пересудовъ тамъ, за границей, когда она знала себѣ цѣну и бравировала своимъ положеніемъ независимой дѣвицы, принадлежавшей къ особому міру, не знающему надъ собой никакого авторитета, кромѣ постановленій высшаго стиля. Здѣсь совсѣмъ другое. Она ото всѣхъ сторонилась—это правда, показывала свое полнѣйшее нежеланіе знакомиться. Но она—въ Россіи. То же бы сказала и Сосѣ. Этого мальчугана всѣ знаютъ; у него есть мать, тутъ же... Навѣрно, пошли толки, подглядыванья... Что же это выходитъ со стороны? Жила барыня, точно заѣзжая принцесса, вдругъ избрала юношу, и давай съ нимъ любезничать въ аллеяхъ!..

Краска ударила Зинѣ въ голову. Она раскрыла глаза.

Андрюша Казанцевъ стоялъ по ту сторону стола и при поднималъ фуражку.

— Изволили соснуть?—сказалъ онъ и на особый ладъ улыбнулся.

Лицо у него все красное, волосы влажные; блуза смѣшновато торчитъ изъ-подъ кожанаго кушака.

— Hein?—спросила она его и опять полuzакрыла глаза.

Онъ уже знакомъ былъ съ ея заграничнымъ окликомъ и не смутился.

— Я присяду,—выговорилъ онъ еще смѣлѣе, зашелъ съ другой стороны и сѣлъ рядомъ съ ней.

Зина съ удивленіемъ поглядѣла на него. Ей пришла мысль, что Андрюша „un peu raff“—выпилъ, подлилъ къ кумысу чего-нибудь спиртного: она же ему говорила какъ-то, что съ коньякомъ кумысъ очень вкусенъ.

— Que faites-vous de bon, jeune homme?—спросила она и отодвинулась въ уголъ дивана,—выговорила такимъ то-

номъ, что воспитанный мальчикъ долженъ былъ онъ понять, какъ ему себя вести.

Эта встрѣча и то, какъ Андрюша разсѣлся около нея, особенно ей не понравились въ ту самую минуту, когда ей пришлось сдѣлать себѣ выговоръ.

Въ головѣ Андрюши выскакивали одна фраза за другой. Съ чего именно начать, чѣмъ ее прижать къ стѣнѣ.

Какъ онъ только сѣлъ, то почувствовалъ приливъ смѣлости. Онъ даже взглянулъ на нее, обернувшись къ ней всѣмъ лицомъ, съ такой миной, что Зина не удержалась и спросила:

— Que'est-ce qui vous prend?

— Вы, madame Рынина,—заговорилъ Андрюша и снялъ фуражку, — думаете, можетъ-быть, что я пришелъ вамъ грозить?..

Она чуть не разсмѣялась. Андрюша увидалъ смѣхъ въ ея глазахъ, сталъ блѣднѣть, но подавилъ свое волненіе.

— Смѣшного тутъ ничего нѣтъ,—тихо и съ искусственной сладостью выговорилъ онъ.—Позвольте посидѣть съ вами, въ послѣдній разъ, и поговорить.

— Пожалуйста,—сказала она и положила ногу на ногу.

Это показалось ей довольно „drôle“.

— Вотъ я вамъ расскажу, что со мной было и третьяго дня, и вчера, и сегодня также. Я хотѣлъ сначала глупость одну... большую сдѣлать...

„Чуть не сказалъ, какую!“—остановилъ себя Андрюша.

Она его перебила, засмѣялась и замѣтила, что въ его лѣта гораздо лучше дѣлать глупости, чѣмъ напускать на себя серьезность. Но такимъ Андрюша продолжалъ ей не нравиться, и если бы не было такъ тигостно жарко, она встала бы и ушла, оставивъ его съ нелѣпымъ объясненіемъ.

— Только я все это бросилъ.

„Нѣтъ, все ты не то!“—остановилъ онъ себя во второй разъ.

Зло его начало разбирать на себя: такъ онъ отлично настроенъ, а не можетъ попасть въ настоящую ноту.

По маленькому движенію Зины онъ могъ подумать, что она собирается встать.

— Рѣчь моя будетъ короткая, Зинаида Мартыновна. Вы, конечно, считаете меня божьей коровкой. Не такъ ли? Такъ, взявъ, подошелъ, посадилъ на ладонь и дунулъ...

— Comprends pas!

— Ну, это позвольте!—заговорил онъ уже совсѣмъ по-другому, мужественнымъ голосомъ, поднялъ голову и тряхнулъ волосами; тонъ онъ настолько поднялъ, что его легко могли слышать гуляющіе на верхней площадѣ.—Вы хорошо все понимаете. И уроковъ во французскомъ языкѣ я больше не желаю брать.

„Это что такое?“—спросила Зина про себя, и собралась дѣйствительно идти.

— Позвольте,—повторилъ Андрюша.—Вамъ ходить теперь жарко. Рѣчь моя будетъ короткая.—опять повторилъ онъ.—Вы со мной такъ обошлись, Зинаида Мартыновна, что я совсѣмъ не намѣренъ изображать изъ себя овечку. Я могъ бы и подъ шумокъ отплатить вамъ: но это слишкомъ гнусно. Васъ я не боюсь и прямо скажу, что я сдѣлаю!

— Что вы сдѣлаете?—по-русски спросила Зина и выпрямилась.

— А то, что всѣ здѣсь отлично узнаютъ васъ.

И онъ такъ упорно поглядѣлъ ей въ глаза, что Зинѣ захотѣлось ударить его, если бы у нея былъ хлыстъ.

— Ха-ха-ха!—нѣсколько истерически вырвалось у нея.

Она, тотчасъ послѣ того, хотѣла было приподняться, но осталась. Нельзя же этому нахальному мальчишкѣ дать поводъ подумать, что она его испугалась.

— Vous allez bien!—выговорила она глухо.—Vous voulez me faire chanter?

Андрюша прекрасно понималъ фразу и перевелъ сейчасъ же ее себѣ по-русски.

— Ужъ это какъ вамъ угодно! Считаю меня шантажистомъ? Что жъ! Я—вашъ ученикъ. Вы меня такъ воспитали въ одну недѣлю. Только вы невѣрно понимаете шантажъ. Я у васъ ничего не домогаюсь. Пугать я васъ не желаю, а просто говорю, что такъ оставить этого нельзя!..

Онъ сталъ говорить спокойнѣе, тономъ и голосомъ взрослого, съ жестами рукъ челоѣка, мыслящаго вслухъ.

— Разсудите только,—продолжалъ онъ,—какъ же можно это такъ оставить? Вы меня приласкали. Чего же мнѣ еще? Вы могли мнѣ и пощечину дать тогда, въ тотъ вечеръ. Я знаю, что я былъ дерзокъ. Но я не за то долженъ выставить васъ въ настоящемъ свѣтѣ. Вы съ каждымъ такъ обойдетесь. Я это понимаю. Вы, Зинаида Мар-

тыновна, совсѣмъ у меня въ душѣ все перевернули, и я просто хочу освѣтить вашу личность.

Онъ сквозъ зубы засмѣялся. На глазахъ у него были слезы.

— Вотъ видите, вашъ bébé... такой глупенькій... Сколько вы надо мной издѣвались! А теперь я опытенъ сталъ.

— *Où voulez-vous en venir?*—сердито выговорила Зина.

— Да, вы напрасно такъ обрываете меня. Я васъ не боюсь: не я у васъ, а вы у меня въ рукахъ.

— Я?

— Обязательно!

И онъ началъ ей доказывать все съ тѣмъ же отрывистымъ смѣхомъ сквозъ зубы, что какъ она ни высоко себя держитъ, все-таки она здѣсь живетъ на людяхъ. До прошлой недѣли всѣ сплетничали про нее, но съ завистью и почтеньемъ, а потомъ иначе заговорили. Надъ нимъ стали также подшучивать, но онъ, разумеется, не хвастался,—она можетъ этому вѣрить или нѣтъ—ему это все равно... Теперь онъ молчать не памфренъ. Зачѣмъ онъ это сдѣлаетъ? Къ чему станетъ падать ее? Изъ какихъ нравственныхъ принциповъ? Она поиграла съ нимъ слишкомъ бездушно; да и это не главное; главное—то, что она маску на себѣ носитъ... Этакъ, какъ она, вести себя женщинѣ съ такою гордостью и презрѣніемъ ко всему,—довольно рискованно...

Зина слушала Андрюшу точно въ полудремотѣ. То, что онъ говорилъ, и какъ онъ говорилъ, казалось ей чѣмъ-то въ родѣ страницы изъ нелѣпой книжонки. Жаръ, кумысъ, вялость всего тѣла и неожиданность этой выходки парализовали ея волю.

Такъ просидѣла она, кажется, больше получаса. Андрюша все разсуждалъ вслухъ, но уже съ разными новыми соображеніями, входилъ въ роль мстителя за „поруганную общественную совѣсть“. Она схватила эту фразу въ одной изъ его тирадъ.

— *Un justicier, quoi!*—вскричала она и разразилась хохотомъ.

Она встала; поднялся и Андрюша.

— *Dites à votre maman qu'elle vous donne la verge!*—кинула она ему и повернула къ подъему наверхъ.

— Хорошо-съ, превосходно! — донесся до нея голосъ Андрюши. — Я васъ предупредилъ, а теперь посмотримъ. Вашимъ ученикомъ будете довольны, *madame Ринина!*..

Эти два слова: „madame Рынина“, произнесенныя московскимъ акцентомъ, взбѣсили ее. Она едва не обернулась и не сбѣжала къ нему.

И смѣшно, и скверно ей было, когда она поднялась къ себѣ. Сейчасъ же раздѣлась, легла; мигрень съ тошнотой схватила ее, не позволили ей встать къ обѣду. За докторомъ она не послала. Сталь мигрень проходить къ вечеру, но въ груди у нея жгло и подступалъ къ горлу истерическій клубокъ, что съ ней бываетъ только когда она ужасно на что-нибудь разсердится или чего испугается. Да вѣдь этого отвратительнаго „міоша“ надо выстѣчь, и сейчасъ же! Но кто возьметъ на себя наказаніе? Развѣ не она довела себя сама до такой нелѣпой исторіи? Кому она можетъ пожаловаться? Не матери же мальчугана? И развѣ онъ уже не началъ свой шантажъ?

Шантажъ ли это? Нѣтъ, но это хуже шантажа. Она видить въ выходкѣ мальчика все то же враждебное ей настроеніе, что-то чуждое, неожиданное, дикое, что ее давило въ Россіи. Каждый мальчишка непремѣнно выступаетъ мстителемъ за „поруганную общественную совѣсть“...

Отъ этой фразы она и въ постели болѣзненно расхоталась, и смѣхъ ея прошелъ только послѣ успокоительныхъ капель, которыми поила ее Милли.

Въ первый разъ взглянула она на Милли, желая узнать въ ея глазахъ, что она думаетъ насчетъ ея flirt'a съ Андрюшей. Ей показалось, что Милли усмѣхается глазами. Раза два приходила она съ желаніемъ что-то сказать, когда Зина сидѣла у окна послѣ припадка, часу въ восемьмѣ.

— Was wollen Sie?—спросила она ее.

Милли пожалась на мѣстѣ и выговорила:

— Die gnädige Frau wünschen, vielleicht, etwas?

А глаза ея какъ будто говорили:

„Не угодно ли, чтобы я сходила за тѣмъ молодымъ господиномъ?“

Зина чуть не выгнала Милли.

Ночь прошла спокойно; но утромъ она чувствовала не столько физическую слабость, сколько душевную тревогу, и вдругъ приказала Милли начать укладываться; потомъ отыѣнила.

Точно будто она боится на самомъ дѣлѣ? Ей нечего здѣсь заживаться, это правда; но ѣхать ни сегодня, ни завтра она нарочно не желаетъ.

Какъ далеко она ни отходила мыслью отъ вчерашняго, отъ Андрюши, отъ публики заведенія, все это прыгало у нея въ головѣ. И балконъ сдѣлался ей непріятенъ; она сѣла противъ двери, въ глубинѣ комнаты. Штору приказала спустить. Показалось ей, что на дворѣ нестерпимая жара, и она не пойдетъ ни за что пить кумысъ въ садъ; приказала принести его въ комнаты, нашла вкусъ его отвратительнымъ и кончила тѣмъ, что послала за докторомъ, чего она обыкновенно не дѣлала въ послѣднія двѣ недѣли,—совѣтовалась съ нимъ гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ.

Докторъ пришелъ сейчасъ же, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, началъ подмигивать и позволилъ себѣ такую фразу:

— Вы юношу-то не очень просвѣщайте. Вѣдь у него плевритъ былъ зимой!

Какъ онъ смѣлъ это? И чтò это значило?

Это значило то, что онъ считаетъ еѣ „барынькой“, которая на кумысъ „просвѣщаетъ“ школьниковъ. И въ тонѣ его не только звучала непозволительная безцеремонность, но и насмѣшка, пренебреженіе.

„Неужели-де не могли вы остановиться на чемъ-нибудь болѣе стоящемъ? Или любите примѣры!“

Еще удивительно, какъ все это не сказалъ. Она спросила его насчетъ отъѣзда; но вообще не хотѣла показать, ни подъ какимъ видомъ, что она внезапно собралась.

— Переждите, вотъ жары спадутъ,—сказалъ докторъ,—дорогой сильно измаетесь, и лѣчение все, пожалуй, пражомъ пойдетъ.

И опять въ глазахъ появилась игра.

Послѣ визита доктора, Зина начала поспѣшно одѣваться. Туалетъ она выбрала еще ни разу не надѣтый ею здѣсь, для утра слишкомъ нарядный. Она спустилась съ лѣстницы и въ дверяхъ террасы остановилась—на обѣихъ скамейкахъ сидѣли дѣвицы, знакомыя Андрюши; съ ними офицеръ и ея сосѣдъ, чахоточный миллионщикъ.

Никогда бы она не повѣрила, что можетъ вдругъ испытывать такое малодушное волненіе. Но не назадъ же идти? Зина пошла мимо нихъ тихо, съ распущеннымъ зонтомъ. Она не видала ихъ лицъ, но до ея слуха дошли какія-то слова шопотомъ. Кажется, кто-то засмѣялся. Несомнѣнно—надъ ней. Всѣмъ извѣстна ея исторія съ Андрюшей. Даже въ спинѣ своей ощутила она взглядъ этихъ барышень и ихъ кавалеровъ.

Ничего болѣе постыднаго она не испытывала никогда! Такъ упасть—характеромъ, духомъ, стилетъ—могла она только въ Россіи. Она негодовала на себя, и такъ ей было гадко, что она хорошенько не видѣла даже, куда она идетъ. Вмѣсто того, чтобы спуститься въ паркъ, она взяла, безъ всякой надобности, къ воротамъ. Ей попалась пожилая дама, съ сѣдыми гладкими волосами подъ низенькой шляпкой, въ парусинной блузѣ и подъ такимъ же зонтикомъ.

Зина приняла ее почему-то за мать Андрюши и быстрѣе прошла мимо нея, чѣмъ того желала. У самыхъ воротъ она повернула и пошла къ татаркѣ.

И татарка поклонилась ей съ особой усмѣшкой. Тревожно оглянувшись Зина въ сторону дивана. Неужели она боится настоящаго скапдала отъ мальчишки?

Андрюша сидѣлъ спиной и громко говорилъ съ лите-раторомъ въ золотыхъ очкахъ. Она круто повернула и стала спускаться книзу.

Чей-то мужской голосъ громко сказалъ:

— Что жъ вы плошаете, батенька? Идите за дамочкой! Не строгая!

Обернуться было бы ужасно. Зина спустилась еще лѣвѣе, окольной дорожкой прошла въ садъ за строеніями, и больше не выходила цѣлый день.

Черезъ два дня, такой же убійственно-медленный поѣздъ везъ ее въ душномъ вагонѣ съ триповыми диванами. Она не могла ни читать, ни смотрѣть въ окно, ни думать о томъ, что ее ожидаетъ въ усадьбѣ. Ее не оставила одна мысль: она чуть не убѣжала отъ угрозъ мальчика, который все-таки имѣлъ право хвалиться тѣмъ, чего не было—и всѣ тамъ, на кумысѣ, ему, разумѣется, вѣрили!..

VI.

Зачастили осенніе дожди. Въ Ширяевѣ—въ рынинской усадьбѣ—господа сидѣли безвыѣздно.

Зина застала мужа среди хлопотъ окончательнаго устройства. Прежніе хозяева только что выѣхали. Съ собой они взяли мебель изъ кабинета и спальни, шкапы съ книгами и обстановку верхняго этажа. Когда Рынинъ сталъ обдумывать отдѣлку комнатъ, оставшихся безъ мебели, онъ незамѣтно пришелъ къ тому же типу, какой былъ и прежде, начиная съ кабинета. Это онъ замѣтилъ поздно, когда вещи были привезены изъ Москвы и разставлены.

Зина назвала отдѣлку спальни „infecte“ и сразу объявила мужу, что она удаляется наверхъ, гдѣ бывшую комнату гувернантки отдѣляетъ на свой вкусъ.

Противъ такого распоряженія Рынинъ серьезно не возражалъ. Въ самомъ дѣлѣ, спальня, соединенная съ кабинетомъ аркой, была неудобна, а чтобы сдѣлать ее удобной, надо было проломать стѣну въ библіотеку; тамъ стояли пока шкапы безъ книгъ. Кое-какая библіотека, бывшая у Рынина въ Петербургѣ, помѣщалась еще въ ящикахъ; можно было забрать часть стѣны, превратить арку въ обыкновенную дверь, да и тогда — находила Зина—эта спальня будетъ для нея ужасно безпокойна. Ей достаточно извѣстны привычки Парменія Никитича. Онъ слишкомъ шуменъ въ своихъ движеніяхъ, откашливается по-военному, утромъ, когда дѣлаетъ свой туалетъ. Съ трудомъ выносила она, въ первое время замужества, всѣ эти подробности, „*sentant la caserne*“. Теперь, на свободѣ, одна, успѣла она забыть о нихъ и ни за что на свѣтѣ не желаетъ опять привыкать къ нимъ, по доброй волѣ.

Вопросъ о спальняхъ былъ рѣшенъ. Не безъ гримаски приняла она и одну изъ тѣхъ двухъ кроватей, что выписаны были изъ Москвы. Она находила ее тяжелой, узкой, слишкомъ низкой. Остальное было сдѣлано по ея указаніямъ, хотя она не переставала повторять:

— Pourquoy ces dépenses?! Je ne resterai pas dans ce trou!

Всякій новый рубль, выданный на эту усадьбу, дразнилъ ее. Но она все-таки уступала. Два-три раза мужъ обращался къ ней въ особомъ тонѣ, который онъ считалъ на высотѣ своего достоинства. Онъ не просилъ, а говорилъ:

— Предстоятъ, мой другъ, вотъ еще какіе расходы.

Все было у него записано аккуратно на бумажѣ. Онъ не позволилъ бы ей заподозрить его хотя въ десяти рубляхъ, взятыхъ на свои личныя надобности. Во всемъ онъ отдавалъ отчетъ.

Такъ вышло еще около пяти тысячъ. Сдѣланы были въ Москвѣ нѣкоторые хозяйственные заказы, но главная работа Парменія Никитича сводилась къ вѣшнему виду усадьбы. Въ агрономіи онъ мало понималъ; да у купца хозяйство велось весьма исправно. По совѣту Василія Кузьмичева, Рынинъ удержалъ того же нарядчика изъ отставныхъ фейерверкеровъ, жившаго долго на большомъ

хуторѣ въ Орловской губерніи, у извѣстнаго хозяина. Но усадьба нуждалась, по мнѣнію Рынина, въ гораздо болѣе представительности. До возвращенія Зины, выведена была каменная ограда съ воротами; чугунную рѣшетку только что вдѣлали. Службы подновили. Садъ тоже обнесень былъ, со стороны двора, красивымъ деревяннымъ заборомъ въ русскомъ стилѣ. Шла широкая дорожка изъ плитъ отъ садовыхъ воротъ до параднаго подъѣзда. Дворъ уравнили; посрединѣ оставили овальную площадь съ зеленымъ дерномъ; кругомъ убили щебнемъ.

Всѣ эти украшенія нисколько не утѣшили Зину. На нихъ она смотрѣла какъ на игрушки для смѣшнаго чванства Парменія Никитича. И если онъ разсчитывалъ возвращаться часто въ Ширяево, здѣсь отдыхать отъ службы, сюда, быть-можетъ, удаляться въ случаѣ временной неудачи, она еще менѣе простить себѣ свое послабленіе: вѣдь она дала ему средства исполнить его затѣю.

Въ Ширяевѣ Зина не могла устроить свою жизнь, хотя такъ, по крайней мѣрѣ, чтобы день былъ чѣмъ-нибудь наполненъ. Рынинъ часто уѣзжалъ въ городъ. Она была этому рада; но и одиночество начало засасывать, хотя и меньше тяготило, чѣмъ присутствіе мужа. Пока стояли хорошіе осенніе дни, она ходила по саду и читала. Недѣли двѣ ушли на отдѣлку ея комнатъ и на приведеніе въ порядокъ шкаповъ и комодовъ съ бѣльемъ и туалетами. Но обзоръ своего „trousseau“ только ярче давалъ чувствовать нелѣпость ея карантина: туалеты выцвѣтутъ и сдѣлаются запоздалыми. Хотѣла она ѣздить верхомъ—лошади не оказалось и негдѣ было даже купить ее по сосѣдству.

До кумыса, въ Москвѣ, Зина совсѣмъ было потеряла свою прежнюю смѣлость и привычку къ физическимъ упражненіямъ. Новый наплывъ силъ, съ какимъ она пріѣхала въ Ширяево, только раздражалъ ее въ иныя минуты. Она предалась бы спорту, но какому и съ кѣмъ? Не съ Парменіемъ же Никитичемъ играть въ крокетъ или въ мячъ! Ее даже ни разу не потянуло за ограду усадьбы. Тамъ жили мужики, жили попы, жилъ Василій Кузьмичевъ съ женой Анетой—вотъ и все. Эту чету Зина называла:

— Нашъ единственный знакомый домъ.

Одинъ разъ была она у обѣдни и не достояла. Отъ мужиковъ и бабъ шелъ острый запахъ. На бабахъ сѣ по-

правились большія суконныя накидки, и она думала даже сшить себѣ такую суконную накидку изъ плотнаго меринпоса. И, стоя въ церкви, она чувствовала себя неловко: всѣ эти бабы и дѣвки поворачивали къ ней свои толстыя, загорѣлыя, курносые лица и вздымавшіеся горой бюсты въ разнѣзныхъ ситцевыхъ не то жилетахъ, не то корсажахъ—безвкусныхъ, рядомъ съ красивыми бѣлыми накидками. Ни разу не дрогнуло въ ней что-нибудь похожее на мысль, что вотъ она на родинѣ, жалость къ этому люду или простое любопытство. Она хорошо помнила то, что Василій говорилъ о бывшихъ ширяевскихъ крѣпостныхъ, какъ они быются и сколько съ нихъ сходить податей...

Но развѣ это ея дѣло? Парменій Никитичъ пускай и жалѣетъ всѣхъ этихъ мужиковъ!.. Онъ до сихъ поръ проявилъ свое великодушіе тѣмъ только, что созывалъ сходку, угостилъ ихъ и произнесъ спичъ о необходимости жить въ мирѣ, и о своей готовности всегда подать имъ добрый совѣтъ.

Черезъ недѣлю они пришли просить его насчетъ одной „лощинки“, но онъ имъ уступки не сдѣлалъ до истечения стараго контракта, а только общалъ, „если они будутъ во всемъ покорны бывшему барину“.

Ей надоѣло ловить его на фразѣ и показывать, что онъ во всемъ такой же „roublard“, каковымъ былъ и въ дѣлѣ женитьбы на ней. Задавались дни, когда она за обѣдомъ говорила по пяти словъ. Предложилъ онъ ей знакомство съ какой-то сосѣдкой, его „товарищемъ“, когда онъ учился въ школѣ, въ Германіи; они вмѣстѣ брали уроки чего-то. Но она попросила его избавить ее отъ деревенскихъ знакомствъ.

— Ты не выдержишь, смотри!—предупредилъ онъ ее.

Полили дожди, и черезъ недѣлю ея ширяевская жизнь стала невыносимой.

Десятый часъ. Въ гостиной горитъ лампа на среднемъ овальномъ столѣ. Комната вся утонула въ темнотѣ. Свѣтло-синяя краска стѣнъ кажется совсѣмъ темной. Узкія зеркала простѣнковъ отражаютъ матовый колпакъ лампы. Дождь безъ перерыва сылетъ по стекламъ высокихъ оконъ, выходящихъ въ палисадникъ. Двери отворены и въ залу, и въ кабинетъ. Въ залѣ горитъ висючая лампа и освѣщаетъ зеленое сукно бильярда. На письменномъ столѣ кабинета—двѣ свѣчи.

Ушедшая совсѣмъ въ бархатную короткую пелеринку съ мѣховой опушкой, сидитъ Зина на жесткомъ диванѣ съ высокой спинкой и упорно смотритъ на дверь балкона. Глаза ея точно заволокло. Она только что перебирала шарики солитера, замѣнявшаго ей пасьянсъ.

Изъ кабинета раздается шуршанье газетнаго листа. Рынинъ докапчивалъ чтеніе газеты. Онъ положилъ ее, сложивъ вчетверо, на столъ, выпрямился, закурилъ новую папиросу, вышелъ въ гостиную и остановился въ дверяхъ.

Взглядъ на жену заставилъ его усмѣхнуться едва замѣтно. Онъ зналъ, что въ душѣ его жены, и не смущался. Пускай потоскуетъ, это ей полезно; но только надо окончательно сломить презрительно-брезгливое отношеніе къ нему, особенно съ возвращенія сюда. Не требуетъ онъ отъ нея нѣжностей, изліяній, но не желаетъ и такого фиктивного сожителства, полгода послѣ брака.

На немъ было домашнее офицерское пальто. Большіе сапоги онъ носилъ и дома, съ наступленія осени.

Рынинъ началъ ходить изъ гостиной въ кабинетъ. Скрипъ его сапоговъ заставилъ Зину поморщиться.

— Зачѣмъ мы здѣсь сидимъ?—спросила она вдругъ и окинула взглядомъ всю жесткую обстановку комнаты.

— Вы знаете, зачѣмъ,—отвѣтилъ Рынинъ и сталъ посрединѣ гостиной. — Раньше новаго года пѣтъ никакого расчета ѣхать въ Петербургъ... Я долженъ скоро отправиться съ порученіемъ...

— Вы—да; но я?

— Долго ли... какихъ-нибудь два съ половиной мѣсяца. Вы не можете ѣхать безъ меня въ Петербургъ.

— Туда я сама не хочу,—перебила Зина и нервно задрогнула: въ комнатѣ было свѣжо.

И она начала быстро-быстро говорить о томъ, что ея здоровье только что оправилось отъ кумыса, а здѣсь испортится непременно, да и теперь уже результаты лѣченія не тѣ, какіе были бы въ другомъ климатѣ.

Но на заграничную поѣздку онъ рѣшительно не согласился, возражалъ сначала сдержанно, а потомъ кончилъ фразой:

— Это причуды!

Онъ сказалъ ее такъ отрывисто, властно и безповоротно, что Зина встала, отошла къ двери въ кабинетъ и повела плечами съ поднятіемъ обѣихъ рукъ—этотъ жестъ употребляла она только въ самыхъ сильныхъ схваткахъ

съ Сосѡ, при чемъ она всегда оставалась побѣдительницей.

— Что же вы прикажете, чтобы я здѣсь дѣлала? — спросила она глухо, протяжно, зло и задорно.

Рынинъ держался все отрывистой дикціи. Онъ короткими фразами дѣлалъ ей упрёки въ томъ, что она не припасла себѣ ничего на случай вотъ такой жизни — въ деревнѣ, или гдѣ бы то ни было, когда приходится посидѣть въ одиночествѣ или съ-глазу-на-глазъ. Онъ не виновать, что у „великолѣпной Зинаиды Мартыновны“ нѣтъ никакихъ талантовъ; она не только не музыкантша, но не можетъ даже порядочно сыграть вальсъ, и піанино стоитъ безъ всякаго толка; она не рисуетъ, не декламируетъ. Если у него также нѣтъ никакихъ „talents d'agrément“, такъ онъ и не жалуется!..

Она слушала его все съ тѣмъ же подергиваньемъ плечъ. Никогда еще не смѣлъ онъ такъ говорить, — этимъ суровымъ и ѣдкимъ тономъ.

Значить, онъ явно вступилъ въ права мужа, и теперь уже конецъ той дипломатіи, какую онъ употреблялъ съ ней до того времени. Онъ смѣетъ такъ съ ней разговаривать, потому что домъ и усадьба — его; онъ здѣсь хозяинъ, а не она. И не хозяинъ только: — мужъ, властный мужчина... „un mâle“, — выговорила она про себя. И все, что въ ней накопилось враждебнаго ему, какъ личности, какъ мужчине, всплыло въ ней и заколыхало ее. Да, она, по доброй волѣ, заперла себя въ эту кѣтку и отдалась на произволъ человѣку, съ которымъ ей тяжело и скучно до лона въ вискахъ. Да и не создала ее природа, чтобы идти, рука въ руку, съ кѣмъ бы то ни было. Не только подругой, товарищемъ, сообщникомъ или сидѣлкой до гроба, съ этимъ человѣкомъ, но его возлюбленной, хоть на полчаса, она не желаетъ, она не въ силахъ быть!..

Ея возвратъ къ чувственной жизни, тамъ, на Волгѣ, отставилъ отъ нея этого сухого, высокаго, прыщаваго офицера еще дальше. Она заново переживала обиду своего замужства.

Да, но теперь онъ долженъ забыть, что у него есть на нее какія-нибудь права. А онъ все говорилъ, и все рѣзче, властнѣе, отрывистѣе, безцеремоннѣе.

И въ немъ произошелъ первый взрывъ; она слишкомъ долго заставляла его сдерживаться. Это грозило чѣмъ-то постыднымъ для него! Если онъ не требовалъ любви, страсти, нѣжности, то — логики, подчиненія совершивше-

муса факту, признаніи своего нравственнаго главенства и превосходства.

Жена ускользала отъ него. Въ этомъ единоборствѣ двухъ натуръ, съ-глазу-на-глазъ, среди полнаго безмолвія дома, въ полутемной гостиной, съ ея чопорной и сухова-той отдѣлкой,—Зина и гнѣвила, и привлекала его, какъ женщина. Въ ея позахъ, движеніяхъ стана, подъемѣ рукъ, вздрагиваніи поздрей было что-то вызывающее. Онъ же-лалъ ее въ эту минуту, желалъ влеченіемъ сильнаго и властнаго человѣка, жившаго три мѣсяца въ полномъ воздержаніи. И она это почувствовала только тогда, когда онъ вдругъ смолкъ, подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ прерывистымъ голосомъ:

— Пора бросить свой эгоизмъ и быть мнѣ женой и товарищемъ!

Она отшатнулась отъ него и высвободила руку.

— Зина! — глухо окликнулъ онъ ее. — Пора, говорю я тебѣ, кончить эту комедію! Я не изъ тѣхъ, кого можно превращать въ своего лакея. Я служу только тѣмъ, кто мнѣ самому нуженъ.

И онъ въ носъ засмѣялся. Она также засмѣялась, по-вернула къ двери въ кабинетъ и вошла туда. Рынинъ нагналъ ее тамъ, схватилъ за обѣ руки и съ силой поса-дилъ, почти пригнулъ ее къ креслу, гдѣ онъ обыкновенно самъ сидѣлъ.

Она хотѣла было крикнуть,—гордость заставила ее мол-чать. Стыдно стало, до бѣшенства стыдно, того факта, что онъ не задумался схватить ее такъ и пригнуть къ креслу.

— *Misérable!* — вырвалось у нея почти съ истерическимъ смѣхомъ.

Но онъ не смутился этимъ браннымъ окрикомъ. Все еще держалъ онъ ее за обѣ руки и почти шопотомъ, надъ головой, такъ что она чувствовала на лбу горячее дыханіе вмѣстѣ съ его словами, — онъ ей сказалъ, что ему дѣла нѣтъ до ея чувствъ къ нему. Хотя бы она имѣла къ нему отвращеніе, будь она и не жена ему — никогда еще ни одной женщинѣ не позволялъ онъ такъ обращаться съ собой—и сегодня этому пришелъ конецъ. И она будетъ съ нимъ жить въ деревнѣ, пока онъ того желаетъ, и она будетъ помнить, что онъ—мужъ, а она—молодая и красивая женщина, и она останется сегодня тутъ и откажется разъ навсегда отъ своихъ чудовищныхъ

требованій и почувствуетъ, до какой степени она пуста, порочна, бездушна, неспособна ни на какую честную, осмысленную жизнь безъ властной руки, которая держитъ ее и пригинаетъ къ креслу!..

Пока онъ такъ говорилъ, рѣчь его шла уже плавнѣе, но зато и безпощаднѣе. Зина перешла отъ испуга и обиды сначала къ такому чувству, что она способна была бы нагнуться и укусить ему руку, а потомъ — къ нервному настроенію... Когда онъ кончилъ, она была подавлена, разбита.

Онъ могъ бы сдѣлать съ ней все, что хотѣлъ: ударить и произвести надъ ней какое угодно насиліе. Ей бы это было даже пріятнѣе. По крайней мѣрѣ, она ушла бы отъ него, въ эту же кислую черную ночь, побѣжала бы, въ чемъ была, на порядокъ, къ попу, къ Василию Кузьмичеву!..

Но онъ только нравственно прибилъ ее и этимъ держаніемъ за руки показалъ ей, что она въ его рукахъ, и онъ не намѣренъ отнынѣ шутить съ ней. Отпустивъ ея руки, онъ стихъ, тяжело перевелъ духъ, отошелъ къ аркѣ и сейчасъ же сталъ закуривать папиросу.

Зина не могла даже подняться; ее уже не колыхали обида и злость; она еще сильнѣе была подавлена, и у нея еле достало силы — выпрямить руки и ноги. Она тоже довольно громко перевела духъ.

— Намъ съ вами, — вымолвилъ онъ мягко, почти отеческимъ тономъ, — надо поладить; я это говорю въ вашихъ же интересахъ.

Голова ея сдѣлала жестъ въ родѣ согласія; жестъ этотъ вышелъ противъ ея воли.

— Страсти, влюбленности я отъ васъ не требую, — доносились до нея его слова, точно издалека, — но я не допускаю даровыхъ оскорбленій. Отвращенія я еще ни въ комъ не возбуждалъ.

У нея чуть не вырвался возгласъ:

„Мнѣ все равно!“

И въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно — онъ, другой?.. Ей въ ту минуту хотѣлось одного: лечь въ постель, молчать, уснуть, если можно. Подняться къ себѣ, наверхъ, она была не въ силахъ и не боялась уже доказать ему полное паденіе силъ, всю свою женскую безпомощность...

Она осталась.

Чѣмъ свѣтъ раскрыла глаза Зина. Было всего шесть часовъ. Она впотѣмахъ озиралась, и не сразу пришла въ себя, не узнавала, гдѣ она.

Гадка, и ничтожна, и презрѣнна была она себѣ самой. Что ее удерживаетъ? Ну, сдѣлала великую глупость,—убѣдилась, что нельзя ей жить съ такимъ мужемъ — и ушла. У нея — полтораста тысячъ. Неужели оттого не ушла, что жалъ было пятидесяти тысячъ, подаренныхъ на имѣніе? Подаренныхъ! И прекрасно: кинуть ему въ лицо эту подачку. Пятьдесятъ тысячъ! Развѣ онъ стоитъ больше? А его права, а все, что онъ можетъ съ нею продолжать?..

Зина безгласно отодвинулась еще ближе къ стѣнѣ и подперла голову рукой.

Она начала разбирать по пунктамъ: на что такой человѣкъ способенъ.

Развода онъ не дастъ—ни за что, да и она знаетъ, по примѣру Сосѣ, сколько это стоитъ денегъ и разныхъ гадостей.

Такъ, просто, онъ не разведется съ нею, не пустить ее безъ выкупа.

Она задумалась: неужели остаться съ какими-нибудь ста тысячами рублей или и того меньше?

Надо хитрить, надѣвать на себя личину, пока не переѣдутъ въ Петербургъ. Тамъ она — не одна. Приѣдетъ Сосѣ, найдутся люди, которые обломаютъ и Парменія Никитича. Но до тѣхъ поръ?

Вѣдь вчерашняя сцена насилія можетъ повториться. Онъ понялъ, что на нее надо дѣйствовать силой, когда она нервна.

Злобно, тяжело переводя дыханіе, оглядывала она, въ рѣдѣющемъ сумракѣ, голову мужа, лежавшую навзничъ, съ открытымъ ртомъ. Болѣе противнаго человѣка она не могла вообразить. И вотъ для кого она лѣчилась, хорошѣла, набиралась силъ!

Вспомнивъ исторію на кумысѣ, Зина ни на одно мгновеніе не остановилась на своихъ обязанностяхъ, на томъ, что у нея есть мужъ. Парменій Никитичъ только давилъ ее, точно камень. Она испытывала одинъ только страхъ и тяжесть, висящую у нея на шеѣ. И это чувство, что онъ—чужой, что онъ—врагъ, и врагъ, съ которымъ она скована одной пѣлюю, дѣлало для нея еще позорнѣе роль жены, которою ненавистный мужъ можетъ овладѣть силой.

Отвращеніе все поднималось въ ней и переходило почти въ физическую тошноту. Она не могла долѣе выносить близость Парменія Никитича, его дыханіе, его голову, его открытый ротъ.

Тихонько собралась она въ комокъ, приподнялась и спустила ноги на коверъ, держась правой рукой за нижнюю стѣнку кровати.

Торопливо накинута она на себя пеньюаръ и пелеринку и на цыпочкахъ вышла въ коридоръ. На лѣстницѣ ступеньки чуть-чуть хрустѣли. Она пробралась къ себѣ, нашла свою спальню совсѣмъ темной, — Милли закрыла внутреннія ставни, — долго искала спичекъ, легла въ нетронутую постель, затушила свѣчу и закрыла глаза.

Комната засвѣжѣла, и по тѣлу пошли мурашки. Сонъ отлетѣлъ.

Опять въ головѣ заронились соображенія и вопросы: какъ быть, чего ждать отъ мужа? И опять уперлась она въ тотъ выводъ, что нужно выждать срокъ.

Но долго ли ждать? Быть-можетъ, всю зиму? Остаться здѣсь, въ этой гробницѣ?..

Дождь уже колотилъ снова въ окна. Такъ будетъ недѣля, другая... Потомъ снѣгъ, метели, занесетъ. Она уже слышала разговоръ мужа съ подрядчикомъ: случилось, что крыльцо, и переднее, и заднее, надо было отрывать — наносило на цѣлую сажень и больше.

Убѣжать въ одну изъ отлучекъ мужа? Сдѣлать это не трудно. Можетъ-быть, всего лучше такъ именно и поступить. Нѣтъ, она не рѣшится. Прежняя Зина умерла. Какъ она ни возмущалась, но замужество захватило ее въ свои клещи. Ей точно ходу нѣтъ назадъ, да и, въ самомъ дѣлѣ, не было. У нея нѣтъ „почвы“. Заграничная жизнь представляется ей въ видѣ огромнаго Остенде, гдѣ она была такъ затеряна. Не ѣхать же въ Америку къ Сосѣ или состоять при ней и при ея мужѣ? Москва страшилась ее. Перестань она быть Рыниной, она — дочь Мартына Ногайцева и отставной корифейки Расшивиной, а это и безъ того слишкомъ извѣстно.

Куда она ни убѣгала мыслью, всюду упиралась въ высокую стѣну. Тюрьма только манила ее возможностью бѣгства, но держала за замкомъ. Отъ напряженія голова ослабла, виски были влажны. Она забылась и встала въ полдень.

VII.

Въ первый ясный день, уже сухой и съ легкимъ морозцемъ, безъ снѣга, — въ Шириевскую усадьбу, около двухъ часовъ, вѣхала коляска тройкой.

Парменій Никитичъ предложилъ, еще разъ, Зинѣ познакомиться съ Анной Сергѣевной Уклонской, „товарищемъ“ его дѣтства и не очень дальней ихъ сосѣдкой, верстахъ въ сорока. Она промолчала, даже не поморщилась. Онъ принялъ это за согласіе, и въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ городъ отобѣдалъ у Анны Сергѣевны.

Уклонская жила съ мужемъ въ деревнѣ уже пять лѣтъ, почти безвыѣздно, съ короткими отлучками въ Москву. Мужъ — Рынинъ видѣлъ его всего два раза въ Петербургѣ — уѣхалъ торговать землю на югъ, гдѣ хотѣлъ завести большое овцеводство. Про своего „товарища“ Парменій Никитичъ сказалъ Зинѣ:

— Вы найдете ее совершенно порядочной и умной — на рѣдкость.

И на это Зина ничего не отвѣтила. Женщина, если вѣрить Парменію Никитичу, неглупая и хорошаго тона, казалась ей полезной здѣсь, теперь, во время ея выжидательнаго сидѣнья въ Шириевѣ.

— Урожденная княжна Кульчакова, — добавилъ Рынинъ.

— Une famille tartare? — спросила Зина.

— Да, но изъ старыхъ. При Иванѣ Грозномъ они были уже крещены.

Не очень довольна осталась Зина только тѣмъ, что сосѣдка не назначила, когда она именно пожалуетъ, и сказала только, что въ первый хорошій день.

Она могла застать врасплохъ по части туалета. Зина вставала поздно, завтракала одна, послѣ мужа, и до самаго почти обѣда сидѣла наверху, въ халатѣ.

Такъ оно и случилось. Только что она сѣла за столъ завтракать, какъ пришли доложить, что гости. Рынинъ былъ у себя въ кабинетѣ. Лакей, привезенный изъ Петербурга, не могъ сказать, кто ѣдетъ. Можетъ-быть, становой или что-нибудь въ этомъ родѣ. Тогда и туалета не нужно было дѣлать. Но Зина приказала, все-таки, позвать въ столовую барина и попросила, чтобы ее не беспокоили.

— Это, навѣрно, Уклонская! — сказалъ онъ.

— Faites les honneurs, vous. Et laissez moi manger et

faire un bout de toilette,—отвѣтила ему Зина безъ раздраженія, но далеко не мягкимъ тономъ.

Онъ не возражалъ. Пускай займется туалетомъ; своей пріятельницѣ онъ хотѣлъ показать жену такой, какой самъ увидалъ ее у Сосѣ, когда былъ приглашенъ обѣдать въ первый разъ. Зина стала еще красивѣе и крупнѣе, съ прозрачной матовой кожей и роскошными руками. За вкусъ Анна Сергѣевна его похвалить. Онъ мало говорилъ ей про Зину, и на ея вопросы повторялъ:

— Вотъ сами разглядите. Особа внушительная.

Коляска уже стояла у крыльца. Рыницъ притворилъ дверь изъ столовой въ коридоръ и вышелъ самъ въ сѣни встрѣчать гостью. Онъ зналъ, что она будетъ одна, безъ мужа.

Зина продолжала въ столовой завтракать. Дверь въ коридоръ была только притворена. Она могла слышать то, что говорилось въ передней. Отворилась дверь изъ сѣней. Голосъ Парменія Никитича звучитъ возбужденно. Ему отвѣчаетъ женскій, веселый, довольно высокій голосъ.

„Quel âge?“—спросила Зина. Голосъ показался ей молодымъ, но вѣдь эта Уклонская—его „товарищъ“. Стало быть, ей, по крайней мѣрѣ, тридцать, а то и больше.

„Blonde ou brune?“

Этого она не знала и не разспрашивала мужа о наружности Уклонской.

Имъ, должно-быть, очень весело видѣться: разговоръ прерывался взрывами общаго смѣха. Въ передней они что-то долго стоятъ: вѣроятно, онъ помогаетъ ей снимать съ себя пальто и теплыя ботинки.

Въ возгласахъ Парменія Никитича какіе-то неслыханные Зиной звуки—гораздо моложе, игривѣе, добродушнѣе.

„Il gobe la bourgeoisie“, — подумала она и стала доканчивать свой завтракъ нѣсколько поспѣшнѣе.

Но она все-таки не могла себя представить эту даму, степень ея изящества, прическу, туалетъ. Ее немножко защемило то, что они вмѣстѣ такъ смѣялись, точно братъ съ сестрой или кузень съ кузиной.

Это заставило ее презрительно повести ртомъ: если сосѣдка такъ одушевляется отъ общества Парменія Никитича, „cela ne doit pas être béquarre“.

Слово „béquarre“ она только что вычитала въ „Gil Blas“ъ, безъ котораго не могла засыпать.

Голоса перешли въ залу, но и оттуда еще доносятся. Конечно, онъ показываетъ ей залу, бильярдъ, старыя зеркала.

„Monsieur évoque les souvenirs d'enfance“,—опредѣлила Зина, и пренебрежительная усмѣшка не сходила уже болѣе съ ея лица. Она опять стала медленнѣе ѣсть, позвонила громко, приказала принести себѣ сыру и кофе, налила полстакана вина и выпила его залпомъ; отъ ликеровъ она не отставала, но пила ихъ только послѣ обѣда. Парменій Никитичъ вздумалъ-было подшучивать опять надъ ея „аглицкими“ привычками, но получилъ разъ навсегда—это было еще въ Москвѣ—отпоръ въ видѣ короткой фразы:

— Vous êtes infecte!

Человѣкъ принесъ кофе. Зина спросила его:

— Гдѣ эта дама?

— Въ гостиной, —доложилъ онъ.

Зина старательно выполоскала себѣ ротъ, вымыла пальцы и пошла наверхъ. Платье, на случай пріѣзда сосѣдки, уже давно приготовила Мили. Торопитесь нечего, но и неловко было слишкомъ долго не показываться, — точно будто та, въ самомъ дѣлѣ, застала ее врасплохъ.

Когда Зина поднималась по лѣстницѣ черезъ кабинетъ, изъ гостиной не доносилось никакихъ возгласовъ.

„Le moment d'ébranchements intimes!“—продолжала она язвить, про себя, и прибавила:—„Bon appétit!“

Рынинъ довелъ свою пріятельницу до кабинета и посадилъ ее на низенькій диванчикъ, позади письменнаго стола. Онъ съ удовольствіемъ оглядывалъ ея стройную и тонкую фигуру и лицо молодой дѣвушки подъ бѣлыми волосами, падающими на лобъ, мелкія, миловидныя черты, ея платье и большую темно-малиновую плюшевую шляпу, въ родѣ капора.

Веселые и умные глаза Анны Сергѣевны искристо улыбались ему.

— Снимайте шляпу, —сказалъ онъ.—Зина прихорашивается, —пріятельски извинился онъ во второй разъ.

— Дайте все осмотрѣть!

Она внимательно обвела глазами кабинетъ и остановилась на аркѣ, откуда видна была и внутренность спальни.

— Какъ?—спросила она и показала глазами на кровать:—Уже?

— Съ самаго начала, —отвѣтилъ Рынинъ.

— По обоюдному соглашенію?

Глазки Анны Сергѣевны стали игривѣе.

— У нея свои привычки... Разныя мелкія болѣсти...

— А вѣдь такъ лучше,—сразу.

Онъ подошелъ къ ней поближе и неопредѣленно усмѣхнулся.

— Вотъ мы и женаты,—заговорила она шутливо и протянула ему руку.—Жена у насъ красавица, съ состояніемъ. мы—въ своей родовой усадьбѣ и на прекрасной дорогѣ. Такъ должно было случиться!

Анна Сергѣевна оглядѣла загорѣлое лицо Рынина, бороду, усы и сюртукъ, который онъ успѣлъ надѣть. Онъ сталъ красивѣе. Не видѣла она его больше восьми лѣтъ. Тогда онъ только что произведенъ былъ въ корнеты и смотрѣлъ длиннымъ унтеръ-офицеромъ съ испытанъ лицомъ и волосами подъ гребенку.

Этого „Пармешу“ она хорошо понимала, и дѣвочкой-подросткомъ не кокетничала съ нимъ,—обращалась какъ съ товарищемъ. Впослѣдствіи, дѣвицей, она увидала, что Пармеша—себѣ на умѣ, что онъ, можетъ-быть, золъ и на-стойчивъ, что у него всегда есть въ головѣ „планы“, а въ натурѣ всякіе инстинкты, что онъ циникъ и на женщинъ смотритъ свысока и хищникомъ. Только она привыкла относиться къ нему спокойно и не безъ дружбы. Онъ ее занималъ своей карьерой. Правильной переписки между ними не бывало, но о самыхъ важныхъ событіяхъ своей жизни онъ ей писалъ, и всегда отвѣчалъ большими письмами, если она вдругъ напишетъ ему.

Глубже этихъ оцѣнокъ сидѣлъ въ пріятельницѣ Рынина шутливый взглядъ на то, что она называла его „патріотическимъ мундиромъ“, на фразы о судьбахъ „Балканскаго полуострова“,—сродни тому, что и въ Зинѣ вызывали „его идеи“, но все это было съ тѣмъ же снисходительнымъ пониманіемъ. Она его не презирала за такой мундиръ, а говорила: „гораздо лучше что-нибудь разыгрывать съ планомъ и съ умомъ, чѣмъ просто бить баклуши“. И на это надо было имѣть выдержку. Смѣяться надъ нимъ въ глаза, даже и въ безобидной формѣ, она себѣ не позволяла, но ея усмѣшка, ея искривленныя глаза уже и теперь показывали ему, что съ ней надо класть карты на столъ, не боясь никакихъ ненужныхъ замѣчаній и подтруниваній,—такъ, по-товарищески, какъ между однокашниками, успѣвшими достаточно изучить другъ друга.

И Рынина не обижала проникательность Уклонской. Онъ любилъ ея разговоръ и зналъ, что она, по литературѣ, начитаннѣе его. Ума съ такимъ складомъ онъ не встрѣчалъ въ свѣтѣ, ни въ Петербургѣ, ни за границей.

— Довольна вами, cher camarade, — заговорила Анна Сергѣевна, усѣвшись на диванѣ въ болѣе покойной позѣ. — Но вѣдь это только пьедесталь, или, лучше, это... какъ бы сказать... un tremplin, чтобы съ него взлетѣть. Мы вѣдь продолжаемъ цѣнить себя по достоинству?

Короткій смѣхъ Рынина зазвучалъ одобрительно. Онъ присѣлъ къ ней въ полъ-оборота, поджалъ подъ себя одну изъ длинныхъ ногъ своихъ, правой рукой взялся за стѣнку диванчика.

— Послушайте, милый мой commiliton, — онъ такъ иногда звалъ ее, — судя по вашимъ письмамъ, вы давно не бывали въ грандэрахъ?

— Помилуйте, я скоро, кажется, надѣну паневу. Я и говорить-то разучилась!..

— А заглянете и скажете мнѣ сами: какая мелюзга, какіе людишки лѣзутъ вверхъ! Поневолѣ станешь цѣнить себя!..

— А жена? Сочувствуетъ мужу?

Рынинъ повелъ губами.

— Она еще ничего не желаетъ, и ничего не знаетъ, и ничего не любитъ въ Россіи...

— Вотъ какъ! Стало, тутъ было... un coup de désir, или?..

Глаза Анны Сергѣевны договорили „хорошее приданое“.

— Ни то, ни другое, — выговорилъ Рынинъ немного тише, но не оглянувшись на дверь. — Жизнь сильнѣе насъ, загадывать ничего нельзя. Но это еще натура — въ броженіи... Вы увидите.

И они не останавливались дольше на этомъ предметѣ. Ей занимательнѣе было разглядѣть жену его самой. Рынинъ перешелъ къ ея жизни, къ ея дѣтямъ, просилъ познакомиться его съ личностью ея мужа. Анна Сергѣевна скользила по всему этому, кромѣ дѣтей; мужа брала „tel-quel“, всякое желаніе встрѣчать интересныхъ людей въ гостинныхъ бросила, читала много, деревню и народъ узнала, и очень рада, что находитъ его такимъ, какимъ онъ прежде и не представлялся ей.

— Я его обожаю, этотъ народъ!

— Будто?

— Навѣрно больше его люблю, чѣмъ вы — великій патриотъ. Вы вѣдь свысока на него смотрите, я — насколько.

Рынинъ хотѣлъ было пустить одну изъ своихъ готовыхъ фразъ, но разсудилъ, что съ такой женщиной это рискованно.

— И вы увѣрены въ вашихъ отношеніяхъ къ народу? — спросилъ онъ серьезно, чѣмъ все, что говорилъ до того.

— Вотъ это прекрасно! — особенно звонко воскликнула Уклонская. — Да иначе я бы задохнулась, даже и съ дѣтьми.

Взглядъ ея договорилъ: „а ты, мой милый, врядъ ли любишь народъ, да и не знаешь его, и никогда не узнаешь, хотя всю свою карьеру сдѣлаешь, играя на этой стрункѣ“.

Парменій Никитичъ, кажется, это понялъ, и не рассердился.

Въ коридорѣ слышались шаги Зины.

Оба смолкли. Анна Сергѣевна выпрямилась немного и поправила волосы. Рынинъ всталъ и сдѣлалъ шага два къ дверкѣ въ коридоръ.

Зина вошла, тихо растворивъ дверь, и немного приостановилась; правая рука лежала на ручкѣ двери; голову она наклонила слегка впередъ. Туалетъ на ней былъ цвѣта „bleu ardoise“, очень выгоднаго для тона ея лица. Волосы отливали въ лучѣ свѣта, падавшемъ изъ лѣваго окна прямо на ея голову.

Уклонская быстро пошла къ ней навстрѣчу, протянула ей обѣ руки и придержала въ своихъ руки Зины.

Зина хотѣла сказать обязательное: „Bonjour, madame“, — у нея вышло:

— Soyez la bienvenue!

Ей самой фраза показалась смѣшной; — Уклонской понравилась.

— Пожалуйте, mesdames, въ гостиную, — пригласилъ Рынинъ.

— Это значить, — сказала ему Уклонская, — что Парменію Никитичу смертельно хочется курить.

Русскій языкъ сосѣдки не входилъ въ программу Зины; се она приняла сначала за что-то напоминающее графиню Ожигову.

Молча перешла она съ Уклонской въ гостиную, и только что онѣ сѣли на одинъ изъ жесткихъ боковыхъ дивановъ, какъ та разсмѣялась.

— Вашъ мужъ отправилъ насъ разыграть сцену изъ пьесы Скриба, явленіе третье: двѣ дамы садятся на диванъ et font l'exposition du sujet. Не правда ли?

Зина улыбнулась и заговорила по-французски. Уклонская отвѣчала все съ тѣмъ же шутливымъ оттѣнкомъ. Къ ея языку и акценту придаться было трудно. Къ нимъ прислушивалась Зина и вбокъ внимательно разглядывала гостью.

Да, ей навѣрно уже за тридцать; у глазъ легли чуть замѣтныя морщинки и въ лицѣ нѣтъ большой свѣжести, но фигура очень стройная.

„Pas assez de gorge“, — опредѣлила Зина послѣ того, какъ взглянула украдкой на бюстъ гостьи.

Туалетъ она должна была одобрить, но съ оговоркой. Видно было, что это сдѣлано гдѣ-нибудь въ Москвѣ, хотя и не безъ вкуса.

Она не утерпѣла и спросила Уклонскую, откуда она получаетъ туалеты.

— Mais c'est moi qui suis ma couturière. Вы были въ Москвѣ и навѣрно видѣли выѣски: *Мадамъ Сафонова. Моды и платья*. Вотъ и я—такая мадамъ Сафонова.

— Vous êtes une vraie artiste, — выговорила Зина, а въ умѣ добавила: „de second ordre“.

Но она сама не могла бы устроить себѣ простой шляпы, не то что скронтъ и сшить дѣлый туалетъ. Ея платье Анна Сергѣевна сейчасъ же оцѣнила, какъ настоящая мастерица, даже узнала, гдѣ оно сдѣлано и по какой „coupe“. Платье на ней было изъ Франкфурта.

— Ce n'est pas la coupe de Worth, — шутливо, дѣловымъ тономъ сказала она, и сейчасъ же показала, прикасаясь своимъ длиннымъ и узкимъ пальцемъ къ бюсту Зины, въ чемъ состоятъ признаки покроя парижскаго мастера.

Такого разговора о туалетѣ Зина давно ни съ кѣмъ не имѣла. Она сама умѣетъ только посить платья, а эта вотъ барыня и шить ихъ умѣетъ, и разбирать все до ниточки.

Въ Уклонской Зина нашла уже многое, чтò отзывалось воспитаніемъ за границей. Живи она тамъ, въ ихъ курортѣ — онѣ съ Сосѣ, конечно, были бы съ нею близко знакомы; по ея свѣтскости не того совѣмъ оттѣнка, ни

манеры, ни этот шутливый тонъ, ни звукъ голоса, ни то, какіе она выбираетъ цвѣта и какъ носитъ туалетъ.

Какъ могла она сохранить въ себѣ все это въ деревнѣ, гдѣ живетъ пять лѣтъ круглый годъ?

Этотъ вопросъ Зина предложила Аннѣ Сергѣевнѣ, когда Рынинъ вошелъ изъ кабинета, говоря, что онъ ходилъ совсѣмъ не курить, а распорядиться насчетъ лошадей и людей Уклонской.

— Ваша жена,—продолжала Уклонская,—удивляется, что я не въ паневѣ хожу.

Слово „панева“ пришлось объяснить Зинѣ.

— Деревня многому научить,—продолжала Уклонская.

— L'école de l'ennui!—не удержалась Зина.

— Пожалуй. Но вотъ, прежде, я не была мадамъ Сафонова изъ Парижа,—теперь сдѣлалась. Прежде не могла взять въ руки пивку, да и боялась. А теперь могу. Лѣчу!

— Гомеопатіей?—шутливо спросилъ Рынинъ.

Ему пріятно было то, что говорила Уклонская; она, точно по согласію съ нимъ, поучала Зину уму-разуму: какъ наполнить деревенскіе досуги; но онъ всякой женщины долженъ былъ показать, что вполнѣ серьезно смотрѣть на „ихъ сестру“—нельзя.

— Развѣ можно у насъ разбираться—гомеопатія, аллопатія? То, что подъ руку попадетъ. Все можетъ помогать—съ деревенскими натурами.

Это показалось Зинѣ хвастовствомъ. А если такая госпожа и занимается лѣчениемъ, то, вѣрно, „сoimme une châtelaine“, даетъ совѣты или какіе-нибудь скляпочки, порошки у себя, въ извѣстные дни.

„Elle rose“,—рѣшила она.

— И какъ же,—сталъ допрашивать Рынинъ,—приемную у себя устроили, или ходите по избамъ?

— И ко мнѣ ходить, и я хожу, хоть и въ грязи вязнешь.

— Смотрите, въ медички попадете!

— Стара! Лѣнива! Нашъ земскій докторъ мною доволенъ. Онъ находитъ, что я лучше него обхожусь съ бабами. Я только бабъ лѣчу.

Слово „баба“ показалось Зинѣ новой „позой“.

— Ха-ха-ха!—разразился Рынинъ.—Какъ все это поражаетъ Зину! Ты, мой другъ, не считай Анну Сергѣевну нигилисткой! Вотъ видишь: можно быть изящной и ходить по бабамъ.

— Ставить имъ банки!

Глаза Зины вопросительно уставились на мужа.

— Des ventouses!—перевела Уклонская.—Я и заволоку умѣю дѣлать.

— Пощадите ее!—вскричалъ Рынинъ и вдругъ, повернувшись на каблукъ, спросилъ:—А вѣдь вы голодная? Хороши хозяева! Зина! Какъ же мы ничего не предложимъ?

— Я поѣхала сытая. Чашку чаю выпью.

— Pardon!—сказала Зина съ видимымъ смущеніемъ и внутренне разсердилась и на эту „roseuse“, и на мужа, и на себя.

Она совсѣмъ и забыла, что живетъ въ деревнѣ, и чай въ этомъ часу для нея былъ немислимъ.

Распорядиться ушелъ Рынинъ, кинувъ ей шутливый окрикъ.

Во всемъ этомъ разговорѣ она играла роль дурочки. Уже съ полчаса сидитъ у нихъ гостя, и Зинѣ еще не удалось дать тонъ ихъ „causerie“—показать этой госпожѣ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Она рисковала сказать Уклонской что-нибудь злое и выдать свое раздраженіе.

— Право,—продолжала Уклонская, какъ будто думая вслухъ,—если въ деревнѣ не дѣлать ничего для народа, Богъ знаетъ во что обратишься!

— Le peuple vous intéresse?—спросила Зина сдержанно, безъ безразличной гримасы.

— Énormément! — воскликнула Уклонская такъ же звонко, какъ и въ кабинетѣ, когда говорила о народѣ съ Парменіемъ Никитичемъ.

И она начала говорить о томъ, какъ она желала бы быть женщиной, чтобы стоять за этотъ „чудесный народъ“. Женщина, какъ бы она ни понимала, ни сочувствовала, можетъ очень мало. Школа, дѣченъе бабъ, охи, ахи—все это не то!..

Тутъ ее Зина остановила и связала съ улыбкой:

— Influencez votre mari!

Анна Сергѣевна не смутилась такой фразой. Вліять на мужа—пустая мечта, если въ немъ нѣтъ того, что требуется для любви и пониманія деревенскаго люда. Мужъ ея—хозяинъ, и только, хорошій, честный, не обижаетъ ни рабочихъ своихъ, ни сосѣдей; но ему надо округлить свое состояніе—вотъ его единственная мечта.

— Pour que nos deux demoiselles soient dotées et mariées à deux gommeux. Voilà!

Возгласъ Уклонской былъ такъ забавенъ, что Зина не-
зольно разсмѣялась.

Сосѣдка была „*décidément drôle*“.

Съ ней мирило и то, что она сама сознавала свою не-
способность вліять на мужа, передѣлать его, дать ему
свои—положимъ, довольно странныя—идеи, а вотъ она
умна, бойка, остроумна, оригинальна, да и хорошенъкая,
по-своему, не безъ стили. Навѣрно, мужъ до сихъ поръ
влюбленъ въ нее; можетъ-быть, не даромъ держать въ
деревнѣ, гдѣ она—что бы тамъ она ни проповѣдывала—
„*s'embête à crever*“.

Зина не прочь была бы потолковать съ ней, выпытать
у нея мнѣніе, полезное для себя, и даже прямо попро-
сить совѣта; но вѣдь она—„товарищъ“ Парменія Ники-
тича, можетъ и выдать. О немъ непременно зайдетъ рѣчь;
только надо это сдѣлать съ-глазу-на-глазъ, а мужъ все
торчитъ тутъ...

Рынинъ вернулся; принесли чай. При Парменіи Ники-
тичѣ Зина больше слушала; остаться съ глазу-на-глазъ
съ гостьей ей такъ и не удалось. Передъ обѣдомъ пошли
гулять,—Анна Сергѣевна объявила, что она въ хозяйствѣ
мало смыслить, но попросила показать ей всю усадьбу,
потомъ начала спрашивать о мужикахъ: какой они
народъ, чѣмъ отличаются однодворцы отъ бывшихъ крѣ-
постныхъ, какіе ихъ нравы, языкъ, много ли пьютъ, какъ
ведутъ себя „дѣвки“ и бабы, хорошій или плохой попъ,
и ладить ли онъ съ прихожанами?..

На всѣ эти вопросы Рынинъ отвѣчалъ ей скудно и
кончилъ тѣмъ, что сталъ подшучивать надъ ея „народ-
ничествомъ“.

— Да вѣдь въ деревнѣ только это и интересно!—ска-
зала Анна Сергѣевна все тѣмъ же веселымъ тономъ.

Не выдержала и Зина, и спросила ее:

— *Comment voulez-vous qu'on l'étudie?!*..

— Ахъ, Боже мой! Ничего нѣтъ легче. Закаживайте
почаще въ избы. Вы были ли хоть въ одной?

Зина только мотнула головой.

— А вы, Парменій Никитичъ?

И ему пришлось сознаться, что онъ не только не былъ
въ первой попавшейся избѣ, но даже въ избу своихъ
хуторскихъ рабочихъ заглядывалъ всего одинъ разъ.

— Ай-ай! Парменій Никитичъ! — посѣтовала Анна
Сергѣевна и, обернувшись къ Зинѣ, предложила ей зайти

вонъ въ ту избу, что стоитъ у оврага, поодадь отъ другихъ, старую, покосившуюся, съ однимъ маленькимъ оконцемъ.

„Roseuse!“—подумала опять Зина и въ недоумѣннѣ осталась: неужели гостя, въ самомъ дѣлѣ, заставить войти въ избу?

— Войдемте!—приглашала Анна Сергѣевна.—Это вамъ дастъ,—обратилась она къ Зинѣ,—совсѣмъ другой взглядъ на деревню.

Парменію Никитичу оставалось только поддержать свою пріятельницу.

Уклонская, дѣйствительно, двинулась поперекъ дороги къ оврагу, гдѣ стояла покачнувшаяся избенка.

— Какъ вы думаете, кто тамъ живетъ?—сказала она Рынину, когда они съ Зиной догнали ее у калитки.— Навѣрно, или старая солдатка, или черничка.

Слово „черничка“ пришлось тоже объяснить Зинѣ.

Дворикъ покрывала дырявая крыша. Ни скота, ни телѣги, ни сохи, никакой сбури...

Анна Сергѣевна поднялась уже на крылечко. За нею неуверенно ступала по застывшимъ кочкамъ Зина, успѣвшая бросить недоумѣвающий взглядъ мужу. Уклонская играла ему въ руку. Пускай „великолѣпная Зинаида Мартыновна“ убѣдится, что можно и по избамъ ходить, и не уступать ей въ свѣтскости; все-таки лучше, чѣмъ быть такой, какъ она.

Они нашли Уклонскую въ избѣ передъ скамьей, гдѣ сидѣла старуха въ затасканной свитѣ и темной юбкѣ, босая. Больше никого не было въ избѣ.

— И живешь такъ, одна?—спрашивала ее Анна Сергѣевна.

— Мнука у меня.

— Гдѣ же они?

— Въ работницахъ.

— Да ты одноворка?

— Рынинскія мы были...

Старуха плохо видѣла.

Приходъ господъ, однако, не очень смутилъ ее. Услышавъ, что она—изъ бывшихъ крѣпостныхъ отца, Парменій Никитичъ разспросилъ ее, какой она была семьи и чѣмъ живетъ.

— Мнучка помогаетъ, огородишко есть, а то и въ кусочьи хожу.

И выраженія „ходить въ кусочки“ Зина не поняла.

Уклонская освѣдомилась о здоровьи старухи, и та начала ей пространно разсказывать про свою главную болѣзнь—удушье, и про слѣпоту одного глаза, и про отеки ногъ.

— Я тебя, бабушка, осмотрю, — сказала обрадованно Уклонская. — *Vous n'êtes pas tenus d'assister*, — весело обратилась она къ Рыннымъ. — Я не опоздаю къ обѣду. Идите, не дожидайтесь меня.

Они ее оставили. Дорогой, первая, заговорила Зина:

— *Une originale votre amie ou une poseuse?*

— Ни то, ни другое, — отвѣтилъ Рынинъ. — Дѣлаетъ то, что ей нравится. Рисовки тутъ нѣтъ.

— *On se fait sœur de charité, alors!..*

Защитивъ свою пріятельницу, Парменій Никитичъ замѣтилъ только, что онъ не вполне раздѣляетъ ея преклоненія передъ народомъ.

— *Vous êtes inconséquent — voilà tout*, — замѣтила ему Зина, — *vous devriez partager ce culte...*

Передъ обѣдомъ, Анна Сергѣевна посидѣла съ Зиной, у нея наверху.

Она сейчасъ же сказала ей:

— Вы, навѣрно, назвали меня чудихой, *une extravagante*, — пояснила она, — а то и хуже: *une poseuse*? Ну, скажите—да?

— *Un peu*, — выговорила она.

— А вѣдь это я моего товарища, Парменія Никитича Рынина, хотѣла похъзаменовать насчетъ народа, и потащила васъ въ избу. Ну, онъ, кажется, любить народъ чисто платонически.

Смѣхъ Уклонской опять-было вызвалъ въ Зинѣ желаніе сблизиться съ этой женщиной; но онъ же кольнулъ ее. Вѣдь она, подсмѣиваясь надъ Рыннымъ, показывая, что отлично его понимаетъ, даетъ этимъ чувствовать свое превосходство и надъ женой. Этотъ смѣхъ могъ значить также: — „изъ-за чего ты, красивая, богатая, на полной волѣ, надѣла на себя обузу? Ты его еле выносишь!“

Зина опять ушла въ себя. Уклонская какъ будто почувствовала это тотчасъ же, придвинулась къ ней и протянула ей руку.

— Онъ не обижается, — продолжала она. — Мы съ нимъ никогда не ссорились. Но только ему надо немножко сойти съ своего пьедестала. Вотъ и старухъ Парфеновой

пускай лѣкарства купить. Васъ деревня пугаетъ. Это такъ понятно. Я такая же прїѣхала къ себѣ въ Заяцкое, и вотъ, видите, могу безъ отвращенія осматривать грязную старуху и ходить по навознымъ дворамъ. Если вы здѣсь заживетесь и не будетъ у васъ дѣтей—другого спасенія нѣтъ!..

— Je n'ai pas qualité pour en juger, — произнесла Зина, и ей самой фраза показалась слишкомъ книжной.

Досада начала ее разбирать на то, что она не умѣетъ вести себя съ такой вотъ женщиной и поддержать умѣлый и занимательный разговоръ, а съ Уклонской можно было обо всемъ говорить: и о книгахъ, и о туалетахъ; рассказывать она также не умѣла. Будь это въ гостинной, въ Петербургѣ, она оказалась бы такой же bûche.

Это ее даже озадачило. Она не ожидала въ себѣ подобной неумѣлости; значить, она не въ силахъ совладѣть съ собой, выйти изъ такого тупого недовольства. Но какое же кому до него дѣло?

„C'est mesquin, c'est bourgeois, c'est ridicule“, — повторяла она, слушая Уклонскую.

Но и та начала испытывать тяжесть. Ей приходилось занимать хозяйку. Хорошо еще, что подали обѣдать. Въ столовую Зина шла, подавленная мыслью, что она, стало быть, за границей никогда и не вела разговора, гдѣ нужно было вкладывать немного больше фразъ, вычитанныхъ въ „Nouvelles à la main“, или обрывать ухаживателей своими безперомонными отвѣтами на ихъ двусмысленности.

За обѣдомъ говорили Уклонская и Рынинъ. Она ѣла молча, очень старательно, какъ всегда, и сидѣла за столомъ точно она и не хозяйка. Одѣжки кушаній она себѣ не позволяла; она боялась Уклонской, относившейся къ їдѣ равнодушно. Да и поваръ у нихъ былъ самый ординарный.

Гостя, еще до прогулки, попросила ее ночевать не удерживать: съ дѣтьми она никогда на цѣлыя сутки не разставалась. Поздно возвращаться ей не хотѣлось, и лошади были поданы въ седьмомъ часу, когда они сидѣли еще за кофе.

— Не забывайте меня, — пригласила Зину Уклонская. — Прїѣзжайте посмотрѣть, какъ живетъ чинуха, qui adore les moujiks! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Рынинъ отвѣтилъ за жену, что на будущей же недѣлѣ „они—ея гости“.

Когда шумъ экипажа смолкъ за поворотомъ, Зина вздохнула, точно она сдала экзамень, но недовольство собой тотчасъ же пересилило. Избѣгая какихъ-нибудь наставлений мужа, она пожаловалась на мигрень и пошла къ себѣ наверхъ.

VIII.

Въ обширной залѣ центральной станціи ***ской желѣзной дороги, гдѣ сходятся три пути, пассажиры поспѣшно закусывали, пили водку, чай и кофе. Никакъ нельзя было подумать, что станція—среди поля, около маленькой слободки. Грузно уставленный буфетъ, прислуга — татары, ходьба и говоръ, суетня артельщиковъ—придавали вокзалу столичный видъ.

Въ числѣ пассажировъ, пріѣхавшихъ минутъ за десять, были Рынины. Они завтракали за отдѣльнымъ столомъ. Возвращались они изъ своего уѣзднаго города, куда попали почевать отъ Уклонской, гдѣ провели пѣлый день. Поѣздка ихъ удалась; погода оба дня стояла ясная, не очень холодная, снѣгъ еще не выпалъ, но по утрамъ морозило каждый день.

Зина кушала съ аппетитомъ и, по обыкновенію, говорила съ мужемъ мало. Она ѣхала отъ Уклонской почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ простилась съ нею въ Ширяевѣ на прошлой недѣлѣ.

Уклонскую она нашла все еще одну. Она при нихъ возилась съ больными бабами, говорила съ ними крестьянскимъ языкомъ и не стѣснялась въ употребленіи разныхъ словъ, совсѣмъ уже не салонныхъ. Парменій Никитичъ смѣялся; Зина находила это довольно „crâne“, но и только. Все въ домѣ Анны Сергѣевны было на барскую ногу, смотрѣло немного суховато, точно будто въ домѣ живутъ временно; ничего особенно моднаго, ни въ *bibelots*, ни въ мебели. Можно бы было ожидать бѣльшей изысканности въ отдѣлкѣ ея рабочаго кабинета или спальни. Дѣти—двѣ дѣвочки и мальчикъ—держались мило, не застѣнчиво и не шумно, въ костюмахъ англійскихъ фасоновъ и въ длинныхъ волосахъ. При нихъ—англичанка. Обѣдъ былъ сервированъ безукоризненно; человекъ служилъ во фракѣ.

Когда Парменій Никитичъ пошелъ съ ихъ управляющимъ, изъ нѣмцевъ, осматривать хозяйство, большое и образцовое, Анна Сергѣевна, послѣ „амбулаторной кли-

ники"—такъ она называла въ шутку свой пріемъ бабъ и дѣтей,—повела Зину въ свой кабинетикъ и за до-обѣденнымъ чаемъ разговорила еще живѣе и задушевиѣе, чѣмъ въ Ширяевѣ.

Опять у Зины явилось желаніе сблизиться съ нею, чувство прямой пользы отъ такой женщины.

„Вотъ кто можетъ указать способъ выйти изъ теперешней западни“,—повторила она себѣ нѣсколько разъ, и все-таки не нашлось въ ней рѣшимости начать совершенно искренно рассказывать про то, что происходитъ въ ней. Уклонская раза два-три сама подходила, вызывала ее на откровенность. Зина все сильнѣе замыкалась въ себѣ, и это ее самоѣ мучило и бѣсило. Она даже съ трудомъ, общими мѣстами, отвѣчала ей на вопросы о ея дѣвическихъ годахъ, о Сосѣ, о ея европейскихъ впечатлѣніяхъ.

На губахъ Анны Сергѣевны можно было читать нѣмые вопросы: почему же она такъ мало жила и въ прошедшемъ? гдѣ же ея впечатлѣнія отъ природы, искусства, всего, что Европа даетъ цѣннаго?

И мысль о томъ, что Уклонская жила въ Москвѣ и можетъ знать исторію ея происхожденія, встрѣчала, быть-можетъ, отца, слышала, кто ея мать, раза два кольнула Зину.

Она и осталась такой же скованной. Уклонская какъ будто сама рада была поговорить о себѣ. Зина догадывалась, что эта женщина не нашла въ жизни того, о чемъ мечтала. Да и весь домъ говорилъ, по разнымъ признакамъ, что она не „*maitresse-femme*“. У нея есть свои „чудачества“, какъ она сама ихъ называла; но врядъ ли она оставалась жить безвыѣздно въ деревнѣ по доброй волѣ.

Значить, она подчинялась. Почему? Потому, вѣроятно, que le sac n'était pas de son côté. Къ чему же служить умъ, таланты, начитанность, тонкость, юморъ, когда нельзя „*faire à sa tête*“? Поневолѣ уйдешь въ бабъ и лѣченье ихъ отвратительныхъ болячекъ, да разговоры на ихъ жаргонѣ.

Зинѣ захотѣлось даже вслухъ пожалѣть ее, косвенно подтрунить надъ ней, но и на это недостало ни смѣлости, ни злости. Она простилаась съ нею, думая, что Уклонская не изъ такихъ женщинъ, чтобы сдѣлаться ея другомъ, готовымъ во всемъ помогать ей. Она тоже окажется съ правилами. Но примѣръ ея—новый и сильный урокъ.

Безъ своего состоянія женщина будетъ рабой не то что ужъ мужа съ характеромъ, а какого угодно ничтожества. И когда кто начнетъ съ такой колоссальной глупости, какъ она,—съ добровольной уступки цѣлой четверти своего капитала, тому нечего терять времени, или надо идти на полное обезличеніе.

Эти думы и выводы не оставляли ее по дорогѣ въ уѣздный городъ, и оттуда, на другой день, въ вагонъ до ***ской станціи. Парменій Никитичъ, какъ нарочно, все время „перорировалъ“ на тему о томъ, какъ умной женщиной необходимо понять свою роль, а не „брыкаться“, какъ всякій мужъ, даже если онъ и не высоко паритъ, все-таки естественный авторитетъ, на который всего выгоднѣе опереться, главное же, какъ надо женѣ человѣка, способнаго достигъ многого, готовить себя въ его помощницы.

Она слушала дорогой, полузакрывъ глаза, и безпрестанно прерывала свои собственныя мысли внутреннимъ возгласомъ:

„Attends, mon petit!“

Но этотъ возгласъ не наполнялъ ее злорадной вѣрой въ себя. Было налицо только одно чувство, но воля ничего не избрѣтала, ни на что не надѣялась опредѣленно.

Пришелъ еще поѣздъ. Пассажиры съ сѣвера входили вереницей, въ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ, пили водку у буфета и располагались за столами.

Рынинъ сидѣлъ лицомъ къ буфету, Зина—спиной. Въ началѣ завтрака она замѣтила, что зала станціи похожа на ту, гдѣ они лѣтомъ ждали поѣзда и гдѣ произошло знакомство съ губернаторомъ „talon rouge“.

— И здѣсь встрѣчи очень возможны,—сказалъ Рынинъ.

Но ему не было скучно; онъ не желалъ встрѣчъ затѣмъ только, чтобы убить время. Въ деревнѣ, Парменій Никитичъ уходилъ подолгу въ себя, велъ переписку съ Петербургомъ, читалъ много заграничныхъ газетъ и брошюръ, и если бы его спросили про его душевное состояніе, онъ отвѣтилъ бы когда-то знаменитой фразой: „je me recueille!“

Борьбу съ женой онъ считалъ прекрасно начатой. Послѣ сцены въ кабинетѣ, онъ фактически первенствовалъ и не хотѣлъ вдаваться въ разборъ того, что можетъ происходить у нея въ головѣ. Надо имѣть надзоръ, не раздражать по пустякамъ, не изливаться, а внушать—при слу-

чаѣ, съ тактомъ и выдержкой. Все это онъ выполнялъ. Дѣйствовать же иначе, вызывать въ женѣ сердечный переворотъ, нѣжность, лирической порывъ — считалъ онъ претензіей. Если она была обуза, то обуза не безполезная, и, какъ женщина, она ему, отъ времени до времени, нравилась.

— Такъ и есть! — вдругъ вскрикнулъ онъ, когда подносилъ къ свѣчѣ папиросу. — Да это Снѣткинъ!

— Qui est-ce? — спросила Зина, и обернулась въ сторону буфета.

— Вонъ тотъ высокій брюнетъ въ котиковой низкой шапкѣ и пальто съ мерлушкой. Молодецъ собой!.. Конечно, онъ!

— Un beau gars! — вырвалось у Зины, и она прищурила глаза. — Un samarade?

— Да, если хочешь. Былъ вольноопредѣляющимся сначала у насъ въ полку. Изъ лицействъ. Мы съ нимъ, кажется, на „ты“.

Онъ не торопился окликнуть брюнета, который, дождавъ пирожокъ, пробирался къ большому столу, гдѣ разставлены были горячія и холодныя блюда.

Зинѣ вдругъ захотѣлось, чтобы мужъ пригласилъ этого Снѣткина сѣсть къ нимъ.

„C'est peut être la rencontre, qu'il me faut?“ — подумала Зина инстинктивно, и глаза ея прошлись по рослой фигурѣ брюнета въ мерлушковымъ пальто и котиковой шапкѣ.

— Invitez-le! — сказала она мужу и подвинулась.

— Хлыщевать онъ... — чуть слышно выговорилъ Рынинъ и слегка щелкнулъ языкомъ.

„Ну, да не суть важно, — добавилъ онъ про себя. — Снѣткинъ, навѣрно, изъ Питера, поразспрошу; пускай поболтаетъ“.

— Снѣткинъ! — громко крикнулъ онъ черезъ столъ.

Брюнетъ остановился, проглотилъ кусокъ пирожка, откинулся станомъ немного назадъ, снялъ шапку и сдѣлалъ пріятельскій поклонъ головой и свободной рукой.

— Вотъ такъ сюрпризъ! — откликнулся онъ звучнымъ, груднымъ голосомъ.

Зина увидѣла теперь все его сочное и здоровое лицо, лоскъ густыхъ волосъ, холеную бороду, тонкій, большой носъ и пышный ротъ.

Она похвалила себя. Какъ знать: такой молодецъ могъ

пригодиться ей больше, чѣмъ умная и оригинальная собесѣда.

Снѣткинъ, нѣсколько грузной походкой, подошелъ къ ихъ столу.

— Какими судьбами?

Онъ потрясъ руку Рынина. Тотъ привсталъ. Но они не подѣловались.

— Снѣткинъ,—представилъ Рынинъ Зинѣ,—жена моя.

— Про женитьбу твою слышалъ,—сказалъ Снѣткинъ и тотчасъ же обернулся влѣво, лицомъ къ Зинѣ,—но только я думалъ, что ты опять гдѣ-нибудь за границей... въ званіи attaché, или удѣлываешь высокую, тайную политику.

— Prenez place, — пригласила Зина. — Vous allez rater votre déjeuner!

У нея давно не было такого любезнаго тона съ мужчиной.

Подбѣжавшему лакею Снѣткинъ заказалъ: тарелку борщу и рябчика, и расположился сбоку.

Рынинъ говорилъ съ нимъ сдержанно, немного какъ старшій съ младшимъ; но Снѣткинъ этого точно не замѣчалъ, бросилъ нѣсколько веселыхъ фразъ въ сторону Зины, и тономъ своимъ привелъ ее въ такое настроеніе, которое ей напоминало заграничное прошлое.

„Un garçon qui nous irait, à Soso et à moi“, — подумала она.

Онъ ѣхалъ изъ Москвы на Самару и Оренбургъ „по торговымъ дѣламъ“.

— Какъ, ты купецъ? — спросилъ Рынинъ и немного даже повелъ губами.

— Всенепремѣнно!

— Послѣ геройскихъ подвиговъ! Георгіевскій кавалеръ!

Рынинъ указалъ женѣ глазами на Снѣткина.

— То, голубчикъ, было совершенно въ состояніи безсознательной церебраціи. Il faut vous dire,—наклонился онъ къ Зинѣ,—j'avais mon petit jeune homme! Такъ тогда урѣзали!..

И онъ сдѣлалъ смѣшной жестъ правой рукой. Зина громко разсмѣялась.

Ей вдругъ захотѣлось, чтобы мужъ пригласилъ Снѣткина къ нимъ, сегодня же. Она начала его спрашивать, торопится ли онъ въ этотъ Оренбургъ, или куда тамъ онъ ѣхалъ? Не остановится ли на пути?

Снѣткинъ долженъ былъ остаться именно на этой станціи, чтобы взять обывательскихъ и завернуть въ усадьбу поблизости, переночевать тамъ, и завтра, или послѣ-завтра,—опять сюда, ждать поѣзда.

— Къ кому ты и по какимъ дѣламъ? — спросилъ Рынинъ, болѣе заинтересованный.

— Отгадай, къ кому?

— Не могу.

— Къ Рязскому. Не помнишь? Ну, къ вашему, что былъ съ тобой въ полку.

— Къ князю Рязскому?

Рынинъ оживился. Зина взглянула на него, и сейчасъ по глазамъ его догадалась, что это извѣстіе ему пріятно по какимъ-нибудь расчетамъ.

Въ головѣ Рынина промелькнуло, дѣйствительно, соображеніе, что съ такимъ бывшимъ товарищемъ — если онъ мѣстный дворянинъ — слѣдовало возобновить знакомство.

— Развѣ онъ здѣшній? Какого онъ уѣзда? — быстро спросилъ онъ Снѣткина.

Тотъ назвалъ уѣздъ.

— Да это нашъ уѣздъ! Какъ же я этого не зналъ? Давно Рязскій въ деревнѣ?

— Поселился уже съ годъ.

— Слышалъ я, что оставилъ службу, но...

— Какая служба! — перебилъ Снѣткинъ и вкусно при-нялся за рябчика, запивая его краснымъ виномъ. — Ты, я вижу, пичего не знаешь про то, что онъ теперь изъ себя изображаетъ.

— Я съ нимъ не былъ особенно близокъ. Но онъ мнѣ казался тогда немного страннымъ. Впрочемъ... настоящій джентльменъ, прекраснаго воспитанія, немного на аглицкій манеръ.

— Ну, теперь онъ не отъ міра сего. Долго рассказы-вать, а курьезно!

И Рынину захотѣлось удержать Снѣткина, поручить ему товарищескій поклонъ Рязскому. Они столковались, гдѣ находится имѣніе, куда ѣхалъ Снѣткинъ. Оно оказа-лось на самой границѣ сосѣдней губерніи, но недалеко, верстахъ въ сорока пяти отъ Ширяева; ни въ уѣздномъ городѣ, ни у себя Рынинъ не слыхалъ про то, что Ряз-скій — помѣщикъ одного съ нимъ уѣзда.

— Это могло случиться потому, что Рязскій только

на-дняхъ переѣхалъ сюда, до того — жилъ въ другомъ имѣніи, нѣсколько сотъ верстъ южнѣе.

— Да вѣдь тебѣ дорога на наше Ширяево, — поспѣшилъ Рынинъ пояснить Снѣткину.

— Monsieur pourrait faire une halte chez nous, — прибавила отъ себя Зина.

— Разумѣется, отобѣдай у насъ. Мы попадемъ въ Ширяево какъ разъ къ обѣду. Голодного не отпустимъ.

Тонъ мужа началъ казаться Зинѣ противнымъ. Стояло ей пожелать чего-нибудь, чтобы Парменій Никитичъ сейчасъ втерся туда же, для своихъ цѣлей.

„Roublard! roublard!“ — воскликнула она мысленно.

Въ Снѣткинѣ почувствовала она сразу члена того же масонства, къ которому когда-то принадлежала, только въ русскомъ переложеніи.

— Однако, — замѣтилъ Рынинъ, — отъ насъ въ одну упряжку тебѣ трудненько будетъ добраться до Рязскаго. Раньше семи-восьми ты не выѣдешь.

— Monsieur passerait la nuit chez nous, — предложила Зина и приласкала Снѣткина глазами.

— Ты очень торопишься, быть-можетъ? — спросилъ Рынинъ.

Снѣткинъ навѣрно не зналъ, застанетъ ли онъ Рязскаго: можетъ, онъ не вернулся еще изъ Малороссіи; онъ ѣхалъ немного на-авось.

И это вызвался уладить Рынинъ. Можно было послать узнать нарочнаго, который и вернется чѣмъ свѣтъ, на другой день.

Зина наклоненіемъ головы одобрила любезность мужа. И ея любопытство было возбуждено: что это за бывшій сослуживецъ мужа, про котораго Снѣткинъ выразился: „онъ не отъ міра сего“?

Дѣло было рѣшено. Снѣткинъ распорядился о багажѣ. Въ коляскѣ Рыниныхъ была цѣлая свободная скамейка: она уже стояла запряженной. Черезъ полчаса они могли двинуться.

— Какія же у тебя могутъ быть съ нимъ дѣла? — весело спросилъ Рынинъ, когда имъ всѣмъ подали кофе.

— Ты думаешь, насчетъ торговыхъ операцій? Хлѣбъ или спиртъ скупать? Нѣтъ, голубчикъ! По-пріятельству, контрабанду ему провожу.

— Какъ такъ?

— Самую невинную. Я недавно въ Англію ѣздилъ, насчетъ хересовъ.

— Какихъ хересовъ.

— Такихъ, настоящихъ. Это моя спеціальность; не хочешь ли, буду доставлять? Я—*voyageur en vins secs, sa-piteux*. И всѣ хереса, милый другъ, въ рукахъ англичанъ, даромъ, что у нашихъ Елисеѣвыхъ свои корабли. Такъ вотъ, ѣздилъ и въ Лондонъ. А тамъ Рязскій печатаетъ книжицу... переводъ одного душеспасительнаго сочиненія. Такъ онъ для сохранности просилъ ему корректуры захватить. Больше ничего. Я бы могъ переслать ему изъ Петера, да думаю:—парень славный, дай заѣду... будетъ сохраннѣе!..

Зина все еще смутно понимала, что это можетъ быть за князь, получающій изъ Лондона какіе-то корректурные листки „душеспасительнаго сочиненія“.

— Зачѣмъ же Рязскій живетъ въ имѣніяхъ своихъ?

— Спасается!

— *Il fraternise avec le peuple?*—спросила Зина.—*Comme une amie de monsieur*,—указала она на мужа,—*une jeune femme chic?*

— Да ты послушай его самъ. Мнѣ надъ нимъ смѣяться не хочется, — искренней нотой сказалъ Снѣткинъ и попросилъ у Зины позволенія закурить.—По-своему, онъ—цѣльный человѣкъ и, по крайней мѣрѣ, никого не морочить, кромѣ самого себя; за шиворотъ никого не беретъ, во имя спасенія, какъ нѣкоторые наши политики и патрісты!..

Онъ засмѣялся и тряхнулъ головой.

Въ послѣднихъ словахъ Парменій Никитичъ почувалъ что-то по своему адресу. Но онъ не позволилъ себѣ никакого отпора. И такой Снѣткинъ могъ пригодиться. Теперь пускай онъ передастъ Рязскому его товарищескій поклонъ и желаніе возобновить знакомство. Будетъ предлогъ навѣстить бывшаго сослуживца. По матери Рязскій—съ большими связями, именно въ тѣхъ гостиныхъ, гдѣ онъ продолжаетъ бывать.

— *Quel âge a-t-il?*—вслухъ подумала Зина.

— *L'âge de votre mari*,—отвѣтилъ Снѣткинъ и прибавилъ:—*un blond splendide!*

— Развѣ онъ такъ хорошъ?—сталъ какъ бы припоминать Рынинъ.—Такихъ между англичанами много.

— Этакій блондинчикъ долженъ дѣйствовать на нѣ-

которых женщинъ дьявольски! Только онъ неуязвимъ, а если и женится, такъ во исполненіе одного изъ своихъ правилъ.

Артельщикъ пришелъ доложить, что сундукъ Снѣткина отданъ на храненіе въ багажную, остальные вещи отнесены въ коляску Рынинныхъ.

Разговоръ о Рязскомъ прекратился. Зина замѣтно повесѣла. Они съ Снѣткинымъ выпили по рюмкѣ *chagtreuse*. Когда Рынинъ ушелъ распорядиться насчетъ укладки вещей, Снѣткинъ нагнулся къ Зинѣ и сказалъ вполголоса:

— *Quel chanceux que votre mari, madame!*

И поцѣловалъ ея руку, лежавшую на скатерти.

Они поглядѣли другъ на друга игриво. Зина видѣла, что Снѣткинъ будетъ всегда на ея сторонѣ: — „*qu'il me gobe, ou qu'il ne me gobe pas!*“ — прибавила она про себя.

— *En route!*—воскликнула она и подала ему руку.

Черезъ пять минутъ коляска четверней везла вскачь всѣхъ троихъ въ Ширяево.

На столѣ остались только ваза съ фруктами и ликеры. Сигары лежали въ ящикѣ. Одинъ противъ другого сидѣли гость и хозяинъ. Снѣткинъ уперъ оба локтя въ край стола — румяный, бѣлый, съ бархатнымъ отливомъ бороды, расчесанной посрединѣ подбородка. Тонкая линия пробора шла сбоку черепа. Волосы на вискахъ лежали плотно и отдавали въ тотъ же бархатный отливъ; зубы—онъ, говоря, широко раскрывалъ ротъ — блестѣли своими двумя крупными рядами; губы были такъ свѣжи и красны, точно кто ихъ помазалъ карминомъ. Огненного цвѣта галстукъ съ жемчужиной выглядывалъ треугольникомъ сбоковъ, около бороды. На него свѣтъ отъ висячей лампы падалъ въ одинаковой степени, какъ и на хозяина. Рынинъ также покраснѣлъ — отъ обѣда и отъ завязавшагося спора — и сталъ еще некрасивѣе. Онъ откинулся на высокую стѣнку рѣзного дубового стула, правую руку положилъ кулакомъ на столъ, лѣвой точно отталкивалъ его отъ себя. Поза была напряженная, поза человѣка, отпихивающаго отъ себя, съ трудомъ, доводы противника. Губы раздраженно вздрагивали.

Зина, поодаль, у шкапа, стояла, облокотясь о выступъ его, и пила кофе маленькими глотками, попеременно

съ глотками ликера. Фигура и лицо Снѣткина вырѣзывались изъ общей полутемноты столовой, точно портретъ.

„*Quel beau gars!*“ — промелькнуло у нея опять въ головѣ, и она начала, не торопясь, разбирать его, какъ разбирають въ циркахъ и на оперныхъ сценахъ наѣздниковъ и первыхъ теноровъ. Мужъ выставлялся передъ ней во всей своей офицерской жесткости. Въ сотый разъ задала она себѣ вопросъ: какъ могла она выбрать такого мужчину?! Только и есть у него, что стальные пружины, кулакъ, нервы лонлакея, вѣрящаго въ свою звѣзду. Но и Снѣткинъ не былъ „*son homme*“: — красивъ, изященъ даже, но уже становится пухлѣ; что-то въ немъ не то чтобы бабье, но не такое, отъ чего бы она пришла въ особое настроеніе, о какомъ забыла съ дѣвическихъ годовъ.

Споръ завязался крутой, безъ всякихъ смягченій. Рынинъ тутъ только пожалѣлъ, что онъ на „ты“ съ „хлыщомъ-мальчишкой“. „Ты“ очень помогало Снѣткину. Зина это отмѣтила. Она съ первыхъ же приступовъ спора, за обѣдомъ, распознала, что Снѣткинъ гораздо блестящѣе ея мужа, учился лучше, больше читалъ; правда, франтить своей начитанностью и англійскими литературными выраженіями, но дѣлаетъ это со вкусомъ, и его акцентъ она признавала настоящимъ. Да, кромѣ того, въ немъ говорила убѣжденность человѣка, который сразу заявилъ, что онъ отъ жизни ничего не хочетъ, кромѣ пользованія минутой, не выдаетъ себя за патріота или передового либерала, или революціонера, не скрываетъ того, что онъ — „*un décadent*“ и сдѣлался по собственной волѣ „купчишкой“.

— Полно, другъ! — выговаривалъ Снѣткинъ, красиво, съ музыкальной пѣвучестью, и голосъ его вздрагивалъ въ широкой молодой груди, — не обманывай ты себя и не пускай пыли въ глаза намъ, промышленникамъ! Ты только воображаешь, что отечество передъ тобой на ладонѣ, а ты лучше спроси нашего брата. Вы всѣ, государственники — такъ, вѣдь, нынче говорятъ, — помѣшаны на словѣ: „власть“, думаете, что призваны направлять судьбы націй; а знаете вы, кто васъ самихъ заставляетъ размахивать руками, дергая за проволоки? Да все тѣ же промышленники! Все теперь сводится къ тому, куда дѣвать товаръ; нѣтъ рынка — завоюй, захвати, вынь да положь:

чтобы намъ покупатель былъ! Вотъ и вся ваша высшая политика!..

Рынинъ откинулся еще больше и поднялъ правую руку, все еще сжатую въ кулакъ.

— Знаю я, братецъ, откуда ты аргументы взялъ, изъ какихъ книжекъ. Только этого недоставало! Заграничные бунтари такъ разсуждаютъ, анархисты!

— И они правы, хотя я и не бунтарь, и никакой клички на себя не надѣвалъ. Въ этомъ они—архиправы! Все дѣло въ сбытѣ; вы же возмечтали о себѣ, какъ о спасителяхъ и руководителей. Одни вѣрять этому—вотъ какъ ты, другіе—только личину надѣваютъ...

„И онъ также!“—хотѣла крикнуть Снѣткину Зина съ своего мѣста.

— Анархисты!—повторилъ Снѣткинъ и расхохотался.— Нашелъ, чѣмъ стращать. Да оглянись: у насъ въ самой подтянутой средѣ, въ комъ это видна вѣра въ то, что онъ дѣло дѣлаетъ? Въ комъ? Ужъ не въ тѣхъ ли, кого ты собираешься спихивать съ мѣста, чтобы сѣсть самому? Въ нихъ, что ли? Такъ это, милый другъ, гробы поваленные! Ты и самъ это разумѣешь! Я, по крайней мѣрѣ, такъ и говорю: двадцать мнѣ, всего, семь лѣтъ, здоровъ, пью много, ѣмъ много, денегъ перевожу еще больше, и никакому идеалу не служу. А кончу тѣмъ, что либо зарѣжусь, либо застрѣлюсь!..

— Есть чѣмъ хвастаться!—вскричалъ Рынинъ и перемѣнилъ позу: положилъ такъ же, какъ и Снѣткинъ, оба локтя на столъ.

Зина отошла немного отъ шкапа и, все больше захваченная тѣмъ, что говорилъ Снѣткинъ, смотрѣла на него пристально, вбокъ.

— Ни хвастаться, ни хныкать! Цанвности у насъ нѣтъ, и не было, съ дѣтскаго возраста! Что вокругъ насъ дѣлается, раскусили превосходно, а сами только и можемъ, что кое-какъ, что поплоче, хапаемъ. Да еще спасибо скажи, что не воруетъ. Продалъ я заграничнаго товара на двадцать тысячъ; мнѣ онѣ нужны всѣ для расчета; я пятнадцать проплю — на остальные новыхъ векселей учту. Кончу крахомъ, но, по крайней мѣрѣ, не поддѣлываю чужихъ подписей!..

Голосъ Снѣткина изъ веселаго, бойко вздрагивающаго дѣлался нервнѣе; въ немъ сквозили и болѣе искреннія ноты приговора самому себѣ.

— И высшій авторитетъ, по-твоему, не нуженъ при такой распущенности?

Фраза вышла у Рынина тяжело составленной, и выгорпль онъ ее съ усиленъ.

— Ахъ вы катедеръ-соціалисты на византійскій образецъ!—перебилъ его Снѣткинъ и выпилъ залпомъ рюмку ликеру. — Вѣдь вотъ, нѣтъ же у тебя смѣлости сказать мнѣ: „всякій тѣшится, чѣмъ можетъ,—ты, Снѣткинъ, въ утробу живешь, я — въ фольговыя украшенія, что для котильона употребляются!“

— Какъ же я могу это сказать?—съ силой выдохнулъ изъ себя воздухъ Парменій Никитичъ.—Ты впадаешь въ шутовство! Рисуешься въ какой-то цинизмъ!..

Онъ еще сильнѣе откинулся назадъ и отодвинулъ стулъ движеніемъ всего корпуса. Досадно ему было, что онъ не воздержался отъ горячаго разговора съ этимъ нахаломъ. Но вѣдь такіа стычки у него еще будутъ и впослѣдствіи: надо же къ нимъ примѣниться, умѣть парировать. Такой вивѣръ болтаетъ не какъ неучъ, а съ разными вывертами діалектики; такъ разсуждаетъ не онъ одинъ; есть, стало, скептики-дилетанты, которые не очень-то повѣрятъ въ искренность его взглядовъ и вѣрность его идей?..

Почти то же думала въ ту минуту и Зина, все еще стоявшая у буфета, но она вѣрила Снѣткину.

„Celui-ci a l'air de blaguer; mais il fera ce qu'il dit“.

Такой „beau gars“ дѣйствительно способенъ покончить съ собой, когда жить будетъ такъ же мало „d'âme“, положимъ, какъ ей въ эту минуту. Но напрасно онъ затягивалъ споръ съ Рынинымъ. Довольно и того, что онъ сказалъ вначалѣ. Она совсѣмъ не затѣмъ дала мысль мужу пригласить его заѣхать. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ, когда они уйдутъ изъ столовой, могъ больше заняться ею. При мужѣ развѣ это возможно? Парменій Никитичъ долженъ быть тутъ, и вовсе не изъ ревности—ревность ниже его достоинства,—изъ всегдашняго желанія направлять разговоръ, строить фразы, показывать, какъ онъ глубокъ и проницателенъ.

Рынинъ медлилъ вставать. Нельзя же было только обрѣзать парадоксальнаго и самодовольнаго франта, надо ему показать и то, какъ онъ губить свои силы и пошлѣтъ умышленно, прикрывая это ухарствомъ.

Онъ и сталъ мягко урезонивать Снѣткина, дѣлалъ это

долго и въ противномъ для Зины тонѣ. Снѣткинъ прерывалъ его только смѣхомъ и шутливыми возгласами.

— Да ты даромъ только пороховъ тратишь,—остановилъ онъ Рынина окончательно, и всталъ. — Хороша, значить, наша дѣйствительность, если ничего не остается дѣлать, какъ быть вотъ такими образцами вырожденія, какъ мы, грѣшные?!

— Но русская дѣйствительность,—возразилъ Рынинъ,—ждетъ другихъ людей!

— Ага! То-есть, вотъ такихъ, какъ ты? Ну, тогда наши косточки давно сгниютъ.

Снѣткинъ подошелъ къ Зинѣ и поцѣловалъ у нея руку. Онъ извинился передъ ней за ихъ диспутъ и прибавилъ, обращаясь къ хозяину дома:

— Курьезно вотъ что! Ты имѣешь право смотрѣть на себя, рядомъ со мною, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на праведника, а вотъ, погоди, повидишься съ Рязскимъ, такъ и увидишь, какіе бываютъ еще праведники...

Зина замѣтила на это, что онъ имъ ничего почти не разсказалъ про князя.

— Хочу васъ заинтересовать! Si j'étais femme, je me mettrais en quatre pour rouler cet homme! Ты ему напишешь записку,—спросилъ Снѣткинъ Рынина,—или передать на словахъ твой поклонъ и желаніе быть добрымъ сосѣдомъ?

— Да, я напишу ему,—сказалъ Рынинъ.

— Ну, такъ иди. Я завтра чѣмъ свѣтъ; мы-таки засидѣлись...

Былъ уже одиннадцатый часъ. Рынинъ пошелъ черезъ коридоръ въ кабинетъ. Гостю приготовлено было ночевать въ запасной комнатѣ, около заднихъ сѣней.

Въ залѣ Зина спросила Снѣткина:

— Jouez-vous?—и указала на бильярдъ.

Онъ умѣлъ играть. Ей мало была извѣстна русская партія, но за границей она выучилась дѣлать карамболи: такъ ей будетъ удобнѣе поболтать съ гостемъ. Если онъ былъ не въ ея вкусѣ, то и онъ держалъ себя съ нею слишкомъ уже просто, почти по-пріятельски, чуть не съ первыхъ словъ. Это ее не то что обижало, а казалось неестественнымъ, страннымъ...

Тотчасъ же спросила она его, какъ онъ живетъ въ Петербургѣ, есть ли у него связь въ свѣтѣ, или une petite quelconque? Снѣткинъ не смутился и сталъ говорить

ей въ тонъ. „Адюльтеровъ“ онъ всегда избѣгалъ и считаетъ ужаснѣйшей скукой и обузой. Съ этимъ Зина согласилась. У него есть „un petit collage“, и онъ не боится его послѣдствій. Одно изъ двухъ: или онъ будетъ миллионеръ, и тогда всякій „collage“ — легокъ, или же онъ запутается, и тогда женщина только помогаетъ окончательному „жесту“, — Снѣткинъ рѣзнулъ себя по горлу и сдѣлалъ „щелкъ“ языкомъ. Это ее заставило воскликнуть:

— Quelle idée!

Но Зина его одобряла и находила, что онъ болѣе характеренъ, чѣмъ она. Въ послѣднее время она считала себя способной на всякую „lâcheté“, и на самую постыдную: остаться жить, даже если она убѣдится, что дѣло всей ея жизни проиграно.

Она не могла же за партіей бильярда начать изливаться Снѣткину; но онъ ее понималъ прекрасно и безъ всякихъ излияній. Двумя-тремя словами о Парменіи Никитичѣ онъ показалъ ей, что такой женщиной, какъ она, надо „учить“ подобныхъ мужей, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; что было бы непростительно — не пересоздать ихъ, а если они неисправимы, traiter la chose à la légère — и утѣшаться всѣмъ, чѣмъ можно.

Совершенно по-пріятельски, вполголоса, онъ сталъ говорить ей опять о князѣ Рязскомъ и, полукомически-полусерьезно, подстрекать ея женское чувство.

— Mais vous êtes contre l'adultère? — остановила его Зина.

— Pour l'homme, pas pour la femme!

Они оба разсмѣялись. Партія ихъ стояла все на тѣхъ же очкахъ. Въ кабинетѣ мужъ, написавъ записку князю Рязскому, прочитывалъ почту, приходившую всегда къ ночи. У него не было еще никакихъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ бывшаго сослуживца; но чего же лучше было начать знакомство въ уѣздѣ именно съ него? „Уѣздъ“ игралъ въ идеяхъ Парменія Никитича очень важную роль. Черезъ десять-пятнадцать лѣтъ уѣздъ приметъ — онъ въ этомъ убѣжденъ — совсѣмъ не ту фizioномію. Намеки и шуточки Снѣткина подстрекали его любопытство.

И мужъ, и жена въ одно время заинтересовались дальнимъ сосѣдомъ.

Къ концу второй партіи, Зина условилась съ Снѣткинымъ встрѣтиться въ Петербургѣ. Онъ будетъ съ чиче-

роне по разнымъ „теплымъ мѣстамъ“, — какъ онъ выразился. Дольше зимняго пути она рѣшительно не выдержитъ въ Шираевѣ. Ей было такъ легко со Снѣткинымъ, что когда Рынинъ появился въ дверяхъ, то она почти съ удивленіемъ поглядѣла на него.

„Что нужно этому длинному офицеру?“ — говорили ея глаза.

Снѣткинъ повліялъ уже на ея чувства къ мужу. Ей показалось также смѣшно играть въ жертву, когда стѣбитъ только взглянуть на такого человѣка полегче, и, разъ навсегда, сказать себѣ, что никакихъ она правъ его не признаетъ: будетъ дѣлать все то, что желаетъ, броситъ его, когда ей вздумается, и денегъ ему больше не дастъ, стряхнетъ съ себя всякій страхъ передъ какимъ-то тамъ „обществомъ“ и не позволитъ ему больше никогда воспользоваться ея физической слабостью.

Ея „merci!“ — прозвучало въ залѣ громко и возбужденно. Она пожала Снѣткину руку крѣпко, послѣ чего оставила кій.

— Вотъ записка князю, — сказалъ Рынинъ. — Не хочешь ли вина съ сифономъ или закусь что?

Отъ ѣды Снѣткинъ отказался, выпилъ только краснаго вина съ содовой водой, приготовленной на столѣ въ гостиной.

— La chambre de monsieur est prête? — спросила у мужа Зина такъ весело и просто, что Парменій Никитичъ улыбнулся про себя и подумалъ:

„Засидѣлась! Ей, просто, ухаживателей нѣтъ. Въ городѣ она совсѣмъ обомнется“.

— Я приказалъ, — отвѣтилъ онъ въ тонъ.

Но она сама пошла узнать. Снѣткинъ догналъ ее и шумно началъ благодарить и удерживать. Зина все-таки ушла. Разговоръ съ Рынинымъ Снѣткинъ обратилъ на игристые анекдоты, сталъ рассказывать про петербургскихъ „кутиль-мучениковъ“ изъ общихъ знакомыхъ. Парменій Никитичъ остановилъ его возгласомъ:

— Все та же сволочь!

— Спасибо!

— За что?

— Да и я, братъ, къ этой сволочи принадлежу. По крайней мѣрѣ, нравоученій не читаютъ!..

— Смотри, Снѣткинъ, — сказалъ со вздохомъ Рынинъ и потянулся, — въ самомъ дѣлѣ, плохо копчишь.

— Да тебѣ-то что? Ты, вѣдь, какъ Наполеонъ Первый, въ звѣзду свою вѣришь, — стоитъ ли тебѣ нами заниматься?

Онъ хотѣлъ прибавить какую-нибудь колкость побольше, но въ эту минуту вернулась Зина и сказала, что комната его готова.

„Va! mon brave, — подумалъ онъ, глядя на нее, — elle va te montrer trente six mille chandelles“.

Они съ Зиной поглядѣли другъ на друга и улыбнулись.

Черезъ полчаса всѣ трое разошлись по своимъ комнатамъ.

Никогда еще въ Ширяевѣ Зина не засыпала съ такимъ радостнымъ сознаниемъ того, что она можетъ повернуть жизнь по-своему, съ такимъ легкимъ пренебреженіемъ къ мужу. И всѣмъ этимъ она была обязана случайной встрѣчѣ съ „хлыщомъ“, какъ называлъ Свѣткина Пармений Никитичъ.

Она встала раньше обыкновеннаго и хотѣла проститься съ гостемъ. Но его уже не было. Нарочный вернулся чѣмъ свѣтъ съ извѣстіемъ, что баринъ—въ усадьбѣ.

IX.

Князь Рязскій не выходилъ изъ головы Зины цѣлый день. Онъ посидѣлъ у нихъ наканунѣ и оставилъ послѣ себя неизвѣстное ей до того чувство, гдѣ была и близость чего-то новаго, и лучезарность мужской красоты, какой она не испытывала еще на себѣ...

Онъ хорошъ—такъ показалось ей сначала—въ англійскомъ родѣ. Видала она въ Лондонѣ десятки такихъ лицъ. Но сходство типа не отнимало у князя особенной мягкости всего облика, чистоты линій лба и носа, взгляда изсѣра-голубыхъ глазъ со слезой. Такого взгляда и такихъ линій нѣтъ у теперешнихъ свѣтскихъ англичанъ. Все остальное—французы, нѣмцы, итальянцы, русскіе, кого она встрѣчала,—были грубоваты наружностью, или прилизаны, или женоподобны, если не совсѣмъ куафёры.

И голосъ его, когда она слушала его разговоръ съ Рынинымъ, удивительно дѣйствовалъ на ея нервы. Сначала онъ немного раздражалъ слухъ своей грудной звонкостью. Не понравилась ей и слишкомъ мягкая манера выговаривать слова, съ неловкимъ русскимъ оттѣнкомъ, точно у англійскаго clergyman'a. Но и это сходство было только

на самое первое впечатлѣніе. Князь держался просто, не слушалъ себя, когда говорилъ; иногда искалъ слова: выговоръ у него, дѣйствительно, отзывался чѣмъ-то иностраннымъ. Она слѣдила за малѣйшимъ его жестомъ. Не только онъ не слушалъ себя, когда говорилъ, но и не обращалъ вниманія на то, какъ онъ сядетъ, куда положить руки, какъ поставить ноги. Цѣлыхъ десять минутъ онъ сидѣлъ согнувшись, нога на ногу, и держался за колѣна обѣими, переплетенными между собой, руками. Пальцы у него длинные, прозрачные, суставы тонкіе, на оборотѣ кисти чуть замѣтный пушокъ. Потомъ онъ разожмулъ руки и, отъ времени до времени, дѣлалъ жестъ всей ладонью или отставлялъ указательный и безымянный и загибалъ ихъ слегка по направленію къ большому.

И лицо, и станъ безпрестанно всплываютъ предъ ней. Вотъ такъ онъ сидѣлъ, согнувшись и отвѣчая медленно, немного будто нища словъ, на вопросы ея мужа. Такъ вотъ вошелъ въ кабинетъ. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ и въ остальное все черное, опрятно, безъ всякой изысканности, почти бѣдно. Но какимъ онъ принцемъ крови смотрѣлъ передъ Парменіемъ Никитичемъ! Когда она съ мужемъ провожала его въ переднюю, онъ надѣлъ валенки и дубленый полушубокъ. Пріѣхалъ онъ въ сани, въ какихъ ѣздятъ волостные писаря. Съ недѣлю, какъ стала уже зима. Въ передней, когда онъ надѣлъ шапку, выпрямился и подаль ей руку, она заглядѣлась на него и не сразу отняла свою. Пожалъ онъ ей руку крѣпко, точно мужчинѣ.

И всѣ остальные подробности его визита она переживала и на другой день. Она видѣла его теперь какъ живого и слышала голосъ, каждое слово. Рынинъ за нимъ ухаживалъ, говорилъ мало о себѣ, а больше освѣдомлялся объ его жизни и планахъ. Сразу, однако, не выпытывалъ его особенныхъ идей, того, на что намекалъ Снѣткинъ. Но можно было съ первыхъ словъ понять эти идеи.

Князь вышелъ изъ полка вскорѣ послѣ войны. Рынинъ сталъ вспоминать о товарищахъ. Обыкновенно онъ смотрѣлъ на нихъ свысока, какъ на пустѣйшій народъ. Ничего не сказалъ князь ни высокомернаго, ни рѣзкаго про отдѣльные личности. Но о жизни ихъ въ полку онъ говорилъ съ выраженіемъ жалости въ слегка приподнятыхъ бровяхъ. О военной службѣ вообще онъ упоминалъ, какъ

о чемъ-то еще болѣе жалкомъ, чѣмъ кутежъ товарищей, и его въ томъ числѣ.

— Вѣдь я былъ еще хуже другихъ,—сказалъ онъ совѣмъ просто, безъ улыбки и безъ унылаго вида.

У Зины чуть-было не вырвалось восклицаніе: „Vous, prince?“

Но, что бы онъ ни сказалъ, она только слушала и не позволяла себѣ никакихъ, даже мысленныхъ, замѣчаній.

Не о товарищахъ, не о себѣ, когда онъ былъ въ полку „такимъ же ни на что негоднымъ“,—о простыхъ „солдатахъ“ заговорилъ онъ съ тихой улыбкой сочувствія и съ поддѣльнымъ пафосомъ.

— И тогда я еще увидалъ, что это за смѣшная и жалкая вещь: возмуть крестьянскаго парня отъ сохи, остригутъ его, надѣнуть каску съ птицей, и давай каждый день играть комедію и по-шѣшему, и по-конному—и такъ нѣсколько лѣтъ. Я понималъ уже и тогда печальную пустоту такой забавы, а все не могъ еще стряхнуть съ себя всей этой лжи.

Рынинъ только сдержанно усмѣхался.

Никакихъ видовъ на выборную службу князь не имѣлъ. Онъ будетъ жить въ деревнѣ съ крестьянами, какъ ихъ односелецъ. Станутъ просить его въ гласные—онъ и въ гласные не пойдетъ.

— Почему же?—уже съ удивленіемъ спросилъ Рынинъ.

— Имъ многого не надо изъ того, на что идутъ ихъ же деньги. Это одна гордость. Выборный долженъ стоять выше тѣхъ, кто его выбиралъ, а мнѣ гдѣ же? Я у крестьянина долженъ учиться: онъ только и знаетъ, зачѣмъ онъ на свѣтѣ живетъ, онъ одинъ и несетъ всю тягость, одинъ онъ и создаетъ настоящую жизнь.

Опять уклонился Рынинъ отъ спора. Въ его глазахъ Зина подмѣтила самодовольный блескъ. Онъ внутренно подсмѣивался надъ идеалами Ряжскаго гораздо болѣе, чѣмъ надъ увлеченіями своей пріятельницы, Уклонской. Зинѣ припоминались ея фразы.

Она и теперь способна назвать ее „une poseuse“, а князя—нѣтъ. Онъ точно вслухъ исповѣдывался, и глаза его смотрѣли вдаль, эти сѣро-голубые глаза, со строгимъ, неумолимымъ и вмѣстѣ такимъ простымъ выраженіемъ...

Его преклоненіе передъ мужиками—уже не одно только средство сдѣлать сносной деревенскую жизнь. Она не могла откликаться душой на такіе взгляды и чувства; но, что

бы онъ ни говорилъ, это ли, другое ли, все шло къ нему. И его русскій языкъ—также. Она удивительно отчетливо запомнила всѣ его выраженія, всѣ его слова. Ни одной модной французской фразы не посмѣла она ему сказать. Она не рѣшилась пускаться сразу въ русскій разговоръ, боялась какого-нибудь неловкаго оборота, хотѣла только слушать, забыть о себѣ, схватить все, что шло отъ этого человѣка, и удержать въ памяти.

Кончилъ онъ разговоръ жалобой на самого себя. Не удастся еще ему перестать барствовать. А это такъ легко!

— Прежде, — рассказалъ онъ, — нельзя было ѣздить иначе, какъ въ первомъ классѣ, на рысакахъ или на тысячныхъ верховыхъ лошадяхъ; теперь мнѣ пріятно въ третьемъ классѣ. Такъ и во всемъ можно себя передѣлать.

И это пропустилъ Рынинъ съ усмѣшкой, которую гость и не замѣтилъ.

Подъ конецъ визита Зиной стало овладѣвать раздраженіе отъ того, какъ говорилъ Ряжскій. Ровный голосъ, грудной, слегка вибрирующий, заключалъ въ себѣ что-то искреннее и безстрастное, по упорное въ своей легкости. Такой человѣкъ или надѣлъ на себя иезуитскую личину, или его ничѣмъ не привлечешь, кромѣ того, къ чему онъ самъ стремится душой.

Шутки и подзадориванія Спѣткина слышались Зинѣ, и она, вся тревожная и блѣдная, застыла на своемъ мѣстѣ, когда гость сталъ прощаться.

— Вы пріѣдете? — сказала она ему по-русски. — Не правда ли?

И Рынинъ сталъ просить его отобѣдать.

— На обѣды я не ѣзжу, — отвѣтилъ онъ. — А навѣстить васъ—навѣщу. Вотъ на той недѣлѣ—по пути.

Только тутъ они перемолвились о Спѣткинѣ.

— Какъ это вы его не исправите!

На этотъ вопросъ Рынина гость только повелъ головой и выговорилъ:

— Я не могу другихъ учить, когда самъ еще плохъ. Что же! Онъ очень молодъ, я давно ли былъ такой же... какъ это нынче называютъ... прожигатель? Да еще глуше, съ чванствомъ, котораго въ Спѣткинѣ нѣтъ. Не слѣдуетъ отчаиваться и въ немъ.

Въ этой тирадѣ послышался для Зины пресвитеріанскій напоръ. И стоялъ онъ такъ, и скрутокъ длинноватый, и голову откинулъ, и глаза были полужакрыты.

Она не могла ни отвести глазъ отъ его лица, ни извить, ни возмущаться. Еще сильнѣе влекло ее къ борьбѣ съ этой „святостью“, и его обѣщаніе пріѣхать на будущей недѣлѣ согрѣло ее, точно глотокъ чего-то крѣпкаго и ароматическаго.

— Въ какой же день?—спросилъ Рыннинъ въ передней, гдѣ гость надѣлъ свой полушубокъ и валенки.

— Въ среду... Кажется, въ среду...

— Будемъ ждать!

— Не забудьте, князь! — почти крикнула Зина, и ни одного французскаго слова не пришло ей даже на умъ.

Когда князь уѣхалъ, Зина сейчасъ же начала подсмѣиваться надъ нимъ. Она дѣлала это по инстинкту. Ей гадко было бы говорить о князѣ съ мужемъ мягко.

Ничего такого она еще не испытывала, какъ это желаніе замаскировать свое чувство къ третьему лицу.

— Un évangeliste! Un monsieur insipide de douceur apprêtée,—вотъ что она сказала, и не краснѣла отъ противорѣчія съ тѣмъ, чтò въ нее закралось.

Чуть не назвала его: „un drôle!“

Мужъ съ ней не согласился, находилъ оцѣнку слишкомъ безошадной, да и черезчуръ крупной для такого „господина“, какъ князь Рязскій, въ его теперешнемъ видѣ. Парменію Никитичу уже доводилось встрѣчать, въ Петербургѣ и за границей, барынь и молодыхъ людей изъ бывшихъ вивѣровъ и грѣшницъ—сектантами, редстокистами, ирвингистами и анабаптистами. Онъ не ждалъ и прежде отъ Рязскаго „ничего особеннаго“; объ умѣ его онъ никогда высокаго мнѣнія не былъ; но не предполагалъ и такой „наивной и смѣшноватой“ перемѣны, въ которой сказывается все-таки же „благородство породы“.

— Comment cela?—какъ будто заorno спросила Зина.

— Все-таки на такую, положимъ, блажь способенъ человѣкъ высшей расы, гдѣ есть традиции, великодушіе!

И Парменій Никитичъ развилъ идею неизбѣжнаго обращенія крестьянской массы къ своимъ естественнымъ руководителямъ.

— Мой другъ,—закончилъ онъ,—только два сословія въ русскомъ государствѣ и есть: дворянство и мужики. Остальное для меня не существуетъ, какъ сила. Ничего другого я не признаю! И если выбирать между блажью Рязскаго и мудростью разжирѣвшаго разночинца, лучше его блажь.

Но князь Ряжскій уже пересталъ быть для него предметомъ интереса. Съ такимъ человѣкомъ не надо ссориться, даже если онъ начнетъ „глупить“, какъ помѣщикъ и дворянинъ; и дружбу водить съ нимъ не было для него никакого расчета. На другой день самъ Парменій Никитичъ ни разу не заговорилъ о вчерашнемъ гостѣ.

Зина ушла въ себя, и ей уже ничто не мѣшало. И, рядомъ съ такимъ быстрымъ захватомъ ея внутренняго міра, она тѣшилась и тѣмъ, что такъ легко обманула мужа своими вчерашними фразами.

Скуки, упрековъ себѣ, раздраженія и скрытой злобы— какъ не бывало! Ее влекло все къ яркому и новому образу. Она не задавала себѣ никакихъ вопросовъ: хочетъ ли она помѣряться съ этимъ „блондинчикомъ“, какъ называлъ его Снѣткинъ, или онъ разбудилъ въ ней невѣдомыя и заглухнувшія потребности души? Ее влекло, и она ходила по залѣ, по гостиной, у себя, наверху, по цѣлымъ часамъ мягкой, неслышной поступью; по лицу ея разлилъ былъ тонкій румянецъ; ротъ — полураскрытъ, руки свободно падали на бедра, голова откинута была слегка назадъ, глаза ни на что опредѣленно не глядятъ; къ сердцу все что-то точно приливаетъ, и жуткое такое, и неимоверно сладкое...

Пришелъ вторникъ. Засыпая, Зина чувствовала себя какъ наканунѣ праздника, въ дѣтствѣ, когда онѣ ночевали съ Сосѣ въ одной комнатѣ и шептались одна другой:

— *Ça sent bon! Ça sent le dimanche!*

Хоть Ряжскій и говорилъ, что на обѣды не ѣздитъ, но повару было сказано, что и къ завтраку, и къ обѣду будетъ гость. Внизу она была гораздо раньше, одѣтая въ то платье „bleu ardoise“, которое ей особенно шло. Парменій Никитичъ писалъ въ этотъ день много серьезныхъ писемъ, и когда она вошла къ нему, онъ поднялъ голову, улыбнулся значительно и сказалъ:

— *Ah bah! Pourrie de chic!*

Въ другое время, Зина обрѣзала бы его, но тутъ полунасмѣшливое восклицаніе проскользнуло по ней. Она только сказала, что они могутъ попоздѣе позавтракать; этого требовала простая вѣжливость.

На лицѣ ея явилось пренебрежительно-строгое выражение: ей самой какъ будто рѣшительно все равно было: найдетъ ли ее князь красивой и хорошо одѣтой. И опять она, по-дѣтски, порадовалась своему обману.

Давно шелъ второй часъ. Лакей приходилъ два раза докладывать, что завтракъ готовъ. Гость не будетъ. За завтракомъ Зина говорила много: о погодѣ, о санной ѣздѣ, узнавала, готовы ли сани съ ковромъ, хотѣла поскорѣе обновить ихъ, просила расчистить мѣсто на пруду; коньки у нея есть, и она уже больше года не каталась.

То и дѣло, но незамѣтно, точно оправляя на себѣ волосы, она бросала взглядъ въ одно изъ оконъ столовой, выходившихъ на дворъ, откуда изъ заднихъ воротъ показались бы сани гостя. День стоялъ солнечный. Все блестѣло и искрилось въ свѣжѣмъ снѣжномъ уборѣ. Съ деревьевъ, качавшихся надъ узорчатымъ заборомъ сада, не сошелъ еще иней. Зина заглядѣлась на эту зимнюю картину и стала мечтать о томъ, какъ она поѣдетъ кататься съ княземъ, на тройкѣ или въ одиночку, будетъ сама править, заставитъ его обзавестись и коньками. Вѣдь онъ говорилъ же вскользь про то, какое „великое значеніе“ имѣетъ физическій трудъ. А развѣ это не упражненіе—коньки? Чтѣ же онъ дѣлаетъ? Ходитъ на охоту? Или онъ, навѣрное, смотритъ на охоту какъ на убійство; вѣрно, должно-быть, и то, что онъ—„вегетаріанецъ“.

Гость такъ и не пріѣхалъ къ завтраку. Рынинъ ушелъ по хозяйству; раза два въ недѣлю онъ это дѣлалъ методически, но безъ всякаго удовольствія.

Зина осталась въ томъ же платьѣ. Смеркаться стало рано. Сумерки застали ее въ залѣ; она ходила и уже открыто смотрѣла сквозь чуть замерзшее окно на переднія ворота, со стороны церкви, тѣ, что около кухни.

Она и прислушивалась. Въ деревнѣ она уже стала различать звуки на разстояніи. Часто, когда ей не спалось, она за нѣсколько верстъ, ночью, начинала слышать чуть долетавшее звяканье колокольчика. Иногда все близившійся звукъ вызывалъ въ ней тревогу, біеніе сердца, непріятныя мысли о какой-нибудь эстафетѣ или о пріѣздѣ „d'un drôle quelconque“, по дѣламъ, становаго или писаря. Вотъ колокольчикъ все ближе и ближе. Телѣга или тарантасъ наверху, поднялись изъ оврага, ѣдутъ по порядку, имъ нужно повернуть къ конюшнѣ; звукъ удаляется, слабѣетъ, совсѣмъ куда-то потонулъ.

Какъ бы радостно зазвучалъ онъ теперь; но онъ ни откуда не слышенъ. Можетъ-быть, князь пріѣдетъ въ одиночку, на простыхъ пошевняхъ, безъ колокольчика? Нѣсколько разъ подходила Зина то къ одному окну, то къ

другому. Стало совсѣмъ темно. Въ столовой густыми ударами пробило пять. Зажгли лампы. Вернулся Парменій Никитичъ и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, не замѣтивъ ея въ залѣ.

Она ушла наверхъ, но туалета своего не сняла. Подождетъ гостя, хоть до семи. Обѣдъ весь былъ испорченъ. Рынинъ морщился и повторялъ все, что хозяйка слишкомъ ужъ любезна, въ ущербъ ихъ желудкамъ.

Не придетъ ли на ночь? Онъ такъ простъ въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, что не станетъ дѣлать церемоній. Зина, ничего не говоря мужу, распорядилась, чтобы въ запасной комнатѣ была постель, на всякій случай.

Вечеръ тянулся ужасно долго. Она съ усиліемъ уходила въ англійскій романъ, не могла прочесть сряду пяти страницъ, ничего не помнила, что въ предыдущей главѣ, бросала книжку, принималась даже вышивать. Она не было.

— *Qu'il est embêtant, ce monsieur!*—выразилась она, и этотъ возгласъ вырвался у нея безъ всякаго лукавства. Она разсердилась и сразу, безъ малѣйшаго перехода, надавала себѣ мысленно разныхъ оскорбительныхъ прозвищъ и окриковъ.

Мужъ опять нашелъ, что она слишкомъ нетерпима. Рязскій не далъ положительнаго обѣщанія.

— Какъ не далъ?—почти закричала она.

— Онъ сказалъ: „въ среду постараюсь“. Мой другъ, здѣсь не городъ, телеграфы между селами еще не заведены.

— *Merci de la leçon,* — отвѣтила она и, не простившись,—впрочемъ, это часто такъ бывало,—ушла къ себѣ.

И четвергъ, и пятница миновали. О князѣ нивакой вѣсти. Зина каждое утро начинала ждать такъ, какъ ждала наканунѣ среды и всю среду. Ей было сладко и дорого это чувство, и только къ вечеру оно переходило во взрывъ, который она усиленно скрывала отъ мужа.

Въ субботу Парменій Никитичъ собрался рано на охоту. Онъ наканунѣ, съ вечера, предложилъ и Зинѣ. Она отказалась. Поѣхалъ онъ съ лакеемъ и даже взялъ мальчика. Въ домѣ оставалась одна Милли и подала ей чай, когда баринъ уже уѣхалъ съ людьми. Зина надѣла пеньюаръ, но не тотъ, что носила обыкновенно:—плюшевый, съ кружевной рубашкой, и сошла внизъ—ходить по комнатамъ. Она не ждала, только ее влекло, все съ той же новизной чувства, какъ и по отъѣздѣ Рязскаго.

День был пасмурный, порхалъ снѣжокъ. Она въ окна не посмотрѣла и даже не прислушивалась.

Въ передней позвонили. Некому было отпереть параднаго крыльца. Зина заглянула въ переднюю, подошла къ окну и увидѣла сани парой. Сидѣль на облучкѣ молодой парень въ темномъ кафтанѣ и бѣлыхъ валенкахъ, колокольчика она не разслышала, да, кажется, его и не было.

Звать горничную и заставлятъ дожидаться — поздно. Зина сама отворила дверь и впустила гостя.

Князь вошелъ, все въ томъ же полушубкѣ и валенкахъ и въ снѣгомъ посыпанной бараньей шапкѣ. Лицо его улыбнулось тихо и привѣтливо; на бѣлокурой бородѣ сидѣло нѣсколько снѣжныхъ порошинокъ.

Онъ не удивился, что отперла ему сама Зинаида Мартыновна.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ ей и подаль руку въ вязаной варежкѣ, потомъ страхнулъ шапку и сталъ снимать полушубокъ.

— Извините, — Зина заговорила смущенно, — никого нѣтъ. Мужъ на охотѣ. Мы васъ ждали...

Она не докончила. Ей показалось, что въ словахъ ея звучитъ упрекъ:—она этого не хотѣла.

— Меня задержали въ среду, потомъ похворалъ немного.

Онъ сѣлъ на стулъ и началъ стягивать съ ногъ своихъ мягкія нижегородскія валенки. Зина отошла къ двери. Ею овладѣло смѣшанное чувство радости и смущенія, совершенно ей незнакомое.

Въ залѣ они еще разъ пожали другъ другу руки. Рязскій отеръ лицо платкомъ. Онъ былъ одѣтъ въ свой черный сюртукъ и показался ей еще прозрачнѣе въ лицѣ, и глаза другого оттѣнка, и носъ тоньше, и во всей стройной и величавой фигурѣ что-то кроткое и безмятежное, что привлекало и вызывало тревогу.

Они—вдвоемъ, съ-глазу-на-глазъ во всемъ домѣ. Горничная тамъ, наверху, забила въ свою комнату и что-нибудь вяжетъ или гладитъ. Эта свобода говорить съ нимъ, о чемъ хочешь, возможность пользоваться его присутствіемъ, начать теперь показывать ему, что въ ней происходитъ новаго и сладостнаго, или убѣдить себя, что она еще способна высоко держать передъ нимъ голову, какъ женщина, не привыкшая преклоняться,—всѣ эти чувства захватили ее разомъ.

Легкая дрожь прошла по ея тѣлу. Въ залѣ она хотѣла что-то сказать гостю, „похожее“ на него самого, и выговорила только:

— Тамъ теплѣе.

Она повела его въ кабинетъ. Гостиной она не любила.

Если бы она могла, она увела бы его къ себѣ, въ свой будуаръ, гдѣ ничто не напоминало Парменія Никитича, куда онъ не заходилъ почти никогда.

И въ кабинетѣ рѣчь у нея оборвалась. Ряжскій сѣлъ въ кресло противъ нея, немного согнулся и положилъ ногу на ногу съ миной человѣка, не желающаго начинать разговоръ о томъ, что только ему одному пріятно. У нея столько мелькало словъ, цѣлыя фразы, что языкъ не повиновался.

Яркая краска проступила у нея на щекахъ и лобъ сталъ влаженъ. Она терялась.

И вдругъ ей пришелъ вопросъ:

— Вы къ кому пріѣхали, князь: къ Рынину или ко мнѣ?

Она въ первый разъ назвала такъ мужа, по-русски, одной фамиліей.

И сейчасъ же вопросъ показался ей чудовищно-безтактнымъ.

— Къ вамъ обоимъ,—отвѣтилъ Ряжскій и прибавилъ:— Если вамъ все равно, не зовите меня княземъ.

— Вы...—она затруднилась выраженіемъ.

Онъ понялъ ея мысль.

— Я—ни то, ни другое, Зинаида Мартыновна; просто не нужно этого слова.

— А вотъ Рынинъ, — продолжала Зина, обрадованная тѣмъ, что разговоръ пошелъ,—мечтаетъ о томъ, какъ ему возвратить его титулъ князя.

Русская рѣчь выходила у нея хорошо, лучше, чѣмъ съ мужемъ.

— Опъ, такой...—тихо вымолвилъ Ряжскій, и его глаза стали тускнѣть; чувствовалось, что ему въ тягость судить отсутствующаго.

Зина не могла сдержаться и продолжала разговоръ о мужѣ, сначала въ видѣ насмѣшливыхъ замѣчаній, потомъ и рѣзче. Ряжскій остановилъ ее.

— Видите,—заговорилъ онъ тѣмъ же звукомъ и полукрылъ глаза, — все это еще не показываетъ, что мужъ вашъ неспособенъ современемъ сбросить съ себя суету.

Зло не столько въ немъ, сколько въ тѣхъ потемкахъ, гдѣ мы ходимъ...

Слово „зло“ онъ произнесъ съ такой значительностью, что Зина подняла голову, — до того она слушала Рязскаго, не глядя на него, — и сдѣлала жестъ, заставившій его остановиться.

— Вы хотите возразить?

— Зачѣмъ вы сказали: „зло“? точно вы... нѣтъ, позвольте по-французски. Я лучше выражусь...

— Какъ вамъ угодно!

Въ ней теперь только поднялось внутри возмущеніе всего ея существа. Прежняя Зина Ногайцева вышла наружу и вступила во внезапную схватку съ той женщиной, которая готова была, за десять минутъ, отдаться этому человѣку, прильнуть къ нему душой...

Она его спросила сильно, почти гнѣвно, по какому праву онъ *такъ* говорить, этимъ тономъ проповѣдника, почему онъ *такъ* называетъ „зломъ“ то, что не подходитъ къ его морали? Конечно, она не станетъ защищать Рынина, хотя онъ и мужъ ея. Его натура ей антипатична, и она должна нести кару за свое замужество. Но вѣдь и въ ней самой есть сотни вещей, которыя онъ, Рязскій, объявитъ отвратительными, грѣховными, низкими, постыдными... А почему?

И тутъ Зина, все разгораясь, выразилась, съ небывалымъ для нея порывистымъ потокомъ рѣчи, что „никто ни въ чемъ не виноватъ“ и „никакого зла и добра нѣтъ“. Каждому даны отъ природы, отъ родителей, такіе, а не другіе глаза, губы, носъ; одинъ уродъ, другой красавецъ; произвели васъ съ инстинктами, которымъ вы не можете не удовлетворять. „И если вамъ нравится то, что называется добродѣтелью, то вы такъ устроены; больше ничего!“

— Мірская наука такъ именно разсуждаетъ, — точно про себя выговорилъ, въ отвѣтъ на ея французскую рѣчь, Рязскій и закрылъ глаза рукой.

Она потребовала отъ него объясненія слова „мирская“. А развѣ есть еще какая другая наука? Въ синіе чулки она никогда не записывалась, читала, однако, кое-что и знаетъ, что такъ и смотреть на человѣка ученые и мыслители.

— Да, — опять точно про себя вымолвилъ Рязскій, — это удобно.

Его фраза не удержала Зину от дальнѣйшихъ доводовъ. Ей пришло на память — и такъ отчетливо! — все, что она читала въ статьяхъ о цѣлой школѣ и какъ называютъ ея сторонниковъ: — она не перепутала названія, и нѣсколько именъ уже готово было слетѣть съ ея губъ...

Когда она говорила, глаза ея отведены были въ сторону. Рязскій сидѣлъ вбокъ отъ нея, она — лицомъ къ окну. Но вотъ взглядъ ея упалъ на него, и его поза, прикрытые рукой глаза, сладкая умишка, что-то во рту — упорно-мягкое — привело ее въ такую нервность, что она вскричала сначала уже по-русски:

— Да если вы такъ судите, такъ скажите мнѣ, кто вамъ открылъ тайну жизни? Знаете вы сами, зачѣмъ живете? *Quel est le but de cette fumisterie qui s'appelle vie?*

Она встала и прошла по кабинету. У задней стѣны, гдѣ былъ диванъ, она стала лицомъ къ окнамъ и сложила руки на груди.

Взглядъ на этотъ кабинетъ выбилъ ее изъ ея бурнаго настроенія, гдѣ прежняя Зина Ногайцева защищала себя съ такой небывалой страстностью, силой и бойкостью рѣчи. Красавецъ, молодой мужчина, и такая женщина, какъ она, въ эту минуту, съ ея жаждой искупить поскорѣе ошибку посыллага замужества... И что они дѣлаютъ, одни, съ-глазу-на-глазъ, въ пустомъ домѣ?

Спорять о наукѣ и добродѣтели, защищаютъ какія-то отвлеченности, когда можно отдаться другъ другу, если есть влеченіе! А оно есть. Она уже готова подойти къ нему, взять его за руку, взглянуть на него такъ, чтобы его святость вся отлетѣла, и...

Раздался голосъ Рязскаго. Она въ первыя секунды не вслушивалась въ то, что онъ говоритъ, — только поддавалась обаянію его звуковъ, испытывала ту нервную дрожь, какая проходила по ней съ перваго его посѣщенія.

— Вы спрашиваете, — началъ онъ глуховатымъ голосомъ, — зачѣмъ мы живемъ? Я самъ долго не могъ постичь...

Она хотѣла захохотать и вскричать:

„А! Не постигали! Voilà le hic!“

И молчала, только наслаждалась его голосомъ.

— Я — ищу. Много еще стараго сидитъ во мнѣ. Но я никого не сужу. Я говорю „зло“, потому что надо же

какъ-нибудь назвать то, что не добро. И о вашемъ мужѣ я не стану судить. Если еще зло владѣетъ имъ, онъ плохо видитъ. И у него есть разумъ. Главнѣе всего — понять...

Она слушала и опять не понимала. Ей сдѣлалось все равно, чему онъ вѣрить; что проповѣдуетъ. Спорить съ нимъ она уже не желала, — только бы устранить какое-то препятствіе къ тому, чтобы не говорить такихъ ненужныхъ вещей, чтобы онъ, безъ ея словъ, понялъ и почувствовалъ, какъ ее влечетъ къ нему.

Прежняя Зина Ногайцева точно повинилась и готова была сейчасъ же искупить свою вину.

Она подошла къ окну, сѣла около Ряжскаго, нагнулась впередъ и опустила руки на колѣна, глядя на него снизу вверхъ. Глаза его были все полузакрыты. Но вотъ онъ открылъ ихъ, и въ нихъ появилась опять слеза, ясность и глубина. Смотрѣлъ онъ не на нее, а вдоль амфилады комнатъ.

— Послушайте, — начала Зина по-русски, — я не хочу вамъ противорѣчить... Будемъ друзьями... Хотите?

Рука ея отдѣлилась отъ колѣнъ и протянулась къ нему.

Глаза его обратились къ ней, и онъ поглядѣлъ на нее такъ безстрастно, что у нея отлило отъ сердца.

— Только не говорите мнѣ сегодня ничего... Rien de rigoriste!..

Онъ молчалъ. Его затруднялъ отвѣтъ. И ей тутъ только пришла мысль, что этотъ человѣкъ какъ будто ограниченъ, а она не можетъ выдумать средства вывести его изъ такой ограниченности, забросить въ него хоть маленькую искорку. Опять гнѣвъ сталъ подступать къ сердцу вмѣстѣ съ приливомъ неудержимой жажды ласки, слезъ уничтоженія передъ нимъ всей своей личности...

Прежняя Зина снова побѣдила.

— Мы люди съ двухъ разныхъ планетъ! — выговорила она, встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ въ гостиную.

Гость ея поглядѣлъ ей вслѣдъ все тѣмъ же яснымъ и продолжительнымъ взглядомъ своихъ большихъ глазъ. Онъ бѣжалъ въ городъ отправлять на почту посылку за границу и думалъ о томъ, когда выйдетъ книга, которую онъ переводилъ по-англійски. Здѣсь, въ домѣ Рынина, ему было жутко. Мужа и жену онъ одинаково жалѣлъ, но дѣйствовать на нихъ онъ не будетъ путемъ слова.

Онъ долженъ еще отвоевать себѣ духовную свободу въ борьбѣ съ самимъ собой.

Эту женщину, ея тревогу, взрывъ ея страсти онъ и не разглядѣлъ совсѣмъ.

На возгласъ Зины онъ ничего не отвѣтилъ.

Въ передней такъ сильно зазвонили, что горничная сбѣжала съ верха. Вернулся Рынинъ, раньше, чѣмъ его можно было ждать, недовольный; охота не удалась. Ему страшно хотѣлось ѣсть. Онъ замѣтно оживился, когда Рязскій сказалъ ему, что заѣхалъ навѣстить ихъ по дороге въ городъ. Завтракъ прошелъ чрезвычайно тоительно. Рязскій едва раскрывалъ ротъ. Хозяину нечего было рассказывать про охоту сколько-нибудь занимательнаго; Зина переходила отъ одного предмета къ другому и ничего почти не ѣла.

Парменій Никитичъ раза два поглядѣлъ на нихъ обоихъ, и ему пришла мысль, что между ними вышелъ какой-нибудь особый разговоръ. Вѣроятно, Зина наговорила ему рѣзкостей или начала надъ нимъ подсмѣиваться. Этого ни въ какомъ бы случаѣ онъ не желалъ.

Гостя онъ не удерживалъ, когда Рязскій тотчасъ послѣ завтрака, не дожидаясь кофе, сталъ собираться. Насилью выговорилъ Рынинъ нѣсколько любезныхъ фразъ на прощанье: до такой степени этотъ ненужный маньякъ или чудодѣй казался ему не только ничтожнымъ, но и мало приличнымъ съ его именемъ, богатствомъ и связями. Утѣшиться можно было развѣ соображеніемъ, что старыя титулованныя роды поражаетъ „вырожденіе“. Здоровая кровь, мощь, умъ, смѣлость — не въ нихъ, а въ людяхъ хорошихъ родовъ, бывшихъ въ тѣни и не растратившихъ еще своихъ наслѣдственныхъ силъ.

Въ переднюю вышла и Зина. Она глядѣла, какъ Рязскій надѣвалъ свой полунубокъ, какъ онъ не допустилъ мальчика—помочь ему натянуть валенки, какъ онъ подпоясаясь. Губы ея вздрагивали, лицо побѣлѣло, въ глазахъ загорѣлась злоба.

— Eh bien, — спросила она мужа небрежно, проходя мимо него, къ себѣ наверхъ, — qu'est-ce que je vous disais? Pour un idiot, c'est un idiot, si ce n'est un farceur!..

— Tu as peut-être raison, — отвѣтилъ онъ ей.

Наверху, только что Зина дошла до своей спальни, она бросилась поперекъ постели и глухо зарыдала. Захватило

ее сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, послѣ бѣгства отъ матери. Но она не испугалась, она не звала своей нѣмки.

Безсильно лежащую, все еще поперекъ кровати, нашла ее Милли и громко вскрикнула отъ испуга. Зина не пустила ее бѣжать внизъ и приказала, съ трудомъ говоря, раздѣть и уложить себя. Мужу она послала сказать, что она къ обѣду не будетъ, никакихъ обычныхъ своихъ лѣкарствъ не принимала, выслала горничную и съ закрытыми изнутри ставнями, въ темнотѣ, лежала, тяжело переводила дыханіе. Слезы текли рѣдкими каплями по ея щекамъ. Чувство неизсякаемой горечи уничтожало ее.

Х.

Депеша вызвала Парменія Никитича въ Петербургъ. Она была пріятнаго содержанія и требовала немедленнаго выѣзда. Получивъ ее, онъ рѣшилъ ѣхать въ тотъ же день. Но какъ приметь это Зина? Навѣрное сдѣлаетъ сцену, если ей объявить, что взять ее съ собой—неудобно. И въ самомъ дѣлѣ было неудобно. Оставаться тамъ на зиму не придется: вѣроятно, его пошлютъ въ настоящую командировку. Та „записка“, надъ которой онъ работалъ каждый день въ Ширяевѣ, была окончена, и очень кстати будетъ явиться въ Петербургъ не съ пустыми руками. Сначала онъ значился въ четырехмѣсячномъ отпуску съ іюля; теперь зашелъ даже за срокъ своей номинальной командировки.

Въ малодушіи онъ себя никогда не уличалъ—и, послѣ десятиминутнаго обдумыванья, поднялся къ женѣ навверхъ. Это было еще передъ завтракомъ.

Въ послѣдніе три-четыре дня послѣ того, какъ Зина пролежала у себя въ спальнѣ цѣлыя сутки, онъ замѣчалъ въ ней подавленность, которую объяснялъ усилившейся скукой. Она, должно-быть, — такъ соображалъ онъ, — рассчитывала на интересъ отъ князя, а князь оказался „un idiot“. Больше ресурсовъ никакихъ не предвидится, и это ее гнететъ. Но что же дѣлать? Начать жить домомъ въ Петербургѣ нѣтъ никакого расчета; можно не нынче—завтра получить „постъ“ въ провинціи. А если его удержатъ тамъ на время—онъ ее выпишетъ; только теперь ему необходимо ѣхать одному.

Зина сидѣла у себя передъ столикомъ и лѣниво пила чай, по-англійски, съ гренками. Въ ея комнатахъ мужъ былъ не больше трехъ разъ, когда эти комнаты отдѣлы-

вали. Онъ находилъ, что тутъ ей должно быть душно, но разговора о нихъ избѣгалъ.

Будуаръ Зины — дѣйствительно очень низкая комната стариннаго мезонина, отдѣланная восточной бумажной тканью, привезенной Рынными изъ-за Балканъ—освѣщало зимнее утро мягкими тонами. На фонѣ пестрой ткани выдѣлялся ея станъ въ розоватомъ фланелевомъ пеньюарѣ съ широкими откидными рукавами, откуда голыя руки выплывали мраморомъ матовой бѣлизны.

Звукъ шаговъ заставилъ Зину нервно обернуться къ двери.

— Не бойся,—началъ Рынинъ и подошелъ ближе, пожалъ ей руку.—Ничего не случилось. Я получилъ телеграмму. Надо быть какъ можно скорѣе въ Петербургѣ. Отъ скорого пріѣзда зависитъ очень многое.

— А-а!—протянула безжизненно Зина.

Этотъ звукъ удивилъ Парменія Никитича.

— Ты не останешься долго здѣсь,—прибавилъ онъ.— Если бы пришлось побыть тамъ дольше, пріѣзжай...

Онъ поглядѣлъ на ея блѣдное, почти желтое лицо и тусклые глаза и хотѣлъ узнать, здорова ли она.

— Quand partez-vous?—спросила Зина и больше ничего не прибавила; допила только медленно свою чашку чаю съ кусочкомъ гренка.

Объясненіе обошлось даже слишкомъ хорошо. Онъ спустился внизъ съ вопросомъ: „что бы это значило?“ и не нашелъ другого отвѣта, кромѣ того, что Зина „уходилась“ и не желаетъ являться въ Петербургъ „кое-какъ“. И одиночество въ Шириевѣ не должно слишкомъ ужасать ее. Парменій Никитичъ не обольщалъ себя насчетъ чувствъ жены къ себѣ. Онъ надѣялся на время. Быть-можетъ, оставшись одна, она все передумаетъ и подготовится къ жизни вдвоемъ, какъ слѣдуетъ, какъ подобаетъ неглупой женщиной: ума онъ у нея никогда не отрицалъ, насколько умъ согласимъ съ женской натурой вообще.

Въ полдень—онъ наскоро закусилъ—его уже не было въ Шириевѣ. Мужъ и жена простились пожатіемъ руки. Отъ объятій и поцѣлуевъ мужъ самъ воздержался.

Какъ только колокольчикъ затихъ за околицей, Зина въ своемъ будуарѣ, откуда она и не выходила, довольно громко вздохнула, вся потянулась, прошла изъ будуара въ маленькую проходную комнату и по темноватому ко-

ридору, гдѣ она привыкла двигаться медленно, даже ночью, когда на нее нападала бессонница.

Послѣ припадка, въ день послѣдняго визита князя, Зина жила тупой душевной болью, жила только ею, — сквозь эту боль просачивалось и другое чувство: увѣренность, что такъ это не кончится, не можетъ кончиться! Если бы она сама захотѣла подавить въ себѣ всякую память о князѣ, она не могла бы.

Да и не хотѣла. Она теперь только узнала, что такое жить сладкой болью въ сердцѣ. Три дня прошли для нея не въ тягучемъ отсчитываніи часовъ, — отъ утра до утра, — а въ чемъ-то опять новомъ для нея. Припадокъ, вслѣдъ за которымъ она испытала такое душевное уничтоженіе, былъ не простой взрывъ болѣзненной нервности. И онъ сталъ ей дорогъ, и то, съ чѣмъ она теперь жила, не отдала бы она за то, что могъ ей представить Петербургъ или Парижъ, даже если бъ она поѣхала туда одна, блистать, съ годовымъ доходомъ вчетверо больше ея дохода отъ оставшихся ей полутора тысячъ.

Ихъ разговоръ съ княземъ былъ вѣдь прерванъ. Нужды нѣтъ, что онъ не понималъ ее, что онъ ограниченъ, вдается въ чудачество, строить изъ себя не то пастора, не то революціонера, или даже анархиста. Развѣ она можетъ требовать, чтобы этотъ человѣкъ — роковой въ ея жизни, она увѣрена въ томъ — сразу отдался ей? Онъ молодъ, живетъ одинъ, живетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ нея. Что ей за дѣло до его святости?! Да и не самъ ли онъ говорилъ, что только еще „ищеть“. Чего? Спасенія на небѣ или счастья на землѣ? Чего бы ни искалъ — отъ женщины, отъ страсти не уйдетъ!..

Зина впервые носила въ себѣ образъ того, что она прежде, только по книгамъ, называла словомъ „страсть“. Она ея не примѣняла никогда къ себѣ, никогда не желала, не считала даже умѣстнымъ думать въ этомъ направленіи, привыкла постоянно трунить надъ Сосѣ за ея „*tempérament explicable*“. Сосѣ своими увлеченіями, вплоть до второго брака съ американцемъ, отъ котораго, судя по письмамъ, еще млѣетъ, въ лицахъ представляла ей всю смѣшную сторону страстности, любовнаго пыла. Подъ этимъ она не признавала ничего, кромѣ настроеній и желаній, для которыхъ есть слова, въ родѣ „*un caprice*“, „*une toquade*“, — а всего чаще и проще: „*un flirt*“.

Не признавала — и была права. Что она видѣла вокругъ

себя? Иностранки—или совсѣмъ не любили, или раззѣкались, какъ она; русскія были въ родѣ Сосѣ или въ родѣ княгини Трубчевской: „une p  ch  resse    froid“, которая только „охотилась на мужчинъ“.

И вотъ она не отдастъ боли, щемленья, какія у нея внутри въ эту минуту, за прежнюю свою женскую гордыню.

Смотрѣть на него, говорить съ нимъ, дышать однимъ воздухомъ! Это возможно, но Зина не сейчасъ начала мечтать о такомъ счастьи. Она пребыла цѣлыя сутки въ сознаніи того, что счастье это осуществимо, что все будетъ, если только она сама не станетъ отталкивать его отъ себя своими дикими выходами...

Но на третій день по отъѣздѣ мужа, съ утра ее стало точно колыхать отъ желанія загладить то, въ чемъ она сама была виновата, тогда, въ кабинетѣ. Она написала записку быстро-быстро, не искала выраженій, ничего не боялась и ничего не маскировала.

Въ запискѣ стояло:

„Мы не можемъ не поговорить еще и не узнать ближе другъ друга. Я одна въ Ширяевѣ. Рынинъ уѣхалъ въ Петербургъ. Навѣстите меня“.

И она не мучилась никакими сомнѣніями. Онъ долженъ прійхать. Вѣдь между ними не вышло еще ничего, что можетъ оттолкнуть его. Онъ обязанъ быть простымъ и великодушнымъ. Зина ни одной секунды не подумала: не приметъ ли князь ея записки за кокетство скучающей барыни, за безцеремонную навязчивость? Она хотѣла быть увѣренной, и весь день провела въ тихомъ настроеніи.

Нарочный вернулся къ вечеру съ отвѣтомъ. Князь боленъ; извинялся, что не можетъ даже отвѣтить запиской. Это не была отговорка: люди говорили нарочному, что баринъ третій день нездоровъ, и докторъ пріѣзжалъ изъ города.

Ни малѣйшаго колебанія не было у нея: надо къ нему ѣхать, завтра же, не предупредивъ. Онъ могъ серьезно занемочь; она будетъ за нимъ ухаживать; при немъ нѣтъ никого!..

Неужели не останется тамъ, если найдетъ его въ опасности? Зина вся заохолодѣла при этой мысли. Развѣ она способна разбирать—прилично или неприлично остаться тамъ? Но она не вѣрила ни въ какую опасность, и съ этой вѣрой заснула. Всѣ приказанія отдала она съ вечера.

Поѣдетъ она одна, безъ Милли, съ мальчикомъ Митей. Разбудить себя велѣла она въ восемь часовъ.

Открытыя сани тройкой подвозили ее на ровныхъ рыскахъ къ усадьбѣ князя—сѣльцу Осинину. Съ пригорка виденъ былъ бѣлый двухъэтажный домъ, съ колоннами и бельведеромъ, съ большимъ паркомъ и дорогой, обсаженной липами, вплоть до мостика черезъ рѣчку. По обѣимъ сторонамъ дома—по флигелю. Усадьба сохраняла еще, издали, барскую пышность; но можно было распознать, что домъ стоялъ пустой.

Зина смотрѣла на строенія, окружавшія домъ, и хотѣла отгадать, въ которомъ флигелѣ живетъ князь; онъ, навѣрно, помѣстился не въ большомъ домѣ. Ни разу, дорогой, не пришло ей на мысль, что она могла бы придать своему визиту болѣе безупречную форму. Ей слѣдовало сдѣлать визитъ Уклонской, а оттуда и въ сторону—къ маленькой. Ей хотѣлось одного: видѣть князя скорѣе, знать, что онъ здоровъ. Никакихъ извиненій и предлоговъ, даже если она найдетъ его на ногахъ. Сегодня только почувала она въ себѣ прежнее обладаніе своей личностью. Такъ вотъ, два-три года назадъ, на полной дѣвичьей свободѣ, она бравировала какими угодно приличіями—больше изъ озорства.

Теперь—встрѣться ей сейчасъ, на томъ же спускѣ къ усадьбѣ князя, Парменій Никитичъ, единственный человѣкъ, воображающій, что онъ имѣетъ на нее какія-то права, она ему кинула бы фразу:

— Je vais voir le prince qui est tombé malade!

И онъ долженъ былъ бы снять передъ ней шапку. Вѣдь онъ остался въ увѣренности, что его жена презрительно смотритъ на этого идиота, и все-таки поѣхала къ больному, какъ особа, имѣющая высшій стиль, способная быть великодушной. Она ему напишетъ, какъ только вернется въ Ширилево, что ѣздила къ „маньяку“ Рижскому.

Но когда тройка спустилась къ мостику, миновала его и вѣхала въ аллею липъ, покрытыхъ инеемъ, съ чуть замѣтными слѣдами полозьевъ по свѣжему, еще рыхловатому снѣгу, Зина начала чувствовать, что ея снѣжность пропадаетъ, сердца точно совсѣмъ пѣтъ въ груди, кровь прилила къ щекамъ, вѣроятно, и уши красны, и шел...

Впору было назадъ.

— Ко флигерю прикажете?—спросилъ кучеръ.

Рабочій, їздившій нарочнымъ, сказывалъ ему, что князь живетъ во флигелѣ, который по правую руку отъ параднаго крыльца.

— Спроси!—крикнула Зина, и голосъ ея дрогнулъ.

— Ко флигерю надо, — утвердительно сказалъ кучеръ.

Зину не смущало то, что этотъ кучеръ, этотъ мальчикъ на облучкѣ, вѣроятно, думаютъ про барыню не совсемъ ладно: поскакала, одна, къ молодому князю, какъ только баринъ изъ усадьбы вонъ, да еще нарочнаго съ запиской посылала. Такой вздоръ могъ ее смущать гдѣ-нибудь на кумысѣ, изъ-за глупой исторіи съ гимназистомъ... Но не теперь. Не оттого у нея голосъ задрожалъ, что ей сдѣлалось совѣстно „людей“. Ее охватило смущеніе оттого, что вотъ сейчасъ тройка остановится у крылечка и она — передъ нимъ.

Сани вѣхали во дворъ — круглый, обставленный съ боковъ флигелями и службами. Ее подвезли къ правому флигелю, съ крытымъ крылечкомъ. На дворѣ никого не было. Цѣпная собака запрыгала съ хриплымъ лаемъ около конуры.

На крылечко вышло человѣка три крестьянскихъ мальчиковъ — кто въ полушубкѣ, кто въ зипунишкѣ — и при видѣ барскихъ саней остановились шагахъ въ двухъ. У каждаго было, подъ мышкой или въ рукахъ, по книжкѣ.

— Да это школа, — сказала Зина и стала медленно выходить.

Миша, откинувшій полость, переглянулся съ кучеромъ.

— Здѣсь баринъ живутъ, — выговорилъ онъ увѣренно. — Прикажете спросить у мальчишекъ?

— Спросите!

Позвали одного изъ мальчиковъ, побольше ростомъ.

— Кто здѣсь живетъ? — обратилась къ нему Зина.

— Аресь Пятровичъ.

— Кто? — переспросила она.

— Аресь Пятровичъ, баринъ.

Она не знала, какъ зовутъ Рязскаго по имени и отчеству.

— Князь?

— Такъ точно.

Она не спросила ихъ, зачѣмъ они у него были и какъ его здоровье. Миша высадилъ ее изъ саней. Мальчики все стояли поодаль и смотрѣли на тройку и на эту барыню въ богатой песцовой шубѣ и яркаго цвѣта плю-

шевомъ капорѣ, сшитомъ какъ шляпа, съ мѣховой ж опушкой.

Отъ лошадей шелъ паръ. Кучеръ доложилъ Зинѣ, что возвращаться черезъ три-четыре часа въ Ширяево — „тяжко“. Если барынѣ угодно переночевать въ городѣ, будетъ „сподручнѣ“. До города было всего верстъ двадцать.

— Хорошо!—отвѣтила торопливо Зина, и тутъ только подумала, что она поѣхала безъ горничной, безъ всего, что ей нужно, если она останется ночевать въ городѣ, гдѣ гостиница ужасна. Но это только промелькнуло въ ея головѣ. Она поѣдетъ, если засидится, къ Уклонской. Кажется, усадьба той не очень далеко. Но она не справилась и объ этомъ.

Въ маленькой передней, куда она вступила, все съ тѣмъ же замираніемъ въ груди, она натолкнулась еще на троихъ крестьянскихъ мальчиковъ, помоложе тѣхъ, что вышли.

Одинъ изъ нихъ, въ дверяхъ, жиденькимъ голоскомъ спрашивалъ:

— Такъ къ завтраму зады пройти, Аресь Пятровичъ?

— Да, милый,—послышался голосъ князя изъ глубины, можетъ-быть, изъ второй комнаты.

Звукъ голоса точно заигралъ у Зины внутри, и она готова была распѣловать этихъ чумазыхъ ребятишекъ, отъ которыхъ нахло избой.

— Князь здоровъ?—спросила она у того, что стоялъ поближе къ входной двери.

— Аресь Пятровичъ? Нешто.

— Полегчало ему,—прибавилъ другой.

Мальчуганъ, что спрашивалъ насчетъ „задовъ“, надѣлъ шапку и крикнулъ:

— Прощай, часъ добрый, Аресь Пятровичъ!

То же повторили и остальные. Въ растворившуюся широко дверь ворвался изъ сѣней клубъ морознаго воздуха.

Миша оглядывался съ недоумѣніемъ. Въ передней стояли лавка и маленькій шкафчикъ—больше никакой другой мебели. Изъ дверки вправо никого не показывалось. Должно-быть, нѣтъ прислуги.

— Прикажете доложить?—спросилъ онъ барыню и улыбнулся.

Зина отвела его рукой и сама, въ шубѣ, вошла въ пер-

вую комнату. Почти съ порога она громко спросила, еще ли видя князя:

— Вы здоровы?.. Гдѣ вы?

И быстрыми шагами перешла черезъ первую комнату, съ кое-какой мебелью, потомъ нѣчто въ родѣ залы въ домикѣ управителя, съ сѣренькими обоями и двумя ломберными столами изъ потемнѣлаго красного дерева.

— Я здѣсь,—раздался голосъ князя, болѣе слабый, какъ она теперь только разслышала.—Боже мой! Вы?!

У письменнаго стола въ комнатѣ, поменьше первой, въ креслахъ сидѣлъ Рязскій, одѣтый въ тотъ самый полушубокъ, который былъ на немъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Ширяево. За ширмами стояла, вѣроятно, кровать. Ноги князя прикрывало вязаное одѣяло. Онъ поблѣднѣлъ и глаза впали. Но какъ онъ только увидѣлъ гостью, сейчасъ же всталъ и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Сидите!—удержала его Зина.—Я сниму здѣсь шубу. Я съ холоду. Вамъ нельзя!..

Голосъ ея все еще вздрагивалъ; но волненіе уже было другое—оно перешло въ искреннюю радость.

Лицо князя оживилось. Онъ даже какъ будто покраснѣлъ слегка и сталъ отодвигать длинную скамейку, стоявшую поперекъ комнаты, противъ его кресла. У двери былъ диванъ съ клеенчатой обивкой.

— Вы пожаловали,—заговорилъ онъ немного смущенно, когда Зина, скинувъ съ себя шубу, вошла къ нему, но все еще не подавала ему руки.

— Я съ холоду,—повторяла она.—Вотъ я сюда сяду, на диванъ.

— Да я ничего, мнѣ лучше. Я не боюсь. Милости прошу...

Князь былъ тронутъ ея неожиданнымъ посѣщеніемъ: но онъ не могъ выразить этого какъ-нибудь ярче и шумнѣе.

Онъ протянулъ руку—она стала отъ болѣзни еще прозрачнѣе и тоньше—къ своей гостьѣ. Зина пожала ее въ перчаткѣ, и онъ могъ бы почувствовать, но не почувствовалъ, какъ ея рука вздрогнула. Глаза его только скользнули по головѣ ея, стану, платью и тотчасъ же полуприкрылись длинными рѣсницами.

— Вы очень добры,—прибавилъ онъ.

Дальше въ выраженіи своего чувства онъ не пошелъ; только глаза его раскрылись и ушли опять вдаль, все

такъ же, что и въ Ширяевѣ, когда онъ сидѣлъ, какъ и тутъ, противъ двери, и смотрѣлъ все черезъ гостиную въ залу.

Но Зина и не требовала большаго. Она чуть замѣтно сдерживала волненіе и коротко переводила дыханіе. Если бъ это было прежде, она придавила бы лѣвой рукой то мѣсто, гдѣ сердце подъ корсетомъ,—такъ оно учащенно забилося,—но теперь она ничего не боялась, кромѣ одного: сказать сразу что-нибудь невпопадъ, что заставить князя уйти въ себя, замкнуться.

— У васъ было цѣлое общество,—начала она.—Мальчишки... Какъ они васъ зовутъ? Аресь, Аресь?..

— Орестъ Петровичъ,—подсказалъ князь безъ усмѣшки.

— Вы любите, чтобы васъ такъ звали? — быстро спросила Зина, и ее что-то схватило внутри: вопросъ звучалъ ненужной паивностью.

— Меня такъ зовутъ,—отвѣтилъ Рязскій, и опять опустилъ вѣки.

Эта привычка производила на нее дѣйствіе свѣта и тѣни, и точно обозначала одобреніе или неодобреніе того, что она скажетъ.

Но надо продолжать разговоръ. Зина чувствовала, что Рязскій самъ не будетъ говорить про себя, да и ее разспрашивать тоже не станетъ.

— Вы ихъ учите?

— Учитель занемогъ до меня. Я и прежде съ ними занимался немпожко. Въ школу я не могъ эти дни. Вотъ они и приходили, которымъ хотѣлось. Плохой я педагогъ, да много имъ и не нужно. Нынѣшнія всѣ эти педагогическія игрушки—выдумка праздныхъ людей. Всякій изъ нихъ очень смышленъ и множество вещей знаетъ, куда больше меня,—докопчилъ онъ, и подъ одѣяломъ перемѣнилъ положеніе ноги.

Пауза, не больше десяти секундъ, капнула на нее крупной, ѣдкой каплей.

— И вы здѣсь одинъ, Орестъ Петровичъ! — не могла она не воскликнуть.

— Одишь.

— Неужели безъ прислуги, больной?

— Вотъ придетъ ко мнѣ парень, попозднѣе, принесетъ мнѣ поѣсть. Ужъ вы извините меня: я, право, не знаю, чѣмъ буду васъ угощать. Я никакъ не ожидалъ.

— Я позавтракала. Утомлять я васъ не буду,—поторо-

пилась она и прибавила:—Я такъ рада, что вамъ лучше.

— Вы какъ прѣхали?—спросилъ Рязскій съ заботливой миной.

— На своихъ,—веселѣе отвѣтила Зина.

— Надо бы лошадей и людей вашихъ покормить... Послать... Съ вами есть кто-нибудь?

— Мальчикъ. Да это ничего!

Князь всталъ и пошелъ въ переднюю, объяснилъ Мишѣ, куда ему пройти во дворъ и кому сказать насчетъ лошадей и ѣды.

— Ужъ вы извините,—началъ онъ, вернувшись.

Но онъ ничего больше не прибавилъ, не пошутить надъ своимъ образомъ жизни, надъ ея первобытностью.

Всѣ эти „дикости“,—какъ назвалъ бы Парменій Никитичъ,—были уже въ глазахъ Зины чѣмъ-то неотдѣлимымъ отъ личности князя. Она уже не останавливалась на нихъ, желала только найти другой тонъ и звукъ своимъ собственнымъ словамъ.

— Я передъ вами виновата,—вдругъ заговорила она, и радостное чувство отъ того, что она именно объ этомъ заговорила, разлилось по ней.—У насъ тогда, на той недѣлѣ, я вамъ сказала нѣсколько... enfin des duretés, quoi!—вырвалось у нея по-французски.

— Не помню,—отвѣтилъ князь. — Я вамъ скажу одну вещь. Можете и смѣяться надо мной. Когда я вижу, что кто-нибудь впадаетъ въ гнѣвное или хоть недоброе настроеніе — я сначала отвѣчаю, а потомъ ужъ не слышу, просто не слышу. Я хочу только, чтобы тотъ человѣкъ поскорѣе смирился. Спорить я не могу и учить также не умѣю. Да вотъ я вамъ, кажется, что-то про зло сказалъ. Вы вѣдь съ этого и стали такъ горячо говорить? А, видите, вы — добрѣе меня. Мнѣ бы надо было тогда вернуться къ вамъ, хоть на другой день, и попросить васъ повторить мнѣ ваши доводы, безъ всякой мысли о томъ, что я себѣ приписываю какое-нибудь притязаніе на высшій умъ. Я этого не сдѣлалъ. А вы—васъ зовутъ?..

— Зинаида Мартыновна...

— Вы, Зинаида Мартыновна, добрѣе меня. Сами захотѣли узнать другъ друга поближе. Потомъ и прѣхали, какъ только я извинился за пездоровьемъ. Вы добрѣе меня, — повторилъ онъ, съ новой силой, и совсѣмъ опустилъ глаза.

Она вся разгорѣлась, даже въ ушахъ ея забились жилы,

и она это почувствовала. Онъ самъ заговорилъ о ней, объ ея „добротѣ“, ставилъ ея поступокъ высоко.

— Полноте,—почти шопотомъ сказала Зина.—Я вся...— по-русски у нея не хватило мужества выговорить, — *très vicieuse*,—добавила она.

Глаза ея точно что заволокло. Она сквозь дымку видѣла передъ собой, вкось, лицо князя, эти рѣсницы, изъ-подъ которыхъ проходилъ блескъ глазъ, и носъ съ его тонкимъ загибомъ подъ переносицей, нѣжными ноздрями, бороду, бѣлый, высокій, нѣсколько суженный лобъ, съ чуть замѣтной голубой жилкой поперекъ него.

— Я хочу васъ понять,—продолжала она такимъ же тихимъ голосомъ,—мнѣ легко это будетъ, я...

Она взялась за високъ правой рукой и вся выпрямилась, какъ будто она удержала слово, готовое вылетѣть. Уже такой порывъ охватилъ ее въ Ширяевѣ, въ кабинетѣ; но тамъ въ ней боролись двѣ женщины, здѣсь она вся трепетала, и смиралась, и пила отраду неудержимаго влеченія...

— Сядьте лучше сюда,—пригласила она его на диванъ.—Вамъ можетъ дуть изъ окна. И въ этой комнатѣ свѣжо. Какъ же можно одному, больному, безъ прислуги?..

— Ничего,—отвѣтилъ онъ кротко, и отъ его голоса повѣяло опять холодомъ.—Зачѣмъ другимъ надоѣдать своимъ нездоровьемъ?

Этотъ вопросъ, на который Зина не возражала, вызвалъ въ князѣ оживленіе. Онъ попадалъ на то, что ему было всего ближе, надъ чѣмъ онъ работалъ въ ту минуту, и съ успѣхомъ. Хорошо подготовленной рѣчью звучалъ его рассказъ о томъ, какъ отучалъ онъ себя отъ прислуги, отъ разныхъ прежнихъ привычекъ барства, и вотъ теперь близокъ уже къ полному освобожденію отъ „добровольнаго рабства“.

Зина прослушала это безъ всякихъ возраженій.

Когда князь замолчалъ, она сказала, какъ бы думая вслухъ:

— Вамъ нужно это—вы хотите...—словъ у нея еще не хватило, — *vous voulez travailler pour la cause du peuple*.

Она не возмущалась такими идеями. Если онъ вѣрить въ правоту своего дѣла—пускай идетъ. Допрашивать она его не станетъ, но если бъ онъ былъ даже то, что называютъ „анархистомъ“,—выше всего вѣра въ правду своего дѣла.

Такъ говорила она вслухъ, а внутри повторяла:

„Кто бы онъ ни былъ, не все ли равно?“

При словѣ „анархистъ“ князь покачалъ головой. Онъ далъ ей кончить и сталъ объяснять, что подбивать народъ, или кого бы то ни было, на какое-нибудь насиліе онъ считаетъ безуміемъ и „великимъ грѣхомъ“. У народа же, какъ онъ его понимаетъ, нѣтъ никакой другой „cause“, кромѣ жизни по правдѣ — и въ этомъ помогать ему онъ будетъ всю жизнь.

Князь вдругъ всталъ, нагнулся надъ письменнымъ столомъ, взялъ книгу въ сѣрой обложкѣ и подаль ее Зинѣ.

— Почитайте, когда придетъ хорошее настроеніе.

Книга осталась въ лѣвой рукѣ Зины. Она держала ее съ видомъ послушной ученицы, но не этой книги жаждала она; она ждала чего-то внезапнаго, луча, сіянія, что перенесло бы ихъ, какъ дѣлается въ волшебныхъ представленіяхъ, въ заколдованный лѣсъ или павильонъ. И они забудутъ совсѣмъ, о чемъ они говорили, и на нихъ очутятся свѣтозарныя платья, всѣ въ блестяхъ и переливахъ, и безъ словъ они поймутъ: кто они одинъ для другого, и какое блаженство ждетъ ихъ...

Глаза ея упали на собственный туалетъ. Онъ былъ неприличенъ здѣсь, у князя. Весь корсажъ и вся туника отдѣланы пестрыми „висюльками“ и шнурами. Шелковая дорогая матерія сквозила въ этомъ причудливомъ узорѣ. На шеѣ у нея высокій ошейникъ малиноваго бархата, расшитый золотомъ. Какъ она могла такъ одѣться, собираясь сюда? Но пускай онъ видитъ ее, какова она есть, во всемъ ея женскомъ ничтожествѣ...

Съ этой минуты Зина начала смутно сознавать, что съ ней. Управлять собой она уже не могла. Ею овладѣла потребность принизить себя передъ нимъ, сказать ему, что онъ не долженъ съ ней быть какъ съ существомъ равнымъ ему. Но она не умѣла, какъ это выполнить. Между нимъ и ею вставала стѣна и дѣлалась все выше и выше.

А онъ говорилъ ей въ поясненіе того, что она найдетъ въ подаренной имъ книгѣ, долго, не увлекался, медленно и какъ будто для самого себя.

Князь все еще сидѣлъ на своемъ креслѣ. Она — на диванѣ. Въ ней вдругъ все помутилось. Она не могла слѣдить за своими мыслями, сначала откинулась на спинку дивана, закрыла руками лицо и легла головой на боковую стѣнку.

— *Ecoutez!*—глухо, перерывчатымъ звукомъ вымолвила она,—*ce n'est pas ça! De grâce, écoutez!*

Порывисто, безъ связи, больше возгласами, чѣмъ фразами, силилась она точно выпатъ изъ себя то, что ее гнело, жгло грудь и мѣтило ее. Она говорила, что до встрѣчи съ нимъ жила, быть-можетъ, глупо, сухо, суетно, бездушно, но такъ, какъ она умѣла и могла. Теперь она не владѣетъ собой, она одержима чѣмъ-то. Что это такое? Новый ли мѣръ открывается передъ ней, или она потеряетъ все, все? Она вотъ пришла и ждетъ отъ него... ласки, отклика... простой жалости...

Когда князь нагнулся къ ней и взялъ ее за руку, ей стоило страшныхъ усилій не броситься къ его ногамъ и не начать цѣловать ихъ...

Сквозь дымку видѣла она его лицо; сердце ея замирало долго-долго. Но вотъ сейчасъ уже нельзя будетъ сдѣлать надъ собой еще усилія. Сейчасъ кинется она къ его ногамъ и будетъ обнимать колѣна и зарыдаетъ, и въ крикахъ и стenaniяхъ покажетъ ему свой женскій позоръ...

— Я очень счастливъ,—доносился до нея его голосъ,—очень счастливъ тѣмъ, что вы, Зинаида Мартыновна, на томъ пути, котораго я ищу...

Кажется, это онъ сказалъ? Или что-то въ такомъ родѣ. И руку онъ уже высвободилъ, и на губахъ его опять безстрастная улыбка, вѣющая холодомъ и сознаніемъ того, что онъ „на пути“. Стѣна снова поднялась между нею и нимъ.

Но гдѣ же откликъ на то, что и мутить, и колотить, точно злой недугъ? Гдѣ ласка, взглядъ, одинъ звукъ мужчины, передъ которымъ такъ беспомощно бьется страсть женщины?..

— Успокойтесь,—выговорилъ онъ.—Разумъ намъ данъ Богомъ... Правда не нуждается въ такомъ бурномъ исканіи.

Она выпрямилась сразу, потомъ встала, обогнула кресло и облокотилась на столъ, лицомъ къ князю.

Теперь дымка исчезла изъ ея глазъ. Все ей ясно—и то, что она видитъ въ этомъ молодомъ красавцѣ, и то, что она слышала отъ него.

Ярость, точно ледяной кусокъ, пала ей въ грудь, не бросилась въ голову, не окрасила всѣ предметы въ алый цвѣтъ, а заставила кровь отхлынуть. Губы позеленѣли, руки судорожно сжались, глаза быстро оглянули письменный столъ и всю комнату.

Неужели нѣтъ на столѣ револьвера, ни охотничьяго пожа на стѣнѣ? Броситься такъ, схватить за горло? Но онъ рослый, молодой мужчина, на ногахъ стоитъ твердо: это она успѣла сообразить, и ея глаза опять забѣгали, ища чего-нибудь, чѣмъ бы она могла нанести ему ударъ.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Князь сначала ничего не замѣтилъ, но когда ея блѣдность, порывистое дыханіе, расширенныя ноздри и судорожныя движенія въ углахъ губъ выдали ее, онъ сказалъ ей все тѣмъ же тономъ:

— Успокойтесь, пожалуйста!

И вслѣдъ за этимъ пошелъ за ширмы налить воды. Зина сдѣлала шагъ отъ стола. Чувство безсилія довело ее до глухого бѣшенства. Страсть, уже какъ раскаленное желѣзное клеймо, жгла ее, превращала для нея этого безстрастнаго красавца въ гнусное существо, которое нужно уничтожить. Когда князь показался изъ-за ширмъ, правая рука ея схватила что-то на столѣ, что-то твердое и тяжелое, и судорога свела ей пальцы... Она бросить ему это въ голову, сію секунду...

— Арестъ Пятровичъ! — раздался изъ первой комнаты мужской молодой голосъ. — Кушать будете тутъ, али у себя въ спальнѣ?

Пришелъ малый, носившій князю ѣду отъ стряпухи. Онъ заглянулъ въ дверь, и его курчавая бѣлокурая голова мелькнула передъ глазами Зины, мелькнула, и разомъ отрезвила ее.

Князь былъ еще около ширмъ со стаканомъ воды. Онъ остановился.

— Тамъ накройте, Матвѣй, — сказалъ онъ особенно кроткимъ голосомъ и обратился къ Зинѣ: — Васъ я затрудняюсь приглашать на мою ѣду. Выпейте. Я прилилъ капель.

— Merci! — отвѣтила она уже другимъ голосомъ.

Парень подался назадъ, въ дверь.

— Dites-lui, — сказала она князю и показала головой на парня, — qu'il fasse atteler.

Съ трудомъ держалась она на ногахъ, сѣла въ кресло и выпила глотка два воды.

— Вы хотите ѣхать сейчасъ? — спросилъ князь.

— Да, я вѣдь къ вамъ по пути къ Уклонской, — выговорила она. — Notre tête-à-tête, — продолжала она по-французски, — m'a beaucoup profité.

Фраза вышла у нея такимъ тономъ, что трудно было понять ея настоящій смыслъ.

Князь передалъ Матвѣю ея приказаніе закладывать, когда узналъ, что люди уже поѣли.

Про послѣдніе полчаса въ домикѣ князя Зина совсѣмъ не помнила: что-то такое она говорила, но больше, кажется, слушала. Взрывъ ярости перешелъ въ чувство тайнаго срама; потомъ она стала утѣшать себя тѣмъ, что этотъ „идіотъ“ и теперь ничего не понималъ! Можетъ-быть, еще меньше, чѣмъ тогда, въ Ширяевѣ.

Но видѣть его передъ собой—онъ при ней сѣлъ за мужицкую стряпню—было для нея пыткой. Она только улыбалась, слушая его, такой же улыбкой, какъ и онъ. И книгу взяла съ собой, которую онъ ей предложилъ, пожала ему руку, на прощаніе сказала ему:

— A bientôt!

Въ санихъ, только что онѣ выѣхали со двора усадьбы, Зина крикнула кучеру голосомъ, не терпящимъ возраженія:

— Мы ѣдемъ не къ Уклонской, а въ Ширяево!

И упряжка была сдѣлана на полныхъ рыскахъ.

XI.

Домъ весь ушелъ въ тишину. Въ полутьмѣ кабинета Зина не могла стряхнуть страха, подкрывшагося къ ней въ родѣ медленнаго паука. Она слышала эту тишину. Хоть бы стекло задрожало отъ вѣтра, треснула фанерка на мебели или прощуршала бы мышь. Она не въ силахъ видѣть мыши безъ отвращенія, но рада была бы и этому шуму.

Одиночество полное, могильное—вѣдь оно лучше въ ея положеніи? Она вернулась отъ князя точно оцѣпенѣлая. Никогда не испытывала она ничего болѣе постыднаго. Развѣ одно присутствіе дома такого человѣка, какъ ея мужъ, не увеличивало бы ея несносной душевной боли?..

И все-таки она была бы рада хоть кому-нибудь! Она не боялась, что ворвутся и зарѣжутъ ее, но ей нужно было живое существо, собака, что ли. Камердинеръ уѣхалъ съ бариномъ. Милли спитъ. Больше въ домѣ никого нѣтъ. Мальчикъ Миша почуетъ въ томъ флигелѣ, гдѣ кухня.

Она, со свѣчой, уже обошла всѣ комнаты. Когда она пробиралась по коридору, онъ давилъ ее своими стѣнами, вымазанными темно-сѣрой краской. Заглянула она въ сто-

ловую, и тамъ ей представилось, въ свѣтѣ висячей лампы, лицо Ряжскаго. Прошла она передней, гдѣ ее обдало холодомъ:—она была въ длинной ночной рубашкѣ, съ длинными же рукавами. Звукъ ея шаговъ смущалъ ее. Въ залѣ, въ гостиной—она не останавливалась. Ей дѣлалось все страшнѣе и тоскливѣе. Поставила она свѣчу на письменный столъ Парменія Никитича и опустилась на кресло, на то самое, гдѣ онъ ее держалъ за обѣ руки и погасилъ ей себя безъ всякой прикрасы.

Одиночество засосало ее съ новой силой. Безпомощность, холодная, леденящая безвыходность изъ того, что она есть и чѣмъ должна быть—стали рѣзать ее точно по живому тѣлу. Сначала она заснула съ дороги тяжелымъ сномъ; вся разбитая, еле имѣла она силъ раздѣться, хоть Милли и помогала ей. Но спала она не больше двухъ часовъ, открыла глаза, первыя секунды не могла ничего ни вспомнить, ни догадаться: какое время—поздняя ночь или ранній часъ утра, и гдѣ она была, и что съ ней было?..

Поспѣшно зажгла она свѣчу и взялась за бронзовые часы на ночномъ столикѣ.

Часы показывали четверть третьяго.

Разомъ все ей представилось, она погасила свѣчу и лежала безъ сна, въ темнотѣ, уходила тревожнымъ раздумьемъ въ то, что пережила нѣсколько часовъ назадъ.

Она не убила князя Ряжскаго потому только, что не нашлось ничего подъ рукой на письменномъ столѣ или на стѣнѣ его комнаты. Онъ не понялъ и этого! Почему? Слишкомъ чистъ и непороченъ?..

— Ха-ха-ха! — вдругъ раздалось въ темнотѣ спальни.

И этотъ хохотъ пробѣжалъ мурашками вдоль ея спины. Она сама испугалась его, взялась за голову,—лобъ былъ влаженъ.

Зачѣмъ засмѣялась? Что же тутъ смѣшного: убить челоуѣка, впасть въ такое бѣшенство? Стало-быть, она способна и теперь на то же самое?

Вопросъ не сразу ужаснулъ ее. Какъ только передъ ней выплыли лицо князя, прозрачно-безстрастный взглядъ его глазъ и вспомнились голоса и то, какъ она лежала головой на стѣнкѣ дивана и что говорила, и какъ въ головѣ ея мутилось и влекло ее броситься къ его ногамъ—злорада и ярость опять заклокотали въ ней, она похолодѣла, и въ горлѣ у нея сперлось.

Но быстрый возврат того же чувства ужаснул ее, какъ начало безумія. Она не хочетъ быть бѣшеной. Неужели отецъ передалъ ей свой душевный недугъ? И вотъ, сейчасъ, въ этой кровати, ночью, въ пустомъ домѣ, съ ней сдѣлается уже не припадокъ столбняка или истеріи, а что-нибудь дикое. Она зарѣжетъ горничную. Да и что же, если не безуміе—ея порывы, ея поведеніе съ княземъ? Почему именно онъ довелъ ее до такого забвенія всякаго достоинства? И первый ихъ разговоръ, съ-глазу-на-глазъ, здѣсь, въ Ширяевѣ, въ кабинетѣ? А потомъ—тоска ожиданія, записка, поѣздка,—все, что налетѣло на нее тамъ, въ его комнатѣ!

„Любовь! страсть!—повторяли беззвучно губы Зины въ темнотѣ.—Нѣтъ, безуміе!“

И это слово стало облекаться въ образъ съ неясными очертаніями; онъ то близился къ ней, то удалялся.

Ей стало еще жутче въ темнотѣ. Она зажгла опять свѣчу, чтобы свѣтъ помогъ ей сбросить съ себя страхъ, переходившій уже въ чисто-физическую боязнь одиночества, какой она прежде никогда не знавала.

Быстро откинула она отъ себя одѣяло, надѣла туфли и пошла внизъ. Ее влекло чувство неудержимой боязни.

Наверху, передъ тѣмъ какъ спуститься, она осмотрѣла всѣ закоулки, прислушалась у двери къ крѣпкому дыханію Милли—это ее немного успокоило, но внизъ все-таки тянуло, какъ пораженного страхомъ пѣшехода, который бросается туда, гдѣ ему показалось чудище, зажури глаза.

Скрипъ одной ступеньки заставилъ ее содрогнуться и сбѣжать внизъ.

На креслѣ, въ кабинетѣ, послѣ обхода всего дома, Зина почувствовала свѣжесть комнаты, и тогда только замѣтила, что на ней не было ни пеньюара, ни платка. Но она не могла уже идти; ее пригвоздила къ креслу вся леденящая безысходность ея душевнаго состоянія.

Вотъ тутъ, у окна, сидѣлъ онъ и она противъ него, опустивъ голову, съ неизвѣданною до того сладостью въ сердцѣ, готовая отдаться ему все, но безсильная найти то слово, которое заставило бы его откликнуться, понять, взглянуть на нее ласково, любовно.

Страхъ безумія отошелъ. Ей стало легче. Она почувствовала приливъ чего-то другого. Глаза ея не такъ сухи.

Мысль покоится на образѣ этого человѣка, какой она носила въ себѣ послѣ его перваго посѣщенія. Нѣтъ, въ ней нѣтъ уже ни злости, ни ярости. Она готова войти въ его душу, преклониться передъ его чистотой, готова искать средства сдѣлаться его духовной питомицей.

Вѣдь ничего еще не погибло. Онъ, по чистотѣ своей, ничего не замѣтилъ, не подозрѣваетъ ее даже въ порывѣ женской мести. Кто же мѣшаетъ ей вернуться къ нему или писать ему хоть каждый день, уйти въ книги, какіи онъ будетъ ей давать?

По мѣрѣ того, какъ все это представлялось ей въ болѣе ясныхъ, отчетливыхъ, менѣе порывистыхъ мысляхъ, Зина разгоралась, дрожь прошла, на глазахъ блеснули двѣ слезинки, она свободнѣе дышала.

Онъ—счастливъ; онъ—вѣрующій. Во что? Она его еще не успѣла разспросить. Въ будущее, безконечное блаженство, или только въ свѣтлую, безмятежную, праведную жизнь на землѣ, которую онъ нашелъ или надѣется найти?.. Прежде и онъ былъ какъ и другіе кутилы-офицеры. Его воспитывали, навѣрно, такъ же, какъ и ее, какъ и Рынина, а то и хуже...

Зина опустила голову на грудь и глубоко задумалась.

Передъ ней проходили сцены дѣтства. Ее учили священной исторіи и катехизису; псаломщикъ и батюшка были ею довольны; она говѣла и считала „good style“ исполнять обряды и никогда не затѣвать споровъ о религіи, но еще высшимъ стилемъ было для нея воспитывать въ себѣ совершенное внутреннее равнодушіе и говорить себѣ, засыпая:

— Ce n'est pas moi, qui croirais que c'est arrivé!..

Чтобы она когда-либо вообразила себѣ встрѣчу съ такимъ русскимъ, какъ князь Рязскій?.. Чтобы съ мужчиной она должна была сблизиться чрезъ спасеніе своей души: „une oeuvre de salut“?..

И вотъ жизнь привела и къ этому! Но гдѣ же въ ней самой что-нибудь похожее на вѣру? Можетъ-быть, это быстрое обаяніе князя и былъ лучъ, сошедшій къ ней? Кто знаетъ!

Ея губы скептически улынулись въ полутемнотѣ кабинета, голова разгоралась и сердце жаждало найти исходъ.

Дверка въ правомъ углу полѣтъ арки была полуотворена. Зина посмотрѣла туда, и ей боязливо захотѣлось запереть

эту дверку. Она забыла, что тамъ: есть ли куда ходить, или это темная комнатка? Кажется, тамъ стояли какіе-то шкапы.

Со свѣчей подошла она къ дверкѣ и растворила ее.

Это была молельня, въ такомъ видѣ, какой она осталась отъ отца и дѣда Рынина. Кіотъ старинной работы стоитъ въ углу. Но фамилльные образа не сохранились. Двѣ иконы на нижней полкѣ въ ризахъ. Онѣ были куплены къ ихъ свадьбѣ. Одна лампадка, но безъ масла. Въ другомъ углу—родъ налож.

Спертымъ воздухомъ охватило Зину. Взглядъ на обѣ иконы, заигравшія отъ пламени свѣчи золотыми своими вѣнчиками, настроилъ ее иначе; скептическая улыбка исчезла съ губъ, потребность въ порывѣ росла...

Она поставила свѣчу на выступъ кіота, закрыла глаза, опустила на заходѣмый полъ—и долго плакала. Эти слезы текли сначала тихо и медленно, беззвучно, и Зина получила отъ нихъ внезапное облегченіе. Голова остыла, на сердцѣ не такъ щемило. Она не удерживала себя. Тихія слезы перешли въ новый страстный порывъ. Она начала всхлипывать, опустивъ голову къ полу, стала шептать какія-то молитвенныя слова, призывала, съ отчаяніемъ и надеждой, силу, способную переродить ее, отдать ее всю чему-то свѣтлому, безмятежному, озарить ей путь къ той правдѣ, о которой князь говорилъ ей.

Но сквозь эти возгласы и мѣки душевныхъ усилій она видѣла князя, его глаза, волосы, станъ, слышала снова его голосъ. Ничто не сходило выше на нее, ничто не вливалось въ нее новую душу.

Съ жестомъ отчаянія поднялась она послѣ новаго усилія уйти въ молитву.

Нѣтъ! Въ ней нѣтъ вѣры! Она не умѣетъ даже унестись воображеніемъ во что-нибудь выше жизни, уйти отъ себя, отъ своего тѣла, своихъ влеченій, вкусовъ, пороковъ, немощи. Страсть владѣетъ ею, и она одна вызвала ея безумное бѣшенство и страхъ, и это исканіе духовнаго экстаза.

Еще болѣе разбитая, дотащила она до кресла. Во всемъ тѣлѣ ощутила она дрожь. Чѣмъ прикрыться? Кровать Парменія Никитича стояла за аркой съ готовой постелью, шелковымъ одѣяломъ и горой большихъ подушекъ. Зина подошла, дрожа, къ кровати, хотѣла стащить одѣяло,

и не въ силахъ была это сдѣлать. Она свалилась на постель и должна была укутать себя одѣяломъ.

Когда дрожь прошла, она оглянула всю спальню, это одѣяло, подушки, ночной столикъ, и ей припомнилось утро, когда она проснулась тутъ и убѣждала, охваченная отвращеніемъ къ мужу и сознаниемъ своего позора.

Тогда надъ нею произвели насиліе безнаказанно. И она, какъ рабыня, стерпѣла, ушла въ свою злость, стала ждать. Чего? Минуты, когда она убѣжитъ отъ него со скандаломъ или вынудить у него разводъ? Но зачѣмъ ей былъ этотъ разводъ: вѣдь она тогда никого не любила? А теперь? Ужъ если было впадать въ бѣшенство, то какъ же она не задушила тогда ночью соннаго мужа?

Но она сама тогда изнемогла, лишилась всякой энергіи. У нея неостало силы, чтобы убѣжать.

Какъ она безпомощна, какъ жалка!..

Жалость къ себѣ разлилась по ней,—глубокая, впервые озаренная мыслью, которая заходила назадъ во все прошлое. Жалость безпредѣльная къ этой натурѣ, сотканной изъ внутренней немощи, изъ скачковъ, изъ безсмысленныхъ поступковъ.

Теперь она уже не упрекала себя за нелѣпный выборъ мужа, за выходъ замужъ, за свою жизнь при Сосѣ, за разбѣды, суматоху, постоянный какой-то базаръ, за вздорное, малодушное, нелѣпное поведеніе на кумысъ съ мальчикомъ, и опять за эти два свиданія съ княземъ. Жалость къ себѣ затопляла все, и она была такъ сильна, что когда слезы снова потекли, имъ точно конца не было.

„Жалкое, жалкое созданіе!“—безъ счету повторяла она про себя. И впереди—то же метаніе, тѣ же немощи; и новая тоска, исканіе новой жизни, и страсть, и безсиліе побѣдить ее или найти въ своей душѣ клочокъ вѣры.

Можетъ-быть, съ ней и нельзя иначе обходиться, какъ силой?

И кто онъ—мужъ ея? Развѣ она его знаетъ? Вотъ она прожила съ нимъ въ одномъ домѣ всю осень до наступленія зимы, видѣла каждый день, а если спросить ее, что этотъ человѣкъ дѣлалъ, думалъ, къ чему готовился,—она не знаетъ, потому что никогда не хотѣла знать.

„Roublard“ — въ этомъ прозвищѣ заключалось все ея пониманіе личности человѣка, которому она, по доброй волѣ, отдала себя въ жены, помогла ему выкупить родовое имѣніе; въ дѣвушкахъ писала ему большія письма,

сдружилась, не считала тогда ни глупымъ, ни пошлымъ, ни противнымъ.

„Roublard“—положимъ, что и такъ, т.-е. честолюбецъ, желающій добиться своего. А она—былъ ли въ ея жизни хотя одинъ великодушный поступокъ? Когда забывала она свой интересъ? Всегда любила деньги, свои удовольствія, успѣхи, туалеты, тѣшила только одно тщеславіе. Чтѣ выше? Они стѣять другъ друга. Но онъ сильнѣе. Она не можетъ назвать ни одного его поступка, который не былъ бы обдуманъ. Въ деревнѣ онъ много писалъ писемъ и еще чего-то, но „чего“,—онъ ей пересталъ говорить о своихъ планахъ, не желая встрѣчать ея презрительныя мины. И теперь онъ уѣхалъ въ Петербургъ ужъ, конечно, не зря.

Вѣдь ей предстоитъ жить съ нимъ—она это чувствуетъ теперь. Силы у нея нѣтъ, онъ ее всегда сокрушитъ. За однимъ человѣкомъ кинулась бы она, да она для него ничто, не женщина. А если бы она пришла къ нему и сказала:

„Я готова. Просвѣтите меня!“

Онъ сталъ бы ее наставлять въ добрѣ, въ правдѣ, въ отреченіи, въ любви къ этому ненавистному мужу.

Зина цѣлымъ кругомъ мыслей, быстрыхъ и связанныхъ, переплетенныхъ между собой, пришла опять къ стѣнѣ.

Исхода нѣтъ! Освобожденіе одно: въ припадкѣ истерической злобы задушить мужа.

Отчаяніе, болѣе подавляющее, точно пригвоздило Зину къ постели. Она лежала пластомъ, подъ одѣяломъ; лѣвая рука спустилась съ кровати и пальцами почти касалась коврика.

Въ горлѣ начались спазмы. Она не могла уже ни плакать, ни расплываться душой въ чувство жалости къ себѣ, къ своей несчастной натурѣ. Страхъ и ужасъ заново торжествовали надъ нею. Исхода нѣтъ. Опоры—никакой, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ...

Послѣ очень долгой—ей такъ казалось—схватки отчаянія, голова ея вернулась къ болѣе опредѣленнымъ мыслямъ и вопросамъ. Стало-быть, она не могла сдѣлаться другой. Ей суждено это было. Когда она такъ горячо и гнѣвно доказывала князю, что никто не виноватъ въ своихъ свойствахъ, въ томъ, чтѣ онъ называлъ зломъ или чтѣ признають правдой, конечно, она была права. Какъ же иначе? Неужели она сама съ колыбели и пеленъ, у кормилицы,

или дѣвочкой по третьему году, когда начала выговаривать первыя англійскія слова: „door“—дверь или „tea“—чай, неужели она, Зина, сама себя портила, умышленно хотѣла быть тѣмъ, чѣмъ она стала?..

Откуда у нея ея болѣзненность?.. Все то, что она называла „le détraqué“, и что только въ эту ночь встало передъ нею въ яркой картинѣ неизлѣчимаго безумія, отчаянной, жалкой немочи? Откуда?

Ей вспомнились Москва, Сокольники, отецъ, его скомошество и полубезумныя рѣчи, глаза, звукъ голоса. Вѣдь она — его дочь, его, Мартына Ногайцева, несомнѣнная! Иначе кто бы велѣлъ ему, безпутному, отнять ее у матери, отдать кузинѣ — воспитать барышней, усыновить, наградить при жизни капиталомъ? Все это — поступки родного отца; они какъ будто бы показываютъ, что онъ любилъ ее, заботился о ней. И ничего такого не было! У матери отнялъ, и сейчасъ же отдѣлался отъ ребенка. Двадцать почти лѣтъ и не думалъ о ней...

Нить ѣдкихъ мыслей Зины прервалась вдругъ. Отецъ, какимъ бы онъ ни былъ, сталъ ей такъ же жалокъ, какъ и она сама. Онъ, безумный, въ эту минуту, быть-можетъ, близокъ къ полному сумасшествію. Другіе жили не лучше его: и кутили, и дѣлали всякія грязныя дѣла, даже злодѣйства, да не кончали этимъ! А прежде — еще вчера — она такъ сухо и бездушно относилась къ нему. Да, она — его кровь, она ему обязана своимъ душевнымъ складомъ. Но проклинать его она, въ эту минуту, не могла. Зачѣмъ она убѣжала тогда изъ Москвы? Отчего не осталась, не принудила себя, не нашла въ себѣ той самой жалости, которую ощутила теперь? Она убѣжала не отъ одного отца, а и отъ матери. Та не безумная! И ихъ соединяетъ поразительное сходство. Мужъ не даромъ давалъ ей чувствовать, что она мѣщанскаго рода, что у нея — типъ русской танцовщицы. Отъ матери идетъ первность, малокровіе, физическая сторона немощей. Это такъ возмутило ее въ Москвѣ. Этого она такъ постыдно и испугалась тамъ...

Мать — только жалка. Она любила, какъ могла. У нея нашлось свое достоинство, хоть она и „жила“ съ троиной покровителями и отъ cadaго имѣла дѣтей. Но она осталась наивной, не злой, вовсе не развратной. Смѣшной? Но кто изъ нихъ двухъ смѣшнѣе, кто болѣе достоинъ презрительной оцѣнки? Та осталась вѣрна себѣ въ сценѣ,

послѣ которой ей сдѣлалось дурно, и она, дочь, дама
высшаго стила, убѣждала отъ нея...

— Comme la dernière des misérables! — воскликнула
Зина громко и приподнялась наполовину въ кровати.

У нея нѣтъ ни отца, ни матери, никакой простой дѣт-
ской связи ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ, съ нянькой, съ
кормилицей, съ собачонкой, съ пріемнымъ ребенкомъ, ни
съ однимъ живымъ или неодушевленнымъ предметомъ.
О Сосѣ она даже и не подумала.

Никого, никого она не любитъ! И нѣтъ у нея, жалкаго
существа, такого органа въ груди, который бы далъ ей
почувствовать, что значить любить. Прежде она не при-
знавала и страсти — и тогда ей было хорошо; она жила
однимъ инстинктомъ, — теперь страсть только освѣтила
ту мглистую яму, куда она погрузилась.

Тамъ, въ Москвѣ, отецъ гдѣ-нибудь „dans un bouge“ —
пьяный, буйный... затѣетъ драку, его прихлопнуть бу-
тылкой, или параличъ повалить его тутъ же. И никто
не скажетъ ему слова настоящей заботы, никто не огра-
дитъ хоть его наружное достоинство человѣка и старика.
Или онъ сидитъ взаперти, на рукахъ наемныхъ людей.
Если онъ въ свѣтлыя минуты посылаетъ ей проклятія
за ея черствость — развѣ онъ не правъ? Какъ бы онъ ни
былъ безпугавъ — ихъ связываетъ кровь. Онъ бы понялъ
ее. Она могла бы выплакать свою безумную страсть,
шкваломъ налетѣвшую на нее, — матери, *своей* матери.
Та — женщина, та любила, мучилась, ее бросали, она
пойметъ, не выдастъ...

Мать! И никого у нея нѣтъ, никого, никого!

То страшное одиночество, что подобралось къ пей,
какъ незамѣтный ознобъ, теперь глядѣло внутрь ея души;
оно перешло въ чувство глубокаго отчужденія отъ всѣхъ
узъ и связей, отъ кровнаго родства, отъ всего человѣ-
ческаго. Сколько бы она ни плакала, ни грызла себя,
здѣсь ли, на этой ненавистой постели, гдѣ только хо-
лодъ удерживаетъ ее подъ одѣяломъ, или тамъ, у себя,
наверху, отчужденіе будетъ каждую ночь грызть и устра-
шать ее. Она отъ него не уйдетъ. Мужъ не могъ выду-
мать мести болѣе ядовитой, оставивъ ее одну въ Ши-
релевской усадьбѣ; а она еще радовалась, что перехитрила
его, мечтала о блаженствѣ обладанія тѣмъ, кто всколых-
нулъ стоячую воду ея жалкаго, безысходнаго, презрѣн-
наго бытія...

Подъ одѣяломъ, закутавшись до головы, Зина снова задрожала. Раздраженный мозгъ гналъ передъ ея умственными глазами уже не отвлеченныя мысли, а образы, кричавшіе ей:

„Нѣтъ у тебя никого!“

Среди тишины, которую она слышала, гдѣ-то едва внятнымъ звяканьемъ что-то дрогнуло въ воздухѣ, сквозь стѣны, занесенныя уже снѣгомъ, сквозь окна и двери комнатъ.

Колокольчикъ!

Мигомъ встрепелась она, откинула одѣяло, соскочила на коврикъ, вбѣжала въ кабинетъ, схватила свѣчу и бросилась будить горничную.

Совершенно невозможная мысль пронизала ея мозгъ: „онъ, князь!“

„Почему?“ — она не спрашивала. Ночью, на разсвѣтѣ, въ пятомъ часу? Она бѣжала по лѣстницѣ, спотыкаясь, крича на весь домъ:

— Milli, Milli! Stehen Sie auf!

Нѣмка спала все тѣмъ же сильнымъ и звучнымъ сномъ, запершись изнутри. Зина трясла дверь за ручку и продолжала кричать.

— Du, grosser Gott! Was giebt's? — раздался испуганный ея окликъ.

Она отворила полуодѣтая, ничего не видѣла, ничего не понимала.

Зина приказала ей одѣться сейчасъ же, отворить крыльцо, освѣтить переднюю и поджидать. И все это — въ одно мгновеніе.

— Der Herr kommt? — успѣла спросить Милли.

— Rasch! — крикнула ей Зина и втокнула ее въ комнату, а сама побѣжала къ себѣ и стала одѣваться.

Голова ея немного остыла. Звукъ колокольчика блился. Да, это сюда, къ усадьбѣ, со стороны большой дороги. Она знаетъ направленіе этихъ звуковъ.

Но возможность приѣзда князя уже исчезла. Не онъ, но и не Парменій Никитичъ. Этотъ колокольчикъ звенѣлъ какъ-то особенно. Что-нибудь несетъ онъ ей чрезвычайное. Несчастіе на поѣздѣ, гдѣ сидѣлъ Рынинъ? Она не получала отъ него депеши изъ Петербурга, да и не ждала ея. Денежа изъ Москвы? Отъ кого?..

Сердце стучало у нея учащеннымъ біеніемъ. Насилу справилась она съ обувью, надѣла пенъюаръ и такъ же

быстро сбѣжала внизъ. Милли освѣтила коридоръ и переднюю; лицо у нея было испуганно и сонно.

Вдругъ колокольчикъ смолкъ, гдѣ-то близко, на дворѣ. Это—у конторы. Навѣрно, депеша съ эстафетой. Тамъ все спать. Пока разбудятъ! Она погнала Милли на дворъ съ фонаремъ; та не хотѣла-было идти,—Зина такъ на нее взглянула, что нѣмка забормотала:

— Schon gut! Schon gut!

И пошла надѣвать шубу; калошъ она до сихъ поръ не носила.

Зина оставила свѣчу въ кабинетѣ и минутъ пять ждала, ходя по коридору. Она точно желала, чтобы депеша принесла съ собой что-нибудь роковое. Ей нельзя такъ оставаться. Она готова была сейчасъ же уѣхать отсюда, велѣть закладывать, чтобы къ утру быть на станціи желѣзной дороги — и въ Москву! Не въ Петербургъ, а въ Москву, къ матери, броситься къ ней, плакать безконечно, ей первой сказать: до какой жалкой немощи дошла она въ своемъ черствомъ отчужденіи блестящей модной барыни, и что сдѣлала изъ нея теперь страсть, беспощадная, какъ смертный недугъ...

Милли ввела черезъ заднее крыльцо почтоваго ямщика, въ нагольномъ тулупѣ, въ снѣгу на шапкѣ, на валенкахъ, на завернутомъ внутрь воротникѣ, съ бородой въ ледяныхъ сосулькахъ.

— Штафета! — выговорилъ онъ уныло и вынулъ изъ сумки депешу.

Мерцавшій фонарь горничной едва позволилъ Зинѣ прочесть:

„Матушка весьма опасна. Не пріѣдете ли? Зоветъ васъ постоянно, даже и въ бреду. Если желаете застать въ живыхъ — поторопитесь.“

„Докторъ Лукашинъ.“

Бумага задрожала въ рукахъ Зины. Въ головѣ ея промелькнуло облако. Она схватилась за косякъ большой лежанки, но сдѣлала надъ собой усиліе и тутъ же приказала будить людей, закладывать повозку.

Качающейся походкой прошла она кабинетомъ, гдѣ оставила свѣчу, и передъ кѣотомъ моленной упала съ рыданіями на полъ.

Въ столовой пробило пять часовъ.

XII.

Посреди низкой зальцы, передъ тѣломъ покойной, покрытымъ старенькимъ потертымъ покровомъ, принесеннымъ изъ церкви, въ двойственномъ свѣтѣ изъ оконъ и отъ восковыхъ свѣчей, стояла Зина и смотрѣла на лицо Людмилы Мионовны.

Гробъ еще не былъ принесенъ. Тѣло лежало на столѣ, одѣтое со вчерашняго вечера, съ поблѣвшимъ молодымъ лицомъ, лснымъ и немного строгимъ въ бровяхъ, безъ жесткости рта покойниковъ. Ее причесали старательно ея старыя подруги. Одна изъ нихъ провела три ночи сряду около нея. Темные волосы ложились двумя лоснящимися прядями на вѣнчикъ и на полоскѣ красиваго лба, цвѣта слоновой кости, не покрытаго вѣнчикомъ. Онъ придавалъ всему лицу мягкость. Руки въ узкихъ рукавахъ бѣлаго платья, сложенные на груди, прозрачныя, очень тонкія, безмятежно и кротко покоились подъ образомъ въ серебряной оправѣ.

Монахиня читала въ углу. Двѣ швеи работали надъ парчевымъ покрываломъ. Больше никого не было въ комнатѣ. Та отставная танцовщица, что оставалась три дня при больной, сидѣла въ слѣдующей комнатѣ, на диванѣ.

Зина въ тѣсномъ дорожномъ платьѣ—она не переодевалась—не мѣняла позы уже больше получаса. Она не плакала и твердо стояла на ногахъ. Докторъ Лукашинъ только что уѣхалъ, ненадолго, къ своему старику, отцу Сосѣ. Онъ встрѣтилъ Зину, рано утромъ, на вокзалѣ, вызванный ея депешей, и долженъ былъ ей сказать, что мать скончалась наканунѣ. На ея вопросы онъ замлся, но Зина поглядѣла на него въ упоръ и сказала:

— Ея уже нѣтъ въ живыхъ?

Горничную съ вещами отправила она въ отель „Дрезденъ“, а сама поѣхала къ покойницѣ. Когда она вошла прямо въ зальцу, гдѣ лежала покойница, ее опять поразило сходство лица матери съ ея лицомъ. Вотъ такой и она будетъ лежать на столѣ, въ вѣнчикѣ и бѣломъ платьѣ, между четырьмя свѣчами. Это сходство не утѣшило ее, приковало лишь къ одному мѣсту въ трепетномъ созерцаніи. Докторъ боялся столбняка, какими страдала и покойница.

На колѣняхъ, у изголовья, Зина только черезъ десять минутъ заплакала, громко и порывисто. Въ ея рыданіяхъ

слышалось что-то новое для Лукашина, нашедшаго въ ней еще неуловимую для него пережѣну. Стоялъ онъ поодаль и заботливо глядѣлъ на нее, готовый кинуться къ ней, если бъ съ ней сдѣлалось дурно. Онъ думалъ:

„Что я толковалъ Ивѣ Альфонсычу? Есть и въ ней русская душа. Это—горе и раскаяніе!..“

И слезинки блестяли на его рѣсницахъ.

Какъ онъ ни уговаривалъ Зину отдохнуть у себя въ отелѣ, она не согласилась и потребовала, чтобы онъ ѣхалъ къ своему старику.

Лукашинъ, уходя, признался, что онъ скрылъ отъ него смерть ея матери. Старикъ сталъ слабѣть и все больше боялся смерти. Ни про чью кончину ему нельзя было сообщать. Какъ же теперь быть, если Зина къ нему ѣдетъ?..

— Я ничего не скажу, — кротко, неслыханнымъ для доктора звукомъ, выговорила она.

И сейчасъ же начала разспрашивать объ отцѣ, пожелала его видѣть сегодня же.

— Развѣ онъ не знаетъ?—удивленно спросила она.

Разговоръ происходилъ въ спальнѣ, гдѣ кровать стояла, чисто прибранная, но воздухъ полонъ былъ лѣкарственныхъ запаховъ; тамъ Лукашинъ уговорилъ Зину хоть присѣсть на нѣсколько минутъ.

Вопросъ объ отцѣ не затруднилъ бы Лукашина — будь передъ нимъ та Зинаида Мартыновна, какую онъ видѣлъ здѣсь лѣтомъ, или у Мартына Лукича, въ Сокольникахъ.

Онъ замаялся.

— Что же съ нимъ? Онъ опять?..

Она не договорила.

— Не знаю, можно ли будетъ вамъ къ нему, — заторопился Лукашинъ.

— Непрежѣнно! — страстно воскликнула Зина. — Непрежѣнно!

— Я съѣзжу, я справлюсь, — успокоивалъ Лукашинъ. — Черезъ часикъ, много черезъ полтора, я опять здѣсь. Вамъ бы закусите. Вы ослабнете.

Она только улыбнулась.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, — отпратила она его опять небывало-кроткимъ тономъ.

Безъ Лукашина Зина осталась на нѣкоторое время въ спальнѣ покойницы, огладѣла постель, рабочій столикъ,

разныя вещицы, портреты, въ томъ числѣ и ту фотографію военнаго, что возмутила ее дѣтомъ.

У нея было такое чувство, точно будто она нашла съ той женщиной, одного съ нею лица, что лежитъ на столѣ, новую связь. Она — не Зина Рынина, рожденная Ногайцева, а дочь танцовщицы Расшивиной, Людмилы Миropyнны, и сама швея или кордебалетная фигурантка. Это разительное сходство матери съ нею дѣлало ей сразу понятной всю судьбу той, всю ея обстановку. И почему мать казалась ей такой жалкой, третьяго дня ночью, въ Ширяевѣ? Она прожила, какъ десятки ея подругъ, любила, имѣла дѣтей, были у нея успѣхи и радости; жила она безъ униженія, смотрѣла на себя какъ на хорошую и честную женщину.

Теперь Зина все это понимала. Заставъ она ее въ живыхъ, она бы въ ней только и нашла откликъ своему дѣльному горю, своей страсти.

Тихо поднялась она, вышла опять въ залу и стала въ дверяхъ. Лицо покойницы привлекало ее неудержимо. И это сходство входило въ нее, она какъ бы составляла одно съ покойницей. Ей вѣдь знакомы были ощущенія столбняка и обморока. Но то припадки съ тревожнымъ, мучительнымъ отбѣнкомъ, а это — тихій сонъ, вѣчный, врачующій отъ всего, великій освободитель!..

Мысль о смерти стала ей такъ ясна, проста и человѣчна. Князь ищетъ правды и праведнаго счастья на землѣ. Онъ не найдетъ ничего лучше вотъ этого исхода. Къ нему онъ долженъ былъ бы стремиться всей душой, а не къ какому-то смѣшному благополучію на землѣ...

„*Béatitude terrestre! Quelle bourde!*“ — подумала она подъ конецъ этихъ мыслей, по-французски, до того дума ея слышалась ей въ русскихъ словахъ, простыхъ, не свѣтскихъ, и такъ свободно...

И найди она отца покойникомъ — она бы порадовалась. Онъ давно заслужилъ смерть. Въ немъ бьются, точно какъ нечистый духъ, всѣ грѣшныя позывы, и послѣ недостойной и жалкой молодости привели его къ схваткамъ безумія. И не предвидишь имъ конца!..

Свѣчи потрескивали, голосъ чтицы, немного въ носъ, прерывался на поворотахъ листовъ псалтири. Зина не слыхала ни чтицы, ни пошѣтыванія швей въ углу. Она не отрывала глазъ отъ лица покойницы. Себя видѣла она подъ вѣнчикомъ, вотъ съ такими точно тонкимъ носомъ,

ртомъ и цвѣтомъ волосъ. Какъ легко уйти изъ жизни, когда въ васъ замретъ все, какъ замерло въ ней! Ей ничего не жалъ, ее ничто не тянетъ, кромѣ тихаго и вѣчнаго сна.

— Зинаида Мартыновна! — окликнулъ ее озади голосъ Лукашина.

Онъ былъ тутъ, за нею, уже минуты съ двѣ; она не двигалась, и взглядъ ея упорно стоялъ на лицѣ покойницы.

— А-а?! — откликнулась она голосомъ просыпающейся.

— Не хорошо такъ. Я не могу вамъ позволить. Пожалуйста со мною, къ себѣ.

Она тихо согласилась.

Съ паперти монастырской церкви спускали гробъ. Его несли нѣсколько человѣкъ мужчинъ, въ мѣховыхъ пальто и шубахъ, одинъ въ сюртукѣ: — это были все товарищи Людмилы Мироновны по балету, больше отставные, всѣ почти съ бритыми лицами; двое подвигали свои рѣдкіе, сѣдѣющіе волосы. Тотъ, что несъ впереди, худой молодой старикъ, танцовавшій *pas de deux* съ покойницей еще лѣтъ двадцать назадъ, изгибался подъ тяжестью ноши, но сохранялъ на безцвѣтныхъ губахъ привычную улыбку. Гробъ поддерживали и другіе знакомые покойницы: какой-то полковникъ и пожилой статскій съ крестомъ на шеѣ въ норковой шинели.

Позади Лукашинъ шелъ рядомъ съ Зиной. Онъ ее поддерживалъ все, но она поднималась твердой поступью и говорила ему тихо:

— Не беспокойтесь.

Вправо и влево отъ нихъ спускались двѣ подруги, заплаканныя. Впереди пѣвчія-монашенки черной массой, въ своихъ клобукахъ, нѣкоторыя съ мантиями. Сзади тоже нѣсколько монахинь, постарше возрастомъ, въ томъ числѣ и мать-игуменья: съ нею покойница была пріятельски знакома. Набралось и много посторонняго народа. Нищія тѣснились двумя шеренгами по лѣстницѣ крытаго стекляннаго схода, откуда черезъ боковое крыльцо дорожка поворачивала нагѣво, на кладбище, окружающее церковь разросшимся садомъ. Деревья стояли въ пышномъ уборѣ. Наканунъ шелъ обильный снѣгъ. Доски между двумя высокими сугробами были расчищены и усыпаны пескомъ.

Пѣніе монахинь долетало до слуха Зины смгченнымъ среди зимняго безмитажнаго воздуха. Она шла и глядѣла

на бѣлый глазетовый гробъ, уже безъ покрова, на кисти, болтавшіяся по бокамъ, и на вѣнокъ, положенный товарищами покойной. Она думала, что вотъ у ея матери не оказалось больше дѣтей, кромѣ нея, а могли бы найтись какая-нибудь сестренка, лѣтъ восьми, десяти, или братишка. Можетъ-быть, они и существуютъ?... Вонъ тѣ двѣ пріятельницы должны знать. Но если она ихъ отыщетъ, возьметъ у отца, что сдѣлаетъ она изъ нихъ? Такихъ, какъ она? У нея нѣтъ—умри она—даже такихъ товарищей, какъ эти бритые, подзавитые танцовщики и подруги, похожія теперь на экономокъ.

Женскій хоръ завернулъ влѣво, между двумя богатыми купеческими памятниками. Монахини пошли попарно и длинной дугой мелькали передъ нею, съ бѣлыми, безволосыми лицами, инныя очень молодыя и миловидныя, всѣ съ однимъ и тѣмъ же наклономъ, немного вбокъ, головы и всего туловища.

И онѣ всѣ заживо схоронили себя, а какія безмятежныя лица, ясность въ глазахъ, каждое движеніе разбѣрено. Ужъ, конечно, половина ихъ поступила сюда по доброй волѣ, готовиться къ другой, вѣчной жизни.

— Не оступитесь!—шешнулъ ей Лукашинъ, шаговъ за пять до могилы передъ подъемомъ на мостки; по ту сторону могилы сталъ причтъ: протоіерей въ камилавкѣ, плечистый, и дьяконъ въ скуфьѣ, надѣтой плотно на уши.

Зина выстояла послѣднюю литію около чугунной рѣшетки палисадника; она держалась лѣвой рукой за одну изъ розетокъ. Мысль ея такъ улетѣла отъ похоронъ, пока она глядѣла на гробъ той, чье тѣло лежало въ немъ, что она вздрогнула, когда ей подали лопаточку бросить горсть мерзлаго песку.

— Это падо?—тихо спросила она, и подававшій ей подзавитой танцовщикъ выговорилъ даже съ недоумѣніемъ:

— По христіанскому обычаю.

И заваливанье ямы слышала она какъ бы издали. Давно уже не шли, хоръ удалился, и священники, и тѣ, кто несъ гробъ; и только старушки да нищіе, придвинувшіеся съ наперти, стояли еще поблизости.

За оградой уже разсаживались на саняхъ, замѣнявшихъ линейки. Поминки назначены были у кухмистра на Козихѣ. Лукашинъ уже шешнулъ одной изъ подругъ Людмилы Мионовны, чтобы Зинаиду Мартыновну не дожидались.

Докторъ второй день видѣлъ ее, и она его сильно тревожила. Онъ хотѣлъ-было телеграфировать Парменію Никитичу, но Зина, какъ только вышла вчера изъ вагона, сказала ему:

— Мужа я не вызывала въ Москву и прошу васъ ему не телеграфировать.

Вчера она кротко согласилась ѣхать въ отель, послушалась и легла, но настаивала на томъ, чтобы, передъ обѣдомъ, онъ повезъ ее къ отцу.

Эта нѣжность къ отцу радовала Лукашина; но въ настойчивости Зины было что-то непохожее на нее. Психіатръ сказалъ ему наотрѣзъ, что Ногайцева видѣти нельзя, особенно дочери: вотъ уже четвертый день, какъ онъ въ „ирритаціи“, и такъ, что можно опасаться за припадки настоящаго бѣшенства. А этотъ періодъ, при посѣщеніяхъ, вызывающихъ нравственную тревогу, только дастъ ненужныя осложненія. Ходъ же ясный: не нынче—завтра пациентъ долженъ перейти въ быстрое развитіе процесса.

Другими выраженіями передалъ Лукашинъ все это Зинѣ. Она выслушала его молча и спросила:

— Ему, дѣйствительно, можетъ быть хуже отъ меня?

— Повѣрьте...—началъ было уговаривать Лукашинъ, но она остановила его рукой.

Онъ далъ ей, однако, слово съѣздить послѣ похоронъ и узнать еще разъ. Къ отцу Сосѣ она и совсѣмъ не поѣхала. Лукашинъ не проговорился еще о ея пріѣздѣ.

— Мнѣ будетъ слишкомъ тяжело молчать о смерти матушки,—сказала Зина.

Это слово „матушка“ онъ слышалъ въ первый разъ отъ нея, и она такъ произнесла его, что Лукашинъ растрогался до слезъ.

Весь вечеръ, наканунѣ похоронъ, провела она у гроба, и, только по его настоянію, вернулась ночевать въ отель.

Пошелъ спѣгъ. Зина еще стояла надъ могилой. Рабочіе кончили вбиванье деревяннаго креста.

— Зинаида Мартыновна,—вполголоса окликнулъ ее Лукашинъ,—васъ засыплеть... Больше получаса на морозѣ, пощадите себя!..

Она не противилась и пошла за нимъ. Нищія накинута на нихъ у воротъ. Лукашинъ сталъ ихъ отгонять.

— Имъ уже дадено,—говорилъ онъ тихо.

Зина отдала деньги старухамъ, все, что у нея было мелочи.

Въ каретѣ она молчала минуты двѣ, потомъ повернулась къ нему и съ тихой усмѣшкой выговорила:

— А что, докторъ... вѣдь, право, смерть хорошая вещь!

— Какъ сказать!—отвѣтилъ онъ шутливо.

— Зимой смерть лучше, чѣмъ лѣтомъ: все окаменѣетъ...

Что-то еще хотѣла она сказать, замолчала и всю дорогу промолчала.

На Тверской, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостиницы, она быстро обернулась къ Лукашину:

— Я хочу его видѣть! Хотя завтра надо выбрать минуту... Милый Лукашинъ, устройте мнѣ это!

Лукашинъ общалъ, только взялъ съ нея слово, что она безъ него никуда не поѣдетъ. Отвѣтъ онъ привезетъ ей къ вечернему чаю.

— Вы въ Петербургъ, Зинаида Мартыновна, или опять въ деревню?—спросилъ онъ, когда карета остановилась.

— Никуда,—выговорила Зина протяжно и пожала ему руку.—Сидите, я выйду, возьмите мою карету.

Къ чаю онъ привезъ ей позволеніе психіатра навѣстить завтра Мартына Лукича утромъ, если не будетъ дешеси — пріостановиться визитомъ. Она поблагодарила его и замолчала. Лукашинъ нашелъ, что ее тяготитъ всякій разговоръ. Уходя, онъ успѣлъ шепнуть горничной, чтобъ за нимъ сейчасъ же прислали, если бы ночью Зинаида Мартыновна почувствовала себя нехорошо.

Ночь прошла тихо, только Милли спала такъ крѣпко, что ей трудно бы было сказать, почивала или нѣтъ ея барыня. Въ восемь часовъ Зинаида Мартыновна уже звонила, въ девять была совершенно готова, и въ десять они съ докторомъ подѣхали къ лѣчебницѣ, гдѣ содержался Мартынъ Лукичъ.

Вышелъ психіатръ въ пріемную комнату. Зина увидѣла еще молодого блондина съ очень кроткимъ и улыбающимся лицомъ, красивой наружности, худощаваго и чрезвычайно старательно одѣтаго.

Онъ встрѣтилъ ее точно старую знакомую и тихимъ голосомъ пригласилъ „пожаловать“ за нимъ, но предупредилъ о томъ, что больному извѣстно о пріѣздѣ его дочери и ея желаніи навѣстить его.

— Сегодня онъ необычайно спокоенъ, — добавилъ врачъ, — послѣ весьма бурнаго періода.

Всѣ трое вошли въ комнату Ногайцева — просторную комнату, чистую и пустоватую, съ альковомъ.

Мартынь Лукичъ сидѣлъ и пилъ чай, одѣтый въ фланелевый шлафрокъ, безъ галстука, но въ крахмальной рубашкѣ; ноги, въ казанскихъ сафьянныхъ сапогахъ, вытянуты были подѣ столомъ. Ему обстригли бороду, лысина стала еще круглѣе. Онъ, въ эту минуту, отхлебывалъ чай изъ стакана; папирота дымилась, положенная на край стола, пепломъ наружу.

— Вотъ г-жа Рынина, дочь ваша! — громко сказала психіатръ.

— Очень радъ, очень, — скороговоркой отвѣтилъ Ногайцевъ; не обернувшись къ ней, продолжалъ прихлебывать съ жадностью чай.

— Bonjour, papa! — окликнула его Зина своимъ прежнимъ, дѣвическимъ звукомъ.

— Bonjour, fillette! — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ, и все прихлебывалъ.

Когда чай былъ весь допитъ, онъ поставилъ стаканъ, облизалъ языкомъ усы, затулился папиротской и сказалъ врачу:

— Еще стаканчикъ!

Послѣ того онъ повернулся корпусомъ къ Зинѣ и Лукашину, вытянулъ ноги изъ-подъ стола и весь потянулся.

— Холодно? — спросилъ онъ, разсмѣялся тихо, по-дѣтски.

По глазамъ его Зина догадалась, что онъ забылъ уже, кто къ нему пришелъ.

— У васъ тепло, хорошо, Мартынь Лукичъ, — сказала Лукашинъ.

— Тепло... да... А вотъ у адмирала Шишкова, въ книжкѣ, мы учили:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Въ зимній холодъ...

Какъ бишь?

Вошелъ служитель со стаканомъ чаю. Ногайцевъ кинулся къ нему и все съ той же жадностью сталъ пить, почмокивая.

Психіатръ поглядѣлъ на Зину. Его глаза сказали ей:

„Вы видите, въ какомъ онъ положеніи“.

Она не могла выговорить больше ни слова; спросила она отца о чемъ-нибудь и осталась она тутъ еще лишніе пять минутъ, ей уже нельзя будетъ побороть своего вол-

ненія. Лукашинъ что-то спросилъ Ногайцева, тотъ мотнулъ головой, допилъ стаканъ, опять со вкусомъ затянулся, опять вытянулъ ноги и потеръ себя по животу.

— Животъ карѡшъ! Китайцы такъ говорятъ.

И засмѣялся тѣмъ же дѣтскимъ смѣхомъ нарождающагося идиотства.

Смѣха этого Зина не могла больше вынести. Она встала и шепнула обоимъ врачамъ:

— Идемте, господа!...

Вчера она прикладывалась къ тѣлу матери. Ея послѣдній поцѣлуй былъ горячій и долгій. Тутъ у нея неостало силъ подойти къ нему поближе, взять за руку, поцѣловать ее или прикоснуться къ его лбу. Та жалость къ нему, что нашла на нее ночью, въ Ширяевѣ, захватила ее теперь съ новымъ ужасомъ, не за себя, а за него, за этого несчастнаго, оставшагося въ живыхъ.

Ногайцевъ даже и не замѣтилъ ея ухода.

Въ каретѣ она все повторяла:

— Лучше умереть! Не правда ли, Лукашинъ? Лучше? Во сто разъ лучше! Тамъ, подъ снѣгомъ, окаменѣешь. А онъ, можетъ, годъ... все въ томъ же положеніи? Больше года?

— При такой натурѣ, и десять.

— Ужасно!

И обѣ ея руки судорожно прижались къ лицу. Она сказала ему въ каретѣ, что ѣдетъ вечеромъ, но просила еще разъ не проговориться отцу Сосѡ про ея пріѣздъ въ Москву.

— Онъ добрый. Если онъ узнаетъ про смерть матери какъ-нибудь, пускай думаетъ, что меня не было здѣсь. Это его не удивить.

Провожать себя Зина запретила.

— Вы къ Парменію Никитичу? — спросилъ Лукашинъ и подумалъ: — „Я все-таки пріѣду на Николаевскую. Мало ли что можетъ быть“.

Зина промолчала, но такъ, что онъ могъ это принять за „да“.

Она поцѣловала его въ голову, когда онъ прощался.

— Будемъ писать вамъ обо всемъ, только адресокъ бы выслали.

— Хорошо, — машинально сказала она, и если бъ онъ взглянулъ на ея лицо въ ту минуту, онъ замѣтилъ бы, что она его не слышитъ.

Въ монастырѣ, гдѣ хоронили Людмилу Мироновну, отходила, въ тотъ же день, долгая всенощная. Вѣтеръ съ метелью гулялъ по дворамъ и кладбищу.

Съ паперти, быстрой походкой, сошла Зина, въ городскомъ легкомъ пальто на ватѣ, въ башмакахъ на тонкихъ подошвахъ. Она взяла по знакомымъ ей мосткамъ къ могилѣ матери, нашла ее тотчасъ же, съ досокъ опустилась обѣими ногами въ сугробъ и упала къ могилѣ, уже покрытой пушистымъ слоемъ снѣга.

Одна мысль стояла у нея въ головѣ и не давала доступа ничему другому: уйти изъ этой жизни въ ничто, безъ новаго ужаса сознательной смерти. Съ револьверомъ, съ ядомъ, съ веревкой — исходъ невѣренъ. Испугаешься въ послѣднее мгновенье; выплывутъ лицо, глаза, послышится его голосъ и потянетъ въ жизнь. А тутъ вѣрнѣе. Она знаетъ, что пріятельница Сосѣ, молодая вдова, жила дурно съ мужемъ; онъ умеръ въ вагонѣ — и она впала въ тоску, не могла дни провести, не побывавъ на его могилѣ, и, когда выпалъ снѣгъ, пришла, стала вотъ такъ въ сугробъ голыми ногами, и чрезъ полгода ея не было въ живыхъ. Полгода — слишкомъ много. Та поторопилась. Полчаса не выходить изъ сугроба — и тифъ или воспаленіе легкихъ, смерть въ бреду. Отсюда — въ Ширяево, запереться, не посылать за докторомъ до самой потери сознания.

Вѣтеръ стихъ, но снѣгъ все шелъ. Она приподнялась, сняла сначала одинъ башмакъ, потомъ другой, и еще глубже ушла въ сугробъ. Она старалась дойти до твердой, обледенѣлой коры. Дрожь уже прокралась въ нее...

„Замерзнуть, обледенѣть еще вѣрнѣе?“ — спросила она. — Нѣтъ, испугаешься, убѣжишь раньше! Вѣрнѣе такъ“.

Передъ нею, сквозь снѣжные хлопья, черный крестъ ширился своей перекладиной. На немъ висѣлъ вѣнокъ. Зина глядѣла на нихъ и радовалась охватившему ее ознобу.

„Ничего! Нѣтъ — ничего! Ни здѣсь, ни тамъ!“ — беззвучно шептали ея губы.

Она спасалась отъ долгой постылой жизни, отъ страсти, отъ безумія того несчастнаго, что зовутъ ея отцомъ, отъ немощей вотъ этой бывшей красавицы — ея матери...

Зина стояла долго, все такъ же глубоко въ снѣгу. Всенощная отошла.

Часть третья.

I.

По мраморной лѣстницѣ „Европейской гостиницы“, въ Петербургѣ, сходилъ внизъ и на ходу нѣсколько придавливалъ каблуками красный коверъ ступенекъ Парменій Никитичъ Рынинъ. Газъ, сквозь матовыя стекла, кидалъ на сѣни мягкій и грустный свѣтъ. Рынинъ спускался медленно, надѣвалъ перчатку и держалъ во рту папиросу. Мундиръ новаго образца, съ грудью, покрытою орденами, медалями и знаками, прикрывало надѣтое въ рукава, но до верху еще не застегнутое, зимнее пальто, съ погонами полковника.

Онъ ѣхалъ на званный обѣдъ и что-то обдумывалъ; по лицу его—отъ житья въ деревнѣ оно загорѣло и сдѣлалось жестче—пробѣгали струйки еле замѣтныхъ усмѣшекъ.

— А! это ты, Рынинъ!—крикнулъ ему высокій, сочный голосъ снизу.

Въ сѣни только что вошелъ Снѣткинъ, въ очень низкой котиковой шапкѣ и въ пальто со стоячимъ барашковымъ воротникомъ. На мѣхѣ и на бородѣ, остриженной клиномъ, еще блестѣли звѣздочки мелкаго снѣга. Щеки его такъ и рдѣли.

— Знаю ждешь тебя, — степенно сказалъ ему Рынинъ, остановился на предпоследней ступенькѣ и доканчивалъ надѣваніе перчатки.

Руки они другъ другу, по-пріятельски, не подали. Снѣткинъ держалъ еще руки въ карманахъ своего узко-скроеннаго пальто. Оно обливало его плотный, тучнѣющій станъ.

— Я, кажется, не опоздалъ?

— Нѣтъ-нѣтъ! Она не желаетъ за табльд'отъ. Не выносить...

— И прекрасно дѣлаетъ!— Снѣткинъ разсмѣялся.— Ты не приревнуешь, если мы en tête-à-tête? Да и вообще вѣдь женщина для тебя—о, государственникъ!—только подробность!..

— Ну, ну! — остановилъ его Рынинъ, застегнувшись доверху и скорыми шагами пошелъ къ подъѣзду.

— Послушай!—окликнулъ его сверху Снѣткинъ.

— Что такое?

— Ты знаешь... Мы съ Зинаидой Мартыновной условились въ циркъ?.. Сегодня суббота, le jour chic.

— Она мнѣ говорила...

— Но супругъ и повелитель поморщился?

— Почему же? Ея еще никто здѣсь не знаетъ. Вы, па-дѣюсь, въ ложѣ?

— И при ложѣ будутъ еще состоять двое. Я ихъ отдаю въ полное распоряженіе Зинаиды Мартыновны.

— Кто это? Прожигатели въ родѣ тебя?

— Deux bons jeunes hommes! Шварцъ и Кремлевъ. Это такой типъ, нынче: „un bon jeune homme“. Безъ него нельзя, все равно, что за границей безъ курьеровъ для высокопоставленныхъ особъ.

— Воображаю! Однако, мнѣ пора. Прощай!

— Ты куда такъ парадно? Въ какое-нибудь, поди, bureau de placement, для честолюбцевъ?

Рынинъ ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой въ бараньей шапкѣ, сидѣвшей у него низко, до самыхъ бровей.

Снѣткинъ сталъ бойко шагать черезъ ступеньку.

Въ каретѣ Рынинъ оправилъ пальто, выдвинулъ ноги въ высокихъ сапогахъ и закурилъ новую папироску. Встрѣча со Снѣткинымъ, тонъ этого вивера невольно вызвали въ головѣ Парменія Никитича взглядъ на самого себя, на то, какъ онъ живетъ и къ чему онъ стремится.

„Государственникъ“, „честолюбецъ“, — повторилъ онъ нѣсколько разъ про себя.— „Ладно!“

Онъ зналъ, куда онъ шелъ, и зачѣмъ онъ на свѣтъ; а тѣ тамъ, жена его, Снѣткинъ, только маются...

„И пускай ихъ!“

Сизый свѣтъ Невскаго проникъ сразу въ карету и заставилъ его посмотреть въправо и влѣво. Карета ѣхала

быстро, внизъ, къ Аничкову мосту. Порошилъ снѣжковъ. Улица казалась еще шире. Въ магазинахъ языки газа желтѣли среди общаго холодящаго, таинственнаго освѣщенія.

Безъ волненія и безъ „сангвиническихъ“ надеждъ ѣхалъ онъ на званый обѣдъ къ старухѣ Моршанской. Она „кормила“ сановниковъ и показывала хорошенькихъ женщинъ, о какихъ въ истекшую зиму начиналъ говорить Петербургъ. Эту старуху Рынинъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ выскочки, не признавалъ за ней никакихъ правъ на выдающееся положеніе. Но она сумѣла какъ-то втереться, лѣтъ десять-пятнадцать назадъ, каждую зиму хлопотала о томъ, чтобы у нея ѣли сановники и всѣ, кто выдвигается, и добились своего. Квартира у нея совсѣмъ не по приему, и столъ—неважный, да, кажется, и родовыхъ связей у нея нѣтъ, а все-таки къ ней ѣздили.

Сегодня онъ найдетъ цѣлый наборъ бесполезныхъ для него людей—покрупнѣе и помельче, всѣ—„у дѣлъ“. Старуха тѣхъ, что не „у дѣлъ“, не приглашаетъ, или зоветъ по другимъ днямъ, изрѣдка, въ расчетъ: „можетъ-быть, и они опять всплывутъ наверхъ?“

Да, ни сангвиническихъ надеждъ, ни волненій мелкаго карьериста не сознавалъ въ себѣ Парменій Никитичъ. Вѣра въ свое достоинство, признаніе за собой особой цѣны росли въ немъ здѣсь, въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ, проводимымъ въ приемныхъ и въ гостиныхъ. Онъ и прежде зналъ, какой народъ поднимается: теперь—и подавно!.. Сегодня, съ обѣда у старухи Моршанской, онъ поѣдетъ на раутъ въ такой домъ, гдѣ увидитъ многихъ изъ „бывшихъ“, въ салонъ „огорченныхъ“. Этотъ контрастъ ему нуженъ.

До Николаевской пара сѣрыхъ денного каретнаго извозчика довезла его въ пять-шесть минутъ. У крыльца уже стояло нѣсколько каретъ.

Швейцаръ, въ обширныхъ сѣняхъ съ каминомъ, попросилъ его оставить пальто внизу и предложилъ ему подняться на машинѣ. Моршанская жила въ третьемъ этажѣ.

Рынинъ отказался и сталъ входить, не торопясь; opravилъ правый эполетъ, немного спавшій съ плеча, и крестъ на шеѣ.

Въ тѣсноватую переднюю дверь была отворена. Пахло керосиномъ. Два ливрейныхъ лакея поднялись съ ясене-

ваго дивана при входѣ Рынина. Лакей въ черномъ фракѣ спросилъ его, какъ о немъ доложить, и у дверей гостиной хмуро выговорилъ:

— Полковникъ Рынинъ!

Это докладываніе, вслухъ, на званныхъ обѣдахъ, старуха заимствовала въ посольскихъ домахъ, гдѣ тоже бывала; но у нея оно мало подходило къ размѣрамъ и отдѣлкѣ салона.

Комната была въ три окна, по улицѣ. Бѣлые обои съ золотомъ, штофная мебель *bouton d'or*, двѣ-три картины, бѣлесоватый съ разводами коверъ, большой столъ посрединѣ, съ блюдомъ изъ майолики для карточекъ—„отдѣлка шестирублеваго номера“,—такъ и прежде опредѣлялъ Рынинъ.

Около стола, на диванѣ и на креслахъ, сидѣло цѣлое общество.

Хозяйка—сухая, широкая въ плечахъ, горбоносая, съ сѣдыми бандо подъ чепцомъ съ цвѣтами, покрыла половину желтаго дивана обширной юбкой ярко-краснаго платья изъ тяжелаго дамъ съ старомодными воланами. Кажется, она носила кринолинъ. Рядомъ съ нею, на диванѣ,—красивая брюнетка въ темномъ бархатѣ, а по другую сторону, въ креслѣ,—бритый, очень моложавый мужчина, высокій, держащійся прямо, въ стоячихъ воротничкахъ и бѣломъ галстукѣ съ чуть замѣтнымъ бантомъ. Ближе къ столу—два пожилыхъ гостя со звѣздами, одинъ приземистый, краснолицый, съ лысиной во всю голову, другой—съ свѣтло-рыжеватыми волосами, зачесанными по-чиновничьи; жидкія бакенбарды чуть замѣтно шли отъ ушей; пробитая верхняя губа топырилась. На обоихъ были черные галстуки. Между ними помѣстился подкрашенный, усатый иностранецъ, съ двумя большими иностранными звѣздами, очень смуглый и въ парикѣ. Онъ былъ въ бѣломъ галстукѣ и даже въ бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами.

Нѣсколько мужчинъ, въ томъ числѣ двое съ генеральскими эполетами, въ сюртукахъ, стояли въ глубинѣ, у дверей въ столовую. У столика, приставленнаго къ углу, спиной, дама съ бѣлыми плечами, одѣтая по-бальному, говорила съ двумя мужчинами, заслоня ихъ лица.

Рынинъ все это бѣгло окинулъ. Оба пожилыхъ господина были самые крупные гости старухи. И тому, и другому онъ уже былъ представленъ раньше. Красивую брю-

нетку—жену сенатора—онъ также зналъ. Въ группѣ мужчинъ, у дверей столовой, узналъ онъ Брынцева, прѣѣзжаго губернатора, съ которымъ былъ на „ты“. Подкрашенный иностранецъ, въ парикѣ, съ двумя звѣздами, былъ, конечно, дипломатъ, изъ третьестепенныхъ. Лицо бритаго, моложавога блондина, въ высокихъ воротничкахъ, онъ смутно припоминалъ. Они гдѣ-то встрѣчались. Рынинъ считалъ его тоже прѣѣзжимъ изъ провинціи, навѣрно—по судебному вѣдомству. И онъ не ошибался.

Старуха начала представлять его заново и тѣмъ, кого онъ уже зналъ. Отъ обоихъ сановниковъ онъ получилъ по рукопожатію. Усатый брюнетъ, въ парикѣ, не былъ—какъ „особа“—названъ хозяйкой. Но, обернувшись къ Рынину, она ему сказала потише:

— L'ambassadeur,—и назвала какое-то посольство.

„Не изъ важныхъ, такъ я и думалъ“, — подтвердилъ про себя Рынинъ.

Бритаго блондина хозяйка назвала просто:

— Monsieur Blinoff.

Тотъ привсталъ, подаль руку Рынину и отчетливо, какъ говорятъ только бывшіе воспитанники лицея или училища правовѣдѣнія—лѣтъ за сорокъ—выговорилъ:

— Nous nous connaissons un peu...

И онъ улыбнулся Рынину своимъ актерскимъ лицомъ, гдѣ вблизи можно было замѣтить множество тонкихъ морщинокъ у глазъ, угловъ рта и вдоль крыльевъ носа.

Одинъ только Рынинъ прѣѣхалъ въ мундирѣ. Всѣ остальные военные были въ сюртукахъ при эполетахъ. Это его немного задѣло.

Онъ не желалъ показывать старухѣ, что заискиваетъ въ ней; да и въ самомъ дѣлѣ не заискивалъ. Ему надо было отправиться отъ нея на вечеръ; онъ такъ и одѣлся. Это онъ ей скажетъ, какъ только будетъ удобно, „чтобы она знала“.

Разговоръ у большого стола продолжался; говорила почти одна хозяйка. За двѣ недѣли—она „кормила“ два раза въ мѣсяцъ—набирала она отовсюду, точно въ ридикюль, новостей: придворныхъ, министерскихъ, салонныхъ, банкирскихъ, изъ губерній—отовсюду. И все это она передавала на своемъ французскомъ языкѣ, полною провинціальнымъ выраженіемъ и упорныхъ русскихъ ошибокъ, но съ неизмѣнявшимъ ей никогда самообладаніемъ.

Отдѣльныя маленькія фразы она говорила, въ видѣ а parte, по-русски.

Такъ и Рынину, сѣвшему около двери, всего ближе къ тому углу дивана, гдѣ она помѣщалась, старуха кинула:

— Жду графа. Только что прибылъ изъ края. Большіе проекты привезъ.

Онъ зналъ, про какого „графа“ она ему говоритъ. Моршанская выдавала этого „начальника края“ за своего дальняго родственника. Она уже спрашивала Рынина, на той недѣлѣ, когда онъ былъ у нея съ визитомъ: „отчего онъ не попросится, черезъ нее, служить къ графу?“

Онъ отвѣтилъ, что слишкомъ далеко.

— Я все-таки о васъ упомяну,— сказала старуха.

Но къ ея протекціи онъ не думалъ прибѣгать.

Пріѣхало еще нѣсколько приглашенныхъ, въ томъ числѣ двѣ дамы, обѣ красивыя, съ мужьями, кажется, изъ финансового міра. Старуха играла на биржѣ и ладила съ „жидками“, какъ она называла, за глаза, своихъ пріятелей-банкировъ.

Не раньше четверти седьмого лакей все тѣмъ же хмурымъ голосомъ доложилъ:

— Графъ Ергасовъ.

Вошелъ сѣдой, курчавый, съ подстриженной бородой, генераль, весь искрищійся отъ металлическихъ переливовъ эполетъ, патронташей на груди, аксельбантовъ, звѣздъ, крестовъ, позументовъ и брелоковъ на цѣпочкѣ.

Съ хозяйкой онъ поздоровался, какъ со старой кумушкой, хриплымъ голосомъ бывшаго полкового кутилы, почтительно-благодарно пожалъ руку обоимъ господамъ со звѣздами, сейчасъ же поцѣловалъ руку у брюнетки и сдѣлалъ, черезъ столъ, веселый кивокъ головой бритому блондину.

— Проголодался, тетенька!—сказалъ онъ вполголоса хозяйкѣ и сейчасъ же заговорилъ по-французски съ дипломатомъ, бойко, съ своеобразнымъ московскимъ акцентомъ.

Рынинъ стоялъ вбокъ отъ него и ждалъ своей очереди раскланяться. Графа онъ встрѣчалъ въ кампаніи. Ему вспомнился даже обѣдъ, послѣ С.-Стефано, на Принцевыхъ островахъ, въ отелѣ. Тогда графъ былъ облеченъ какими-то полномочіями. Пріѣхалъ онъ хорошо пообѣдать, и дѣтски радовался тому, что метръ-д'отель принялъ его, кажется, за посланника. Съ нимъ была цѣлая свита и одинъ корреспондентъ, надъ которымъ онъ все подтруни-

вать, безпрестанно называлъ его „публицистъ“ и смѣялся этой остротѣ.

Жидкимъ казался уже и тогда Рынину этотъ недавній кутила, стоявшій уже на очень видной дорогѣ. И вотъ, онъ теперь настоящая особа. А все-таки въ его хитрыхъ карихъ глазкахъ, и кудряхъ, и маленькихъ размѣровъ головѣ сидитъ то же самое количество государственныхъ идей и дарованій.

— Рынинъ!—обратился къ нему графъ и подалъ руку.— Очень радъ!.. Давненько не видалъ васъ...

Не дожидаясь отвѣта, онъ повернулся въ сторону хозяйки, которая шепнула ему:

— Prenez le bras de madame!..

Графъ почти подбѣжалъ къ брюнеткѣ. Старуху повелъ лысый сановникъ.

Не для всѣхъ достало дамъ. Остальные мужчины двинулись гурьбой.

Закуска была скудная, въ углу; да около нея мужчины и не успѣли постоять. Голосъ хозяйки призвалъ ихъ къ супу.

Столовая — узкая, длинная и скучная комната — едва вмѣщала столъ на двадцать персонъ. Было такъ тѣсно сидѣть, что Рынинъ сейчасъ же толкнулъ своего сосѣда, бритаго прокурора изъ провинции. Справа отъ него помѣстился губернаторъ, бывшій съ нимъ на „ты“.

— Какъ сельди въ бочѣнкѣ!—шепнулъ тотъ Рынину и бросилъ насмѣшливый взглядъ на весь столъ.

По тому же направленію поглядѣлъ и Рынинъ. Два канделябра и одна висячая лампа со свѣчами рѣзко освѣщали два ряда лицъ, причесокъ, лысыхъ лбовъ, бородъ и усовъ. Всѣмъ было тѣсно сидѣть, и всѣ находили, что супъ холодный, что пирожки отзываются саломъ. Старуха на своемъ концѣ, одна сидѣла просторно и поочередно говорила то съ графомъ, то съ лысымъ сановникомъ, сидѣвшимъ отъ нея по лѣвую руку.

Каждый изъ этихъ господъ — ихъ было больше дюжины—что-нибудь значилъ въ высшей или средней администраціи. Рынинъ точно дѣлалъ имъ смотръ. И онъ, черезъ годъ, если прїѣдетъ изъ провинціи съ губернаторскаго поста, понюхать, чѣмъ пахнетъ въ Петербургѣ, будетъ сидѣть тутъ въ качествѣ молодого, бойко пошедшаго въ ходъ администратора. Его тогда въ правѣ будетъ каждый приравнять ко всѣмъ нимъ, да и не ко всѣмъ, а вотъ

къ этимъ, что сидятъ подалеже отъ троихъ сановниковъ: одного военного и двухъ штатскихъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не добьется ихъ положенія, ему цѣна,—какъ инымъ часамъ,—будетъ дюжинная.

Эти мысли не огорчили его; напротивъ, вызвали легкую усмѣшку на его сжатые губы. Онъ одинаково относился ко всѣмъ: и къ особамъ, и къ тѣмъ, что готовились въ особы; онъ ихъ равно считалъ людьми „случайными“, безъ идеи, главное, безъ характеровъ, безъ своей физиономіи. „Если бъ всѣхъ сидѣвшихъ здѣсь,—такъ думалъ онъ,—пригласить высказать свои мнѣнія по тому, что французы называютъ „la situation“, какая какофонія вышла бы, что за безтолочь, непониманіе, какой вредный для страны личный задоръ!.. Каждый тянетъ одеяло только за свой конецъ, и одно вѣдомство скандально интригуется противъ другого. А руководящая власть въ отсутствіи“.

Онъ зналъ, что такая оцѣнка давно сдѣлана въ Москвѣ, тамъ, куда онъ ѣздилъ съ визитомъ и лѣтомъ, и недавно, во время болѣзни Зины; но такъ понималъ онъ дѣло всегда: тѣмъ лучше, если тѣ умы въ прессѣ, которые онъ считалъ самыми сильными и вліятельными, думали въ ноту съ нимъ.

„La situation“,—повторилъ онъ мысленно еще разъ, и вспомнилъ тотчасъ же, какъ въ Парижѣ, — это было въ его поѣздку въ Остенде, за Зиной, — на одномъ вечерѣ, онъ слушалъ уморительный монологъ „Коклена-младшаго“, гдѣ какой-то тревожный, по части политики, парижанинъ ходилъ по пріятелямъ: чиновникамъ, писателямъ, кутиламъ, и всѣхъ ихъ спрашивалъ: „quelle est la situation?“

Что бы и теперь начать, поочередно, спрашивать про русское „положеніе дѣлъ“ у cadaго чиновнаго гостя, приступающаго ко второму блюду старухи Моршанской—осетринѣ, такой же плохой, каковъ былъ и супъ.

Свою мысль онъ сообщилъ, подъ шумъ начавшихся разговоровъ, сосѣду справа, губернатору. Тотъ разсмѣялся и повторилъ громко раза два:

— Quelle est la situation?

Точно въ отвѣтъ, слѣва, въ сановномъ концѣ стола, заговорили о крестьянскомъ банкѣ, потомъ — о слѣдствіи по какой-то растратѣ. Прокуроръ сталъ мягко и отчетливо излагать по-французски, какія онъ произвелъ мѣро-

пріятія, и какъ ему нелегко было довести до конца свою кампанію.

— Une небрежность *impardonnable!*!..—выговорилъ онъ съ конца губъ и держа въ лѣвой рукѣ корочку, которой подправлялъ куски рыбы.

Рынинъ и губернаторъ переглянулись.

— Какого тебѣ вина, краснаго? — спросилъ губернаторъ.—Извини... забылъ предложить... *une impardonnable* небрежность...—прибавилъ онъ на ухо Рынину.

Оба разсмѣялись, но тотчасъ же смолкли и продолжали прислушиваться къ разговору въ углу сановниковъ.

Французскія фразы прокурора звучали еще мягче, еще отчетливѣе и покрывали гулъ голосовъ справа, гдѣ красивыя дамы завели съ своими сосѣдями довольно живую бесѣду. Прокуроръ старался красиво и остроумно передать подробности своего вмѣшательства, и всѣмъ тономъ своимъ показалъ онъ обоимъ сановникамъ другихъ вѣдомствъ, на какую независимость дѣйствій способны такіе дѣятели, какъ онъ, ищущіе вышнихъ ступеней, чтобы развернуть свои государственныя способности. Такъ объяснили это себѣ Рынинъ.

— Хлыщъ!—шепнулъ ему губернаторъ.

Рынинъ кивнулъ головой.

И подъ гулъ разговоровъ, стукъ вилокъ и ножей, ходьбу прислуги, онъ смотрѣлъ на профиль прокурора, на его бритый подбородокъ и красивый носъ, на движенія его губъ. Вотъ вѣдь съ такимъ „жрецомъ правосудія“ ему придется скоро, въ провинціи, ладить или воевать. Губернаторъ обреченъ на „контры“ съ главой судебной власти. И каждый изъ нихъ будетъ считать другого „дрянью“, „вреднымъ человѣкомъ“; тотъ его: „невѣждой“, „кадетомъ“; онъ того—„снобомъ“, „пустозвономъ“, „фальшивымъ либералишкой“!...

Рынинъ уже и теперь не можетъ отдѣлаться отъ пребрежительнаго чувства къ нему. Нужды нѣтъ, что тотъ и говорить умѣетъ, быть-можетъ, и учился хорошо, и способный администраторъ, пожалуй, и честный. „Не того поколѣнія, не того времени“—вотъ что! Такому краснобаю должно теперь быть около сорока; стало, онъ началъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ; чтобы сдѣлать себѣ карьеру тогда, надо было раздѣлять „фанаберію“ новыхъ судейскихъ и воображать себя спасителями оте-

чества... А потомъ онъ сталъ, разумѣется, вилать, и знаетъ теперь только свои повышенія...

Не такимъ считаетъ Рынинъ себя. Пускай онъ — не блестящъ и не ученъ, но онъ полонъ иного духа; онъ „не того времени“.

Французская рѣчь прокурора уже смолкла; Рынинъ все еще оглядывался на его профиль.

— Посмотри!—окликнулъ его шопотомъ губернаторъ.— Графъ-то какъ подсѣлъ... къ той... Какъ, бишь, ея фамилія?..

Онъ говорилъ о красивой брюнеткѣ.

Рынинъ назвалъ.

— Неунывающий кавалеристъ!.. А вотъ переведутъ въ его край... и станешь ему рапортовать... Насъ старуха посадила скверно... Отъ дамъ для насъ и хвостика не останется...

Рынинъ оглядѣлъ и тѣхъ дамъ, что сидѣли на правомъ концѣ, — всѣ были хорошенькія, но онѣ ему казались чѣмъ-то совершенно ненужнымъ. Это щеголянье красивыми женщинами старухи Моршанской просто отвратительно. Какой это политическій салонъ? Просто, кухмистерская съ претензіями!..

Рынинъ сообщилъ свое сравненіе губернатору; онъ зналъ, что тотъ его не выдастъ, хоть и является къ старухѣ на поклонъ, чтобы потереться около вліятельныхъ лицъ.

— Ха-ха-ха! — разразился опять губернаторъ, не настолько, однакоже, громко, чтобы обратить на себя вниманіе.

Но свои собственныя а parte, на ухо губернатору, показались Рынину дурного вкуса. Онъ замолчалъ и занялся-было ѣдой; но все, что подавали, мало его прельщало. Оглянувшись вправо, онъ остановился взглядомъ на лицѣ мужчины, котораго въ залѣ что-то не замѣтилъ.

Это былъ блондинъ, съ бородкой и свѣтло-желтыми, рѣдкими волосами на узкомъ и высокомъ черепѣ, юркій, нестарый человѣкъ, въ ловко сидѣвшемъ фракѣ; не то помѣщикъ, не то купецъ изъ новыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не петербуржецъ.

— Кто это?—указалъ на него сосѣду Рынинъ.

— Вотъ тотъ? Рыжеватый?

— Да...

— Ты не знаешь? Свѣдущій человѣкъ — Авлухинъ! Здѣсь на него какъ на перваго умницу смотреть.

— Что ты говоришь?!

И Рынинъ еще разъ всмотрѣлся въ этого рыжеватаго блондина, съ полукупеческой, полупомѣщичьей наружностью.

Во всемъ лицѣ была та же бойкость, что и въ глазахъ. Рынинъ, по нѣкоторымъ приемамъ, по манерѣ держаться, призывалъ его „своимъ братомъ, дворяниномъ“.

— Какъ его фамилія?—переспросилъ онъ Брынцева.

— Авлухинъ.

— Откуда?

Тотъ назвалъ губернію.

Авлухинъ разговаривалъ съ сосѣдами безъ устали, но больше все отрывочными фразами, должно-быть, остроумными или забавными: сосѣди часто улыбались.

— Ты знакомъ съ нимъ? — спросилъ Рынинъ Брынцева.

— Знакомъ...

— Послѣ обѣда познакомъ насъ.

Онъ давно не толковалъ съ такимъ земцемъ изъ провинціи. И онъ самъ, на мѣстѣ свѣдущаго человѣка, приѣхалъ бы обѣдать къ Моршанской, чтобы потолковать запросто съ тѣми, кто изъ Петербурга мудрить съ русской землей. Этотъ долженъ быть изъ „датошныхъ“, — употребилъ про себя Рынинъ мѣстное, крестьянское слово.

За „табльдотомъ“ старухи хорошо было хоть то, что обѣдъ не затягивался. Винами и десертомъ было тоже скудно.

Минутъ черезъ десять, обѣдъ кончился. Дамъ повели подъ руку. Свободные мужчины потянулись въ маленькую курильню. Въ гостиной уже раскрыли два стола, и хозяйка, тотчасъ послѣ кофе, сама сѣла играть съ графомъ и двумя штатскими особами.

Въ курильнѣ Брынцевъ познакомилъ Рынина съ земцемъ. Тотъ сейчасъ же какъ-то весь передернулся, попросилъ огня у Рынина и заговорилъ тономъ давно знакомаго, съ бойкостью и жаргономъ скорѣе банкира изъ купцовъ, чѣмъ дворянина-помѣщика. Они отошли въ сторонку и сѣли. Курильня ужъ стала пустѣть.

— Рынинъ! — окликнулъ губернаторъ, — я здѣсь еще съ недѣлю... Ты свободенъ въ будущій вторникъ, днемъ? Хочешь позавтракать... въ кабачкѣ?..

— Хорошо!.. Гдѣ?..

— Да все у того же Петра Ивановича!..

— Буду...

Оставшіеся трое мужчинъ курили въ углу у двери.

„Свѣдущій человѣкъ“ былъ помѣщикомъ сосѣдней губерніи и хорошо зналъ уѣздъ Рынина. Онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка и состоялъ цѣлое трехлѣтіе предсѣдателемъ губернской управы.

Сейчасъ же онъ, двумя-тремя шуточками и подмигиваніями, далъ понять Рынину, что Петербургъ, тотъ, что мудритъ и умничааетъ, и правитъ, онъ прекрасно раскусилъ, и уже давно. Вотъ сюда попалъ, чтобы присмотрѣться къ этакой „закусочкѣ“—онъ такъ и выразился. Все это облегчило Рынину дальнѣйшую бесѣду съ нимъ.

Они проговорили цѣлый часъ. Въ гостиной продолжали играть; въ угловой комнатѣ, въ родѣ кабинета хозяйки, сидѣли сначала дамы, но къ девяти часамъ всѣ уѣхали.

Рынинъ больше слушалъ земца. Тотъ какъ будто говорилъ въ духѣ его собственныхъ идей; были тутъ: и необходимость поднять „первенствующее сословіе“, и расчеты на скорое учрежденіе дворянскаго банка, и дѣловыя скептическія замѣчанія насчетъ „крестьянскаго“, и много кое-чего другого, все самаго новаго и хлѣсткаго. Только, чѣмъ больше говорилъ земецъ, тѣмъ все чаще въ его выраженіяхъ, въ разныхъ готовыхъ фразахъ, Рынинъ схватывалъ печатныя клишэ, и не изъ Москвы, не изъ того органа, гдѣ они выдѣлывались впервые, а здѣшнія, петербургскія, изъ вторыхъ рукъ.

Въ этомъ бытовикѣ дворянской провинціи онъ все меньше видѣлъ своего человѣка; черезъ него совсѣмъ не дышало на него деревней, къ которой онъ все-таки же присматривался. Банкиръ изъ шустрыхъ помѣщиковъ питался дешевой газетной пищей; то же, что было въ немъ несомнѣнно своего, отзывалось дѣлечествомъ.

Рынину вспомнилась подробность, когда онъ ѣздилъ въ сосѣдній губернскій городъ: въ мѣстномъ дворянскомъ банкѣ онъ нашелъ какъ разъ такого свѣдущаго человѣка въ званіи директора. Его всѣ любили, но, подъ-рукой, рассказали Рынину, что онъ „ловкачъ“, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, въ пять лѣтъ сталъ крупнымъ, живетъ широко, отбиваетъ женъ у мужей; по банковскимъ дѣламъ распоряжается самовластно, падалъ ссудъ выше стоимости за сотни имѣній. И языкъ, жесты, обхожденіе того

были совершенно въ такомъ же родѣ. Пахло отъ нихъ биржевикомъ, комиссіонеромъ, банковскимъ дѣльцомъ. Только развѣ, вглядываясь въ лицо, можно было рассмотреть нѣкоторую сословную породу...

А когда Рынинъ захотѣлъ придать разговору другой тонъ, заговорилъ объ „идеѣ“ государственнаго склада родины, о „власти и самобытности внутреннихъ порядковъ“, земець сталъ отшучиваться, и опять полились у него газетныя обличительныя словечки.

Около десяти часовъ, земець крѣпко пожалъ руку своего собесѣдника и, вставая, спросилъ его:

— Вы тоже скрываетесь?.. По-французски, безъ сала-малѣка?

Рынину рано было на раутъ, для котораго онъ надѣлъ мундиръ. Онъ выкурилъ еще папиросу и вышелъ въ гостиную, гдѣ карты продолжались.

Столъ, за которымъ играла хозяйка съ тремя главными своими гостями, выдѣлился передъ нимъ, окруженный табачнымъ дымомъ—графъ съ однимъ штатскимъ сановникомъ курили—какъ что-то символическое... Вотъ передъ нимъ Петербургъ, тотъ, что долженъ знать: „quelle est la situation“, и думаетъ, что знаетъ это, и смотритъ на себя „исерьезъ“, а внутри у него „пустушка“... Зинаида Мартыновна сказала бы: „pas de beefsteak sur la conscience!“ И прекрасно! Теперь-то и надо начинать, подвигаться на первую ступень фактической власти. И лучшее ли время именно вотъ нынѣшнее?

Такъ постоялъ онъ въ дверяхъ—его никто не замѣтилъ—и черезъ столовую и курильную вышелъ въ переднюю. Онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что не поздне, какъ къ Великому посту, когда ему удобно будетъ переименоваться гражданскимъ чиномъ, произойдетъ его назначение. Каждый вечеръ ему нужно проводить въ серьезныхъ гостиныхъ. Зина не рвется въ свѣтъ. Пускай при ней состоятъ Снѣткины. Только бы она не вздумала ѣздить съ нимъ по пуганамъ да по кабачкамъ.

„On y mettra ordre“,—подумалъ онъ по-французски, сходя съ лѣстницы третьяго этажа.

Такъ пройдутъ два мѣсяца. На будущей недѣлѣ надо взять въ отелѣ отдѣленіе помѣсячно; будетъ дешево. Денежныя дѣла ихъ въ образцовомъ порядкѣ, благодаря его умѣнью. Да и Зина не трапиритъ; даже скуповата. Ея десять тысячъ дохода она можетъ тратить на себя,

т. е. на туалетъ и все, что ея личный расходъ. Съ имѣнія уже получили доходъ—до трехъ тысячъ, да четыре онъ имѣеть съ другого имѣнія, доставшагося ему отъ тѣтки по завѣщанію. Этихъ семи тысячъ ему достанетъ на его долю; расходы по отелю они дѣлятъ пополамъ. Въ денежныхъ счетахъ онъ держится щекотливой аккуратности. Онъ принялъ отъ жены выкупъ родовой вотчины, но доходъ съ нея идетъ на общіе расходы по дому.

Въ каретѣ онъ почувствовалъ, что почти голоденъ.

„Неужели изъ-за этакихъ паскудныхъ обѣдовъ ѣздить къ этой старушенці?“—спросилъ онъ и вывелъ сейчасъ заключеніе.

Развѣ примѣръ такой старухи Моршанской не показываетъ, что въ Россіи, да и вездѣ, стоитъ только неизмѣнно бить въ одну точку: вотъ она, пріѣхала откуда-то изъ провинціи и задалась идеей, чтобы бывали у нея люди во власти, и живетъ въ третьемъ этажѣ, кормить плохо, сидѣтъ у нея тѣсно, скука не мала, несмотря на приглашеніе хорошенькихъ бабенокъ. А все-таки къ ней ѣздятъ, и она можетъ, съ полнымъ правомъ, хвастать, что у нея всѣ перебывали, кто состоялъ у дѣлъ.

Что такая старуха передъ человѣкомъ съ желѣзными мышцами, какъ онъ?..

II.

Зина прилегла на кушетку. Снѣткинъ сидѣлъ въ креслахъ у круглаго стола, откуда человѣкъ еще не убралъ кофе и ликеры. Зеленая компата, съ триповой мебелью и пестрымъ ковромъ, при свѣтѣ одной лампы, глушила ихъ голоса тяжелыми гардинами. Затуманеннымъ взглядомъ смотрѣла Зина на своего пріятеля. Шампанское и ликеры привели ее въ то состояніе, какое она, бывало, за границей, у Сосѣ, испытывала послѣ каждаго удачнаго обѣда. Переодѣваться ей не надо. Она поѣдетъ—въ чемъ она теперь, въ своемъ простомъ туалетѣ, *demi-deuil*, изъ смѣси бѣлаго, чернаго и свѣтло-сѣраго цвѣтовъ. Этотъ туалетъ особенно идетъ къ блѣдно-розовымъ ея щекамъ и къ прическѣ. Волосы только что отросли настолько, что ихъ можно носить безъ искусственного „front“... Они закурчавились на лбу. Ей на видъ девятнадцать лѣтъ; глаза кажутся больше; во всемъ тѣлѣ особенная мягкость волнистыхъ очертаній и лѣнивая плавность жестовъ.

Прошло слишкомъ два мѣсяца со смерти ея матери.

Вотъ сейчасъ, со стаканомъ шампанскаго въ рукахъ, она уже, по-пріятельски, рассказывала Снѣткину о своихъ „безумствахъ“. Да, она собралась умереть послѣ „toquade“ къ князю и похоронъ матери, схватила тифъ — и очень жестокой: лежала въ безпамятствѣ, а когда пришла въ себя, увидала у кровати своего мужа. Умереть она не умерла, но все забыла, и цѣлыхъ двѣ недѣли, пока выздоравливала, съ трудомъ припоминала понемногу, что съ ней случилось.

Теперь она опять прежняя Зина Ногайцева, но только безъ всякой горечи и тревоги. Выздоровленіе принесло съ собою новый вкусъ къ жизни. Когда она говорила Снѣткину, сейчасъ за обѣдомъ, какъ пріятно оправляться отъ тифа, онъ вскричалъ:

— Не продѣлать ли и мнѣ того же?

Ея „escapade“, въ деревнѣ князи, — она ничего не скрыла отъ Снѣткина, — представляется ей чѣмъ-то до нельзя дикимъ и смѣшнымъ. Теперь она способна встрѣтиться съ княземъ только какъ съ чудачкомъ. Ей потому такъ и легко, что она на мужчинъ смотритъ какъ на товарищей или на что-то, принадлежащее къ обстановкѣ ея жизни, ся развлеченій. Такъ она относится и къ мужу. Бороться съ нимъ, воевать, затѣвать что-нибудь въ роцѣ развода — она не желаетъ. Пускай онъ будетъ такой, какимъ сталъ въ послѣднее время: не стѣсняетъ ее въ привывкахъ и удовольствіяхъ — больше ей ничего не надо.

За кофе и ликеромъ Зина чувствовала пріятную истому во всемъ тѣлѣ, и ея мозгъ такъ все просто и легко перерабатывалъ. Пржеде она столькохъ вещей стыдилась. Вотъ, хоть бы, своего незаконнаго происхожденія. Она ни за что не стала бы говорить Снѣткину о своей матери. А тутъ она все рассказала. Въ Москвѣ ею овладѣла особая жалость къ покойницѣ. Кровная связь съ матерью сказалась въ ней послѣ той ужасной ночи въ Ширяевѣ. Но она не хочетъ хитрить и лицедрить. Она носитъ только „demi-deuil“ и не думаетъ отказывать себѣ въ развлеченіяхъ, ѣдетъ сегодня съ нимъ въ циркъ, поживитъ и въ театрахъ, и въ свѣтѣ, если ей захочется. Мужъ стоитъ вѣдь только за соблюденіе декорума. Она для него — законная дочь Мартына Ногайцева. Отецъ еще живъ; про мать ея онъ врядъ ли самъ будетъ распространяться. И ему она дѣлаетъ услугу, что избавляетъ отъ разспросовъ, по комъ она въ глубокомъ траурѣ?

Да и вообще у нея, послѣ тифа, пропала былая строгость насчетъ свѣта, того, что она признавала высшимъ стилемъ; всего больше насчетъ: „qu'en dira-t-on“, которое начало-было проникать въ нее въ Россіи... Въ шутливомъ тонѣ припомнила она, между прочимъ, исторію на кумысѣ.

Снѣткинъ сказалъ ей:

— Вотъ видите... кровь заиграла тогда. Это и теперь можетъ повториться.

— Можетъ, — отвѣтила Зина, — и пускай это будетъ лучше съ какимъ-нибудь мальчуганомъ. Nous allons rire!..

До такой степени ей все равно, что она и въ Петербургѣ будетъ выѣзжать только покуда ей это не надоѣстъ. Никакого „положенія“ она не желаетъ, и до плановъ, расчетовъ ея мужа ей дѣла нѣтъ.

— И мы основываемъ товарищество прожигателей?— спросилъ Снѣткинъ и допилъ рюмку ликера.

— Что такое?— дѣшнво окликнула Зина.

— Такъ вашъ мужъ выражается... Прожигателей... Des viveurs!..

— Да, да!.. Il n'y a que ça de bon!..

Она помолчала и добавила:

— Только, Снѣткинъ, не дурить!

— Въ какомъ смыслѣ?

— Pas de toquades bêtes!

И онъ ей рассказывалъ за обѣдомъ про свой „collage“. Его, кажется, начинало затягивать. Зина почувала тутъ что-то не совсѣмъ ладное. Снѣткинъ читалъ ей стихи, присланные изъ Москвы, куда временно удалялась „la petite“, на опереточную сцену. Они хотѣли, по общему согласію, пожить экономнѣе; здѣсь, на два дома, деньги шли какъ вода. Но теперь она опять въ Петербургѣ, и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, Снѣткину приходится частенько весьма не вкусно.

— Vous me la montrerez? сказала Зина, перемѣнивъ позу.

Ей стало жаль этого красиваго, веселаго и умнаго малаго. Если пойдетъ такъ дальше, она должна его освободить отъ такого „collage“.

— N'est-ce pas?—добавила она.

— Volontiers!..

Случай представится навѣрное. Но почему же не показать ей эту „petite“ поближе, гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, на островахъ, у цыганъ?

— А Парменій Никитичъ?

Зина только повела головой.

— Гдѣ, напримѣръ, она сегодня?—спросила Зина настоятельно.

Онъ хорошенько самъ не знаетъ. Кажется, обѣдаетъ у своей пріятельницы, Машеньки Адашевой, играющей въ клубныхъ спектакляхъ.

— Une brune bien jolie, d'une distinction rare,—добавилъ Снѣткинъ.

Обѣ эти пріятельницы были, стало-быть, русскія. Это заинтересовало еще больше Зину. Ей бы хотѣлось посмотреть на русскихъ „horizontales“. Она и начала спрашивать: давно ли онѣ появились и сколько ихъ, и есть ли надежда, что образуется изъ нихъ „quelque chose de bien“?

Ихъ уже не мало; француженки теперь рѣдки и плохи,—такъ довлѣдывалъ Зинѣ Снѣткинъ,—да и деньги не тѣ. Есть уже свои „irrégulières de haute marque“, не такія, какъ прежде, изъ швей и горничныхъ или обѣдѣвшихъ купеческихъ дочерей, и не такія, какъ танцовщицы: тѣ остались по-старому: нынѣшнія—„plus fantaisistes“; иныя побывали и въ Парижѣ, умѣютъ болтать, хорошо одѣваются, съ талантикомъ, съ своимъ жаргономъ.

Зина слѣдила и тихо улыбалась. Право, это гораздо занимательнѣе, чѣмъ толки о „настоящемъ“ свѣтѣ, куда ее совсѣмъ что-то не влекло. Отъ Снѣткина она уже знала, что въ Петербургѣ есть и въ свѣтѣ всего десять-пятнадцать женщинъ, всюду являющихся: „сборъ всѣмъ пожарнымъ частямъ“, какъ давно зовутъ ихъ. Всюду ихъ видишь, гдѣ только „весь Петербургъ“, а всего чаще въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Зина еще не была, на благотворительныхъ базарахъ, на раутахъ, балахъ, пикникахъ, музыкальныхъ утрахъ.

— И вы попадали въ этотъ сборъ!—проронилъ онъ ей.

Но ей это нисколько не льстило. Она хочетъ прожить зиму, одну или двѣ, пока Парменій Никитичъ не получитъ своего „поста“, иностранкой, пріѣзжей, безъ всякихъ строгихъ обязанностей передъ обществомъ. Вотъ они и составлять товарищество; пріѣдетъ Сосѣ—она уже телеграфировала о своемъ возвращеніи въ Россію—отецъ былъ очень слабъ; Снѣткинъ прикомандируетъ къ нимъ обѣимъ двоихъ своихъ пріятелей, тѣхъ, что ждутъ уже сегодня въ ихъ ложѣ, въ циркѣ.

— Et la petite, y sera-t-elle aujourd'hui?—спросила Зина и поднялась съ кушетки.

Онъ не зналъ; но врядъ ли. Ему бы этого и не хотѣлось. Его Надя способна на какую-нибудь выходку, увидавъ его вмѣстѣ съ такой красивой женщиной.

— Mon vieux,—сказала ему Зина въ дверяхъ,—vous la craignez, votre petite. Il faut que je la tranquillise!

И со смѣхомъ она скрылась въ свой будуаръ позвонить горничную. Шелъ уже десятый часъ. Снѣткинъ, какъ только пріѣхалъ, отпустилъ свои сани и приказалъ имъ ѣхать къ „Надеждѣ Андреевнѣ“, на квартиру ея пріятельницы. За каретой онъ хотѣлъ послать изъ отеля; но Зина не пожелала кареты, потребовала троечныхъ саней, которыя и дожидались съ семи часовъ у подъѣзда.

Весело болтали они, когда шли по коридору бель-этажа. Около лѣстницы далъ имъ дорогу и церемонно поклонился старшій кельнеръ, изъ нѣмцевъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Снѣткинъ шепнулъ Зинѣ:

— Je vous compromets... Ça a bigrement l'air d'une partie fine!..

Оба разсмѣялись.

Въ своей песцовой шубѣ и шапочкѣ, покрытой наполовину бѣлымъ платкомъ, Зина спускалась по ступенямъ лѣстницы легкой и величавой поступью. Снѣткинъ засмотрѣлся на нее. Но она его не волновала, какъ женщина. Они были созданы только для пріятельства. Онъ глядѣлъ на ея профиль, строгій самъ по себѣ, но смягченный, въ ту минуту, блуждающей улыбкой и полуопущенными рѣсницами.

„Барыня любить кутнуть — и хорошо дѣлаетъ! — думалъ онъ.— Пускай въ холодномъ да въ ликерахъ находить забвеніе!“

Ему сдавалось, что это забвеніе ей нужно. Она извѣдала страсть, и онъ ей не вѣрить, что теперь все прошло, что она способна встрѣтить князя Ряжскаго съ насмѣшками надъ самой собой. Мужа не любить, петербургскій свѣтъ пріѣтся ей въ одну, въ двѣ зимы: она видѣла всякій high-life; что же остается? Но и кутить можетъ оказаться неудобнымъ, при такомъ мужѣ, какъ Рынинъ. Развѣ найдеть забавнымъ обманывать его? Такой женщинѣ нужна встрѣча съ человѣкомъ, у котораго миліоны, дьявольскій темпераментъ, жажда жизни, вкусъ. А гдѣ онъ?..

Глаза Снѣткина вдругъ потускнѣли. Ему стало какъ бы досадно на Зину, что она выздоровѣла. Значить, разъ уже жаждала смерти?.. Тогда-то бы и жить, вернуться въ деревню, пустить въ ходъ всѣ свои чары, притянуть къ себѣ богомольца, „le rouler, sacré-dieu“! Для всего этого еще стоило жить; а теперь?..

— Qu'avez-vous?—окликнула его Зина, остановившись на послѣдней ступенькѣ.

Она посмотрѣла на него, и ей вдругъ вспомнились его слова, въ Ширяевѣ, во время спора съ Рынными: какъ онъ не задумается покончить съ собою, когда проживать больше будетъ уже нечего. И въ его глазахъ она прочла въ эту минуту точно новое подтвержденіе такого конца.

— Pas de bêtises! — вдругъ сказала она Снѣткину совершенно другимъ тономъ.

— Et quoi?—удивленно спросилъ онъ.

— Je veux vivre, mon ami,—продолжала она, напирая на каждое слово: — entendez-vous?.. Et je vous y engage aussi!..

Снѣткинъ откинулъ голову назадъ и разсмѣялся.

— Vous lisez dans mon âme! Parole d'honneur!

Они стояли уже на площадкѣ, противъ лѣстницы. Мальчикъ отворялъ имъ дверь. Въ передней два швейцара ждали ихъ.

— Тройку прикажи подать!—крикнулъ Снѣткинъ мальчику.

Тотъ передалъ приказаніе ближайшему швейцару.

— Nous sommes perdus!.. Une troïka!—дурачился Снѣткинъ.

Прислуга могла думать, что ей угодно; Зина нисколько этимъ не смущалась. Она потребовала тройку, потому что ей хотѣлось послѣ спектакля въ циркѣ — онъ кончится рано — ѣхать на острова, кататься на горахъ. Ночь была славная, съ легкимъ снѣжкомъ, мягкая и не очень холодная.

Тройка спустилась со двора подъ ворота. Бубенчики звонко раздались подъ сводомъ. Двое мужчинъ съ дамой, ожидавшіеся экипажа, смотрѣли на это отправленіе красивой пары въ тройкѣ. Посыльные засуетились. Швейцаръ усаживалъ Зину и застегивалъ полетъ. Все это забавляло ее. Она смѣло оглядывала зрителей, принявшихъ ее, наконецъ, за женщину полусвѣта.

Сани вылетѣли изъ-подъ воротъ съ задорнымъ гудѣньемъ бубенцовъ и круто повернули налѣво, къ Михайловскому скверу. Маленькій переѣздъ къ цирку показался Зинѣ смѣшнымъ, по своей быстротѣ. Вотъ такъ хотѣла бы она переходить отъ одного ощущенія къ другому, чувствовать себя по-дѣтски, ни на чемъ не останавливать ни мысли, ни страстнаго желанія...

Тройка стояла уже передъ подъѣздомъ цирка. Опять артельщикъ разстегивалъ полсть. Снѣткинъ освѣдомился объ имени извозчика.

Они вошли въ проходъ между двумя половинами амфитеатра въ ту минуту, когда съ другой стороны, подъ интродукцію оркестра, показалась наѣздница, французженка, въ свѣтло-шоколадной амазонкѣ, стройная, прекрасной школы и такого строгаго стиля во всемъ своемъ туалетѣ, что Зина остановилась на ходу и стала разглядывать ее. Она не была особенно красива и уже не очень молода, съ крупнымъ профилемъ.

— Господа кавалеристы одобряютъ, — замѣтилъ Снѣткинъ. — А на вашъ вкусъ какъ?

— *Très stylée*, — убѣжденно отвѣтила Зина, и тутъ же представила себѣ, какая она сама могла бы быть видная наѣздница высшей школы.

Служитель провелъ ихъ къ ложѣ. Тамъ уже дожидались „*les bons jeunes hommes*“, Шварцъ и Кремлевъ. Они сѣли на двухъ заднихъ стульяхъ. Шварцъ, смуглый, длинный, носилъ остроконечную бородку; правильныя черты лица были въ восточномъ типѣ. Кремлевъ — пухленькій блондинъ средняго роста. Оба были одинаково подстрижены, носили пальто съ мерлушковыми воротниками одной высоты, шапочки изъ мерлушки же и одноцвѣтныя грубыя, вязаныя, заграничныя варежки. Оба были въ *ripsep* и съ палками.

Они встали. Снѣткинъ кивнулъ на каждого головой, назвавъ ихъ поодионокѣ и, когда всѣ разсѣлись, сказалъ имъ:

— Вамъ предоставляется состоять при ложѣ сегодня, и если Зинаидѣ Мартыновѣ будетъ угодно, то и вообще.

И онъ сталъ объяснять Зинѣ, что всѣ потъ такіе петербургскіе „*jeunes hommes*“ состоятъ „при ложахъ“, и безъ этого немислимо ихъ существованіе.

Шварцъ и Кремлевъ не возражали; оба своими крот-

кими минами показывали Зинѣ, что она ими будетъ довольна, и лучше адъютантовъ она не найдетъ.

Ей они понравились. Съ ними будетъ удобно, это сейчасъ же чувствовалось.

— Наѣздница, парижская, изъ Cirque d'hiver! — доложилъ Кремлевъ.

Другъ его, Шварцъ, подтвердилъ это наклоненіемъ головы и прибавилъ:

— Загряжскій уже сдѣлалъ отличное *mot* насчетъ ея невыразимыхъ.

— Чего?—переспросила Зина.

— Пьедесталовъ! — Кремлевъ показалъ на свои панталоны. — Они у нея *souleur mignille*... на штрипкахъ.

— Такъ надо, — серьезнымъ тономъ одобрила Зина.

И всѣ четверо обернулись къ наѣздницѣ. Та заставляла своего венгерскаго караковаго жеребца кланяться въ ихъ сторону. Черезъ двѣ минуты, когда лошадь обошла арену особымъ труднымъ аллюромъ, нѣсколько гусаръ захлопали. Зинѣ показали, вправо, Луку Загряжскаго, перваго каламбуриста Петербурга, уже сдѣлавшаго „*mot*“ насчетъ панталонъ наѣздницы. Онъ сидѣлъ съ двумя мужчинами въ ложѣ. Шинель съ бобромъ и такая же шапка скрывали немного его лицо.

— *Superbe tête!* — почти со вздохомъ сказалъ Шварцъ.

— И умница, — добавилъ Кремлевъ.

Зина остановилась подольше на лицѣ Загряжскаго. Тотъ снялъ шапку. Подъ гребенку остриженные пепельные волосы, уже немного рѣдѣющіе, красивымъ выемомъ выступили на лбу; въ очертаніи черепа, со сдвинутыми висками, было что-то татарское, суховатое и чинное, также и въ хрищеватомъ, нервномъ носѣ, въ бровяхъ, въ бородѣ двумя клинушками.

— Одобряете?—спросилъ Снѣткинъ.

— Онъ навѣрно не изъ благочестивыхъ, — сказала она вполголоса, — *mais il n'a pas l'air fat*.

— Насчетъ этого Шварцъ расскажетъ вамъ знаменитую его остроу.

Кремлеву ужасно хотѣлось рассказать раньше Шварца, но онъ уступилъ другу.

— Былъ смотръ, — началъ Шварцъ, медленно и съ неподвижнымъ лицомъ.

— Не тяпи! — вырвалось у Кремлева.

— Начальникъ дивизіи, старичокъ, князь Рукавицынъ,

обращается къ строю и вызываетъ: „кто имѣть претензію?“ Загряжскій былъ тогда вольноопредѣляющимся; выѣзжаетъ и говоритъ: „я, ваше сіятельство, заявляю претензію“.— „На что?..“— „На красоту... ваше сіятельство!..“

Кремлевъ засмѣялся раньше Шварца. Снѣткинъ покрылъ его жидкій смѣхъ своимъ густымъ и болѣе жирнымъ; Зина вторила имъ. Остроту она нашла очень смѣшной, можетъ-быть, оттого, что ей въ циркѣ, въ эти десять-пятнадцать минутъ, стало еще веселѣе, чѣмъ въ отелѣ, когда они шли со Снѣткинымъ по коридору и лѣстницѣ.

— Претензію... на красоту! — повторила она вслухъ и поглядѣла въ сторону ложи Загряжскаго.

И онъ, и тѣ, кто съ нимъ были, обратили вниманіе на Зину, какъ только она вошла. Загряжскій точно понялъ, что въ ложѣ этой неизвѣстной еще никому дамы говорятъ о немъ. Онъ стилъ быстрый боковой взглядъ и кивнулъ головой мужчинамъ, сидѣвшимъ съ Зиной.

Она еще разъ остановилась на немъ глазами и сказала Снѣткину такъ, чтобы остальные не слышали:

— Décidément, je le gobe!

— И какъ стрѣляетъ!..—доложилъ Кремлевъ.

— Голубей!..—прибавилъ Шварцъ.

— Un chasseur de femmes.

Снѣткинъ сказалъ это, наклонившись къ Зинѣ.

Она все слушала съ улыбкой, не сходявшей съ ея губъ.

Развѣ такой вотъ острякъ и стрѣлокъ менѣе красивъ, чѣмъ тотъ, изъ-за котораго она бѣсновалась? И такъ ей вдругъ живо представился зимній вечеръ, когда она стояла въ снѣгу, въ однихъ чулкахъ, и морозила себя, по доброй волѣ искала смертельной болѣзни!

— Ха-ха-ха!—разразилась она, отвѣчая какъ будто на кувырканье клоуна съ летучей мышью на спинѣ и въ крашеномъ войлочномъ колпакѣ.

Но не клоунъ разсмѣшилъ ее такъ; она сама себѣ показала такой смѣшной... на кладбищѣ, въ однихъ чулкахъ, въ сугробѣ!..

Она окинула глазами весь амфитеатръ, ложи, кресла и стулья, рядъ головъ въ первыхъ и вторыхъ мѣстахъ, царскую ложу, весь этотъ малиновый трипъ и фрески потолка, и трапеціи, оркестръ, красныя и бѣлыя фуражки офицеровъ, мѣха женщинъ, ихъ шляпки; потомъ группу артистовъ цирка въ парадныхъ венгеркахъ и большихъ

сапогахъ,—и ей стало вдругъ, въ этомъ Петербургѣ, такъ удобно, хорошо; она была въ густомъ воздухѣ пользова- ния жизнью, наравнѣ со всѣми этими жепщинами и муж- чинами, штатскими и военными, посѣщавшими субботы цирка. Вотъ опять то масонство, „къ которому она при- надлежала“ за границей; но тамъ оно было, все-таки, чужое, случайное, заѣзжее; здѣсь же все это—свое. Связь есть несомнѣнная. И Снѣткинъ, и два ея новыхъ адъю- танта, и тотъ острякъ и красавецъ, да и всѣ русскіе люди, всѣ, какъ выражался ея мужъ, „прожигатели“, они ее прекрасно поймутъ и оцѣнятъ, и съ ними она точно у пристани. Вѣдь сколько между этими мужчинами есть— самыхъ лучшихъ фамилій? Имъ мѣсто въ салонахъ здѣш- няго „high-life“; а они живутъ только въ своей бутиль- ной компаніи, вотъ здѣсь, въ циркѣ, съ такими же да- мами, любящими пожить, въ игорномъ домѣ, на пикни- кахъ, у цыганъ; надъ свѣтомъ они посмѣиваются, хотя и бьются въ немъ, по обязанности... И павѣрное, самые веселые, умные, острые, смѣлые—въ ихъ числѣ...

Зина захлопала штуркъ наѣздника, вскочившаго на крупъ лошади на всемъ скаку. Его трико въ чешуйчатыхъ блестяхъ, гибкій станъ искрились передъ ней и наполняли ее этимъ новымъ для нея и радостнымъ чувствомъ своего освобожденія отъ всякихъ прежнихъ оковъ и узъ, стра- стей и педуговъ... Она ни за что не повѣрила бы въ ту минуту, что съ нею могутъ случиться припадки... Какіе?.. Съ ней?.. Какой вздоръ! Щеки ея разгорѣлись, глаза бле- стѣли; она откинула на плечо шубу и высвободила со- всѣмъ руки.

Шварцъ и Кремлевъ разомъ заглядѣлись на Зину; по- томъ обмѣнялись усмѣшками.

Снѣткинъ наклонился къ нимъ и шепнулъ:

— Что?.. Какова барыня?

— Прелесть!—сказалъ Шварцъ.

— Прелесть!—повторилъ его другъ.

И оба захлопали наѣзднику.

Зина уже мечтала объ ужинѣ. Она непременно будетъ ужинать, и эти господа должны ее угостить цыганами. Она потребуетъ, чтобы съ нея взяли ея часть. Отнынѣ она будетъ кутить по-мужски, платить за свою часть.

Но... одна дама и трое мужчинъ... А почему бы се- годня же не познакомиться съ той, avec la petite de Sniétkine?

Въ антрактѣ она спросила его:

— Elle n'y est pas?

— Non...

Было не мало дамъ въ ложахъ, въ креслахъ, и „порядочныхъ“, и „такихъ“; Зина „такихъ“ еще не особенно скоро различала и приняла одну барыню съ двумя гусарами за русскую крѣпкую.

— C'est tout comme!—замѣтилъ Снѣткинъ.

Зина почти потребовала, чтобы онъ добылъ свою Надю послѣ спектакля, одну или съ ея пріятельницей, непременно!

Онъ было началъ возражать, но Зина распорядилась сама.

— Шварцъ,—приказала она обрадованному брюнету,—поѣзжайте туда, куда васъ пошлетъ Снѣткинъ, и привезите сейчасъ отвѣтъ.

— Почему же не я?—запросился Кремлевъ.

— Ступайте вы оба, это еще лучше; но одинъ тамъ останется, а другой вернется съ отвѣтомъ. Маршъ!

Къ ней этотъ русскій, безцеремонный тонъ чрезвычайно шелъ. Всѣ мужчины засмѣялись разомъ, и Снѣткинъ, на ухо Шварцу, рассказалъ, въ чемъ дѣло. Надо было отыскать Надю и Машеньку и предложить имъ ѣхать на тройкѣ, въ „Самаркандъ“, одному съ ними остаться, другому вернуться съ отвѣтомъ, или обоимъ, если тѣ упрутся.

— Не являться обоимъ!—погрозила Зина.

Въ перерывѣ для устройства сѣтки—должна была качаться подъ потолкомъ какая-то дѣвица — друзья ушли, оба чрезвычайно довольные; Зина начала разспрашивать Снѣткина почти о каждомъ мужчинѣ, въ ложахъ и креслахъ, кого онъ знаетъ, и ихъ дамахъ. Выборъ—довольно большой, особенно для одной Зины. Снѣткинъ называлъ ей фамилии, и это дѣлало ихъ ближе къ ней. Всматриваясь въ лица, въ жесты, въ манеру держаться, она замѣчала, что всѣ эти вивѣры гораздо проще, чѣмъ заграничные; въ нихъ мало рисовки, никто не позируетъ „rouge le torse ou autre chose“,—какъ она сказала тутъ же Снѣткину.

— Такъ что вы нашъ человѣкъ навѣки? — спросилъ Снѣткинъ.

— О, да!..

Ему все-таки надо было предупредить Зину насчетъ

своей Нади. Та можетъ оказаться очень бурной. Потомъ, надо же было приготовиться и насчетъ Парменія Никитича...

Зина ничего не боялась. Чтò бы ни вышло у цыганъ, она впередъ на все готова. Мужъ будетъ на раутѣ и можетъ сидѣть тамъ, сколько ему угодно. Если она явится домой въ два, даже и позднѣе, это — прекрасный опытъ на будущее время.

— Et voilà! — заключила она молодо и задорно.

Дѣвица, вся въ трико тѣльнаго цвѣта, съ яркимъ бархатомъ вокругъ пояса, качалась на ужасной высотѣ. Зина взглянула на нее и безъ всякаго жуткаго чувства стала ею любоваться. Смѣлость этой акробатки сообщалась и ей. И она была бы способна такъ качаться на трапеціи, подъ потолкомъ.

Среди грома аплодисментовъ явился сіяющій Кремлевъ, одинъ, и односложно доложилъ:

— Улажено!

Онъ былъ еще менѣе щедръ на слова, чѣмъ его другъ.

Въ половинѣ пантомимы, Зина дала сигналъ къ отъѣзду. Было около одиннадцати. Ее тянуло на воздухъ въ свѣтлую ночь. Она узнала отъ Кремлева, что „тѣ дамы“ будутъ не раньше двѣнадцати въ „Самаркандъ“, и потребовала дѣльный часъ кататься.

— Въ какихъ духахъ Надя? — спросилъ Снѣткинъ тихонько у пріятеля.

— Въ отличныхъ... И съ Машенькой — водой не разольешь!

— Про барыню умолчать, падѣюсь? Это сюрпризомъ надо.

— Еще бы!..

Зина прекратила это а parte въ сѣняхъ и усала Кремлева торопить сани.

III.

Изъ первой, главной, гостиной приносился гулъ голосовъ слѣва; справа — такой же гулъ изъ столовой, гдѣ, около бѣфета, было еще больше гостей. Въ дверь виднѣлся край стола съ пучкомъ свѣчей высокаго канделябра. Этотъ край обступила цѣлая стѣна мужчинъ. Подъ канделябромъ переликала разными цвѣтами глыба льду съ углубленіемъ посредины. Туда метръ-дотель безпрестанно вливалъ красноватую сладкую смѣсь двухъ винъ.

Внизу, вокруг глыбы, стояли лампочки съ цвѣтными рефлекторами. Онѣ и заставляли толщу льда переливать радугой.

Всѣ восхищались этой ледяной ступой. Напитокъ, хотя и не изъ первосортнаго шампанскаго, всѣмъ очень нравился. Нѣкоторые изъ мужчинъ протискивались съ стаканами и подставляли ихъ подъ разливательную ложку метръ-д'отеля. Дальше, въ глубинѣ довольно короткой столовой, шли разговоры; вдоль буфета стояли больше дамы. Военные въ густыхъ эполетахъ и пожилые штатскіе преобладали.

Проходная узковатая гостиная была почти пуста. Въ самомъ углу, подъ раскидистой латаніей, Рынинъ сидѣлъ противъ дамы, лѣтъ за сорокъ, полной, широколицей брюнетки, въ тяжеломъ платьѣ, темноватаго цвѣта, и въ наколѣхъ съ цвѣтами. Ея маленькіе глаза, немного насмѣшливые и холодные, глядѣли на него пристально. При разговорѣ ротъ ея шевелился отчетливо и голосъ, сдержаннаго звука, выходилъ изъ горла точно съ легкимъ скрипомъ.

Они сидѣли уже больше десяти минутъ.

Эту барыню ему давно хотѣлось разсмотрѣть. Онъ съ ней немножко притворился: ни однимъ словомъ не выдалъ оттѣнка своихъ взглядовъ. Барыня, не дальше какъ пить лѣтъ назадъ, держала вліятельный домъ, куда не легко было попасть.

Тогда ея ближайшіе друзья были у дѣлъ. Теперь она показывалась мало, но продолжала принимать пріятелей. Въ манерѣ держать себя, въ тонѣ осталась она та же; и то, и другое какъ бы говорили: „я — въ тѣни, но это меня не смущаетъ“.

Въ Рынинѣ она сейчасъ же почувала военнаго, выжидающаго случая пойти въ ходъ. Она говорила съ нимъ на извѣстномъ разстояніи, давая ему понять, что еще не такъ давно онъ многое бы далъ за то, чтобы попасть къ ней.

И онъ, слушая ея отчетливыя фразы и скрипучій звукъ ея голоса, про себя опредѣлялъ ее. Онъ не вѣрилъ въ ея „идею“. Какія идеи могутъ быть у женщины? Просто, попала, по мужѣ, въ извѣстный кружокъ дѣльцовъ и карьеристовъ, потомъ, когда овдовѣла, — смекнула, что, заручившись бойкимъ, богатымъ и вліятельнымъ пріателемъ, можно „проводить дѣла“.

„Я тебя, матушка, вижу насквозь! — думалъ онъ, взглядывая на нее исподлобья. — Ты — кулакъ и маклакъ. Боже избави отъ такой политической бабы! Тебѣ бы въ концессіи нагрѣть руку, а то и прямо въ руку получить кушъ“.

— Вы, я вижу,—сказала она ему съ сухой умѣшкой,— удивлены, что здѣсь такъ много бываетъ?..

Она намекала на то, что хозяинъ вечера — „изъ бывшихъ“, и его пѣсенка, вѣроятно, уже спѣта.

Рынинъ очень почтительно замѣтилъ ей, что это ему правится. Стало-быть, въ обществѣ есть хоть какая-нибудь самостоятельность. Да и, наконецъ, этотъ домъ продолжаетъ быть очень пріятнымъ именно потому, что сюда такъ много ѣздятъ; хозяйка держитъ свой салонъ замѣчательно.

— И, видите, цѣлый ледяной домъ устроенъ!—указалъ онъ на глыбу.

Она просвѣчивала сквозь толпу.

„Вы обѣ, голубушки, — продолжалъ думать Рынинъ, — локти кусаете, и больше вамъ ничего не осталось, какъ фразы сочинять и показывать свои люмьеры“.

Ему забавно дѣлалось, что вотъ такая „жохъ-баба“, и могла даже самое себя увѣрить въ своемъ патріотизмѣ и безкорыстныхъ государственныхъ идеяхъ.

Но и она не вѣрила его сдержанному тону. Она распознавала въ немъ одного изъ „нынѣшнихъ“, и захотѣла ему показать, что ее провести не такъ легко.

— Вы изъ чающихъ воды?—спросила она его, и глаза ея зло моргнули.

— Какъ это?

Рынинъ точно будто не понялъ сразу; но краска выступила у него на щекахъ, оставшаяся незамѣтной въ полусвѣтѣ комнаты.

— Ждете очереди?

Игривый тонъ не шелъ къ ея широкой, сырой фигурѣ; но въ звукѣ голоса была не малая изва.

Не трудно было Рынину и разсердиться, но онъ не желалъ не только показать, что она его задѣла, даже и внутренне почувствовать какую-нибудь обиду.

— Если хотите, да,—отвѣтилъ онъ просто.—Для каждаго, кто начинаетъ, Петербургъ—обязательная пріемная. Всѣ ждутъ! Однихъ пригласять въ кабинетъ сейчасъ же; другіе постоятъ и потерпятъ.

— Вы сюда ѣздите, стало-быть, присмотрѣться къ... отставнымъ? — сказала она съ нѣкоторымъ усиліемъ. — А не правда ли, говорятъ все:— „въ Россіи нѣтъ никакихъ партій“? Это вздоръ! Развѣ и у насъ нѣтъ: la hausse et la baisse внутренней политики? Или вы, быть-можетъ, не допускаете, чтобы въ Россіи было что-нибудь на западный образецъ? Теперь только и слышишь вездѣ: „намъ того не нужно, намъ этого не нужно, мы совсѣмъ не Европа, мы—Азія, и наше единственное призваніе—смотреть на Востокъ“. Вы не раздѣляете такого взгляда?

Она положила ногу на ногу и вызывающе посмотрѣла на него.

— Это слишкомъ мудреный вопросъ,—сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Гдѣ же мнѣ его рѣшать? И сейчасъ же! Только мнѣ думается, что здѣсь, въ Петербургѣ, всѣ взгляды на Россію—что-то въ родѣ оптического обмана...

— Не новая мысль; но, положимъ, и такъ—откуда же смотрѣть на свое отечество? Непремѣнно изъ Москвы, со Страстного бульвара, или какъ, бишь, ее... эту улицу?.. Вы навѣрно тамъ бывали?

Рынинъ не подсказалъ ей улицы, и лицомъ своимъ далъ ей почувствовать, что онъ и скрываться отъ нея не желаетъ, да и картъ своихъ выкладывать—также.

Разговоръ пошелъ въ этомъ неискреннемъ направленіи. Они уже терпѣть не могли другъ друга, и ихъ глаза не лгали. Вдаваться въ споръ Рынинъ счелъ бы рискованнымъ. Хоть онъ не признавалъ за женщинами ни идей, ни настоящего ума, онъ всегда боялся оказаться недостаточно начитаннымъ. А женщина, всякая, не то что ужъ такая проводительница дѣлъ, сейчасъ начнетъ дѣлать сноски, экзаменовать насчетъ авторовъ. У нихъ всегда есть время читать книжки, и языковъ онѣ больше знаютъ.

Но эта напряженная бесѣда съ барыней вызвала въ немъ мысль о томъ, что вѣдь его жена, Зина, право, могла бы говорить то же самое, или противоположное, при небольшой дрессировкѣ. У него, Рынина, свой скептический взглядъ на женскую голову; не всѣ такъ смотрятъ. Вѣдь несомнѣнно, что такая вотъ „баба-жоха“ играла роль, да и теперь еще денежные дѣла не безвыгодно пускать черезъ нее. Да и она ли одна въ Петербургѣ? Мужчины слишкомъ стали дрянны; ничтожныя натуршкы ищутъ преобладанія женщинъ. И вотъ такая

барыня—безъ красоты, кое-чего начитавшаяся, съ нюхомъ, съ ловкостью и при видномъ мужѣ или другѣ, можетъ сплотить цѣлый кружокъ. Въ дѣлахъ это—все! Это и есть „русская партія“: другихъ у насъ нѣтъ.

Зина весьма неглупа, оригинальна, съ мужчинами умѣла и въ дѣвицахъ говорить находчиво и рѣзко. И, при ея наружности, тонѣ, туалетахъ, она могла бы быть блестящей хозяйкой вліятельной гостиной. Богъ дастъ, она поумнѣетъ, надоѣстъ ей жить такъ, какъ она теперь живетъ. Модничанье можетъ перейти въ высшее тщеславіе, хоть отъ скуки. А умничать онъ ей не дастъ.

Этотъ рядъ мыслей проходилъ въ его головѣ между фразами, которыя онъ выговаривалъ вслухъ или какъ будто слушая свою собесѣдницу. Она, какъ личность, уже болѣе не интересовала его. Этотъ „фасонъ“ онъ уже зналъ, и такія точно мысли и фразы слышалъ отъ мужчинъ; только у всякой бабы выходитъ, какъ будто она это сама сочинила: до такой степени мужчины привыкли слышать отъ женщинъ одну болтовню.

— Къ себѣ я васъ не приглашаю, — сказала ему барыня, и встала съ мѣста. — Вамъ у меня будетъ... не занимательно... Вы, я вижу, новый человекъ, а мои пріатели все больше—защитные.

— Вы это говорите такимъ тономъ, — позволилъ себѣ остановить ее Рынинъ, — что думаете совсѣмъ по-другому.

— Будто?

— И, быть-можетъ, вы и правы. У насъ нельзя сказать, что всплываетъ опять наверхъ... Помните у Грибоѣдова...

„...знать, время не приспѣло,
А что безъ нихъ не обойдется дѣло!“

Онъ не удержался отъ своего смѣха сквозь зубы.

— Vous êtes méchant! — сказала ему барыня, — c'est bon pour la lutte.

И, съ довольно важнымъ поклономъ, удалилась.

Рынинъ подошелъ на минуту къ камину и облокотился о него. Мимо, изъ столовой въ большую гостиную и въ другую сторону проходили гости. Онъ спросилъ себя: не напрасно ли онъ немного посчитался съ той „бабой“? Вѣдь, кто ее знаетъ, она, можетъ-быть, и очень пригодится. Кто знаетъ: и „бывшіе“, и тѣ, что „не у дѣлъ“, не всѣ, а одинъ-другой могутъ опять очутиться „у дѣлъ“. Онъ тоже, въ эту минуту, въ домѣ одного изъ та-

кихъ очутившихся „заштатными“, какъ называла барыня. Однако, сколько народа сюда ѣздить, и всё почти безъ исключенія—служащiе. Вонъ сколько военныхъ; и штатскiе всё, до безбородыхъ молодыхъ лицъ, всё на службѣ. И летать они сюда ужъ, конечно, не затѣмъ, чтобы любовныя дѣла обдѣлывать. Если они и ухаживаютъ, такъ за пожилыми дамами или за старухами съ тономъ и вѣсомъ.

„Кто знаетъ!“—въ третiй разъ повторилъ онъ мысленно, но все-таки не упрекнулъ себя въ безтактности или въ томъ, что слишкомъ показалъ свои карты этой барынѣ. Уже то, что она говорила съ нимъ на особый ладъ, вовсе не какъ съ первымъ попавшимся военнымъ молодыхъ лѣтъ, что-нибудь да значило. Она, стало, почувла уже въ немъ кое-что побольше полковника, носившаго прежде бѣлую фуражку. Но и онъ, съ своей стороны, хорошо сдѣлалъ, что хотъ и не выполнѣ, а показать ей, съ кѣмъ она разговаривала. Даже если бъ и всплылъ опять кто-нибудь изъ ея прiятелей, нужды нѣтъ, это будетъ временная удача; будущее—за такими, какъ онъ.

И ему представлялась вотъ такая же квартира, еще обширнѣе. Весь этотъ людъ у него, на его субботахъ; ему уже подъ пятьдесятъ, онъ наверху своего поприща. Всѣ улыбаются, кланяются, жмутъ руку, поддакиваютъ всему, что онъ скажетъ. Верхъ петербургскаго влiянiя и власти!

Но такъ ли это соблазнительно? Полно, нужна ли ему вотъ такая свѣтская декорация, которая остается почти одинаковой у настоящаго „патрона“ и у бывшаго, находящагося „не у дѣлъ“?

Нѣтъ, онъ чувствовалъ равнодушiе собственно къ свѣтской обстановкѣ. Не на это положить онъ свою душу. Это только неизбѣжный аксессуаръ, въ которомъ его Зина могла бы сослужить ему службу. Вѣдь онъ тогда, черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ, еще больше убѣдится въ ничтожествѣ и мелкотѣ окружающихъ, въ томъ, какъ они бродятъ безъ царя въ головѣ, здѣсь, въ этомъ Петербургѣ. Не это будетъ наполнять его высокимъ сладострастiемъ, а сознанiе своей силы, характера, идеи, ума. Или онъ ошибается, или онъ правъ въ пониманiи того, что нужно его отечеству. Если не ошибается, и самое высшее влiянiе будетъ въ его рукахъ,—какой еще побѣды, какого больше духовнаго наслажденiя?..

За другими двумя военными сталъ онъ протискиваться въ столовую. Хозяинъ, самъ въ мундирѣ, для приданія своимъ раутамъ тона, весело говорилъ съ двумя пожилыми дамами. Безпечивѣ выраженія лица трудно было выбрать въ эту минуту.

Такимъ онъ, Рынинъ, конечно бы, не могъ или не сумѣлъ бы казаться, если бъ онъ такъ споткнулся...

„Не дипломатія это,—думалъ онъ,—не сила воли; просто легкость нрава... Ему только бы гдѣ-нибудь и съ кѣмъ-нибудь поболтать“.

Жену его, хозяйку дома, оставшуюся въ гостиной, Рынинъ считалъ гораздо умнѣе и честолюбивѣе, опять-таки насколько можетъ быть умна женщина, на его взглядъ...

Къ хозяину надо было подойти. Онъ еще не успѣлъ этого сдѣлать. Да и тутъ, въ тѣснотѣ, не совсѣмъ было удобно. Тотъ его замѣтилъ, когда обернулся въ направленіи дверей. Рынинъ на полголовы былъ выше почти всѣхъ.

— Очень радъ! — приласкалъ его хозяинъ, и подаль всю ладонь.

И въ этомъ звукѣ—Рынину такъ показалось—слышно было вниманіе къ человеку, который пойдетъ и пригодится со временемъ.

— Будете въ нашемъ засѣданіи?—спросилъ онъ вдругъ Рынина, обернувшись къ нему опять, точно онъ сейчасъ вспомнилъ о чемъ-то.

Онъ председательствовалъ въ обществѣ, гдѣ Рынинъ считался очень свѣдущимъ по части порядковъ за Балканами.

Дамы овладѣли хозяиномъ. Рынинъ пробирался дальше. Знакомыхъ онъ находилъ очень мало. Отъ Петербурга онъ поотсталъ, а въ нѣкоторыя гостинныя и строевыя офицеромъ не былъ вхожъ. Но весь этотъ „людь“ (такъ онъ называлъ) ничего не прибавитъ ему, даже если бъ онъ и со всѣми раскланивался, и вездѣ бывалъ. Теперь ему надо держаться двухъ-трехъ гостиныхъ—онъ знаетъ, какихъ.

Ужъ, конечно, не салона вонъ той старѣющей грѣшницы, проводящей зимы въ Петербургѣ, послѣ того, какъ она всѣмъ надобла за границей. Что онъ у нея забылъ? Какъ она ни пыжится, ни болтаетъ, ни собираетъ къ себѣ въ гостиную всякихъ „знаменитостей“, но ничего изъ этого не выходитъ.

„Спѣта, матушка, и твоя пѣсенка, спѣта!“ — говорилъ Рынинъ, поглядывая на нее съ того мѣста, куда онъ дошелъ наконецъ, и взялъ себѣ рюмку мадеры и сандвичъ.

До него долетѣлъ изъ толпы рѣзковатый голосъ той барыни. Она такъ и сыпала французскими фразами. Имена ея парижскихъ друзей то и дѣло выскакивали.

„Ладно, — проговорилъ онъ про себя, — мели безъ помолу! Какъ ты ни хлопотала объ этомъ, а тебя даже и за свѣтскую шпионку перестали принимать за границей; ты бы и на томъ помирилась, только бы за что-нибудь принимали тебя“.

Не пойдетъ онъ и къ той, вонъ, толстухѣ, снѣдаемой тоже жаждой общественной роли. Ее, какъ пушку, чѣмъ ни заряди, она противъ кого угодно выпалить! Двадцать лѣтъ мѣшала она свои любовныя дѣла съ благотворительными, отъ любовныхъ дѣлъ должна была, за негодностью, отказаться, да и какъ „*dame-patronesse*“ потеряла уже кредитъ, а все еще выпаливаетъ, чѣмъ ее ни заряди.

Такъ безцеремонно и зло раздумывалъ онъ, съ рюмкой въ рукахъ, среди гула и толкотни столовой, гдѣ сдѣлалось уже немного попросторнѣе. Нѣтъ, въ такія гостинныя онъ не будетъ ѣздить. Всѣ эти старыя грѣшницы, какъ онъ ихъ разумѣлъ, такія же „бонапартистки“, какъ и та княгиня, при которой состояла когда-то добровольной чтицей его жена. Изъ той же „военно-исправительной роты“, какъ онъ называлъ по-офицерски. Если бъ онъ сбросили съ себя и свой теперешній мундиръ оппозиціи и либеральныхъ идей, онъ бы и тогда не взялъ ихъ себѣ ни въ тѣтенки по части карьеры, ни въ простыя исполнительницы.

Глаза его выбрали въ толпѣ длинную, худощавую фигуру иностраннаго дипломата, съ которымъ онъ былъ немного знакомъ. И къ нему онъ не станетъ ѣздить! Да не то что къ нему, да и къ болѣе дѣльнымъ, чѣмъ этотъ высохшій отставной красавецъ, торчащій у всѣхъ барынекъ легкихъ нравовъ. Ему особенно пріятно, что теперь вся эта братья не играла даже тутъ, въ Петербургѣ, никакой роли. Нечего передъ ними прыгать! Молодые люди, секретари, всякіе *attaché*, пускай себѣ остаются той же пустельгой. Это гораздо лучше, чѣмъ предательская дѣльность двоихъ-троихъ нѣмцевъ, черезчуръ много знающихъ. И къ тѣмъ онъ заѣзжать не будетъ, хоть и знакомъ со всѣми.

Вотъ это хорошо, что передъ ними теперь не прыгаютъ. Къ дипломатѣ, и къ чужой, и къ своей, у него было смѣшанное чувство пренебреженія и непріязни. Не-нужная мебель, умишки, способные испортить всякое дѣло, гдѣ замѣшаны истинные интересы родины... И чужіе-то болтаются зря, когда не служатъ соглядателями, даромъ получаютъ жалованье, отводить глаза отъ настоящихъ потребностей государства. Изъ всѣхъ дипломатовъ его лѣтъ знавалъ онъ одного американца, — о нѣмцахъ Рынинъ не хотѣлъ и думать, — дѣйствительно дѣльнаго; такъ тотъ смотритъ на всю Европу какъ настоящій янки. Его отечеству ни тепло, ни холодно отъ того, что для русскаго патріота — дѣло первой важности...

У буфета стало еще просторнѣе. Рынинъ не хотѣлъ больше толкаться ни тутъ, ни въ большой гостиной. День его былъ черезчуръ наполненъ. Онъ почувствовалъ утомленіе въ спинѣ и въ груди отъ визитовъ, съ длинными приѣмами, отъ обѣда и раута. Ему теперь захотѣлось сбросить съ себя это петербургское дежурство. Да и слишкомъ много насмотрѣлся онъ, именно сегодня, на такихъ же „чающихъ“, какъ и онъ самъ. Всѣхъ онъ, болѣе или менѣе, презиралъ, потому что не вѣрилъ въ нихъ, не признавалъ за ними ничего, кромѣ стремленія къ окладу. И бритыя лица, и съ бакенбардами, и бородатыя, въ вицмундирахъ, фракахъ, военныхъ кафтаныхъ, въ аксельбантахъ и толстыхъ жилетахъ, — всѣ одинаково были ему прѣсны и безвкусны подъ конецъ этого дня, такъ набитаго петербургской сутолокой.

И его никуда не тянуло, гдѣ бы онъ могъ отдаться какой-нибудь страсти или любимому развлеченію. Онъ не игралъ. Ему не пужно было пріятельской компаніи за веселымъ ужиномъ, ни кутежа съ женщинами.

И „очага“ у него не было. Онъ живетъ въ разныхъ номерахъ съ женой, точно два холостяка; она его не ждетъ, теперь должна уже быть въ постели. Ихъ брачная жизнь складывается такъ странно; такъ мало можетъ онъ считать себя мужемъ...

Его потянуло, однако, домой, въ холостой номеръ отеля. Изъ большой гостиной онъ, не прощаясь, вслѣдъ за нѣсколькими мужчинами, перешелъ, черезъ узкую комнатку, на лѣстницу. Спускался онъ позади двухъ господъ во фракахъ со звѣздами, изъ такихъ, которыхъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ называетъ „чинушій“. Ихъ лица.

походка, воротнички давали ему заключительную ноту всего дня, проведеннаго имъ въ каретѣ, въ пріемныхъ, въ дѣловыхъ кабинетахъ, столовыхъ и салонахъ.

Оба господина со звѣздами говорили о питьѣ въ ледяной ступѣ.

— Настоящее ли? — усомнился одинъ изъ нихъ насчетъ вина.

— Красное, пополамъ съ голицынскимъ.

— Говорятъ, очень недурное вино... Я не пивалъ его такъ, просто, безъ примѣси.

— Дорого для русскаго шампанскаго!

Въ швейцарской разговоръ о голицынскомъ шампанскомъ смолкъ.

Рынинъ подумалъ: „смѣсь краснаго съ голицынскимъ“ — вотъ петербургское „situation“, которую онъ пожелалъ бы опредѣлить.

Было около часу, когда карета Рынина въѣхала подъ ворота „Европейской“ гостиницы. Ночной швейцаръ впустилъ его.

— Моя жена вернулась? — спросилъ онъ.

— Ихъ ключъ наверху, — отвѣтилъ швейцаръ. — Тамъ дѣвушка...

Рынинъ поднялся въ коридоръ бель-этажа. Ему захотѣлось проститься съ Зиной передъ уходомъ въ свой номеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ они въ Петербургѣ, онъ этого ни разу не дѣлалъ. Зина ложилась раньше его. Но тутъ онъ подумалъ, что, вѣроятно, она еще не легла. Можетъ-быть, Снѣткинъ пилъ у нея чай.

Зина жила черезъ нѣсколько номеровъ отъ его помѣщенія. Онъ подошелъ къ номеру двадцать шестому; внутри — свѣтъ въ передней и ключъ въ двери.

Въ передней — никого, и нѣтъ шубы на вѣшалкѣ.

— Wer da? — окликнулъ изъ боковой комнаты голосъ Милли.

— Ich, — отвѣтилъ онъ, удивленный.

Милли выскочила къ нему, немного заспанная. Барыня еще не возвращалась; уѣхала съ молодымъ господиномъ, тотчасъ послѣ обѣда. Докладывая объ этомъ, нѣмка начала путаться. Это его разсердило.

— Ну, хорошо! — не дослушавъ онъ ея и вошелъ въ гостиную, гдѣ догорала лампа.

Заглянувъ онъ мелькомъ въ спальню. Она была темная. Въ пальто и шапкѣ постоялъ онъ нѣсколько секундъ по-

среди́тъ гости́ной и вы́шелъ, сказа́лъ то́лько горни́чной, чтобы́ вы́несли ла́мпу, ина́че оста́нется запа́хъ.

Къ себѣ онъ пришелъ нахмуренный. Человѣкъ его спалъ отдѣльно. Онъ за нимъ не сталъ посылать, сбросилъ съ себя мундиръ, и въ панталонахъ и рубашкѣ долго ходилъ по первой комнатѣ, гораздо скромнѣе отдѣланной, чѣмъ у Зины.

Она, стало-быть, ужинаетъ со Снѣткинымъ... и съ тѣми двумя мальчишками, о которыхъ онъ говорилъ. Съ какой стати? Послѣ такой болѣзни, два мѣсяца послѣ смерти матери — причины Зининой болѣзни онъ не зналъ — и, вдругъ, накинуться сейчасъ на петербургское вивѣрство, съ хлыщами... въ какомъ-нибудь кабаѣ?.. Ужъ не на островахъ ли, у цыганъ?..

Виновать самъ!.. Распустилъ, размякъ, во время ея тифа, въ Москвѣ. Его женѣ совсѣмъ ужъ не пристало попадать въ отдѣльные кабинеты...

Онъ такъ задумался, что проходилъ больше получаса. И какъ онъ не отговорилъ Зину и въ циркъ-то ѣхать со Снѣткинымъ? Положимъ, настоящій трауръ она сама не пожелала носить, да и мало ее знаютъ въ городѣ; но все-таки это была непростительная слабость съ его стороны.

Не раздѣваясь, прилегъ онъ на кушетку, около столика, куда поставилъ свѣчу, и взялъ книгу. Сначала онъ читалъ довольно внимательно; посмотрѣлъ на часы: прошло всего двадцать минутъ, уже безъ пяти два. Отелъ весь замеръ. Беззвучно чувствовался коридоръ, тамъ, за двойными дверьми комнаты и передней. Раздались глухіе шаги, мужскіе, тяжелые. И опять все замерло.

Это жданье показалось Рынину унизительнымъ. Дѣло очевидное: они кутятъ, ужинаютъ; ему надо завтра быть у обѣдни въ одной домово́й церкви, и онъ не желаетъ имѣть заспанный видъ.

Свѣчу перенесъ онъ въ спальню, скоро раздѣлся и легъ въ постель. Читать онъ больше не будетъ. Когда темнота обволокла его, Рынинъ повернулся къ стѣнѣ, тотчасъ же закрылъ вѣки и сталъ усиленно отгонять всякія тревожныя и непріятныя мысли.

Но сонъ не шелъ. Онъ пробовалъ даже начать считать: „разъ, два, три“—до ста. Совсѣмъ отлетѣлъ сонъ; слухъ все изощрялся. Онъ, противъ желанія, прислушивался къ тишинѣ отеля. Внизу два раза отворяли дверь. По лѣстницѣ поднимался кто-то, навѣрно вдвоемъ: мужчина

съ дамой. Можно было различить женскій, молодой голосъ. Но Зина должна была пройти мимо его номера. Въ его сторону никто не проходилъ.

Такъ лежалъ онъ, по крайней мѣрѣ, полчаса. Недовольство собою заново овладѣло имъ. Вся отвѣтственность за такую выходку жены лежала на немъ, на мужѣ.

Это обвиненіе „мужа“ повело его мысль дальше. Его женитьба, въ первый разъ, въ эту ночь, представилась ему въ видѣ больше чѣмъ годового итога. Онъ—мужъ... Но развѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, есть супружеская жизнь?

Никакой!.. Даже подобія того, что люди ищутъ въ бракѣ. Жена его не любитъ. Только силой добился онъ того, что она перестала ему выказывать отвращеніе. Съ самаго выздоровленія Зины они живутъ какъ товарищи или, лучше, какъ компаньоны. Между ними—родъ перемирія, вовсе не миръ. Она поуспокоилась и, кажется, стала менѣе истеричной—и только. Ни къ чему онъ ее еще не приучилъ серьезному. Да, сдается ему, и прежнее ея преломленіе передъ стилемъ, свѣтскость заграничной готтеизе тоже уходитъ. Она можетъ сдѣлаться просто скупающей, кутящей барыней. Не даромъ она—родная дочь Мартына Ногайцева. Кутежъ поведетъ за собой и распущенность. Подвернется какой-нибудь фатъ... тотъ же Снѣткинъ...

„Неужели, — продолжалъ допрашивать себя Рынинъ, — только на ея приданомъ женился я?.. Нѣтъ!“ — чуть не вслухъ крикнулъ онъ. — „Это неправда!..“ Онъ могъ найти себѣ партію, могъ выкупить свое Ширяево, взять въ Москвѣ невѣсту—простую, но строго держанную дѣвушку, хотя бы и купческаго рода... Да и какой же „родъ“ у Зины? Всѣ знали, что она—бывшая побочная дочь, уже взрослой дѣвушкой не имѣвшая имени... Зарвался онъ своимъ мужскимъ тщеславіемъ, захотѣлось пересилить „шалъную бабенку“, показать себя какимъ-то героемъ изъ „Укрощенія строптивой“. Больше ничего и нѣтъ.

Никогда еще не спрашивалъ онъ себя съ такой ясностью головы и безстрастіемъ: какое у него чувство къ женѣ? Съ ея болѣзни она не привлекаетъ его теперь и какъ женщина. Со стриженной головой она смотритъ мальчишески. Нѣжности онъ къ ней никогда не имѣлъ. Она не умѣетъ, да и не хочетъ тронуть его сердце; ни одного ласковаго слова не слышалъ онъ отъ нея.

И все это онъ выносилъ и выносилъ, до сихъ поръ, добровольно.

Что же подъ этимъ? Вѣроятно, что-нибудь да есть. Будутъ ли дѣти?.. Врядъ ли... Съ этимъ онъ почти помирился. Если не будутъ—къ чему же сведется совѣстная жизнь? Но не самъ ли онъ виноватъ? Не слишкомъ ли онъ уходилъ, да и теперь уходитъ въ свое мужское самообладаніе и спокойствіе, въ сознаніе превосходства надъ другими мужчинами!..

Приравнивать хоть немного Зину къ кому бы то ни было не пришло ему ни разу на умъ. И онъ совсѣмъ вѣдь не знаетъ, чтó у нея на сердцѣ, такая ли она теперь, какая была въ Ширяевѣ.

Ему вспомнилось лицо князя Рязскаго, его первый визитъ, то, какъ держала себя Зина, ея туалетъ въ тотъ день, когда они его ждали завтракать и обѣдать; особенный тонъ, какимъ она про него говорила, чтó-то такое, чтó противорѣчило ея возбужденности. А въ его отсутствіе? Что тамъ было? Видались они или нѣтъ? Онъ у нея ни разу не спрашивалъ.

Пробило три часа. Рынинъ такъ сильно перевернулся въ постели, что она хрустнула. Кутежъ? До четвертаго часа! Онъ не хотѣлъ больше ждать ни одной минуты, но сонъ отлетѣлъ совсѣмъ.

Вотъ слышны шаги: да, это навѣрно она!.. Всклещи кто-нибудь идти и нести свѣчу. Прислуга будетъ знать, что госпожа Рынина возвращается одна, послѣ барина, можетъ-быть, еще съ провожатымъ... Да, мужской голосъ. Только не Снѣткинъ...

Еще немного—Рынинъ вскочилъ бы и сталъ одѣваться. Проходить мимо его двери...

На такомъ ужинѣ Зина, навѣрно, пила и шампанское, и любимые свои ликеры. Послѣ болѣзни она стала забывать свои „аглицкія“ привычки; но съ такимъ молодцомъ, какъ Снѣткинъ, онъ могутъ вернуться.

Звуки шаговъ затихли въ нѣсколькихъ аршинахъ. Это—она.

Пойти къ ней сейчасъ? Сдѣлать сцену? Рынинъ отвѣтилъ: „Нѣтъ!.. Завтра!“—И успокоился.

Идти просто, на правахъ мужа, онъ тоже не захотѣлъ. Ему не слѣдуетъ показывать ей, что онъ слѣдитъ, слушаетъ, дожидается ея возвращенія. Только такимъ ничкамъ онъ положить конецъ.

Щелкнулъ ключъ изнутри, очень звонко. Это заперлась Зина или ея вѣмка повернула такъ ключъ.

И ничего бы такого онъ не испытывалъ, если бы настоялъ на одномъ помѣщеніи, на одной спальнѣ, мѣнѣе бы деликатничалъ съ ней, на томъ основаніи, что у нея былъ опасный тифъ.

Его порядочности она не оцѣнить и не пойметъ. Онъ для нея не что иное, какъ „roublard“—все то же слово, въ которомъ она сосредоточила, когда-то, всю его душевную жизнь. Слово это вырвалось у нея во время ихъ схватокъ въ деревнѣ. Оно ему было памятно еще въ Петергофѣ, гдѣ пустила его старая „бонапартистка“, княгиня Трубчевская, первая руководительница его жены, мастерица давать прозвища и проникать въ чужія души.

— Ну ее къ чорту! — выбранился вслухъ Рынинъ, когда въ его памяти всплыло лицо княгини.

Онъ повернулся въ послѣдній разъ и сталъ засыпать.

IV.

Давно уже Зина не просыпалась съ тяжелой головой, послѣ почнаго кутежа. За границей случались кутильные обѣды и ужины. Къ вину и ликерамъ она тамъ привыкла, но никогда не сидѣла она такъ долго за столомъ.

Какая дикая ночь! Совершенно петербургская! Ей и смѣшно, и немножко жутко перебирать въ головѣ своей всѣ эпизоды вчерашняго пикника. Она долго оставалась въ постели, ожидая мигрени; но настоящая мигрень не являлась. И тяжесть головы начала немножко опадать, послѣ компресса изъ ароматическаго уксуса.

А вѣдь она-таки поужинала, въ „Самаркандѣ“, съ русскими „irrégulières“. Долго катались они втроемъ по островамъ; часовъ около двѣнадцати взяли наверху большой кабинетъ въ ресторани; позваны были пыгане и заказанъ ужинъ. Потомъ пріѣхали „ces dames“ съ провожатымъ. Ихъ все-таки Шварцъ предупредилъ. Когда онѣ входили, Сибѣкинъ указалъ ей глазами на свою Надю. Она, блондинка, маленькая, широкая въ плечахъ, съ лицомъ красивой швеи, точно и теперь стоитъ передъ нею и смотритъ своими большими, страшными, не то злыми, не то безумными глазами, въ такомъ же странномъ туалетѣ, парижскаго, однако, покроя, вся въ лентахъ и разноцвѣтныхъ шу, перетянутая, съ полуоткрытыми руками, твердыми и бѣлыми, какъ у акробатки. Пріятельница ея —

Машенька, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ наружно-стью молодой трагической аетрисы; густыя брови, тонкій греческій носъ, сѣрые строговатыя глаза: дѣйствительно, большая distinction. Обѣ онѣ сначала немного смутились. Разговоръ пошелъ по-русски, но Надя вставляла французскія слова. У Машеньки былъ особенный, провинціальныи выговоръ, который Зинѣ еще не случалось слышать.

Цыгане пропѣли свои десять или пятнадцать пѣсенъ. Разносили шампанское. Обѣ пріятельницы сидѣли, все время пѣнія, довольно чопорно, и больше шептались между собою или отвѣчали на короткія шутки Шварца и Кремлева. Машенька не смотрѣла тѣмъ, что она была. Надю трудно было принять за что-либо другое. Машенька ничего не пила. Надя еще до ужина выпила нѣсколько стакановъ шампанскаго съ сельтерской водой. Снѣткинъ, какъ только она пріѣхала, сталъ иначе держать себя: тихо улыбался, поглядывалъ на нее издали, раза два спросилъ Зину:

— Comment la trouvez-vous?

На что она ему всякій разъ отвѣчала:

— Mais très bien...

И Снѣткинъ жалъ ей руку съ чувствомъ. Онъ былъ сильно увлеченъ и терялъ обыкновенный тонъ, увѣренность, видимо побаивался своей Нади. Ей такъ забавна казалась любовь, въ лицѣ этого красиваго и умнаго малаго, влюбленнаго въ такую ординарную русскую кокетку. „Вотъ,—говорила она себѣ, глядя на нихъ обоихъ,—вѣдь и я была похожа на Снѣткина, когда терялась при князѣ Рязскомъ, когда у меня туманилось въ головѣ, я замирала и готова была броситься на него съ ножомъ за то, что онъ меня не взялъ за талью и не поцѣловалъ“.

На мѣстѣ Снѣткина, она лучше выбрала бы одну изъ солистокъ-цыганокъ, ту въ особенности, про которую Шварцъ и Кремлевъ все ей рассказывали. Она по крайней мѣрѣ была своего рода знаменитость, еще съ остатками оригинальной красоты; правда, бѣлилась и румянилась, но вечеромъ, при свѣчахъ, это къ ней шло. Какая у нея изящная манера держать себя и прекрасный темный туалетъ съ гирляндой живыхъ цвѣтовъ сбоку корсажа. Другая солистка — худая, отцвѣтшая дѣвушка, съ большимъ, породистымъ цыганскимъ лицомъ, говорила съ мужчинами такъ неглубоко и порядочно, что Зина заинте-

ресовалась ею и пожелала, чтобы обѣ цыганки были приглашены ужинать.

Удалился хоръ, вернулись старухи и попросили „на чай“; пришли назадъ и басы и попросили на что-то еще. За ужиномъ Надя вдругъ разошлась, стала дурачиться, передразнивать разныхъ русскихъ актрисъ и опереточныхъ пѣвицъ; съ полчаса была очень забавна, хоть и слишкомъ шумна. Цыганки сдержанно смѣялись; но за ними пришли — звать ихъ пѣть. Снѣткинъ взглядывалъ все на Зину, ища ея одобренія. Шварцъ и Кремлевъ хотали. Машенька ничего не ѣла и почти ничего не пила. Надя вдругъ стала заставлять ее пить. Та не соглашалась... Тутъ и пошло!..

Присутствіе Зины Надя совсѣмъ забыла. Блѣдность щекъ и злые глаза показывали, что вино разобрало ее. Она начала говорить ужасныя вещи Машенькѣ. Та ударилась въ слезы. Снѣткинъ сталъ утѣшать. Это только подлило масла. Надя накинулась и на него — и полетѣли тутъ такіе возгласы, слова и выраженія, которыхъ Зина отъ роду не слыхала. Но она не испугалась. Она желала узнать, что изъ этого выйдетъ, чѣмъ это можетъ кончиться. Шварцъ и Кремлевъ перестали улыбаться и сидѣли растерянные. Машенька зарыдала, съ ней сдѣлалась истерика. Ее отвели въ сосѣдній кабинетъ и положили на диванъ.

Снѣткинъ не зналъ, какъ ему разорваться, просилъ извиненія у Зины, предлагалъ ей сейчасъ же ѣхать, упрашивалъ Надю, хотѣлъ увести ее насильно внизъ, но она не шла и вдругъ крикнула ему на весь верхній этажъ ресторана:

— Я знаю, ты меня стращать будешь, что застрѣлишься. Отдай мнѣ револьверъ, слышишь?!

Зина сидѣла въ большой комнатѣ, гдѣ ужинали, и въ отворенную дверь видѣла и слышала то, что происходило въ коридорѣ.

— Прикажете подать тройку? — спросилъ ее испуганно Кремлевъ.

Шварцъ хлопоталъ около Машеньки.

Она опять отказалась и все повторяла про себя:

— Чѣмъ же кончится?

Надя кинулась вдогонку за Снѣткинымъ и въ концѣ коридора схватила его за бортъ визитки. Зина подумала, что они подерутся. Они и стали какъ бы бороться. Снѣт-

кинъ отталкивалъ ее. Надя шарила руками по его карманамъ и, наконецъ, выхватила изъ бокового кармана визитки небольшой револьверъ - бульдогъ, отскочила и крикнула:

— Ты меня не страшай больше! Гадость какая!

Зина помнила прекрасно, какъ она вбѣжала въ кабинетъ, прямо къ окну, отворила форточку и кинула въ нее револьверъ. Все это взяло не больше двухъ минутъ.

Снѣткинъ вбѣжалъ за нею, красный, пристыженный, и отъ сильнаго волненія почти упалъ на диванъ. Ему совѣстно было взглянуть на Зину. Но она засмѣялась, и этимъ смѣхомъ вызвала въ Надѣ, успѣвшей немного отрезвиться, рѣзкую перемену настроенія.

Надя подошла къ ней съ шутовской миной и, указывая на Снѣткина, сказала, какъ говорятъ бабы и горничныя:

— Матушка-барынька, мы оба безумненькіе, не обезсудьте насъ!

И тотчасъ побѣжала къ Машенькѣ, растормошила ее и привела опять ужинать. Та все еще глотала слезы и держала себя чопорно. И тутъ опять вышла сцена, во второй разъ ужаснѣе. Пришлось разнять обѣихъ пріятельницъ, и Зина хорошенько уже не могла вспомнить, какъ она очутилась въ тройкѣ. Она ѣхала одна со Шварцемъ; Снѣткинъ остался въ ресторанѣ умирать Надю.

— Она его побьетъ!—говорилъ Шварцъ дорогой.—Ему не слѣдовало соглашаться—посылать за ней.

Шварцу было совѣстно за свою даму, но Зина успокоила его и, прощаясь съ нимъ у отеля, весело сказала:

— Je ne regrette rien!

Было уже около четырехъ часовъ.

Зина позвонила. Пора и вставать.

Голова совсѣмъ почти не тяжелая. Это ее порадовало; значитъ, въ самомъ дѣлѣ, ей прибавилось здоровья послѣ тифа? Но для цвѣта лица и свѣжести кожи нельзя себѣ позволять часто такіе пикники. Часто—нѣтъ, но отказываться она ни отъ чего не будетъ.

И тутъ только она вспомнила о мужѣ. Вчера онъ вернулся раньше ея. Можетъ-быть, справился у швейцара? Что жъ! И прекрасно, если справлялся. Онъ могъ легко сообразить, что она поѣхала ужинать. Никакихъ особенныхъ разрѣшеній она у него спрашивать не будетъ. Къ этому пора приучить, да онъ и самъ, кажется, начинаетъ

понимать, что надо иначе устраиваться въ своей супружеской жизни. Этотъ ужинъ въ „Самаркандъ“ можетъ послужить прекраснымъ предлогомъ для рѣшительнаго разговора.

Вошла Милли, все такая же бѣлая и краснощекая, съ роскошной грудью истой вѣнки, въ шелковомъ фартукѣ и свѣтло-сѣромъ платьѣ. Во время болѣзни Зины она перепала въ лицѣ, не спала ночей, но скоро оправилась. Зина къ ней гораздо больше привязалась послѣ тифа и позволяла ей болтать съ собою. Прежнихъ окриковъ Милли уже не слыхала отъ нея.

У Милли Зина спросила о мужѣ. Онъ уѣхалъ рано; но приказалъ сказать, что будетъ къ завтраку „непременно“.

„Желаешь отчета и сдѣлаетъ нотацію“,—подумала Зина, когда умывалась.

Завтракали они въ Петербургѣ очень рѣдко вдвоемъ: Парменій Никитичъ возиращался обыкновенно не раньше двухъ, мѣнялъ мундиръ на сюртукъ и отправлялся опять съ визитами.

Зина выпила чашку чая и тотчасъ занялась туалетомъ; она хотѣла послѣ завтрака ѣхать кататься. Кожа была желтѣе, чѣмъ всѣ эти дни, когда нѣжный цвѣтъ лица Зины замѣчалъ нѣсколько разъ и мужъ. И днемъ сохранилась молоджавость отъ стриженной головы. Право, разъ въ недѣлю можно позволить себѣ „un petit balazar“, какъ говаривала Сосѣ, но не больше.

Отъ своей кухни она, послѣ болѣзни, получила одно письмо изъ Америки и одно изъ Европы. Знала она, что старикъ Кунъ плохъ и вызывалъ дочь проститься съ собою. Очень можетъ быть, что на-дняхъ Сосѣ нагрязнеть. Въ письмахъ ея Зина чувствовала что-то напускное, чего прежде не было. Она хитритъ и скрываетъ изъ самолюбія, изъ нежеланія сознаться, что сдѣлала великую глупость, выйдя, съ такими жертвами, за своего „растакуэра“.

Собственная глупость представилась Зинѣ въ эту минуту—она все еще оправляла на себѣ платье передъ зеркаломъ—гораздо сноснѣе. Быть женой иностранца, да еще Богъ вѣсть какого и откуда—большое неудобство. Только теперь Зина пачала это сознать, и сознаніе явилось само собою, послѣ житья вдвоемъ. Она имъ была довольна.

Завтракать мужъ съ женой сходились въ салонѣ, гдѣ вчера обѣдалъ съ Зиной Спѣткинъ. На этотъ разъ Зина

сама рѣшила подождать Парменія Никитича и приказала доложить ему, какъ онъ только пріѣдетъ, что просить его кушать.

Въ половинѣ перваго Рынинъ вошелъ, въ мундирѣ. Онъ ѣздилъ къ кому-то представляться. На лицѣ его Зина ничего не прочла, кромѣ неопредѣленной усмѣшки; но то, что онъ не перемѣнилъ туалета, показывало ей ясно нетерпѣніе—разспросить поскорѣе, гдѣ она вчера была до такого поздняго часа.

Они пожали другъ другу руки. Такъ они здоровались уже нѣсколько мѣсяцевъ. Только разъ Рынинъ поцѣловалъ у нея руку, когда она начала оправляться и докторъ объявилъ, что опасность окончательно прошла. На глазахъ его она замѣтила тогда слезы, и это впервые заставило ее подумать, что онъ еще не очень жестокъ сердцемъ.

Изъ Петербурга онъ пріѣхалъ тотчасъ же и цѣлыхъ три недѣли находился при ней, вмѣстѣ съ Лукашинымъ и Милли. Болѣзнь и дала ровность ихъ тону.

Первая Зина спросила его, въ которомъ часу онъ вернулся и былъ ли удивленъ, что она еще не возвратилась?

Рынинъ какъ будто ожидалъ такого хода со стороны Зины. Онъ отвѣтилъ также вопросительной фразой:

— А вы, мой другъ, позднеенько?

Разговоръ только при людяхъ шелъ у нихъ по-французски, да и то не всегда. Рынинъ пріучилъ Зину къ русской рѣчи и даже сталъ замѣчать, что она начинаетъ употреблять разныя слова жаргона.

Человѣкъ подалъ имъ и ушелъ.

— Я кутила, — начала Зина, подвигая къ себѣ блюдо котлетъ, — была въ „Самаркандѣ“, слушала цыганъ, ужинала... съ цыганками и даже...

Она остановилась и вскинула на него глазами.

— Съ кѣмъ, Боже мой?—тревожно спросилъ онъ.

— Avec des cocottes...

— Невозможно!

— De maque!—прибавила она все тѣмъ же шутивымъ тономъ.

— Вы дурачитесь?

Рынинъ, дѣйствительно, не хотѣлъ вѣрить.

— Серьезно, честное слово!

Онъ всталъ, съ салфеткой за воротникомъ.

Неужели Снѣткинъ позволилъ себѣ свести ее, жену Парменія Никитича, со своей содержанкой?

Щеки Рынина побурѣли и пошли пятнами. Онъ при-
сѣлъ опять къ столу и положилъ салфетку около тарелки.

— Vous plaisantez... Cela serait trop roide!

Французская фраза вырвалась у него при новомъ по-
явленіи лакея.

— C'était bien drôle...

И она, во-первыхъ, выгородила своего пріятеля. Снѣт-
кинъ и не думалъ предлагать ей знакомство со своей На-
дей. Она сама потребовала этого въ циркѣ; потребовала
потому, что ей было весело и захотѣлось чего-нибудь по-
ваго, въ русскомъ вкусѣ. Она получила больше, чѣмъ
могла мечтать. Не давая ему говорить, Зина съ нѣкото-
рымъ даже актерскимъ талантомъ, какого онъ у нея не
замѣчалъ, описала ему ужинъ, цыганъ, обѣихъ пріятель-
ницъ Надю и Машеньку, выходку Нади, истерику Ма-
шеньки, наконецъ, бѣгство и возню въ коридорѣ и эпи-
зодъ съ револьверомъ.

Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Чтò же это такое? За-
говоръ противъ него? Весь этотъ безобразный кутежъ былъ
устроенъ затѣмъ, чтобы имѣть поводъ къ разрыву?..

Такъ дѣло представилось Рынину, когда Зина остано-
вилась и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за ѣду.

Не сразу нашелъ онъ слово. Но онъ уже приказалъ
себѣ сдержаться, не выдавать своего волненія.

— Ты теперь довольна? — спросилъ онъ шутливо, но
губы у него дрогнули. — Это все программа, завѣщанная
бонапартистками... Галлифе-Пурталесъ!..

— Почему это? — безопасно спросила Зина.

— А какъ же? Вѣдь это про бонапартистокъ ходилъ
извѣстный рассказъ: какъ онѣ послѣ обѣда въ Café Fay-
тѣ хоть съ мужьями были — захотѣли выйти на бульваръ
et faire deux hommes... на пари.

— C'était crâne! — вскричала Зина.

— Такъ-то crâne, — продолжалъ Рынинъ, блѣдный, —
что ихъ сейчасъ же сцапали два инспектора... знаете, та-
кіе есть въ Парижѣ... pour les filles... И если бъ не вмѣ-
шательство мужей, ихъ отправили бы въ St.-Lazar...
Ха-ха!

— Вы, душечка, кажется, сердитесь? — спросила Зина.

Это слово „душечка“ она прежде никогда не употре-
бляла въ разговорахъ съ мужемъ. Рынину оно показалось

съ особеннымъ значеніемъ. Оно было спокойно-пренебрежительное.

— Я не сержусь, мой другъ,—отвѣтилъ онъ и выпрямился, — но согласись: то, что ты себѣ позволила, выходить изъ предѣловъ...

Зина жестомъ прервала его.

— Ахъ, полно, голубчикъ!—слово опять рѣзнуло его:—*Ne fut-ce que comme ballon d'essai!*

— *Un ballon d'essai?*—переспросилъ онъ.

— Ну да! Какъ будто я не знала, что тебя это возмутить... Мнѣ захотѣлось — и я такъ сдѣлала!.. *Je veux m'amuser... et rester femme honnête*; вотъ моя программа. Она гораздо лучше, чѣмъ то, что мы видимъ въ свѣтѣ.

Рынинъ хотѣлъ возразить, но Зина продолжала все въ томъ же веселомъ тонѣ. Она предложила ему — теперь вотъ, въ Петербургѣ, — гдѣ у нея не будетъ такихъ „*défaillances*“, какъ въ Ширавѣ, жить пріятелями и не мѣшать другъ другу. Конечно, ему, человѣку, который дорожить своей репутаціей и добивается виднаго положенія, опасно было бы, если бы его жена рисковала публично себя компрометировать. Но этого не будетъ. Про такой пикникъ, „*un peu fantaisiste*“, самъ Снѣткинъ рассказывать не станетъ, а двумъ своимъ адъютантамъ она прикажетъ молчать. Да если бъ кто изъ нихъ и проболтался, какое ей дѣло!

— Какъ какое дѣло? — уже строго перебилъ Рынинъ, на этотъ разъ не давъ ей договорить. — Если не для него, то хоть для себя, она должна же знать, что допустимо и что отнимаетъ у женщины всякое обаяніе. И передъ кѣмъ такъ марать себя — передъ хлыщами-мальчишками?..

Рынинъ, когда кончалъ свою тираду, увидалъ передъ собою улыбающуюся, и не ядовито, а весело, почти поддѣтски, лицо жены своей... Это его изумило.

— Знать, что допустимо? — повторила она его фразу, и даже его голосомъ. — *Allons donc, mon ami!* Какъ будто это легко для женщины? Мы всѣ немного сумасшедшія... И, право, если ужъ нужно было надо мной наблюдать, такъ не теперь.

Она сказала это съ веселымъ подмигиваніемъ и тихо разсмѣялась.

У Рынина мелькнула мысль: ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ его жена приходитъ въ разстройство? Дѣло возможное. Она — дочь своего отца.

Возражать серьезно онъ не сталъ и выжидалъ, что она дальше будетъ говорить.

— Ты, какъ всё мужа, — продолжала Зина, — узналъ бы послѣдній, что твоя жена...

Она немного остановилась, почти на полусловѣ:—*Enfin, voilà l'histoire!*..

И опять такъ же весело, и даже съ большими шутивными подробностями, рассказала она ему свою деревенскую исторію: какъ налетѣлъ на нее *un coup de passion* къ князю Рязскому, какъ она притворялась и какъ безумствовала. Свою побѣдку къ нему, желаніе броситься на него, ночь въ Ширяевѣ, Москву, кладбище, все...

— *Et bien, mon ami?* — спросила она, когда кончила свой рассказъ, — *qu'en dites-vous maintenant?*

Рынинъ молчалъ.

— И вотъ видишь, — продолжала она по-русски, — тогда ты могъ бы бояться за меня... Но ты слишкомъ былъ занятъ своими дѣлами. Ты и не замѣтилъ. И теперь здорова, и все съ меня слетѣло. И даже я выучилась говорить по-русски. Теперь для меня ни князь Рязскій, да и никакой мужчина не опасенъ!..

Она встала. Поднялся и Рынинъ и отошелъ къ камину. Онъ чувствовалъ, что проигралъ всё свои ходы. Это была не ширяевская сцена, въ гостиной и въ кабинетѣ, когда онъ пригнулъ ее къ креслу, удачно улучивъ минуту физическаго приниженія истерической женщины. И, въ самомъ дѣлѣ, она точно преобразилась. Тифъ освободилъ ее отъ припадковъ, отъ болѣзненной нервности. Она не злилась, не шипитъ, не безумствуетъ; смѣется надъ собой, говоритъ товарищескимъ тономъ, предлагаетъ ему супружество, но не фиктивное, а такое, чтобы каждая половина вела свой образъ жизни. Вѣдь то, что она сейчасъ ему рассказала, была правда! Она могла это скрыть, и не захотѣла: значитъ, она не боится его; да не боится и себя, искренно рада, что не подпадетъ больше обаянію мужчины. Кто знаетъ? Но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь предупрежденъ и долженъ быть благодаренъ судьбѣ, этому святошѣ-князю и натурѣ жены своей за то, что его миновалъ высшій срамъ, какой только мужчина переживаетъ въ званіи мужа.

Всѣ эти мысли быстро смѣнялись въ головѣ Рынина, и ихъ натискъ мѣшалъ ему сказать что-нибудь отъ себя такое, что давало бы заключительную ноту.

— *Sans rancune!*—Зина близко подошла къ нему.—Что было, то прошло. А теперь я вотъ что еще скажу, мой другъ: когда ты сдѣлаешься un haut dignitaire — я погляжу, какъ тогда будетъ; а пока я хочу жить au jour le jour, au gré de ma fantaisie! Идетъ?—спросила она и протянула ему руку.

Ему ничего не оставалось больше, какъ протянуть и свою. Послѣ такой исповѣди, гдѣ не было, съ ея стороны, даже ни одного звука раскаянія за прошлое или извиненія передъ нимъ, законнымъ мужемъ, самое лучшее было ладить съ нею, положиться на ея натуру, для которой мужчина никогда не будетъ играть рѣшительной роли.

„А зачѣмъ тебѣ такая жена? — спросилъ онъ себя въ эту минуту. — Неужели одно упрямство дѣйствуетъ въ тебѣ?“

И ему сдѣлалось ее жалко. Она не возбуждала его чувственности, ему не нужно было ея состоянія, она не особенно лѣстила и его свѣтскому тщеславію, но развестись съ ней онъ не хочетъ по своей волѣ. Если бы онъ не жалѣлъ ее, онъ не простилъ бы ей ни такой ея исповѣди, ни того, какъ она пересилила его сегодня. Его захватили врасплохъ, а ему всегда необходимо было подготовиться; онъ рассчитывалъ, что послѣднее слово останется за нимъ.

— Я хочу прокатиться, — сказала Зина, — у насъ сани или карета?

— Сaney я не приказывалъ. Съ кѣмъ же ты поѣхала бы?

— Ахъ, Боже мой, одна! Или съ тобой! Мнѣ все равно.

Вошелъ человекъ съ депешей на поднось.

— Кому?—спросилъ его Рынинъ.

— Pour madame.

Зина уже схватила депешу и разорвала печать.

— Вотъ это мило! Сосѣ будетъ сегодня! Я не успѣю ее встрѣтить.

— Успѣешь, мой другъ; она изъ-за границы?..

— Да!

— Такъ, стало, съ варшавскимъ поѣздомъ. Онъ приходитъ въ шесть часовъ.

Эта депеша разомъ оборвала нить ихъ объясненія. Рынину нельзя уже было заново начать его. Еще разъ онъ

сказалъ себѣ: „да, меня она пересилила“, и еще разъ ему стало ее жалко.

Зина сейчасъ попросила его распорядиться насчетъ номера въ отелѣ. Сосѣ отмѣтила это въ своей телеграммѣ. Позвали оберъ-кельнера. Въ бель-этажѣ всѣ номера были заняты. Но въ отдѣленіи, съ подъѣздомъ на Большую Итальянскую, свободна цѣлая квартира изъ двухъ спаленъ, салона, передней и комнаты для горничной.

— Съ мужемъ она? — спросилъ Зину Рынинъ, уходя къ себѣ.

— Не знаю. Стоить въ депешѣ только: „Arrive aujourd'hui“.

— Значить, одна.

Они поглядѣли другъ на друга.

— Да ужъ онъ не бросилъ ли ее? — спросилъ Рынинъ.

— Не знаю!

Зина отвѣтила такъ, какъ будто она сама допускала этотъ фактъ.

— А я былъ бы радъ!

— Почему? Сосѣ — сама доброта!

— Не швыряй такъ бракомъ; точно пару туфель съ ногъ долой; одинъ мужъ не нравится — прочь его, другого, выписного попробуемъ! Онъ ее и пустить въ трубу, послѣ смерти старика-отца.

И Рынинъ громко затворилъ за собой дверь. Шпоры его застучали сильнѣе по полу передней и коридора.

Съ депешей въ рукахъ, Зина стояла посреди комнаты, откуда еще прислуга не прибрала стола съ приборами. Она думала о Сосѣ, о ея судьбѣ и о своей теперешней жизни...

Кто выигралъ, кто проигралъ? Въ Ширневѣ она была такъ несчастна, а теперь, кажется, добилаcь своего и начинаетъ находить то, что люди называютъ и по-французски, и по-русски „своей тарелкой“.

У Сосѣ, въ ея помѣщеніи, съ ногами на большомъ турецкомъ диванѣ, послѣ поздняго обѣда — Рынинъ не участвовалъ въ немъ — сидѣли онѣ и курили.

Зина, еще на вокзалѣ желѣзной дороги, нашла въ своей шумной и рваной кузинѣ что-то не то. Софья Германовна, сейчасъ же послѣ объятій и слезъ — это было въ ея натурѣ — въ каретѣ, кинула нѣсколько словъ объ отцѣ, его болѣзни, боязни не застать его въ живыхъ въ Москвѣ, —

но три дня она согласна была провести съ Зиной! — начала допрашивать кузину, какъ она живетъ, счастлива или нѣтъ, не нужна ли ей поддержка ея вѣрной Сосѳ, которую она совсѣмъ забыла; потомъ расплакалась она по поводу тяжелой болѣзни Зины, и опять попеняла за то, что извѣстie объ этомъ пришло къ ней не прямо отъ Рыниныхъ, — черезъ доктора Лукашина. По-дѣтски разсмѣялась она вдругъ, обнимая въ каретѣ Зину, и повторяла:

— Ты жива и здорова! *Voilà qui est tout!*

О себѣ, своихъ планахъ, дѣлахъ, а главное, о своемъ мужѣ — ни слова. На вопросъ Зины:

— А мужъ твой гдѣ?

Сосѳ отвѣтила вскользь:

— Онъ остался тамъ... — и даже не прибавила, гдѣ „тамъ“.

— *Parlons de toi d'abord.*

Эту фразу она повторила нѣсколько разъ по дорогѣ въ отель.

Хоть и въ полусвѣтѣ вокзала и потомъ кареты, Зина разглядѣла ее достаточно. Сосѳ похудѣла во всемъ тѣлѣ, какъ-то вся ссохлась, потемнѣла въ лицѣ, стала говорить хриплымъ голосомъ, отрывисто, безъ прежней яркости звуковъ; только картавость ея осталась все та же. И въ туалетѣ замѣтно было нѣчто новое. Прежняя законченность и строгость стиля куда-то ушли. Зимнее пальто, шляпа и муфта, разныя мелочи дорожнаго костюма были слишкомъ скромны для Сосѳ.

Нѣсколько разъ она вставляла въ свои вопросительныя фразы, обращенныя къ Зинѣ, возгласъ:

— *Il faut faire des économies!..*

Такъ, въ отрывочныхъ разговорахъ, доѣхали онѣ до отеля. За обѣдомъ Сосѳ — пеньюаръ, надѣтый ею, тоже не поражалъ чѣмъ-нибудь особенно новымъ — то вздыхала, то бросалась цѣловать Зину, то рассказывала, безъ всякой связи, про разныя сцены въ Америкѣ, про знакомства въ Лондонѣ, Ниццѣ, Монако.

— Вы играли? — спросила ее Зина, при словѣ „Монако“.

Сосѳ точно не разслыхала вопроса и понеслась дальше: но тонъ ея, къ которому Зина привыкла, какъ къ покрою ея платьевъ и запаху духовъ, былъ не прежній. И это тревожило Зину. Въ ней всплыла къ Сосѳ старая дѣвичья дружба и сознаніе своего превосходства. Одного часа сегодняшней бесѣды довольно было, чтобы это превосход-

ство перешло въ другое, новое чувство, гораздо мягче, теплѣе и спокойнѣе. Сосѡ казалась ей теперь еще болѣе „маленькой“, чѣмъ прежде, скорѣе птицей, чѣмъ человѣкомъ, существомъ, на которое она, Зина, не въ состояніи уже была ни сердиться, ни кричать, какъ, бывало, за границей или въ Петергофѣ.

Послѣ обѣда обѣ сѣли съ ногами на диванъ и закурили. Сосѡ прильнула къ плечу Зины и заплакала, не такъ, какъ при встрѣчѣ и въ каретѣ, тихо, точно крадучись, скрывая слезы. Зина обняла ее, поцѣловала въ лобъ и тономъ старшей, мягко и авторитетно, сказала ей по-русски:

— Сосѡ, ты поймалась!

— Comment?

Сосѡ какъ будто не дослышала. Зина повторила свое слово. Разговоръ пошелъ и дальше по-русски, какъ и прежде бывало, когда онѣ оставались вдвоемъ; теперь Зина уже бойко владѣла рѣчью; у Сосѡ безпрестанно недоставало словъ, и она затыкала эти остановки всякими иностранными словами.

— Онъ тебя бросилъ, или ты его?

— О, нѣтъ!—закричала Сосѡ, выпрямилась и даже перекрестилась.—Клянусь тебѣ!

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Ничего, ничего!

— Какъ ничего?

Но вмѣсто того, чтобы, какъ бывало когда-то, приструнить ее, Зина опять привлекла ее къ себѣ подъ плечо и поцѣловала въ темя продолжительно. Отъ этого поцѣлуя Сосѡ разомлѣла и уже не старалась глотать слезы.

Зина узнала то, что предчувствовала. Мужъ еще не бросилъ Сосѡ, но она сама не знала, что ей дѣлать и какъ ей быть.

— Я не могу его любить! Не могу! — повторяла она, двигаясь своимъ маленькимъ, красивымъ тѣломъ по обширному дивану. — *C'est plus fort que moi!* Ты меня знаешь — я за честность. *La franchise avant tout;* чтобы настоящая... *real affection!* И я всегда была за свободную любовь...

— Ну, онъ ее и показалъ тебѣ—свободную любовь, — съ тихимъ смѣхомъ добавила Зина.

— Послушай!

Сосѡ поднялась на этотъ разъ съ бывалой своей стремительностью.

— Сейчас послѣ свадьбы я ему говорила: „Archibald, ne me trompe pas. Больше ничего. Разлюбилъ—скажи“. Но такъ! Это хуже вышло, чѣмъ у Ожиговыхъ, ты помнишь, тамъ у насъ!

Она было хотѣла въ подробностяхъ нарисовать Зинѣ картину грязныхъ невѣрностей своего „растакуэра“ (теперь и она его такъ называла), но объявила, что это ниже ея достоинства. Какъ скоро обманъ, ложь, „la débauche clandestine“ — любви нѣтъ, брака нѣтъ! И мужъ пересталъ для нея существовать.

— И прекрасно!—вырвалось у Зины.—Брось его, разведись. Онъ иностранецъ. Вы вѣнчались за границей.

Сосѣ вдругъ смолкла. Зина почувала что-то иное и сразу угадала что:

— Онъ тебя обобралъ,—сказала она увѣренно.—Не отпирайся:

— La question d'argent, c'est la moindre des choses.

— Ta-ta-ta, ma chérie,—остановила Зина,— не говори пустяковъ! Въ этомъ все дѣло. Если ты не удержала въ своихъ рукахъ состоянія, ты—ничто! Знай это! И со всѣми, даже и съ честными людьми, не то, что... съ твоимъ... извини меня, авантюристомъ...

Послѣ паузы—Сосѣ сдѣлала надъ собой усиліе—полились новыя признанія, уже по денежной части.

Зина узнала, что мужъ Сосѣ успѣлъ получить отъ нея полную довѣренность, игралъ на биржѣ вездѣ, гдѣ могъ, и въ Лондонѣ, и въ Нью-Йоркѣ, и въ Парижѣ; и тутъ обманывалъ ее, какъ и „sur l'article des femmes“, обманывалъ грубо, какъ глупую дѣвчонку. А она, въ своемъ ослѣпленіи, всему вѣрила.

— Je gobais tout cela comme une vraie oie!—закричала Сосѣ и даже разсмѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Не убивайся! — сказала ей Зина. — И не одна ты дѣлала глупости.

Послѣ биржевой пошла и просто азартная игра. Въ Монако спустили они до ста тысячъ, и когда Сосѣ охладѣла къ этому „saligot“, потребовала отъ него отчета, двѣ трети ея состоянія не существовали. А чтобъ спасти остальную треть—довѣренность она только теперь уничтожила—надо просить „бѣднаго, бѣднаго отца“—Сосѣ опять всплакнула — поддержать ее своимъ кредитомъ, иначе и оставшіяся бумаги придется продать со страшнымъ

убыткомъ или сейчасъ же заплатить „la différence“, наличными.

Разсказавъ о денежныхъ потеряхъ, Сосó задорно спросила:

— C'est du propre, hein?..

И опять истерически разсмѣялась. Но не денегъ ей было жалъ, а своей любви,—Зина должна же понять ее,—любви, которой она принесла столько жертвъ.

Зина остановила ее и начала тихо, почти нѣжно, но настойчиво доказывать ей, что любовь тутъ ни при чемъ. Ей понравился „растакуръ“, прельстилъ ее своими сютами, панталонами и жилетами; больше ничего въ немъ она никогда не видала. Чѣмъ скорѣе произошло просвѣтлѣнiе, тѣмъ лучше. Но потеря состоянiя для нея, Сосó, хуже смерти. Только съ большими деньгами можетъ она исполнять свои прихоти, а прихоти у нея всегда будутъ: такой она сойдетъ и въ могилу. Надо ей поскорѣе ѣхать въ Москву и, рискуя огорчить отца, просить его о поддержкѣ. Она это сдѣлаетъ и скажетъ спасибо Зинѣ за то, что та настаиваетъ теперь на энергическихъ дѣйствiяхъ.

— Oui, oui, tu as raison,—шопотомъ, какъ дѣвочка, повторила Сосó, все еще лежа головой на плечѣ Зины.

— А гдѣ же этотъ joli coso?

Вопросъ Зиной былъ сдѣланъ въ такомъ тонѣ, что Сосó расхохоталась уже веселымъ, неудержимымъ хохотомъ, вскочила съ дивана и забѣгала по комнатѣ.

— Joli coso! C'est ça!..

„Joli coso“ остался въ Швейцарiи, у своихъ, будто бы, родственниковъ. Передъ отъѣздомъ она ему объявила, что больше женой его себя не считаетъ.

— Ты ему предложила разводъ?—опять серьезно спросила Зина.

— А то какъ же? Ты сама мнѣ сейчасъ говорила.

— Да, но такой душка даромъ не уйдетъ. Il t'a demandé une somme?..

— Précisément!—все такъ же весело вскрикнула Сосó.

— Combien?

— Deux cent mille francs!

— Matin!—вырвалось у Зины.

Она задумалась, а Сосó взяла новую папиросу и прилегла опять около нея.

— Qu'en dis-tu?—уже съ беспокойствомъ спросила она.

— Послушай, Сосó, — начала Зина тихо, и голосъ ея

слегка вздрогнуть, — я тебѣ говорила о разводѣ—забудь мои слова! Не нужно тебѣ разводиться.

— Je ne puis supporter le mensonge!

— погоди. Никто тебя не заставляетъ жить съ человекомъ, который мѣняетъ тебя на разныхъ drôlesses и воруетъ твои деньги. Но, если ты разведешься, тебя опять потянетъ туда же. Ne dis pas non, Soso.

— Je ne sais pas,—прошептала Софья Германовна.

— Потянетъ! Останься въ Россіи, при отцѣ, ну, хоть полгода... А тамъ живи, гдѣ хочешь; но останься за мужемъ.

— Я не хочу носить его имени!

— Носи свое, дѣвичье...

— Но онъ принудить меня. У насъ контрактъ.

По контракту — напомнила Сосѣ Зинѣ — мужъ выговорилъ себѣ капиталъ, а ея деньги онъ проигралъ по ея же полной довѣренности.

— C'est une impasse! — закричала Сосѣ, и точно тутъ только поняла всю безвыходность своего положенія.

— Тогда откупись отъ него и живи, въ первое время, здѣсь.

— Il va me relancer jusqu'ici!..

На это Зина ей отвѣтила, что отсюда можно его и выслать. И первый—ея мужъ, Рынинъ, похлопочетъ о высылкѣ такого „душки“.

Сосѣ притихла. Ея кузина наклонила надъ ней голову, та начала у нея на колѣняхъ плакать, и долго-долго, въ полутемной комнатѣ съ тлѣющими угольями камина, чуть слышно раздавался ея низкій голосъ.

Она не изливалась передъ Сосѣ въ своихъ недавнихъ душевныхъ испытаніяхъ и говорила ей, точно мать или нѣжная старшая сестра, про то, какъ пора бросить эту блажь, ловлю мужчинъ, увлеченія, гдѣ все отзывается рабствомъ и безуміемъ, а брать жизнь въ томъ, что она даетъ сегодня, и завтра, и послѣзавтра, замужемъ или въ разводѣ; держаться за одну свободу, за свободу отъ мужчины, отъ страсти или каприза, все равно.

Говоря эти тихія, материнскія слова, Зина сама себя провѣряла, и внутри у нея становилось такъ покойно и такую новую увѣренность приобрѣтала она въ самой себѣ. Она—не Сосѣ! Она застрахована.

— Ты слушаешь меня, дитя мое?—спросила она, растроганная собственными увѣщаніями.

— Oui, oui, Zina chérie!—пробормотала Сосó и стихла.

Зина нагнулась ниже, чтобы разглядѣть лицо кузины.

Сосó заснула, младенчески, подложивъ все еще пухлую ручку подъ похудѣлую щеку.

V.

Въ ресторанѣ, куда Парменій Никитичъ общался губернатору прѣѣхать къ завтраку, было еще очень пусто.

При входѣ, татаринъ-мальчикъ бросился снимать съ него шинель. Изъ-за буфета глядѣло сонное лицо одного изъ хозяевъ, въ усахъ. Главный хозяинъ похаживалъ вдоль обѣихъ бѣлыхъ комнатъ болѣзненной походкой, въ темныхъ туфляхъ; „шефъ“, въ курткѣ и беретѣ, молодой, высокій брюнетъ, подошелъ къ Рынину съ карточкой.

Рынинъ сказалъ, что подождетъ заказывать и сталъ закусывать у буфета.

Утро случилось сѣрое, снѣжное. Ресторанъ смотрѣлъ уныло. Рынинъ давно тутъ не былъ, такъ давно, что и забылъ даже когда, едва ли больше одного раза, по возвращеніи изъ своей заграничной службы. Бѣлая, пыльная стѣны, старая люстра, старые лакеи, татары, тѣсная стойка, круглый столъ, на который кладутъ верхнее пальто,—говорили про плохія времена. Ресторанъ доживалъ свой вѣкъ.

Въ глубинѣ второй комнаты завтракало двое господъ, въ одиночку, съ газетами въ рукахъ. Передъ каждымъ стояла свѣча. Высокіе бронзовые шандалы и бѣлесоватое пламя свѣчъ придавали еще болѣе унынія ресторану.

Рынинъ выпилъ водки, положилъ себѣ икры на тарелочку и сѣлъ къ столу, въ первой комнатѣ, у окна.

Было время, не такъ давно, когда и онъ кучивалъ тамъ, наверху, въ отдѣльныхъ кабинетахъ. Никогда ему не было весело, а любилъ онъ только бѣсить французенюкъ, брать дерзостью и злобными выходками мужчины. Много денегъ онъ не спустилъ: у него ихъ не было, и врядъ ли онъ даже состоялъ когда-нибудь должнымъ „по счету“.

Одинъ изъ хозяевъ, съ унылымъ усатымъ лицомъ, подошелъ къ нему; онъ его узналъ.

Рынину захотѣлось спросить, былъ ли у него счетъ въ ресторанѣ. Французъ подумалъ и отвѣчалъ по-русски съ лѣнивой усмѣшкой:

— Никакъ нѣтъ!.. Ничего!..

Прошелъ мимо Рынина высокій мужчина, очень узко одѣтый, по-заграничному, въ короткой визиткѣ, широко разставляя ноги.

— Андреяновъ!—окликнулъ Рынинъ.

Тотъ обернулся.

— Давно ли въ отставкѣ?

— Третій годъ, — отвѣтилъ Андреяновъ, сильно картавя.

Рынинъ съ трудомъ узналъ его: слылъ красавцемъ во всей дивизіи, а теперь зеленый, со впалыми щеками, глаза тусклые, смотреть „штафиркой“, какъ они, бывало, называли въ полку. Послѣ строевой службы состоялъ адъютантомъ при такомъ лицѣ, что могъ бы быстро пойти, былъ уже, кажется, полковникъ...

— Перешли въ штатскую?

— Въ отставкѣ.

— Чѣмъ же занимаетесь?

— Дѣлишками. Хочу, вотъ, въ Морской парикмахерскую открыть. Parole!..

Они пожали другъ другу руку. Тонъ у Андреянова всегда былъ тонъ благѣра; но Рынинъ не хотѣлъ допытываться, серьезно онъ говоритъ или нѣтъ. Онъ видѣлъ только, что изъ такого малаго ничего уже не выйдетъ. И безъ всякой злобы онъ порадовался этому. Сдѣлай онъ карьеру — и было бы одною пустельгою больше среди его будущихъ сверстниковъ по службѣ. Пора положить конецъ системѣ набиранія администраторовъ вотъ здѣсь, въ ресторанѣ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка.

Дверь изъ сѣней шумно растворилась. Въ буфетную ввалилась широкая мужская фигура и за ней еще двое: одинъ высокій брюнетъ, другой — пухлый блондинъ.

Снѣткинъ велъ съ собою обоихъ адъютантовъ Зинаиды Мартыновны, Шварца и Кремлева. Онъ первый замѣтилъ голову Рынина изъ-за косяка, гдѣ висѣло длинное зеркало.

— Мужъ! — шепнулъ онъ пріятелямъ. — Ну, братцы, держать ухо востро!

Оба друга кинули по одному быстрому взгляду на военнаго, дождавшаго свою икру на блюдечкѣ, и потомъ переглянулись между собой.

— Сурьезный мужчина, — сказалъ шопотомъ Шварцъ.

— Сурьезный, — отвѣтилъ Кремлевъ.

— То-то!

Окрикъ Снѣткина былъ веселый, но ему самому не совсѣмъ ловко было при видѣ мужа Зины. Послѣ пикника онъ у нея былъ, но не засталъ ея. Вѣроятно, Рынинъ сдѣлалъ ей сцену; должна же она была сказать ему, откуда пріѣхала въ три часа ночи. Можетъ-быть, она и про исторію съ Надей рассказала. Болѣе чѣмъ вѣроятно...

Всѣ трое поспѣшно и тихо сняли свои пальто съ помощью прислуги. Впереди пошелъ Снѣткинъ. Надо было представить Рынину обоихъ молодыхъ людей.

Всѣ трое подошли къ его столу.

— Вотъ, Рынинъ,—громко заговорилъ Снѣткинъ,—два образчика особой породы, *des bons jeunes hommes*.

Рынинъ привсталъ и подалъ руку обоимъ друзьямъ, сказавши имъ вмѣстѣ:

— Весьма радъ.

На лицѣ его они ничего не прочли и, видя, что ему хочется придержать Снѣткина, скромно ретировались, одинъ за другимъ, къ столу, въ дальней комнатѣ, къ тому, гдѣ уже сидѣлъ Андреяновъ. Онъ былъ изъ ихъ постоянной компаніи.

— Ты меня распекать начнешь?—тихо спросилъ Снѣткинъ, присаживаясь.—Да? За субботу? Я ей-Богу не...

— Знаю,—остановилъ его Рынинъ.—Тебѣ, любезный другъ, все-таки не слѣдовало соглашаться. Зина жила за границей на полной волѣ. Для нея все ни почемъ; но ты долженъ былъ подумать о томъ, что мы въ Петербургѣ.

— Кому ты говоришь?!

— Пожалуйста, чтобы въ другой разъ этого не было.

— Слушаю, ваше высокородіе!

По глазамъ Рынина Снѣткинъ замѣтилъ, что тотъ знаетъ и про исторію. Это его огорчило за Зину. Что за малодушіе! Какое же это товарищество! Или, быть-можетъ, она представила все это въ смѣшномъ видѣ?

— Я предупреждалъ Зинаиду Мартыновну,—заговорилъ онъ серьезнымъ тономъ,—что отъ моей Нади можно всего ждать.

— А отъ тебя?—особеннымъ тономъ спросилъ Рынинъ и пристально поглядѣлъ на Снѣткина.

— Въ какомъ смыслѣ?

Рынинъ продолжалъ смотрѣть на него такъ же пристально, безъ злобы, безъ ироніи и не пренебрежительно.

Ему этого хлыща сдѣлалось жалко не совсѣмъ такъ, какъ недавно Зину, а въ родѣ того.

— Послушай, Снѣткинъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, можешь зарваться... и кончить...

— Могу, могу, — торопливо отвѣтилъ Снѣткинъ.

— Да брось ты всю эту, извини меня, ѣрническую жизнь... Маклачество, разныхъ дѣвчонокъ... Иди служить со мной!

— Тра-та-та!.. Нашелъ, чѣмъ ловить! Нѣтъ, голубчикъ! Извиняюсь еще разъ передъ Зинаидой Мартыновной. Я буду у нея сегодня же и паду къ ея ножкамъ. А службой я не прельшусь... Тебѣ желаю всякихъ успѣховъ!..

Онъ убѣждалъ отъ Рынина, пріятельски дѣлая ему ручкой.

Брынцевъ опоздалъ,⁴ въ чемъ слегка извинился. Онъ былъ въ новой формѣ, дѣлалъ официальные прощальные визиты, страшно проголодался и долго закусывалъ у буфета...

Когда онъ сѣлъ противъ Рынина и они, вмѣстѣ съ шефомъ, обсудили завтракъ, Брынцевъ положилъ оба локтя на столъ, весь потянулся и громко вздохнулъ.

— Ызилъ на поклонъ къ принципиалу? — спросилъ его Рынинъ.

Онъ смотрѣлъ на красивое лицо Брынцева, его суженный черепъ, подстриженную черную бороду, тонкій носъ, его впалые глаза съ блескомъ и легкую просѣдь. Мундиръ сидѣлъ на немъ нѣсколько мѣшковато и грудь покрывало еще больше всякихъ знаковъ отличія, чѣмъ было у Рынина, считая съ иностранными.

— Съ плечъ долой, послѣзавтра — конъ! Глупое это петербургское бѣганье на кордѣ!..

Этого Брынцева Рынинъ считалъ краснобаемъ и склоннымъ къ рисовкѣ, но неглупымъ и вообще способнымъ. Своихъ идей онъ въ немъ не признавалъ. Глядя на него, онъ подумалъ въ ту минуту:

„Вотъ вѣдь онъ у дѣлъ и пойдетъ ходче моего; быть-можетъ, очутиться подчиненнымъ его“.

Оба были военные, если не въ равныхъ чинахъ, то въ близкихъ: одинъ — полковникъ, другой — генералъ-майоръ, числящійся по арміи. Войди сейчасъ въ ресторанъ свѣжій человекъ, Брынцевъ — генералъ какъ генералъ, какихъ десятки, сотни. Онъ моложавъ на видъ, да и не старъ: ему не больше сорока шести лѣтъ!..

А онъ, Рынинъ, все-таки чувствуетъ въ немъ что-то

особенное. Передъ нимъ сидитъ начальникъ дѣлаго края, одной изъ важныхъ губерній Великоросіи. Въ трудно-уловимыхъ, замѣтныхъ только пытливому взгляду оттѣнкахъ манеры, выраженія лица, виденъ человѣкъ, сознающій, что тамъ, за тысячу верстъ, онъ не простой генералъ, сейчасъ ожидавшійся въ пріемной его высокопревосходительства, а дѣятель, руководитель, человѣкъ съ фактическимъ авторитетомъ.

Отними у него „постъ“, и что онъ будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, при всей своей ловкости? Будетъ пробавляться кое-чѣмъ, сдѣлается, пожалуй, прихлебателемъ у какого-нибудь милліонщика или откроетъ игорный домъ, или, побившись-побившись, выйдетъ въ отставку, а то очутится нотаріусомъ или управляющимъ. Съ Георгіемъ на шеѣ генералы кончали этимъ же!

— Ну, городъ! — заговорилъ Брынцевъ озлобленно и оглянуль ресторанъ. — Живешь въ губерніи, и тамъ нынче развелось краснаго звѣрья, жуликовъ достаточно. Но все не то! А здѣсь каждый такъ и ощупываетъ тебя: — нельзя ли хоть носовой платокъ вытащить?.. Право! Ты не находишь?

— Есть немножко, — отозвался Рынинъ.

Ему разговоръ въ такомъ направленіи нравился.

— А твои дѣла? — спросилъ Брынцевъ, и такъ на него поглядѣлъ: — „я, молъ, знаю, что ты ждешь казніи“.

— Надъ нами не каплетъ!..

— Однако, есть кое-что въ виду?.. Или только тары-бары, хорошъ табачокъ, по губамъ смазываютъ? Впрочемъ, тебѣ что же прыгать? Не нуждаешься, долговъ у тебя нѣтъ, а это — основаніе всему.

И онъ вздохнулъ.

— Развѣ ты все еще...

Рынинъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Ахъ, душа моя!.. Я прямо сказалъ: коли угодно держать меня на моемъ посту, приварокъ нуженъ!

— Надобно освободиться предварительно...

Рынинъ сказалъ это тихо. И вообще его нѣсколько стѣсняло за Брынцева то, что тотъ такъ безцеремонно рассказывалъ про свои дѣла въ ресторанѣ.

— Душа моя, извини, это по-французски называется: „une vérité de monsieur la Palice“! У кого же нѣтъ долговъ — кому нужно служить?.. У тебя? Такъ ты желаешь положенія... Десянсто пять процентовъ — въ долгу или

бьются. Оклады все-таки нищенскіе. А соблазнъ—огромный и тамъ, въ губерніи... Каждый норовитъ предложить тебѣ могорычъ. Я и такъ живу какъ настоящій простецъ. Кахетинское пью, а не такъ, какъ мы, вотъ, Pontet Capet! Кахетинское и полынковое шипучее вино, для крешеновъ, отъ Чеботарева выписываю изъ Новочеркаска. И тебѣ рекомендую! И все-таки... не предвижу, когда разстанусь съ кредитными знаками собственнаго изготавленія!

Брынцевъ энергично напалъ на свой антрекотъ, и когда запилъ нѣсколько кусковъ стаканомъ краснаго вина, спростилъ:

— А тотъ, свѣдущій-то? У старушенціи? Хорошъ мужчина? Какъ ты его нашелъ?

Рынинъ высказалъ ему свое впечатлѣніе насчетъ готовыхъ „клише“ изъ петербургскихъ газетъ.

— Да, онъ жохъ! И всѣ они тамъ такіе, кто въ ходаки мѣтитъ. Послушай, душа моя, — Брынцевъ нагнулся къ нему, — нѣзакоего у насъ, и внутри страны, нѣтъ ни кредита, ни желанія поднять сословіе... просто есть постоянная чесотка: какъ бы завести сундукъ для чужихъ денегъ, и поскорѣ ихъ спалать въ своей компаніи. Такъ — во всѣхъ сословіяхъ, и въ высшихъ, и у купцовъ, и у православныхъ мужичковъ. Вѣдь это здѣшніе ваши божьи коровки, въ министерствахъ, охаютъ о поднятіи производительныхъ силъ, о кредитѣ, идутъ на такую удочку!.. Есть сундукъ. Онъ — пустой. Положить въ него чужихъ денегъ малую толику, и опять онъ пустъ... Вотъ тебѣ и все!..

— Однако, — возразилъ Рынинъ, — безъ матеріальной поддержки руководящее сословіе не поднимется.

— Эхъ, душа моя! сказка это про бѣлаго бычка! Сначала съ мужичками носились, потомъ съ коммерсантами, теперь до нашего брата очередь дошла! И ничего-то изъ всего этого не будетъ!

„Ничего-то у тебя нѣтъ за душой!“ — подумалъ Рынинъ.

И ему захотѣлось показать Брынцеву, что онъ служить „и нашимъ, и вашимъ“, что въ немъ сидитъ полу-либераль, полу-народникъ, что онъ „оппортунистъ“, служилый человѣкъ, которому надо кормиться, что онъ не понимаетъ даже, куда надо вести страну.

Но онъ воздержался. Выводить его на свѣжую воду — значитъ наживать врага и, главное, — показывать свое внутреннее добро, давать другому возможность подражать себѣ, украсть у васъ вашу идею.

— За кого же тебя считают тамъ,—сдержанно спросилъ Рынинъ:—за народника или за либерала, или защитникомъ охранительныхъ началъ?

— Никакой клички у меня нѣтъ, и я самъ по себѣ... Дѣлаю, чтò законъ и совѣсть приказываютъ.

Глаза его заискрились.

„И все ты врешь,—поправлялъ его Рынинъ,—и такъ же дрожешь надъ своей популярностью, и передъ мужичками хочешь себя Гарунъ-аль-Рашидомъ показать“.

— Я слышалъ,—заговорилъ онъ,—что тебя любить... народъ... Ты умѣешь ладить. Мнѣ недавно много про тебя рассказывали. Даже извозчики, и тѣ не нахвалятся.

Брынцевъ слегка покраснѣлъ. Это ему показалось почему-то насмѣшкой.

— Вотъ будешь самъ тянуть эту лямку, увидишь, легко ли добиться хоть того, чтобы тебя похода не ругали. Я никакой поблажки не даю... и ни передъ кѣмъ не прыгаю... Народъ, самъ по себѣ, я люблю, хоть и не записываюсь въ разрядъ тѣхъ, что мужичка обсахариваютъ. Для меня всѣ равны. И купечество меня одобряетъ, я знаю, и ему грѣшно было бы быть мною недовольнымъ. Чтò могу—дѣлаю. Нынче, братъ, не то, что прежде. Нынче къ нимъ въ услуженіе господъ дворяне идутъ.

— Вотъ это-то и постыдно!..

— Мало ли что! Ты видѣлъ того свѣдущаго человѣка? Развѣ онъ не смахиваетъ на бойкаго бухгалтера, а на стоящій столбовой... Народъ!—вернулся опять Брынцевъ къ предмету, который задѣлъ его.—Это, душа моя,—стихія, чреватая всѣмъ. Надо тутъ такой нюхъ имѣть.

— У тебя вѣдь были и погромы... въ прошломъ году?—перебилъ Рынинъ.

— У меня, что ли, одного?.. Почему?.. Какъ?—Одинъ Аллахъ знаетъ...

— И чтò же?..

— Я сказалъ имъ на другой день утромъ: если, ребята, завтра хоть одного тронете—плакать буду, а разстрѣляю зачинщиковъ.

— Можно было о плачѣ-то и не говорить.

Брынцевъ слегка нахмурился.

— Отчего же? Это вѣдь не басурманскіе, а русскіе люди.

„И опять ты врешь“,—подумалъ Рынинъ, но сердить Брынцева не хотѣлъ.

— Стихія!—протянулъ тотъ со вздохомъ, поднося къ

себѣ свѣчу, и закурилъ сигару. — Когда пораздумаешь, чѣмъ вся машина наша держится, руками разведешь.

— А чѣмъ же, ты думаешь?

— Я не по ученому скажу: такимъ чувствомъ, какое прежде, встарину, всѣ имѣли къ вотчиннику, владѣльцу...

— Ты, пожалуй, правъ,—сказалъ Рынинъ. Ему не совсѣмъ пріятно было найти у Брынцева выраженіе мысли, которую онъ гдѣ-то прочелъ, потомъ сталъ считать своею собственною.—Держится идеей власти! Только ее и создала русская жизнь. Не будетъ ея, все распадется!..

— Власть, власть!—повторялъ Брынцевъ.—Душа моя... времена прошли... когда, бывало, начальникъ губерніи, посрединѣ залы, въ дворянскомъ собраніи стоитъ, а вокругъ него—почтительная пустота. Кого позоветъ къ себѣ, тотъ только подходитъ съ поклономъ. Нашего брата каждый норовитъ теперь taper sur le ventre!.. И ничего не подѣлаешь!..

— Я не о такой власти говорю,—задумчиво произнесъ Рынинъ.—А вотъ та, чѣмъ держится стихія...

— Вотчиной!

Брынцевъ посмотрѣлъ на часы, потомъ взглянулъ въ окно и наморщилъ свой красивый лобъ.

— Тебѣ еще нужно по мытарствамъ? — спросилъ его Рынинъ.

— Да, въ одинъ день хочу спустить всю коллекцію.

Ихъ разговоръ не былъ истощенъ. И у того, и у другого осталось нѣсколько мыслей и убѣдительныхъ фактовъ, но они оставляли ихъ „про запасъ“. Брынцевъ считалъ Рынина изъ „жилистыхъ“, т. е. изъ лицъ, которые непременно добьются своего и будутъ съ положеніемъ; только онъ не вѣрилъ его убѣжденности. „Всѣ мы такъ рассуждали, — хотѣлось ему сказать вслухъ, — а какъ говядинки хватимъ, и начнемъ съ попутнымъ вѣтромъ плыть!“

Думая такъ, онъ считалъ себя все-таки лихимъ малымъ, очень умнымъ и благороднымъ и вѣрилъ, что его „обожаютъ“ тамъ, у него „въ губерніи“, считаютъ „отцомъ края“.

Рынинъ нашелъ для него слово „оппортьюнистъ“ и былъ доволенъ тѣмъ, что „пожурилъ“ Брынцева. Онъ далъ ему мѣрило того, съ кѣмъ ему придется соперничать. Такихъ Брынцевыхъ было три-четыре. Остальные—„чи нуши“, какъ онъ выражался про себя.

Пріятели стали прощаться за кофе.

— Ты, я слышалъ, перечисляешься гражданскимъ чиномъ?—тихо спросилъ Брынцевъ.

— Еще не сейчасъ.

— А съ назначеніемъ можно скоро тебя поздравить? Мнѣ говорили въ канцеляріи министра: твоя записка... найдена очень, очень замѣчательной...

Рынинъ промолчалъ. Онъ курилъ и пускалъ дымъ тонкой струей.

— Когда же и гдѣ увидимся?—громко спросилъ Брынцевъ. — Въ передней его высокопревосходительства, въ одинъ изъ зимнихъ пріѣздовъ?

— Быть-можетъ!

Они пожали другъ другу руку. Брынцевъ ушелъ. Рынинъ остался еще на нѣсколько минутъ. Тотъ тонъ, какой губернаторъ принялъ съ нимъ передъ уходомъ, лучше всякихъ словъ и увѣреній показывалъ, что его считаютъ тамъ, въ канцеляріи и въ пріемной министра, серьезнымъ кандидатомъ на постъ въ провинцію. Больше ему, пока, ничего и не нужно было.

Докурилъ онъ свою папиросу и допилъ кофе. Изъ второй комнаты раздался взрывъ спора. Это шло отъ стола, гдѣ сидѣли Свѣткинъ, его двое подручныхъ и Андреяновъ.

„А какая у тебя будетъ команда?—подумалъ Рынинъ.—Вѣдь не самъ же ты все станешь исполнять? Вотъ и придется взять такихъ же шалопаевъ, какъ тѣ“.

Его вывело изъ раздумья звяканье шпоръ и палаша по полу.

— Рынинъ! Bonjour! — кинулъ ему сбоку густой военный голосъ.

Онъ поднялъ голову.

— А! Александровъ!—откликнулся онъ и подаль руку, совсѣмъ не стремительно, свѣтскимъ жестомъ.

Его окликнулъ средняго роста, полный, усатый, съ красными щеками блондинъ, въ полковничьихъ эполетахъ. Шелъ онъ, подавшись вѣсь корпусомъ, особой, изломанной походкой, которая доставила ему репутацію „d'être excessivement nature“.

Рынинъ не былъ съ нимъ на „ты“, но зналъ его хорошо, какъ офицера той же бригады. Онъ считалъ его „неучемъ“, „un faux bon homme“, зналъ, что онъ живетъ картами, родомъ—изъ помѣщичьихъ дѣтей средней руки, но какъ-то вошелъ въ моду среди свѣтскихъ барыnekъ, которыхъ и восхищаетъ выходками своей „натуры“.

— Ça va bien? — спросилъ гвардеецъ въ полъ-оборота и настолько небрежно, что Рынинъ разсердился.

— Какъ видите, — сухо вѣтилъ онъ и постучалъ ножомъ о тарелку.

Онъ, еще въ полку, смѣялся всегда, за глаза, надъ этимъ Александровымъ, надъ его обязательнымъ французскимъ „bagout“, понаворованнымъ отъ кокотокъ и актрисъ, смѣялся и надъ тѣми высокопоставленными „gommeuses“, которыя записали его въ свои пріатели.

Брынцевъ сразу, послѣ такого Александра, поднялся въ его глазахъ. Вѣдь и такой вотъ кончить тоже тѣмъ, что получить постъ, когда ему перестанетъ везти въ яхтъ-клубѣ, или женится, и жена захочетъ играть роль. И даже найдется у него гораздо больше покровителей, чѣмъ у Брынцева.

Но это не всколыхнуло его желчи. Такой Александровъ слишкомъ уже былъ ничтоженъ въ его глазахъ.

Только что Рынинъ всталъ, къ нему подбѣжали Шварцъ и Кремлевъ и молча каждый пожали ему руку. Подошелъ и Снѣткинъ, послѣ плотнаго завтрака и двухъ рюмокъ коньяку.

— Не дуйся! — крикнулъ онъ ему. — У Зинаиды Мартыновны цѣлую ножки!..

„Какой хлыщъ!“ — выбранился Рынинъ, и ему этотъ запанибратскій тонъ вивѣра былъ, въ ту минуту, чрезвычайно противенъ.

Весь ресторанъ съ его компаніей далъ ему ноту Петербурга, задолжавшаго, мелкокутильнаго, безыдейнаго, хищническаго и пустаго для всякаго, кто видитъ, что подъ всѣмъ этимъ копошится.

Никогда еще онъ не достигалъ такого яснаго сознанія своего превосходства. Чего ему смущаться, когда все, что можетъ съ нимъ соперничать, вращается между полковникомъ Александровымъ и генералъ-майоромъ Брынцевымъ!

Ужъ про него-то не скажутъ и не напишутъ, что воспиталъ онъ свои государственныя способности въ кабачкѣ, на углу Кирпичнаго переулка!..

VI.

Сосѣ осталась въ Петербургѣ еще на трое сутокъ. Случился на недѣлѣ большой базаръ. Снѣткинъ и адъютанты Зины наговорили объ этомъ базарѣ „des merveilles“. И

Зина была довольна поѣхать на базаръ, гдѣ можно сдѣлать смотръ всему, что считается красивымъ и моднымъ; это гораздо удобнѣе и менѣе утомительно, чѣмъ отпра-вляться въ субботу въ Михайловскій, когда происходитъ „сборъ всѣмъ частямъ“.

Молодые люди должны были ихъ встрѣтить на верхней площадкѣ парадной лѣстницы *** дворца. Снѣткинъ за-сталъ Зину во второй свой визитъ и выслушалъ отъ нея пріятельское внушеніе. Она спросила его прямо, что зна-чить это ношеніе револьвера? Онъ отвертѣлся шуточкой. Зина зло подсмѣялась надъ замашкой пугать свою Надю самоубійствомъ. Тогда Снѣткинъ попросилъ ее къ этому сюжету не возвращаться и предоставить ему покончить свое „прыганье на свѣтѣ“, какъ онъ найдетъ лучшимъ и въ какой именно моментъ. За сцену въ „Самаркандѣ“ онъ у нея попросилъ извиненія самымъ искреннимъ то-номъ. Зина признавала виновной и самое себя, и разго-воръ кончился тѣмъ, что Зина передала ему во всѣхъ подробностяхъ свои объясненія съ мужемъ.

— Bravo, сестричка! — закричалъ Снѣткинъ и началъ неистово хохотать, такъ, что было слышно въ коридорѣ.

У нихъ уже были секреты отъ Сосѣ, которой Зина, какъ „маленькой“, не считала ни нужнымъ, ни пріят-нымъ повѣрять ни недавняго своего прошлаго, въ де-ревнѣ и въ Москвѣ, ни теперешній родъ отношеній къ мужу.

Сосѣ сейчасъ же почувствовала, что между Рыниними любви нѣтъ, начала допрашивать Зину, горячо и поры-висто, умоляла ничего отъ нея не скрывать, предла-гала свои услуги, если бы Зина думала развестись съ му-жемъ.

— Не нужно мнѣ ничего этого! — сказала ей Зина спокойно и увѣренно. — Если бы мнѣ стало совѣмъ въ тягость жить съ нимъ — мы разѣждемъ, но разводкой я не хочу быть.

Сосѣ, вообще и прежде считавшая Зину существомъ высшей породы, теперь еще больше исполнилась прекло-ненія передъ ея умомъ, знаніемъ жизни и тактомъ, пе-редъ тѣмъ особеннымъ взглядомъ на все житейское, и свое, и чужое, — вплоть до ея „полутраура“. Сосѣ нашла, что носить полный трауръ по „такой“ матери было бы только накладывать тѣнь на ея память. Туалеты Зины приводили ее въ восхищеніе. Они, по цвѣтамъ, не вы-

ступали изъ „demi-deuil“, а между тѣмъ въ нихъ не было ничего ни сухого, ни мрачнаго.

Она сама, отправляясь съ Зиной на базаръ, одѣлась потемнѣе, въ табачное платье. Цвѣтъ былъ модный, но къ ней не шелъ. Шляпа покрывала ея голову, какъ высокій колоколь. Во всей фигурѣ было что-то почти смѣшное.

Парныя извозчичьи сани подвезли ихъ къ подъѣзду, во дворѣ *** дворца. Въ сѣняхъ, внизу, врывавшійся со двора холодный воздухъ такъ и ходилъ, охватывалъ дамъ дрожью, какъ только съ нихъ снимали шубы. Отъ этого холода Зина потащила Сосѡ поскорѣе на лѣстницу; обѣ подобрали платья и быстро входили, не глядя ни на тѣхъ, кто поднимался вмѣстѣ съ ними, ни на отдѣлку лѣстницы и площадокъ.

Наверху, у продажи билетовъ, дожидались Шварцъ и Кремлевъ. Ихъ уже знала Сосѡ и нашла, что такихъ „jeune-seaux“ непременно надо имѣть при себѣ; въ Снѣткинѣ она почувала соперника по дружбѣ съ Зиной и назвала его „un poseur jovial“, хотя съ нимъ держалась своего тона „bon garçon“.

— Всѣ наши базарки...—на подборъ,—доложилъ Шварцъ, съ невозмутимымъ своимъ лицомъ.

— Пожалуйте!.. ждуть вашего обзора,—добавилъ Кремлевъ.

Онъ подалъ имъ два билета, и обѣ пары вошли: дамы въ серединѣ, по бокамъ по молодому человѣку. Зала съ мраморной отдѣлкой, съ позолотой, въ два свѣта, съ хрустальными люстрами, вся въ пестрыхъ краскахъ драпировокъ и прилавковъ, съ звуками музыки, доносившимися откуда-то, съ парадной и сдержанной толпой, охватила обѣихъ кузинъ чувствомъ недавнихъ свѣтскихъ компаній, гдѣ онѣ дѣйствовали бокъ-о-бокъ. Базаръ былъ изыщнѣе, чѣмъ онѣ воображали. Сосѡ сейчасъ же сказала:

— Ça rappelle Londres!

Это была ея высшая похвала. Онѣ обѣ знали нѣкоторыхъ свѣтскихъ *gommeuses de marque* только по Петергофу; остального общества почти не знали, кромѣ тѣхъ дамъ и дѣвицъ, какихъ встрѣчали за границей. Но обѣй видъ былъ для нихъ совсѣмъ новый. Ихъ привлекала не толпа, не отдѣлка, даже не мужчины, а тѣ женщины, что представляли собою приманку базара.

— Шварцъ!—скомандовала Зина и заставила рассказы-вать и называть имена.

То же приказаніе получилъ и Кремлевъ. Они знали всѣхъ, если не лично, то въ лицо, всѣхъ хорошенькихъ барынь и дѣвицъ; отмѣчали каждую красивую фигуру и талію, у прилавковъ, въ рядахъ покупательницъ, и кратко сообщали исторіи.

Въ большой залъ, гдѣ помѣстились всѣ удачные прилавки, можно было найти и самыхъ привлекательныхъ „базарокъ“. Слово это и Зина, и Сосѣ услышали отъ своихъ провожатыхъ въ первый разъ. Оно имъ понравилось.

— Кто пустилъ?—дѣловымъ тономъ спросила Сосѣ.

— Газеты,—отвѣтилъ Шварцъ и сейчасъ же нагнулся и сказалъ:—Вотъ вамъ двѣ самыя цѣпкія базарки. Только ужъ насчетъ этого мѣста извините, — онъ обвелъ рукой лицо,—зато отъ нихъ не отдѣлаетесь.

Они проходили мимо прилавка съ модными товарами. Двѣ пожилыя дамы, очень перетянутыя и разодрѣтыя, зазывали на перебой; голоса ихъ трещали безъ умолку. Прошли онѣ мимо трехъ-четырехъ „professional beauty“, и на ухо имъ докладывалось все, что знали въ салонахъ и мужскихъ кружкахъ. Туалеты не приводили въ смущеніе ни Зину, ни Сосѣ. Для Сосѣ въ этихъ образчикахъ петербургскаго свѣта не было того, что она „обожала“ въ лондонскихъ сборищахъ такого же стиля. Зина находила, что у женщинъ есть свой genre — выше сортомъ того, среди какого она выросла и воспиталась за границей: все гораздо изящнѣе, чѣмъ у высокопоставленныхъ нѣмокъ, менѣе крикливо и тревожно, чѣмъ у француенокъ, и менѣе чопорно, чѣмъ въ иныхъ англійскихъ „conversazioni“... Но ей нimalo не захотѣлось въ этотъ свѣтъ, сдѣлаться завтра же одной изъ самыхъ привлекательныхъ „базарокъ“, принадлежать къ тому, что зовутъ „сборомъ всѣмъ частямъ“. У нея точно совсѣмъ замеръ всякій инстинктъ соперничества. Она даже не задавала себѣ вопроса: почему? Изъ чего будетъ она тянуться, проникать въ гостиныя, ставящія сейчасъ женщину на особое мѣсто въ свѣтской іерархіи?..

— Гдѣ же Снѣткинъ?—спросила она Шварца.

— Онъ будетъ въ буфетномъ салонѣ.

— Обжора!..

— Тамъ легче найти, — добродушно защитилъ его Шварцъ.

Кремлевъ продолжалъ докладывать Сосѣ:

— Смотрите... М-lle Курчаева! Считается самой хорошенькой... послѣдняго вывоза.

— Какъ?—подхватила Сосѡ.

— Послѣдняго вывоза.

И Зина обернулась въ сторону прилавка, отдѣланнаго въ русскомъ вкусѣ, гдѣ висѣли полотенца, ленты, вышиванья, кружева. Изъ-за одной драпировки выглядывало свѣжее, улыбающееся лицо дѣвушки съ золотистыми волосами. Ея большіе глаза смотрѣли прямо и немного удивленно. Она наклонила, въ ту минуту, станъ свой нѣсколько впередъ, и вся ея стройная талія, съ ловкимъ изгибомъ спины, въ бѣломъ матовомъ шерстяномъ платьѣ и шляпѣ съ эгреткой, выдѣлялась передъ проходившими.

— *Jolie fillette!*.. — сказала одобрительно Зина и настолько громко, что двое военныхъ и одна дама оглянулись.

Глаза золотистой блондинки обратились къ ихъ группѣ и дѣтски-весело приглашали ихъ купить что-нибудь.

— Кто это?—переспросила Сосѡ Кремлева.

— Оля Курчаева, — отвѣтилъ за пріятеля Шварцъ. — Подъ покровительствомъ княгини Рязской...

— Рязской?—остановила его Зина.

Фамиліи Рязскихъ она никакъ не ожидала. Она точно обожгла ее, и щеки зардѣлись. Это ее ужасно удивило.

— Какой Рязской?—продолжала она спрашивать и наблюдать за своимъ неожиданнымъ волненіемъ.

— А вотъ... та, что по добрымъ дѣламъ. Она здѣсь навѣрно. Этотъ базаръ — подъ ея же главнымъ завѣдываніемъ.

Зина взяла руку Шварца. Въ толпѣ становилось тѣсно. Кремлевъ то же сдѣлалъ съ Сосѡ.

— Мать князя, что былъ когда-то въ полку, съ Рынными?—спросила Зина, когда она переходила черезъ узкую, длинную гостиную, раздѣленную на двѣ половины продольной колоннадой.

— Да, вотъ что теперь... въ святыя записался...

— Вы его знаете?

— Встрѣчалъ.

Она замолчала и стала усиленно смотрѣть по сторонамъ. Ей хотѣлось заставить себя не думать о князѣ.

Надѣво тянулся столъ, уставленный японскими вещами, съ продавщицей, хорошенькой нѣмочкой, безкровной, съ

пепельнымъ шиньономъ, въ платьѣ, которое и Сосѵ нашла „adorable“. Она разсѣянно отвѣчала состоявшему при ея кассѣ офицеру и какъ будто боялась просмотрѣть какую-нибудь высокую особу.

— De la finance? — слышался Зинѣ вопросъ Сосѵ Кремлеву.

— Да-съ, — отвѣтилъ за него Шварцъ. — Это — Гостинный островъ.

Остроты ни одна изъ кузинъ не поняла.

Снѣткинъ соединилъ въ одно: Гостинный съ Васильевскимъ, и вышелъ Гостинный островъ.

И кузинамъ было объяснено, что барышня родомъ съ Васильевского острова, приданаго полмилліона, черезъ дамъ - патронессъ попала на базары въ „professional beauty“ и не иначе хочетъ, какъ за такого жениха, кто бы доставилъ ей „кокошникъ“.

Что значить „кокошникъ“, Сосѵ и Зина знали прекрасно еще у себя въ курортѣ.

Зина все отгоняла отъ себя мысль о князѣ. Она нарочно останавливала своего кавалера передъ столомъ, гдѣ двѣ дамы продавали туалетныя вещи. Одна была вся въ брилліантахъ, въ тяжеломъ и пестромъ туалетѣ, съ низкимъ вырѣзомъ на груди. Зина нашла, что у нея лицо смазливой горничной или швеи подъ тридцать лѣтъ. Она смѣялась громко, говорила разомъ съ тремя военными и обращалась съ ними какъ полковая дама.

Шварцъ назвалъ ее по имени и прибавилъ, что изъ-за нея одинъ чуть не отравился, и была еще „серьзная“ дуэль. Зина только усмѣхнулась. Ни эта женщина, ни всѣ, кого она оглядѣла въ большой залѣ, не вызывали въ ней женскаго чувства. Да она не замѣчала и взглядовъ мужчинъ; но ея провожатый очень хорошо видѣлъ, что эта, никому неизвѣстная, дама очень многихъ интересовала. Въ толпѣ мимо нея нельзя было пройти и не остановиться.

Вторая дама, продававшая цвѣты, заставила Зину что-то такое почувствовать. Она была такъ же въ бѣломъ, какъ и блондинка съ дѣтскими глубокими глазами, но въ шелковомъ, а не въ шерстяномъ туалетѣ. И въ ея ушахъ и волосахъ горѣло не мало брилліантовъ. Вся голова ея, лобъ, волосы, носъ, глаза, привлекали Зину такъ, что она прикоснулась къ плечу Сосѵ и шепнула ей:

— Regarde la brune!

И въ головѣ ея выскочила мысль:

„А вѣдь вотъ какую женщину можетъ князь встрѣтить здѣсь... и кто знаетъ, устоитъ ли онъ?..“

Она нашла эту мысль глупой и пошла и заторопила Шварца въ буфетъ, гдѣ дожидался Снѣткинъ.

Въ угловой гостиной, увѣшанной рѣдкимъ оружіемъ, за столомъ вдоль лѣвой стѣны, продавала одна изъ самымъ красивыхъ и молоденькихъ женщинъ сезона. Она нагнулась надъ столомъ и подавала чашку генералу въ серебряныхъ аксельбантахъ, причесанному по военной модѣ прошлаго царствованія. Ея головка, въ свѣтлой шляпѣ, державшейся только на высокой небольшой косѣ, видна была входившимъ въ полъ-оборота, а также румянецъ упругихъ щекъ, и носикъ, и бѣлая шея, къ затылку чуть покрытая завитыми каштановыми волосами. Бюстъ немного выгнулся и тонкіе пальцы держали чашку игривымъ жестомъ. При ней состоялъ такой же красивый офицеръ. Она подала генералу чашку и сейчасъ же вышла изъ-за буфета. Съ почтительной игривостью приблизилась она къ рослому молодому военному, на котораго публика поглядывала, какъ глядятъ на высокопоставленное лицо.

— *Jolie à croquer, la petite!*—сказала Сосѣ.

— *Une roupée!*—отозвалась Зина.

Красота или просто красивость, молодость, изящество, мода, большой свѣтъ, все это начинало тяготить ее. Она продолжала отгонять отъ себя мысль о князѣ. Его мать здѣсь... Не лучше ли она поступитъ, если поскорѣе познакомится съ нею и застрахуетъ себя окончательно отъ всякой новой вспышки тѣмъ, что будетъ бывать у нея? Увидится тамъ и съ сыномъ, когда тотъ пріѣдетъ сюда. Должна же она его встрѣтить гдѣ-нибудь. Послѣ того, что она рассказала Рынину, безчестно было бы избѣгать князя. Да онъ можетъ, наконецъ, самъ сдѣлать визитъ. Вѣдь онъ ничего не понималъ и не почувствовалъ у себя, въ деревнѣ. Ея визитъ былъ для него добрымъ дѣломъ, христіанскимъ порывомъ нѣжной женской души. Онъ навѣрно пріѣдетъ.

— Сестричка!

Голосъ Снѣткина вывелъ ее изъ раздумья.

Онъ стоялъ передъ нею веселый, краснощекій, съ бѣлымъ лбомъ и густыми, лоснящимися волосами, пестро одѣтый, въ англійскомъ жанрѣ, и глаза его, точно насмѣшливо улыбались ей.

— Et bien, quoi?—окликнула она.

— Онъ здѣсь!—шепнулъ Снѣткинъ.

Сосѣ съ Кремлевымъ была у буфета. Шварцъ, кавалеръ Зины, глядѣлъ въ другую сторону.

— Кто?—спросила она, и должна была сознаться себѣ, что тревога проникаетъ въ нее.

— Ряжскій въ Петербургѣ. Его мать здѣсь. Вы это знаете?

— Знаю.

— И онъ долженъ пріѣхать... Но этого мало.

— Сядемъ туда,—быстро заговорила она и перешла черезъ комнату, выбрала угловой круглый диванъ и сѣла. Снѣткинъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ну, такъ что жъ, что онъ здѣсь?

Она сказала это съ улыбкой, какую дѣлаютъ себѣ, когда спрашиваютъ о совершенныхъ пустякахъ.

— А тутъ?

Большая ладонь Снѣткина, въ модныхъ яркихъ перчаткахъ, съ широкимъ шитьемъ, легла на то мѣсто груди, гдѣ сердце.

— Тутъ... все то же!..

Зина начала не на шутку сердиться на себя и уже боялась, что она себѣ измѣнитъ, возьметъ не тотъ тонъ.

Но передъ Снѣткинымъ ей что же притворяться!..

— Знаете чтѣ, Снѣткинъ,—заговорила она и все оглядывалась на обѣ двери, выходящія одна въ слѣдующую залу, другая—на площадку.—Знаете чтѣ?.. Мнѣ бы очень хотѣлось сейчасъ же подойти прямо къ нему, подать руку и рассказать, вотъ какъ я вамъ рассказывала, про мою... есарпаде. Вы его видѣли?—перебила она самое себя.

— Нѣтъ, но я откланивался его матери.

— Вы не можете меня съ ней познакомить?

И она сейчасъ же поправилась:

— Нѣтъ, это не такъ... Подождемъ. Онъ непременно будетъ.

— Княгиня ждетъ его. Онъ тутъ долженъ быть ассистентомъ у одной хорошенькой барышни. Княгиня ее вывозить.

— Кто это?

Вопросъ, противъ воли Зины, былъ такъ быстръ, что Снѣткинъ громко вскрикнулъ:

— Сестричка!.. Да это—товѣ!

— Taisez-vous!—разсердилась она, прикусивъ губу.

Волненіе ся не проходило, это несомнѣнно.

— Вамъ угодно знать, кто барышня? — продолжалъ, точно подзадоривалъ ее, Свѣткинъ. — Курчаева. Тамъ, въ большой залъ, глаза такіе круглые. И линія имѣется. Я одобряю, хотя барышни для меня — *überwundener Standpunkt*.

— Вы нелѣпы!..

— Покорно благодарю.

Онъ смолкъ и лицо его стало серьезнѣе.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ онъ, нагнувшись слегка къ Зинѣ, — *la maman voudrait faire mijoter un mariage...*

— Съ этой... куклой? — вырвалось у Зины.

— Она боится, что онъ совсѣмъ рехнется со своей святостью. Продаетъ здѣсь книги и брошюры — и радъ! А потомъ, пожалуй, коробейникомъ пойдетъ по градамъ и весямъ... Вотъ старушка и хочетъ женить его!.. Вѣдь ему все равно. Онъ долженъ признавать бракъ цѣломудренно и, на весь вѣкъ, неразрывно... Барышня еще безъ всякаго душевнаго обличья. Стало, для него лестно будетъ сдѣлать изъ нея діакониссу.

Зина чуть не крикнула ему: „да перестаньте болтать!“ Она насилу сдержала себя.

— *Qui pourrait me présenter à la princesse?* — какъ будто про себя спросила она.

— *Votre époux chéri... ou le prince lui-même.* Онъ навѣрно будетъ. Да и вашъ супругъ попозднѣ завернется — погадать о своей судьбѣ по какимъ-нибудь, ему только видимымъ, признакамъ.

Зинѣ уже было непріятно то, что она заговорила о матери князя и спрашивала, кто могъ бы ее представить ей. Къ чему все это?

Свѣткинъ смотрѣлъ на нее и улыбался. Этотъ улыбающійся взглядъ показался ей вдругъ нахальнымъ и глупымъ.

— *Vous êtes infecte!* — сказала она ему отрывочно и серьезно, какъ, бывало, дѣвицей кому-нибудь изъ своихъ ухаживателей.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Свѣткинъ. — Получилъ и расписался.

Она лучше бы сдѣлала, если бы сейчасъ же уѣхала отсюда. Нѣтъ, это будетъ малодушіе. Какъ будто она въ самомъ дѣлѣ чего-то испугалась!..

— Прикажете чего-нибудь съѣстного? — продолжалъ дурачиться Свѣткинъ.

Его тонъ раздражалъ ее; она находила его русскія шуточки чуть не лакейскими. Ей захотѣлось сказать ему что-нибудь... такое, чтобы онъ ушелъ, отсталъ отъ нея. Ей нужно было остаться одной, затеряться въ толпѣ. И Сосѡ, и эти два адъютанта тяготили ее, хотя и стояли въ сторонѣ, у буфета, и ею въ ту минуту не занимались вовсе.

Снѣткинъ понялъ сразу ея чувство.

— Я удалюсь, — кротко сказалъ онъ, и она увидѣла, что онъ хочетъ ей показать, какъ онъ ее понималъ.

И это ее сердило. Онъ вообразить сейчасъ, что она въ новомъ любовномъ припадкѣ, и внутренне готовъ подсмѣяться надъ нею.

Она встала и, ничего ему не отвѣчая, подошла къ Сосѡ и двумъ молодымъ людямъ.

Тѣ ее спросили, не хочетъ ли она чего-нибудь съѣсть? Сосѡ хотѣла, но она дожидалась Зины. Красивая продавщица уже отошла отъ военнаго и своимъ взглядомъ приглашала ихъ. Снѣткинъ лѣниво поднялся съ дивана и такъ же лѣниво подходилъ къ буфету.

Онъ началъ всего отвѣдывать.

— Qu'as-tu? — шепнула Сосѡ Зинѣ.

— Rien, — отвѣтила она и повела сурово бровями.

Этого движенія бровей Сосѡ всегда боялась у своей кузины.

— Mais si, — настаивала она.

„Вы всѣ мнѣ надоѣли!“ — хотѣла имъ бросить Зина, но она себя пристыдила. Чѣмъ же они всѣ виноваты — и бѣдная Сосѡ, и Шварцъ, и Кремлевъ, и добрый, умный ея пріятель, который ѣлъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью и запивалъ уже третьей рюмкой крѣпкаго вина.

Но „чувство“ не проходило. Она не спокойна. Ее не занималъ болѣе базаръ, а на женщинъ, вотъ на эту продавщицу, она смотритъ особенно. Ея лицо сливается съ лицомъ той „дѣвчоночки“, про которую сболтнулъ Снѣткинъ.

„Это невыносимо!“

Машинально Зина взяла въ руку чашку чаю; съ ней кто-то говорилъ, она что-то отвѣчала; потомъ она что-то еще ѣла и пила, кажется, рюмку вина съ бисквитами.

Рюмка еще была у нея въ правой рукѣ, когда она обернулась въ тотъ уголъ комнаты, куда выходила дверь на площадку.

Въ дверь входилъ ея мужъ.

Она ужасно ему обрадовалась, такъ что рюмка дрогнула у нея въ рукѣ и она чуть не расплескала вина. Снѣткинъ одинъ это замѣтилъ и подошелъ къ ней съ вопросительнымъ взглядомъ. Зина даже не посмотрѣла на него, быстро поставила рюмку и подбѣжала къ мужу.

— Парменій, — она назвала его такъ едва ли не въ первый разъ, — ты очень кстати пріѣхалъ.

Она тотчасъ же увлекла его въ глубину комнаты и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила ему, что здѣсь княгиня Рязская, которую онъ, кажется, знаетъ, и что всего лучше будетъ ему подвести ее къ ней.

Она говорила съ такимъ выраженіемъ глазъ, что Рынинъ могъ понять это за желаніе дать ему почувствовать, какъ съ нея слетѣло все, бывшее въ Ширяевѣ, и она теперь совсѣмъ не желаетъ избѣгать случая возобновить знакомство съ княземъ. Этимъ она покажетъ Рязскому, что тамъ, въ деревнѣ, ничего и не было съ ея стороны, кромѣ участія къ его нездоровью.

Внутри у нея точно пробѣгали струйки особаго чувства, сродни тому, когда она такъ ловко заслоняла отъ мужа свою страсть. Она это и сознавала, и не сознавала.

Рынинъ былъ сначала какъ бы немного озадаченъ, но сейчасъ же выговорилъ:

— Изволь, только я мало ее знаю. Съ визитами бывалъ, но давно.

— Надо такъ сдѣлать!..

Зина сказала это порывисто и опять посмотрѣла на него съ тѣмъ же выраженіемъ.

Подошелъ Снѣткинъ.

— А князь Рязскій здѣсь? — небрежно спросилъ его Рынинъ.

Онъ никакъ не могъ бы подумать, что Зина рассказывала ему про ширяевскую исторію.

— Мнѣ княгиня сейчасъ говорила, что ждетъ его.

— Ты понимаешь, — тихо и быстро говорила Зина мужу, — я не могу же знакомиться съ княгиней черезъ Снѣткина.

Сосѣ и оба ея провожатыхъ видѣли, что о чемъ-то идетъ совѣщаніе. Они уже заплатили у буфета.

— Qu'est-ce? — опять съ участіемъ спросила Зину Сосѣ и взяла ее за локоть, по старой привычкѣ.

Она постоянно боялась, что между Рынинымъ и глѣдетъ

сцена, боялась и внутренно была бы рада чему-нибудь рѣшительному.

— Ничего, Сосѡ, ничего, — отвѣтила ей Зина мягко, какъ успокаиваютъ подростковъ. — Идемъ въ залу.

И она головой скомандовала Шварцу и Кремлеву; оба, при Рынинѣ, сейчасъ же немного сократились.

Они пошли сзади, а ихъ мѣста заняли Снѣткинъ и „мужъ“, — такъ они между собой называли Парменія Никитича.

Зина сама пошла подъ руку съ мужемъ и продолжала говорить ему, уже шутливо, какъ ей хотѣлось бы заслужить одобреніе княгини Рязской и поступить даже въ ея „общество“. Онъ молчалъ, но не хмурился, только немножко недоумѣвалъ. Собственное волненіе уже не казалось Зинѣ подозрительнымъ; она говорила совсѣмъ не о томъ, что у нея было въ головѣ.

Въ головѣ повторялось нѣсколько фразъ: „такъ лучше... это самое вѣрное средство... Il faut aller droit au but“...

Но къ какой цѣли? И почему ей такъ захотѣлось сейчасъ же быть представленной княгинѣ? Она не могла бы отвѣтить.

Рынину не былъ вполне ясенъ мотивъ представленія Зины. Но онъ считалъ это допустимымъ... и даже не лишнимъ: большой, родовитый домъ — хоть и „шалыхъ“ людей. По благотворительности княгини занимала очень высокое положеніе. Только лучше бы уже было найти въ залѣ и самого князя.

Имъ указывалъ путь Снѣткинъ.

— Да и онъ здѣсь! — вдругъ крикнулъ онъ и указалъ головой на драпировку изъ русскихъ кружевъ, откуда глядѣли круглые глаза дѣвушки.

Зина ствернула голову, заслышавъ слова Снѣткина, и встрѣтила тревожный взглядъ Сосѡ; та ничего не понимала, что тутъ творится...

„C'est bien!.. Elle a un amant“, — мгновенно сказала Сосѡ про себя.

Зина почувала это и густо покраснѣла.

И вдругъ, точно кто-то ее ударилъ подъ колѣни; ноги у нея дрогнули, и если бѣ Рынинъ не велъ ее, она бы непременно упала. Онъ одинъ не замѣтилъ этого.

Такой ударъ испугалъ и взбѣсилъ ее. Она вся выпрямилась, оперлась на руку мужа и смѣло, съ улыбкой по губахъ, съ откинутой назадъ головой, подошла къ прилавку.

Князь стоялъ, немного согнувшись, и считалъ деньги, рядомъ съ дамой въ сѣдыхъ букляхъ, такого же почти роста, какъ и онъ. Худое, кроткое, простоватое лицо и большое изящество пожилой женщины схватила разомъ Зина, оглядѣвъ княгиню вбокъ; потомъ перешла взглядомъ къ блондинкѣ.

Все еще подъ руку съ мужемъ, у прилавка, сказала она громко: „Bonjour, prince!“ послѣ того, какъ Рынинъ почтительно поклонился княгинѣ. Князь бросилъ деньги, слегка покраснѣвъ,—это она прекрасно замѣтила,—обернулся къ матери и сказалъ ей довольно громко:

— Зинаида Мартыновна Рынина.

Княгиня отвѣтила сначала ему ласковымъ взглядомъ и тогда уже протянула руку Зинѣ и пожала ее крѣпко:

— Je vous connais,—сказала она съ удареніемъ, приятнымъ, тягучимъ голосомъ и подала потомъ руку Рынину.

Сосѣ тоже представили. Снѣткинъ подвелъ и обоихъ молодыхъ людей.

— Tableau de famille!—шепнулъ онъ Зинѣ.

Но она что-то уже выбирала у блондинки, вызывая ее на разговоръ.

„Poupée, va!“ — задорно мелькало въ головѣ Зины въ то время, какъ губы ея выговаривали разныя маленькія фразы, суховатыя и модныя, изъ того жаргона, которымъ она владѣла когда-то въ совершенствѣ.

Блондинка, розовая, надушенная геліотропомъ, отвѣчала ей все: „oui, madame, parfaitement, madame“, и это безпрестанное: „madame“ звучало у нея такъ, точно будто она въ самомъ дѣлѣ продавщица по профессіи. Зина и опредѣлила ее: „une petite de magasin“.

Она слушала, слѣва, разговоръ княгини съ мужемъ. Княгиня благодарила его за Зину, за ея доброту и сердечное вниманіе къ большому сыну. Рынинъ только наклонилъ голову и ничего не говорилъ.

„Вотъ это мило!—подумала Зина.—Онъ, пожалуй, разсердится. Его же благодарять за мою побѣдку къ князю“.

Теперь можно было присоединиться къ ихъ разговору. Князь кончилъ считать деньги и что-то говорилъ Снѣткину. Сосѣ подошла къ прилавку и поглядѣла на Зину съ особымъ выраженіемъ, послѣ чего начала выбирать русскія кружева.

Этотъ взглядъ Сосѣ придалъ Зинѣ новой бодрости въ борьбѣ съ собою. Ничего у нея нѣтъ ни въ головѣ, ни

въ крови, ни въ сердцѣ къ князю. Глупая Сосѡ сейчасъ съ своей маніей любви и отгадываніемъ увлеченій!..

И она сама заговорила съ княземъ, весело, немного даже по-пріятельски, спросила, доволенъ ли онъ тѣмъ, что дѣлаетъ въ Петербургѣ, что его деревенскіе школьники, долго ли онъ думаетъ прожить здѣсь? Попросила не забывать своихъ ширяевскихъ друзей, потомъ обратилась къ княгинѣ, „поручила себя“, по-французски, ея вниманію и очень почтительно поблагодарила ее за приглашеніе бывать у нея.

Одинъ всего, быстрый и обволакивающий, взглядъ кипела она на князя, когда онъ подавалъ ей руку, и ей показалось, что въ его голубыхъ глазахъ, подернутыхъ слезой, вспыхнула тревога, — что-то непохожее на его всегдашнее выраженіе.

— Вы здѣсь по доброй волѣ?—успѣла она бросить ему вопросъ, уходя...

Князь сдѣлалъ жестъ головой и улыбнулся, но опять не такъ, какъ улыбался въ деревнѣ.

Зина посреди залы оставила руку мужа и сказала ему:

— Я тебя не удерживаю...

И отъ Сосѡ она ушла въ противоположную сторону. Ей надо было остаться одной. Она избѣгала разспросовъ кузины и ухаживанія своихъ провожатыхъ.

Шварцъ и Кремлевъ искали ее и нашли съ трудомъ въ той залѣ, гдѣ на эстрадѣ, за растеніями, помѣщался оркестръ.

Она ихъ прогнала и приказала сказать Сосѡ, чтобы та ее не дожидалась, ѣхала домой, если ей скучно, а ей прислала бы назадъ сани.

Говоря это, Зина выпрямилась; ея лицо, блѣдное и нервное, съ античнымъ носомъ, съ короткими волосами на лбу, подъ шляпой строгихъ цвѣтовъ, рослый станъ и движеніе руки, когда она отдала имъ приказаніе, прельстили обоихъ пріятелей.

Они оба стояли съ минуту и глядѣли ей вслѣдъ.

— Одинъ восторгъ!—выговорилъ Шварцъ.

— Восторгъ!—повторилъ Кремлевъ.

Оба уже согласились наканунѣ, что „такую“ женщину не постыдно любить и вдвоемъ, даже и совсѣмъ „понапрасну“, какъ дразнилъ уже ихъ Сибѣткинъ.

VII.

— Mon enfant, tu danseras encore une contredanse avec Olga...

Князь Рязскій выслушалъ слова своей матери, сказанныя тихо и почти просительно, молча нагнувъ голову, въ знакъ согласія, и пошелъ отъ буфета въ залу, гдѣ уже проиграли приглашеніе къ кадрили.

Онъ знаетъ, его добрая и кроткая мать выбрала ему невѣсту, хорошенькую Ольгу Курчаеву, и онъ очень ее огорчить, если откажется отъ этой дѣвушки. Конечно, княгиня вызвала его изъ деревни раньше, чѣмъ онъ собирался въ Петербургъ, съ тою же цѣлю.

„Жениться?“—Онъ признавалъ бракъ, одинъ, нерасторжимый; ему тридцать лѣтъ, дѣвушка милая... Мать вотъ ужъ сколько времени увѣряетъ его, что у Ольги — прекрасная душа, что она ждетъ только человѣка, призваннаго Богомъ направить ее на добро...

Можетъ-быть!..

Въ залѣ было движеніе. Устанавливались пары и вдоль, и поперекъ большой залы, подъ мраморъ, со старинной, золоченой мебелью. Этотъ вечеръ княгиня устроила для Ольги. На него она пригласила и Рыниныхъ.

Вонъ стоитъ Зина, въ правомъ углу. Она говоритъ съ распорядителемъ тапцесъ, очень высокимъ, худымъ брюнетомъ, въ мундирѣ казацкаго адъютанта. Ея профиль и голова съ короткими волосами, изгибъ талии, туалетъ, весь бѣлый, привлекутъ взглядъ князя. Она сама пригласила его на эту кадрили.

Ему слышится, до сихъ поръ, голосъ ея, и то, что она ему сказала, не на базарѣ, а у нихъ, когда пріѣхала къ нимъ съ визитомъ, одна, и онъ принялъ ее, до выхода княгини.

— Вы меня чуть не погубили! — сказала она ему въ тотъ разъ и громко разсмѣялась.

Онъ не понялъ. Тогда же она ему рассказала про свою попытку броситься на него съ чѣмъ-нибудь, съ револьверомъ, съ ножомъ, у него во флигелѣ. Это, конечно, была шутка. Онъ не сталъ спрашивать; мать его вошла въ ту минуту. Но ему сейчасъ вспомнилось, какая она тогда, у него въ деревнѣ, была странная. Ему стало сейчасъ же не по себѣ, какъ будто совѣстно за то, что случилось тогда... Значить, онъ былъ виноватъ. Но въ чемъ же?

Онъ смотрѣлъ на нее, когда она говорила съ княгиней, сидя въ уголку, за кресломъ матери. Это лицо онъ плохо видѣлъ прежде, не разсмотрѣлъ. Въ немъ что-то начало его трогать и тревожить. И голосъ отзывался у него въ груди...

„А если она не пошутила?—думалъ онъ, не слушая, о чемъ говорить мать съ Зиной,—тогда что же это было?“

Отвѣчать онъ не умѣлъ. У него давно не бывало въ головѣ мысли о томъ, что онъ можетъ возбудить въ женщинѣ страсть. Но если она не шутила, значить, онъ доставилъ ей душевное страданіе, не понялъ ее, не отозвался?

Не отозвался—на чтѣ? На страсть, т.-е. на „похоть“, на „прелюбодѣяніе“?

Эти слова наполнили его физическимъ отвращеніемъ. Ему сдѣлалось такъ неловко, что онъ съ трудомъ оставался въ гостиной, и въ то же время это лицо, этотъ голосъ приковывали его къ креслу все сильнѣе.

Надо было проводить гостью до передней. Княгиня два раза сказала ему:

— Oreste, reconduis madame.

Въ залѣ они остановились оба разомъ.

— Вы пошутили?—сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ,—отвѣтила она и такъ на него взглянула, что онъ весь вспыхнулъ.

— Только, князь, трагедіи я уже бросила; теперь я смотрю и на себя, и на все... гораздо проще.

Эти слова кончились смѣхомъ, для него и жуткимъ, и приятнымъ. Онъ не нашелъ, чтѣ ей отвѣтить, но не посмѣлъ, однако, сказать ей:

„Полноте, такъ не хорошо!“

А это онъ сказалъ бы непременно въ деревнѣ, у себя, или у нихъ, въ Ширяевѣ.

Два дня онъ рѣшалъ: поѣхать къ ней или нѣтъ? Мать его вздумала, тѣмъ временемъ, устроить „une petite sauterie“ для Ольги, и послала его сдѣлать визитъ Рынинымъ, пригласить ихъ; за себя извиниться: она, дѣйствительно, не выѣзжала дни три.

Онъ обрадовался этому порученію. Онъ самъ уже жаждалъ „хорошаго разговора“. Вѣдалъ онъ въ полной увѣренности, что ее увидитъ, и даже одну; по дорогѣ—волновался, но онъ не засталъ Зины; дома былъ только мужъ. Это его огорчило, и въ первый разъ, едва ли не съ того

времени, какъ онъ былъ въ полку, чувство досады овладѣло имъ.

Такъ онъ ее и не видалъ до этого вечера. Когда она вошла, онъ говорилъ съ Ольгой Курчаевой. Но его вдругъ стало тянуть къ „Зинѣ“, — онъ уже мысленно звалъ ее такъ, — и онъ задержалъ ее по пути въ гостиную, гдѣ сидѣла его мать, смотрѣлъ на нее, чувствовалъ, что ему совсѣмъ не то хочется говорить, а то, съ чѣмъ онъ ѣхалъ къ ней въ отель.

Она бросила ему двѣ-три фразы по-пріятельски, тономъ, отъ котораго онъ совсѣмъ отсталъ, такимъ, какъ тогда на базарѣ, но сейчасъ же сказала:

— Если вы танцуете, — я даю вамъ одну кадрили.

И онъ пожалѣлъ, что не первую; на нее онъ пригласилъ Ольгу, по просьбѣ матери.

Зина отошла отъ брюнета. Ей надо было перейти поперекъ всей залы. Князь, въ нерѣшительности, не зналъ, гдѣ они станутъ: на той сторонѣ, гдѣ она, или тамъ, гдѣ онъ стоялъ? Она сдѣлала ему знакъ головой, чтобы онъ не трудился идти за ней и оставался бы тамъ, гдѣ ему и слѣдовало быть. Его визави помѣстился уже въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ она говорила съ распорядителемъ танцами.

На этотъ вечеръ она непременно бы попала, если бы княгиня первая и не пригласила ее. Мужъ, можетъ-быть, и хотѣлъ возражать; но настоящаго траура она не носила, это не балъ, а маленькій вечеръ, гдѣ были почти однѣ дѣвицы. Отъ Свѣткина знала она, что „sauterie“ княгиня затѣяла для Ольги, что Ольга уже почти невеста князя. „Никогда этому не бывать!“ — такъ рѣшила Зина и назвала Свѣткина „сплетникомъ“ и „врадемъ“. Онъ сталъ подсмѣиваться надъ „рецидивомъ“ ея страсти. Она не на шутку разсердилась на него и чуть не прогнала. Почти такая же сцена вышла у нея, два дня передъ тѣмъ, въ день отъѣзда Сосѣ въ Москву. Та также стала увѣрять ее, что она любитъ, и повторяла все одну и ту же фразу:

„Меня нельзя провести“.

Зина простилась съ нею сухо, надавала ей нѣсколько бранныхъ прозвищъ и даже не поѣхала проводить. Сосѣ не стала плакать, какъ всегда, не на шутку обидѣлась и пожелала кузинѣ узнать, наконецъ, что такое любовь, и поплатиться хорошенько...

На вечерѣ княгини Рязской Зина была среди незнакомаго общества, съ „дѣвчонками“, какъ она сказала Снѣтку. Онъ получилъ отъ нея приказъ явиться. Въ томъ, какъ ее встрѣтилъ князь, было что-то новое, незнакомое ей въ немъ. Она боялась ошибиться и начала радостно мечтать... Она уже больше не пересиливала себя, не стыдилась, не возмущалась; способна была опять шутить съ княземъ, на тему своей „toquade“. Трагедии она не хочетъ; но она ничего не испугается и посмотритъ, таковъ ли онъ будетъ здѣсь, и что у нихъ разыграется... Никакихъ другихъ вопросовъ она не желала задавать себѣ.

Но когда князь подалъ руку Ольгѣ Курчаевой и повелъ ее на мѣсто, Зинѣ вдругъ представилась возможность того, что эта „дѣвчонка“ будетъ его женой. Въ танцахъ она не выпускала ее изъ виду. Ея станъ, руки, голова мелькали мимо Зины и обдавали ее свѣжестью всемирнаго лѣта. Такой талии у нея самой уже не было. Молодость Ольги, эти наивные глаза, чистота линій тѣла, самый туалетъ—изъ нѣжныхъ цвѣтовъ, между розовымъ и желтымъ—бросали вокругъ сіяніе, веселили и красили остальныхъ дамъ.

И рядомъ съ нею—красавецъ, такой же блондинъ, какъ и она, съ приемами англійскаго аристократа, съ милой неловкостью человѣка, почти разучившагося танцевать. Но фракъ на князѣ былъ лондонскій, бѣлый галстукъ шелъ къ нему изумительно. Кто бы подумалъ, что онъ пріѣзжалъ въ Ширяево въ валенкахъ и полушубкѣ! Вотъ такимъ, какъ теперь, онъ долженъ быть всегда, и надо его удержатъ здѣсь, въ Петербургѣ. Пускай его женить! Развѣ такая блондиночка съ дѣтскими круглыми глазами можетъ держать его въ своей власти? Такъ думала Зина все время кадрили. Ей стало очень весело. Снѣткинъ и распорядитель танцевъ подводили къ ней молодыхъ людей. Она не искала князя; ей что-то говорило, что онъ не тотъ, какимъ былъ въ деревнѣ, и что отъ нея будетъ зависѣть провести его черезъ ощущенія, которыми онъ, въ своей святости, отрицалъ. Онъ какъ будто избѣгаетъ ея и то и дѣло взглядываетъ на нее издали.

Проиграли вторую ритурнель къ кадрили. Зина подошла къ князю. Ихъ стулья стояли въ самомъ углу у стѣны. Говорить было удобно.

Онъ сталъ надъ нею и глядѣлъ сверху внизъ на ея голову и бюстъ. Зинѣ передавалось то что-то, чего не

было прежде въ князѣ. Она уже видѣла, что теперь она можетъ говорить ему съ самымъ игривымъ видомъ, шутить надъ нимъ и надъ собою, дѣйствовать по правиламъ поваго, дерзкаго кокетства, и онъ ее не остановитъ. Волненіе связывало ему языкъ.

Ихъ взгляды встрѣтились.

— Князь, — сказала она ему, поднявъ голову къ его лицу, — вы повѣрили тому, что я вамъ сказала... помните?

— Да, — отвѣтилъ онъ, смущенный и странно улыбающійся.

— Могли погубить меня... не правда ли? Vous me devez une compensation.

— Это правда! — выговорилъ онъ и не могъ отвести отъ нея глазъ, а взглядъ ихъ — онъ чувствовалъ — былъ „нехорошій“.

Зина уже схватила этотъ взглядъ и встала — имъ надо было начинать — съ большою затаенною радостью: нужды нѣтъ, что въ ней не клокочетъ та страсть, налетѣвшая на нее въ деревнѣ. Теперь она сама сильнѣе, это ясно. Ей и не нужно никакихъ увѣреній въ томъ, что „ключинѣ“ въ тридцать лѣтъ, изъ плоти и крови, съ такимъ лицомъ и глазами, „блажить“ до потери всякаго чувства жизни?.. Вотъ такой жизни, какая теперь начинается въ нихъ и между ними!

Вся зала заискрилась и запрыгала передъ Зиной... Она ласково глядѣла на Курчаеву, и чувство соперничества отлетѣло отъ нея. Пускай та танцуетъ, улыбается, мечтаетъ о замужествѣ... И всѣ остальные дамы и дѣвцы пускай вытанцовываютъ себѣ мужей и любовниковъ. Онѣ всѣ хорошенькія, нарядныя, и казались ей совсѣмъ не такими полчаса назадъ. Она переходила глазами отъ одной къ другой, дѣлая фигуры кадрили. Красивѣе ея вонъ та брюнетка, молодая дама, въ черномъ платьѣ, съ ландышами въ волосахъ. Какія чудныя плечи! — такихъ у нея никогда не бывало, и что за бархатные глаза! И „дѣвчонки“ ей уже нравились, всѣ безъ исключенія, и не дразнили ее больше своей свѣжестью, молодымъ румянцемъ и блескомъ глазъ, полныхъ бальныхъ ощущений. Офицеры и штатскіе мелькали передъ нею, и она ихъ оглядывала съ той же тихой лаской, съ тѣмъ же сознаниемъ „чего-то“ поваго въ князѣ. Эти „мальчижи“ и „дѣвочки“ танцуютъ съ нею въ одной кадрили и не знаютъ,

какъ ей хорошо... У нихъ есть тоже свои сердечныя дѣла; но она не завидовала ихъ любви, ихъ увлеченіямъ и восторгамъ. У нихъ—свое, у нея—свое... все то же самое, но неизбѣжное, противъ котораго не устоялъ и онъ...

Зина подала обѣ руки князю и сдѣлала съ нимъ кругъ. Онъ избѣгалъ ея взгляда. Рядомъ съ нею, въ прикосновеніи танцевъ, онъ продолжалъ испытывать волненіе. Его то и дѣло бросало въ краску, внутри что-то трепетало, пріятное и хищное, возраставшее отъ близости къ этой женщинѣ. Ни разу онъ не подумалъ о всей глупой суетности такого вечера, о „безобразіи“ голыхъ плечъ и рукъ въ дѣвушкахъ по семнадцатому году, привезенныхъ матерями напоказъ и продажу въ замужество, о возмутительной тратѣ денегъ на цвѣты, кружева, шелкъ, брильянты. Забылъ онъ и про желаніе своей доброй и кроткой матери — женить его на одной изъ этихъ прыгающихъ тутъ барышень. Онъ какъ бы терялъ связь съ тѣмъ чело-вѣкомъ, что, нѣсколько дней назадъ, соглашался жить въ Петербургѣ затѣмъ только, чтобы не огорчать матери своей и чтобы распространять привезенныя имъ книжки и брошюры.

Его уже не мучилъ вопросъ—неужели онъ могъ навести Зину на кровавый поступокъ? Жѣнщина привлекала его въ ней, и такихъ онъ еще не встрѣчалъ...

— Какъ мила ваша невѣста, князь!

Эти слова точно разбудили его.

— Моя невѣста?—шопотомъ и быстро переспросилъ онъ.

— Да, вонъ та барышня! Очень мила, очень...

— Но это неправда, — почти съ сердцемъ выговорилъ князь.—Матап, дѣйствительно...

Ему тяжело было продолжать. Глаза Зины улыбались ему такъ игриво и увѣренно.

— Не оправдывайтесь... Я вѣдь знаю, что вы не жечитесь. Вы не отъ міра сего!..

— Вы думаете?

Въ его вопросѣ была нота стыда...

Онъ началъ презирать себя въ ту минуту, но не могъ сказать ничего такого... прежняго, прекратить этотъ „срамной разговоръ“, какъ называлъ бы его каждый изъ его пріятелей-мужиковъ, которые были однихъ съ нимъ взглядовъ на „дѣль жизни“.

„Это пройдетъ, это пройдетъ“, — мелькало у него въ головѣ, и рука его держала руку Зины, и глаза блуждали,

прикованные то къ ея головѣ, то къ обнаженнымъ рукамъ, то къ профилю, то ко всему ея стану...

Дирижеръ танцевъ что-то очень громко крикнулъ, и всѣ взяли дамъ за талію.

— Что же, князь? — пригласила Зина, и чуть не расхохоталась. — *Voilà! du courage!*..

И его рука обхватила ея талію въ первый разъ. Онъ уже держалъ за талію Ольгу Курчаеву, и ему было почти гадко, совѣстно, по не такъ, какъ теперь—скорѣе смѣшно и чудно. А теперь его рука вздрагиваетъ, дыханіе Зины туманить ему взглядъ, въ ушахъ звонъ... Онъ путается... Кому-то наступилъ на платье.

— Ха-ха-ха! Орестъ! Осторожнѣе, братецъ!

Это крикнулъ на него Снѣткинъ, пустившійся въ танцы, чтобы почаще сталкиваться съ Зиной и шептать ей разныя глупости, которыя уже не сердили ее, скорѣе веселили.

Разсмѣялось и еще нѣсколько мужчинъ надъ неловкостью князя. Но Зина на своей таліи чувствуетъ вздрагиваніе его руки и ея пожатіе. Она киваетъ головой Снѣткину и потомъ, въ „*balancez*“, кидаетъ ему:

— *Ça y est!*

Фразу эту разомъ услышали ея адъютанты, Шварцъ и Кремлевъ. Они танцуютъ *vis-à-vis*, въ новыхъ, вышитыхъ въ Парижѣ, пластронахъ рубашекъ; имъ давно уже замѣтно, что „патронша“ (такъ Зину прозвали они сами) занята своимъ кавалеромъ. Но они любятъ вдвоемъ и терпѣливо. Они состоятъ „при ней“, и не хотятъ лучшаго положенія.

Кадриль длилась, конца ей не было съ фигурами, отъ которыхъ дама освободила князя. Продолжительность эта и мучила его, и давала ему неизвѣданное чувство близости къ женщинѣ, разбудившей въ немъ „звѣря“: такъ онъ еще могъ минутами называть свое душевное состояніе. Когда дирижеръ крикнулъ, точно ему перехватило горло веревкой:

— *Saluez vos dames!*

Князь былъ такъ близокъ Зинѣ, что ему вся зала—мужчины, женщины—сдѣлались несносны своимъ присутствіемъ. Зачѣмъ они не провалятся разомъ и не оставятъ ихъ вдвоемъ?!..

— Поведите меня въ буфетъ, — сказала ему Зина. — Мнѣ хочется пить...

Онъ стоялъ съ нею у того угла, гдѣ было шампанское, паливалъ его, чокался, самъ пилъ; сзади и сбоку гудятъ около него разговоры... Трудно ему захмелѣть. Въ полку его спаивали не разъ, и всегда находили, что онъ—изъ самыхъ крѣпкихъ. Отъ шампанскаго онъ долго не опьянѣетъ; но въ груди пріятно заняло и въ головѣ заиграли тѣ пузырьки, что искрятся въ стаканѣ... Такъ ему гораздо лучше.

Подошелъ Снѣткинъ. Онъ предлагаетъ и ему выпить.

— Молодецъ, Орестъ! — слышитъ онъ его жирный голосъ.—Какая у тебя чудесная учительница... въ танцахъ!..

Они втроемъ смѣются. Этотъ смѣхъ уже не кажется ему ни безстыднымъ, ни неумѣстнымъ. Лучше смѣяться и хоть немного опьянѣть. Въ глазахъ Зины онъ видитъ уже начало опьянѣнія. Онъ не ошибается... И это ему не противно...

— Мы вмѣстѣ ужинаемъ, за особымъ столомъ, — говорить Снѣткинъ и подмигиваетъ имъ обоимъ.

— Да, да! — вскрикнулъ онъ съ Зиной.

Все будетъ устроено. Они усидутся въ комнатѣ налѣво отъ залы, возьмутъ Шварца и Кремлева и еще одну даму—ту брюнетку, что такъ понравилась Зинѣ, и больше никого.

— А твоя невѣста? — шепнулъ ему Снѣткинъ. — Маленька огорчится, если ты ее посадишь...

И въ отвѣтъ онъ вдругъ дѣлаетъ движеніе головой, ухарское, почти нахальное, и говоритъ:

— Дѣвицъ не нужно!

Всѣ трое опять смѣются. Ему хорошо въ этой грязи: чужая жена, вообще женщина, чуждая ему, его душѣ, и онъ желаетъ ее... такъ грѣховно, и уже не стыдится, а говоритъ ей, всѣмъ своимъ существомъ, что она найдетъ въ немъ своего сообщника въ паденіи, если только онъ ей не противенъ.

— Oreste! — окликнули его уже въ третій разъ.

Но онъ ничего не слышитъ.

— Княгиня! — толкнулъ его Снѣткинъ.

— Quoi, maman? — спросилъ онъ ее, и не узналъ ни голоса своего, ни тона.

Княгиня поглядѣла на него, на его даму и товарища, и въ этомъ взглядѣ былъ нѣмой упрекъ; но онъ до него не дошелъ.

— Ah! la contredanse!.. Je n'oublie pas!

Онъ говорилъ по-французски. Русскія слова у него нейдутъ какъ-то съ губъ. Мать позвала его жестомъ головы; когда онъ подошелъ къ ней, извинившись передъ Зиной, княгиня попеняла ему, что онъ совсѣмъ забываетъ Ольгу. Онъ чуть-чуть не сказалъ ей:

„Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ сватовствомъ“

— *Donne-moi ton bras.*

Съ неохотой подаль онъ руку матери и, уходя, обернулся къ Зинѣ и Снѣткину.

— Что же, сестричка? Теперь будете отпѣкиваться? А?..

— Нѣтъ, не буду,—отвѣтила Зина, и они чокнулись.

— Рецидивъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ новая...

— Что новая?.. Болѣзнь?

— Очень пріятная...

Они выпили залпомъ.

— Поживите хоть за меня,—заговорилъ Снѣткинъ другимъ тономъ.

— Это еще что?

— Здѣсь, вотъ, въ Питерѣ... Я ѣду... на-дняхъ...

— Куда?

— Въ мѣстечко Парижъ.

— Съ ней?—спросила Зина.

— *Yes...*

Снѣткинъ вздохнулъ.

— И надолго?

— До истощенія финансовъ.

— А потомъ?

— Узнаете...

— Ахъ, Снѣткинъ! Пожалуйста, не пугайте... Я вѣдь не Надя...

Она не желала никакихъ намековъ, смущающихъ ея настроеніе. Болтать „по-холостому“ — вотъ что онъ обязанъ былъ дѣлать. И ихъ разговоръ у буфета дѣлался все скабрзнее, забавлялъ ее контрастомъ съ невиннымъ характеромъ этой „sauterie“ для барышень.

Они пошли подъ-руку въ залу отыскивать князя, вручить его, бѣднаго. Мать не на шутку собралась его женить. Зина стала сочинять вслухъ цѣлую исторію, гдѣ она будетъ играть роль „тигрицы“. Слово „тигрица“ очень ихъ забавляло.

— Въ гостиной играли въ карты на двухъ столахъ. За однимъ—Рынинъ съ молодой дамой и двумя мамень-

ками. Онъ исполнялъ свои обязанности съ такой серьезностью, что и Зина, и Снѣткинъ не могли его не одобрить. О немъ они говорили, точно будто онъ былъ не мужъ Зины, а дядя или опекунъ, съ которымъ она будетъ выѣзжать зимой, въ „хорошіе дома“, — подсказалъ Снѣткинъ.

У Зины не было того же пріятнаго желанія „le mettre dedans“, какъ въ Ширяевѣ; но безъ всякаго усилія, просто, какъ самую законную вещь, она признавала полезнымъ, необходимымъ и естественнымъ оградить свое теперешнее „удовольствіе“ отъ всякаго контроля и вмѣшательства мужа.

Рынинъ что-то хотѣлъ ей сказать. Она подошла къ нему.

— Ты хочешь ѣхать? Устала? — спросилъ онъ ее мягко.

— Нисколько. Мы будемъ ужинать.

— Гдѣ?

— Не знаю.

Заиграли вальсъ, и Снѣткинъ увлекъ ее въ залу. Но на второй туръ ея талию держалъ князь и вертѣлъ ее порывисто. Она не вѣрила тому, что вальсируетъ съ нимъ; но его рука обличала такое волненіе, и глаза глядѣли не въ даль, а на нее, и губы вздрагивали.

„Богомолецъ! — смѣялась она внутри себя. — Каково?.. Вотъ такъ успѣхи!..“

Голова закружилась у нихъ обоихъ послѣ трехъ круговъ по залѣ. Съ вальса, между ними то „что-то“, которое овладѣло и княземъ, уже не пряталось, не колебалось, прямо заявляло себя. Онъ танцевалъ и съ блондинкой, по обязанности, но ихъ раздѣляло только разстояніе отъ одной стѣны залы до другой. Они не переставали уже быть вмѣстѣ и до котильона, и во время его. Ужинъ прошелъ шумно, какъ они условились съ Снѣткинымъ, за отдѣльнымъ столомъ. Князь не побоялся огорчить мать свою. Ольга Курчаева была имъ оставлена въ столовой. За однимъ столомъ съ нею очутился Рынинъ.

Стали разѣзжаться, а они все ужинали... Князь провожалъ Зину до подъѣзда и, когда мужу подавали шинель, сказалъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Какъ я былъ глупъ!

Шварцъ и Кремлевъ подсаживали Зину въ карету. Голова у нея кружилась.

— Ты, кажется, задумала месть женщины? — выговорилъ Рынинъ, кутаясь въ шинель.

— Что такое?—не разслышала Зина.

— Такая пьеса есть, Сарду,—„Fernande“. Русское заглавіе: „Местъ женщины“. Святошу я не узналъ... Или желаешь разстроить его свадьбу?

— Можетъ-быть!...

Эти слова были сказаны задорно, и въ звукахъ слышался ужинъ съ шампанскимъ.

— Не обожгись,—замѣтилъ онъ, безъ раздраженія, тѣмъ тономъ превосходства, который не такъ давно приводилъ ее въ бѣшенство.

Но ничто не могло ее вывести изъ ея новаго настроенія. Что бы ни говорилъ этотъ полковникъ, считающійся ея мужемъ, ей рѣшительно все равно.

— Ça у est! — повторила она про себя; ея глаза слепались.

Она осталась бы, такъ, въ баретѣ, всю ночь, съ той же головой, гдѣ все танцовало и искрилось, съ замираніемъ сердца, не прежнимъ, жалкимъ и робкимъ, а сладкимъ—и грѣшнымъ, и хищнымъ,—съ сознаніемъ побѣды и чарующаго паденія, которое такъ близко... Завтра, послѣзавтра...

— Зина, мы пріѣхали,—разбудилъ ее голосъ мужа.

— Какъ жалко!..—подумала она вслухъ.

VIII.

Снѣткинъ взялъ со столика свою котиковую шапку и нагнулся къ кушеткѣ, гдѣ Зина, какъ всегда у себя, „больше лежала, чѣмъ сидѣла“, въ плюшевомъ пеньюарѣ темносиняго, почти чернаго цвѣта.

Шелъ четвертый часъ, сумерки уже надвигались. Они сидѣли такъ, вдвоемъ, минутъ двадцать.

— Знаете чтò, сестричка,—медленно выговорилъ Снѣткинъ и поникъ головой, — вѣдь у меня за васъ не особенно ладно на душѣ... право...

— Безъ меланхоліи!..

Зина отдѣлила голову отъ кушетки.

— Хорошо, если у благочестиваго человѣка достанетъ грѣховности—поддаться вамъ... какъ слѣдуетъ...

Они передъ тѣмъ, и намеками, и совершенно ясно, говорили о клязѣ, о томъ, чтò въ немъ теперь происходитъ.

— Не расхолаживайте!—сказала Зина, и тихо засмѣялась.

— Я не упираюсь, не отрицаю вашей побѣды... Цѣлую ваши ручки и сожалѣю о томъ только, что не держалъ съ вами пари. Какой угодно кабошонъ изъ сапфира проигралъ бы вамъ съ великимъ наслажденіемъ!

Зина улыбалась ему; глаза ея были полузакрытыми.

— Сегодня ждете?

— Не знаю... Да,—добавила она увѣренно.

— Мужъ дома?

— Кажется, нѣтъ.

— И вотъ на этотъ самый коверъ благочестивый чело-вѣкъ опуститъ свои благородныя рюриковскія колѣни; вы его, хоть на первыхъ порахъ, носкомъ туфли толкните, чтобъ онъ почувствовалъ, заднимъ числомъ, какъ гнусно было его недавнее юродство.

— Ха-ха!

Зина опять громко разсмѣялась. Снѣткинъ, не зная того, вызвалъ въ ея памяти цѣлую сцену изъ заграничныхъ ея любовныхъ исторій.

Она сидѣла въ паркѣ, на дерновой скамьѣ, и передъ ней, прямо на дорожку, опустился длинный-длинный нѣмецъ, графъ, совѣтникъ посольства, носитель знаменитаго имени. Совершенно такъ, какъ Снѣткинъ сказалъ сейчасъ, она пихнула его туфлей и крикнула ему:

— As tu fini, Gugusse?

Нѣмецъ поднялся, весь красный, и ничего не нашелъ лучшаго, какъ начать выкладывать передъ ней: — какое онъ носитъ имя и чей онъ сынъ, и какую проходить карьеру; на что она ему опять, въ томъ же тонѣ бульварнаго воуоц, сказала:

— Mon ami, allez vous faire photographier!

Вотъ когда она была сильна и дѣлала изъ мужчинъ что хотѣла! Это чувство возвращалось къ ней и теперь.

— Спасибо, Снѣткинъ! — оживленно выговорила она и рассказала ему сцену въ паркѣ.

Они опять посмѣялись. Но вдругъ Снѣткинъ всталъ и сейчасъ же присѣлъ къ ней на конецъ кушетки.

— Прощайте, сестричка, я вѣдь къ вамъ на минутку зашелъ проститься.

— Да развѣ вы сегодня въ Парижъ?

— Завтра. Только завтра я не попаду къ вамъ.

— Я рада за васъ. Если вы съ вашей Надей ѣдете туда... Это полезно... Въ Парижѣ — вашъ collage кон-чится.

— Кончится, — повторилъ Снѣткинъ, — но на особый ладъ.

— Снѣткинъ! когда же вы, наконецъ, бросите эту замашку дурного тона: пугать насъ тѣмъ, что вы покончите съ собою?

— Сестричка, не говорите со мною... такъ... Вы уважьте во мнѣ хоть то, что я совсѣмъ не рисуюсь. И ничего торжественнаго не дѣлаю. Прощаюсь съ вами навсегда.

— Глупости!

Зина спустила ноги съ кушетки, сѣла выпрямившись и взяла Снѣткина за руку!

— Вы серьезно?

— Весьма. Мы ѣдемъ вдвоемъ, тамъ похоронимся, черезъ мѣсяцъ я ее отправлю сюда... къ хорошему человеку на руки, — прибавилъ онъ съ улыбкой. — А тамъ — и финалъ!

— Да вы съ ума сошли? Вы, съ вашей...

— Эхъ, полноте! — остановилъ ее Снѣткинъ. — Я васъ считаю способной на то же, когда вы увидите, что нельзя идти все тѣмъ же ходомъ. А мнѣ, ровно черезъ пять недѣль, ходу нѣтъ — все проѣмъ. Только вы, сестричка, кажется, экономная... Есть грѣшокъ!..

— Скупа, что ли?

— Да вѣдь я, какъ старушки говорятъ: „не въ осужденіе, а въ похваленіе“. Держите мошну!.. Безъ капитала не то что женщинѣ, да и такому цвѣтущему мужчинѣ, какъ я, нельзя жить...

— Вы серьезно?

Зина это спросила, и вопросъ, сдѣланный во второй разъ, тотчасъ же ей показался лишнимъ, глупымъ. Да, онъ покончить съ собою, безъ всякой трагедіи и рисовки, когда проѣсть послѣдній франкъ и убѣдиться, что ему не выпутаться изъ денежныхъ тисковъ; а инстинктовъ „прожигателя“ ему не усмирить въ себѣ.

Развѣ она не способна на то же самое? Вѣдь становилась же она въ снѣжный сугробъ ногами, въ шелковыхъ чулкахъ, чтобы схватить тифъ? Тѣмъ же она застрахована отъ того же и теперь!..

Изъ любви не сдѣлаетъ этого, такъ сдѣлала бы, если бы лишилась всего, должна была бы идти въ гувернантки или бонны.

Снѣткинъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Вы не бойтесь за насъ, — продолжалъ онъ, — вы узнаете изъ газетъ: все обойдется прилично. Ну, а ужъ кое-какіе коммерсанты не досчитаются по векселямъ. Они вѣдь меня сильно нагрѣвали. Мы сквитаемся... Ей-Богу!

Онъ тряхнулъ головой и всталъ.

Зина глядѣла на него снизу вверхъ, оставаясь все еще на кушеткѣ.

— Простите, сестричка, что разболтался объ этомъ... сегодня... Можетъ, разстроилъ васъ; вамъ нуженъ полный подъемъ духа... Вотъ здѣсь будетъ одержана побѣда, и на этомъ коврѣ долженъ валяться нашъ святоша...

Въ передней звякнули шпоры. И Зина, и Снѣткинъ узнали тяжеловатую походку Рынина. Они оба оглянулись и, точно заговорщики, пожали другъ другу руки. Въ этомъ пожатіи было то, что они сочли уже лишнимъ досказать.

— Я еще посижу, — усиѣлъ шепнуть Снѣткинъ, прежде чѣмъ дверь изъ передней отворилась. — Дождусь совращеннаго праведника и прощусь съ нимъ заодно. Позволяете?

— Позволю, — отвѣтила Зина.

Вошелъ Рынинъ, въ сюртукѣ съ эполетами, въ перчаткахъ, причесанный старательно и съ подстриженной бородкой. Видно было, что онъ собрался съ визитомъ въ такой домъ, гдѣ одни погоны были бы недостаточно почетительны.

— Ты кстати! — крикнулъ ему Снѣткинъ, быстро повернувшись на каблукъ. — Я вотъ прощался сейчасъ съ Зинаидой Мартиновной.

— Надолго? — спросилъ Рынинъ небрежно и уклончиво, какъ все, что онъ говорилъ Снѣткину.

— Навсегда!..

— Какъ такъ?

— Да хочу сдѣлаться гражданиномъ французской республики.

Зина поблагодарила Снѣткина взглядомъ за то, что онъ только съ ней говорилъ сейчасъ чистосердечно...

— Что жъ... и съ Богомъ! — пошутилъ Рынинъ. — У тебя всѣ данныя, чтобы процвѣтать на бульварахъ... Добраго пути!..

Онъ обернулся къ Зинѣ.

— Ты дома сегодня? Будешь принимать?

— Да... А ты объѣдать вернешься?

— Постараюсь...

Что-то немного торжественное было въ его тонѣ; безъ Снѣткина онъ сказалъ бы женѣ, что отъ его сегодняшняго визита зависитъ, быть-можетъ, его ближайшее назначеніе, но при немъ онъ не хотѣлъ этого.

— Былъ у тебя князь Рязскій? — остановила Зина мужа.

Онъ уже собирался уходить.

— Нѣтъ, а что?

— Онъ намъ долженъ визитъ...

— Прими его... безъ меня, — выговорилъ Рынинъ и посмотрѣлъ на нихъ обоихъ съ усмѣшкой.

„Вы видите, — говорило его лицо, — я жить умѣю; не боюсь никакихъ увлеченій и капризовъ моей супруги“.

„Attends, mon bibi!“ выговорила про себя Зина, совершенно такъ, какъ повторяла въ Ширяевѣ; только тамъ она сама не удержалась въ такихъ игривыхъ тонахъ, какъ здѣсь... Тамъ она кончила страданіемъ; теперь пускаясь страдаетъ тотъ, изъ-за кого она безумствовала.

Такъ понялъ ея мину и Снѣткинъ.

— Къ Святой ты — префектъ? — спросилъ онъ, удерживая Рынина за руки.

— „Въ чинахъ мы небольшихъ“, — отшутился Рынинъ.

— Перейди въ гражданскую... какъ разъ вылетишь въ штатскіе генералы...

— Прощай! — перебилъ Рынинъ, сдѣлавъ имъ общій поклонъ, и вышелъ.

Ему не хотѣлось портить себѣ расположеніе духа въ этомъ воздухѣ „безпробуднаго вздора“, какъ онъ называлъ все препровожденіе времени и кавалеровъ своей жены. Не болѣе пріятно было бы ему и общество князя Рязскаго, если бы тотъ явился...

Онъ не могъ не замѣтить, что Зина опять занята княземъ. Можетъ-быть, это расчесть тщеславія женщины, желавшей добиться побѣды, отмстить за то, что она испытывала три мѣсяца назадъ. Кто знаетъ, — и въ князѣ могъ пробудиться мужчина. Но разбирать это сейчасъ же, принимать какія-нибудь мѣры, Рынинъ не считалъ нужнымъ. А главное, онъ избѣгалъ такихъ думъ и „песвоевременныхъ тревогъ“ именно сегодня. Одинаковая суета или „психопатія“ (это слово онъ начиналъ любить) вставала передъ нимъ и въ душевныхъ пароксизмахъ Зины, и въ

юродствѣ святоши-князя, и въ безпутствѣ Снѣткина. Но чувство жалости, которое, помимо его воли, началось въ немъ недавно къ Зинѣ, не смягчало его сегодня. Онъ весь отдался подучиванью роли, какъ старательный актеръ, не расстающийся съ тетрадкой до той минуты, когда режиссеръ шепнетъ ему:

— Вамъ выходить!

— Вѣренъ себѣ!

Этимъ возгласомъ Снѣткинъ проводилъ Рынина и протянулъ руку по направленію къ выходной двери.

— Ахъ, сестричка, весело вамъ будетъ!.. Я бы остался съ вами, здѣсь...

— Нѣтъ, поѣзжайте!

Зина вспомнила, что вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ прощался съ нею, десять минутъ назадъ, и прощался навсегда. Но она не хотѣла объ этомъ серьезно думать. Мало ли кто нынче говорить о самоубійствѣ!

— Уѣду, уѣду, какъ только онъ явится, — продолжалъ уже искреннѣе дурачиться Снѣткинъ. — Довольно я состоялъ въ наперсникахъ. Теперь я буду совершенно лишній!.. И безъ того васъ будетъ трое!..

Эти шутки не задѣвали въ Зинѣ ея теперешняго чувства. Вѣдь она сама не хотѣла ни за что „трагедіи“. Только въ такомъ отношеніи къ мужчине, когда его хочется покорить, и сидитъ настоящее обаяніе женщины. Чувственная игра, а не страсть до самоуничтоженія, можетъ вызвать въ святошѣ грѣховные помыслы.

Ей легко было продолжать со Снѣткинымъ все въ томъ же духѣ. Онъ не уходилъ; непремѣнно хотѣлъ дожидаться того момента, когда въ дверяхъ увидитъ „лучезарный ликъ угодника“.

— А вдругъ какъ прибѣгутъ ваши Добчинскій съ Бобчинскимъ? — спросилъ онъ.

— Кто? Шварцъ съ Кремлевымъ?

— Yes...

— Да, это возможно...

— Не беспокойтесь. Я, уходя, скажу, чтобы никого больше не принимать.

— Ce serait scandaleux!

Они помѣстились на кушеткѣ такъ, какъ были до прихода Рынина, и стали бесѣдовать тише и серьезнѣе. Зинѣ сдѣлалось опять совѣстно за себя. Какъ можетъ она ду-

рачиться съ человѣкомъ, который прощается съ ней передъ смертью? Она задала Снѣткину два-три вопроса: дѣйствительно ли онъ такъ запутался? Голосъ ея зазвучалъ искренно.

— Да полноте, — остановилъ Снѣткинъ, — ни вы, сестричка, никто мнѣ не поможетъ. Посмотрите на меня: неужели было бы лучше, если бы я дожилъ до водянки или перерожденія почекъ? А я этимъ непремѣнно кончилъ бы, при моемъ режимѣ.

Онъ рѣшительно не допускалъ до душевныхъ излияній насчетъ своей судьбы; но о ея судьбѣ онъ много говорилъ, полушутя, полусерьезно рассказывалъ ей разные эпизоды изъ юродства князя „*pour sa gouverne*“ — какъ онъ выражался, предвѣщалъ ей блистательное совращеніе „блажененькаго“, съ „расторженіемъ узъ“ и новымъ бракомъ, при чемъ дѣло не обошлось бы, пожалуй, и безъ родительскаго проклятія, если бы княгиня была на это способна... Но все обойдется „какъ по писанному“, и ему одного жаль, что онъ не будетъ у нихъ „медъ пить“ въ усадьбѣ, гдѣ „Орестушка“ все-таки вернется къ старымъ затѣямъ и начнетъ выкидывать свои душеспасительныя „колѣна“.

Подъ болтовню Снѣткина, Зина не замѣтила, какъ прошло еще полчаса, и перестала волноваться ожиданіемъ князя.

Парные сапи везли Рынина по Литейной. Онъ кутался въ шинель съ бобрами. Мокрый снѣгъ хлесталъ по лицу; начиналась уже распутица. До масленицы оставалось нѣсколько дней. Но погода не вліяла на внутреннее состояніе Парменія Никитича.

Онъ не зналъ навѣрное, выйдетъ ли нѣчто для него рѣшительное изъ сегодняшняго визита къ старухѣ АLEXИНОЙ, но ему почему-то сдавалось, что даромъ визитъ этотъ не пройдетъ. Эта „старуха“ — не чета Моршанской. Къ ней онъ ѣздилъ аккуратно два раза въ недѣлю, проводилъ у нея и вечера, читалъ брошюры и рукописныя „записки“, о которыхъ говоритъ весь чиновный Петербургъ; въ послѣдній разъ — обличеніе пѣлаго вѣдомства, сдѣланное крупнымъ чиновникомъ другого вѣдомства.

Прасковья Степановна АЛЕХИНА была особа второго класса, вдова одного главноуправляющаго, еще изъ николаевскаго времени, сумѣла удержать за собою не только

окладъ мужа, но и его аренды, безвыѣздно сидѣла дома на своей оттоманкѣ, постоянно принимала, но ни большихъ обѣдовъ, ни вечеровъ не давала. Такихъ старухъ Рынинъ только и признавалъ: умныхъ, бывалыхъ, прошедшихъ черезъ общество и вліяніе высокопоставленныхъ мужчинъ, старухъ начитанныхъ, съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, анекдотовъ, остроумныхъ словъ, одѣнокъ покойниковъ и живыхъ людей изъ петербургскаго свѣта, чиновнаго и дѣловаго міра.

Еще вольноопредѣляющимся онъ былъ вхожъ къ ней. Старуха знавала его отца, и чрезъ нее тотъ получилъ мѣсто, на которомъ не удержался. Она благоволила и къ сыну, и по-французски говорила ему: „mon enfant“. Зину онъ къ ней возилъ. Алехина нашла ее „красивой бабочкой“ и сказала:

— Когда она здѣсь напрыгается, а вамъ губернаторство дадутъ, присылайте ее ко мнѣ разоко въ недѣлю—я ей дамъ выправку.

Сани повернули въ Сергіевскую и остановились у дома-особняка. У подъѣзда стояла одиночка. Сѣрую, въ яблокахъ, и голубую шапку кучера Рынинъ узналъ. Его предчувствіе сбылось: у Алехиной сидѣло лицо, нужное ему. Старуха въ послѣдній разъ, какъ онъ у нея былъ, напонила:

— Завернули бы вы ко мнѣ, мой милый, въ четвергъ.

Онъ выпрямился, бойко выпрыгнулъ изъ саней и, войдя въ сѣни, утвердительно спросилъ у швейцара:

— Здѣсь генералъ Козловскій?

— Такъ точно.

Лакей въ штиблетахъ на площадкѣ второго этажа поклонился ему, какъ частому посѣтителю, и доложилъ въ дверяхъ кабинета „генеральши“, какъ прислуга звала вдову дѣйствительнаго тайнаго совѣтника:

— Полковникъ Рынинъ!

Старуха, въ черной шелковой мантильѣ и въ старинномъ чепцѣ, сидѣла, прислонясь бокомъ къ подушкамъ оттоманки. Изъ-подъ кружевъ чепца почти не видно было прядей темныхъ волосъ, безъ сѣдины. Крупное лицо съ короткимъ носомъ смотрѣло своими, еще не потускнѣвшими, карими глазами весело и проницательно; ротъ былъ маленький; въ молодости она щеголяла своими пунцовыми губками и зубами.

По лѣвую руку, въ низкомъ креслѣ, около столика съ

лампой, оставлявшей высокую, узковатую комнату въ полутѣмѣ, сидѣлъ очень моложавый на видъ генералъ, худой въ тѣлѣ и лицѣ и бритый; пенельные усы были свѣтлѣе цвѣтомъ гладко причесанныхъ волосъ на головѣ.

При входѣ Рынина, хозяйка привѣтствовала его рукой. Генералъ обратилъ на него стального цвѣта длинные глаза и наклонилъ голову съ отбѣнкомъ чрезвычайной вѣжливости.

Рынинъ сдѣлалъ сначала поклонъ, не доходя до дивана, потомъ поцѣловалъ у старухи руку и еще разъ нагнулъ голову въ сторону генерала.

Тотъ протянулъ ему бѣлую, худую руку съ обручальнымъ кольцомъ и перстнемъ на мизинцѣ. По пожатію, Рынинъ почувствовалъ нѣчто большее желанія обласкать.

Этого пенельнаго блондина называли въ свѣтѣ: „un charmeur“ и дамы, и мужчины. Его „ласку“ Рынинъ разъ уже испыталъ въ одномъ коротенькомъ разговорѣ „на выходѣ“. Она заставила его сразу возненавидѣть этого „случайнаго“ человѣка: такъ Рынинъ звалъ всѣхъ, кто шелъ очень шибко. Но передъ нимъ, въ лицѣ этого „очарователя“, стояла очевидная возможность такого же быстраго пониженія. Вотъ—сановникъ, моложе его видомъ, и уже съ большою фактической силой въ рукахъ. Ему недостаетъ только одной ступеньки до высшаго поста. А давно ли онъ былъ, совершенно такъ, какъ Рынинъ, поручикомъ въ той же дивизіи, правда, побогаче, но зато самаго невиднаго происхожденія. Та же Прасковья Степановна Алехина говорить про такихъ:

— Il n'est pas né, du tout...

Кажется, прошелъ черезъ академію и носилъ когда-то золотой аксельбантъ. Но развѣ это что-нибудь значить для того дѣла, во главѣ котораго онъ стоитъ теперь? Въ какиѣ-нибудь десять лѣтъ, изъ полковника по особымъ порученіямъ—онъ вотъ что!..

Особенно ѣдко и отчетливо перебралъ все это Рынинъ, сядя передъ генераломъ, справа отъ хозяйки, на такое же низкое кресло. Ихъ раздѣляли два аршина ковра.

— Вотъ мы сейчасъ разбирали съ генераломъ, — Алехина говорила часто по-русски и отлично владѣла языками,—одну... какъ это сказать... загадку. Да, такъ будетъ всего вѣрнѣе назвать.

Генералъ мягко усмѣхнулся въ свои дымчатые усы.

— Нынче мужичокъ въ ходу, не правда ли? Мужичокъ

да мужичокъ! Всѣ съ нимъ носятся, знаете, какъ Иванушка-дурачокъ съ писаной торбой,—старуха любила щегольнуть и народными словами.—Я ничего противъ этого не имѣю. Пускай живетъ, богатѣетъ и насъ, своихъ бывшихъ господъ, обираетъ... Прекрасно. Но неужели онъ не догадается, не нынче—завтра, что всѣ такъ съ нимъ носятся?.. На это ума немного надо; народъ нашъ—не дуракъ. И тогда что?.. Тогда... какъ у французовъ говорить: *le commissaire avisera?*

Она засмѣялась тихо; чуть замѣтнымъ дрожаніемъ усовъ вторилъ ей и генераль. Смѣхъ Рынина прорывался громче.

— *Mais c'est excessivement grave, messieurs!* — начала опять хозяйка, и даже выпрямилась.—Я вотъ стала страдать бессонницей—не очень давно, но стала. Лежишь такъ на разсвѣтъ, раздумаешься объ этомъ и спрашиваешь себя: да чѣмъ у насъ еще все держится, *toute la machine?* *Qu'en dites-vous, général?* — неожиданно обратилась она налѣво отъ себя.

Этотъ вопросъ отдался въ головѣ Рынина точно электрическій звонокъ. Да вѣдь онъ, на-дняхъ, поднять точь-въ-точь ту же тему, въ ресторанѣ, съ Брынцевымъ. И тогда его кольнуло то, что Брынецъ точно укралъ у него собственную мысль.

Онъ ее считалъ уже теперь несомнѣнно своей, пришедшей ему, первому, а не вычитанной гдѣ-то, въ газетной или журнальной статьѣ.

Генераль обернулся въ сторону хозяйки и выговорилъ мягкимъ теноровымъ голосомъ:

— *Un mystère!..*

Минута была самая подходящая для Рынина: сказать свою разгадку. Онъ переждалъ. Послѣ словъ генерала вышла маленькая пауза.

— Вотчиннымъ чувствомъ держится все, — выговорилъ онъ медленно, спокойнымъ тономъ, съ большою убѣжденностью.

Генераль раскрылъ шире свои стальные глаза и подался немного подбородкомъ.

— *Comment dites-vous, mon enfant?* — переспросила старуха.

Это „*mon enfant*“ коснулось слуха генерала и какъ бы еще сильнѣе заинтересовало его фразой Рынина.

— Все держится вотчиннымъ чувствомъ, — повторилъ тотъ такъ же спокойно и убѣжденно.

Надо было объяснить мысль и сдѣлать это не профессорским тономъ, безъ обширныхъ отступленій. Генералу это бы не понравилось, было бы сочтено за претензію... Слѣдовало говорить опредѣленно, сильно и мягко, чтобы слышался, въ голосѣ и выраженіяхъ, человѣкъ, думавшій о своемъ отечествѣ и желающій подняться до идеи власти, „отеческой и твердой“.

Тонъ его сразу удался. Такъ нужно говорить собесѣдникамъ высокаго общественнаго положенія, не забывая и себя, своихъ правъ на своеобразность и вѣрность идеи.

Его выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— *Monsieur a raison!*—выговорилъ генераль, обращаясь къ хозяйкѣ.—*C'est un point de vue nouveau... et acceptable.*

На блѣдномъ лицѣ съ пепельными усами Рынинъ читалъ дальнѣйшую судьбу его „открытія“. Эти слова: „вотчинное чувство“, будутъ повторены въ ближайшемъ засѣданіи какой-нибудь комиссіи, потомъ въ гостинныхъ. Идея сойдетъ за собственность сначала этого молодого савовника и сдѣлается лозунгомъ. Нужды нѣтъ, что творецъ ея (Рынинъ былъ уже непоколебимо увѣренъ въ томъ, что творецъ ея — онъ) останется въ тѣни, но сейчасъ его сосѣдъ призналъ повизну и вѣрность вывода. И злитесь на то, что не онъ, а начинающій свою карьеру полковникъ Рынинъ дошелъ до этой идеи, тотъ не будетъ: видно, какъ ему она пришлась ко двору.

— Хорошо,—заговорила хозяйка,—вотчинное чувство... Но если такъ, то надо этимъ воспользоваться.. Надо держать... *la dragée haute!* Вѣками складывалась эта... вѣра... Слѣдственно нужно прежде всего... Подскажите мнѣ слово, полковникъ,—шутливо добавила старуха.

— Идея власти!—значительно выговорилъ Рынинъ.

— *Assurément,*—чуть слышно какъ бы вздохнулъ генераль изъ своей узкой груди.

— Такъ говорить только, а на дѣлѣ опять припѣвъ: мужички, да мужички. *Mais votre idée, mon colonel,*—продолжала Алексина,—*est une vraie trouvaille; n'est ce pas, général?..*

Генераль наклонилъ голову съ замѣтной усмѣшкой, но ничего больше не сказалъ на тотъ же предметъ разговора и обратился къ хозяйкѣ съ какимъ-то порученіемъ отъ своей жены.

Рынинъ зналъ, что онъ принимаетъ по средамъ, и у него внутри немножко защемило: пригласить ли его ге-

нераль бывать у нихъ. Женѣ его онъ былъ представленъ еще въ Петергофѣ, два года назадъ.

Генераль всталъ; Рынинъ сдѣлалъ то же. Генераль нагнулся, но не поцѣловалъ руки у хозяйки, и рукопожатія не было. Онъ поклонился очень низкимъ опущеніемъ головы на грудь и даже слегка прицѣлкнулъ шпорами.

Проходя мимо Рынина, онъ остановился, протянулъ руку, придержалъ въ ней руку Рынина и сказалъ тѣмъ тономъ, за который приобрѣлъ прозвище „un charmeur“:

— Nous sommes chez nous tous les mercredis... Ma femme sera enchantée de vous voir chez elle...

Потомъ онъ пошелъ короткими, мягкими шажками; въ походкѣ его не осталось ничего отъ кавалерійскаго офицера.

Его шаги затихли при поворотѣ съ площадки на лѣстницу. Хозяйка рукой указала Рынину на то кресло, гдѣ сидѣлъ генераль, и когда онъ опустился въ него своей длинной фигурой, захлопала беззвучно въ ладоши.

— Молодецъ! молодецъ! побѣду одержалъ надъ нашимъ... accusateur public...

— Чѣмъ же?—какъ бы недоумѣвалъ Рынинъ.

— Ахъ, батюшка, нечего скромничать!.. Женѣ вашей можете объявить, что она будетъ губернаторшей къ веснѣ, послѣ Святой... Est-elle ambitieuse? Ну, да все равно, съ годами придетъ, особенно безъ дѣтей. Je suis contente de vous, mon enfant...

Онъ наклонился къ ея старой, пожелтѣлой рукѣ, лежавшей на подушкѣ, почтительно взялъ ее и медленно поцѣловалъ.

— Вамъ я обязанъ, — выговорилъ онъ, — больше чѣмъ себѣ... тѣмъ, что вышло удачнаго сейчасъ... У васъ каждый дѣлается умнѣе...

Алехина прикоснулась слегка губами къ его маковѣ.

— Со старухами умѣете говорить, голубчикъ; нынче это рѣдкость... Не считаете ихъ муміями... Ласковое тѣла двухъ матокъ сосетъ. Хотя вы вообще-то не очень сладкій... настоящій администраторъ... comme il y en avait de mon temps... А какъ это вы выдумали... идея-то ваша насчетъ мужичка и всего русскаго государства, чѣмъ все-то держится?..

— Вотчиннымъ чувствомъ, — выговорилъ Рынинъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Прекрасно сказано. Я постараюсь понять это по-

лучше, въ первую же бессонницу... Она не заставитъ себя ждать... Молодецъ!..

Рынинъ еще разъ приложился къ рукѣ. Старуха стояла этого: она его поняла и оцѣнила лучше всѣхъ.

Князь Рижскій подъѣзжалъ на плохомъ извозчикѣ—ка-
реты онъ не признавалъ—къ углу Михайловской улицы.

Черезъ пять минутъ онъ войдетъ въ номеръ двадцать
шестой и увидитъ Зину. Она будетъ дома: въ этомъ онъ
не сомнѣвался.

Что онъ ей скажетъ? Неужели только передать новое
извиненіе княгини? О чемъ они станутъ говорить? Ему
не о чемъ съ ней говорить... Онъ не умѣетъ... онъ бо-
ится... Но его тянетъ, въ этомъ онъ увѣренъ, и больше
уже не стыдится того, что его тянетъ къ ней...

Мать свою онъ огорчилъ. Она больше отъ него нездо-
рова. Вчера она опять заговорила съ нимъ объ Ольгѣ.
Онъ разсердился. Въ первый разъ вырвалось у него нѣ-
сколько рѣзкихъ словъ, почти грубостей... Правда, онъ
просилъ у нея прощенія, но никогда еще на него не на-
летала такая озлобленность.

Добрая, кроткая женщина, вся ушедшая въ любовь къ
нему—и онъ такъ озлился! Но онъ не женится на Ольгѣ,
ни на комъ не женится... Что въ немъ такое... неужели
простая похоть?... Два дня думалъ онъ, стыдилъ себя, по-
вторялъ это нѣское и позорящее слово, и все-таки не
могъ оторваться отъ образа женщины—яркаго, какъ ви-
дѣніе, и не хотѣлъ лгать самому себѣ. Да,—это грѣхов-
ное, грязное влеченіе къ чужой женѣ, къ женщинѣ, ко-
торую онъ не поведетъ къ алтарю.

Виновать ли онъ, однакожъ, что другой раньше его
назвалъ ее своей женой, кажется, не любя? Онъ мало
вникалъ въ душу этого Рынина; но ему сдается, что та-
кой человѣкъ неспособенъ на любовь, на ту любовь, ко-
торой держится святость брака. Но все-таки они — мужъ
и жена. Всякій, кто „воздержитъ“ къ этой женщинѣ,
внесетъ зло, грязь, позоръ. Бракъ—нерасторжимъ.

„Бракъ нерасторжимъ“, — повторилъ онъ вчера много
разъ, точно хотѣлъ этими словами утратить себя; но они
мало дѣйствовали, не больше, чѣмъ то позорящее слово.

Онъ рѣшилъ—было не ѣхать совсѣмъ къ ней; но потомъ
это представилось ему постыднымъ малодушіемъ, прикры-
той ложью. Развѣ не прямѣе: пойти навстрѣчу злу, иску-

пению, своей животной природѣ, вызвать ихъ на бой и побѣдить? И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Такимъ рѣшеніемъ окрыленъ онъ былъ, когда въхалъ; а вотъ теперь, въ пяти саженьяхъ отъ подъѣзда „Европейской гостиницы“, онъ сталъ полонъ тревоги. Ему хочется не идти навстрѣчу злу съ развернутой и высоко вознесенной хоругвью, а чего-то другого, гадкаго... застать ее одну... И самая эта тревога ему не тягостна, не омерзительна, какъ будто отрадна...

Надо слѣзать съ савей. Князь заплатилъ извозчику и быстро прошелъ узкой площадкой до сѣней. Онъ бросилъ, подъ шинелью, взглядъ на свой сюртукъ и поправилъ галстукъ инстинктивно; нашелъ, что и то, и другое говорить все о той же „похоти“. Сюртукъ былъ сшитъ здѣсь, по просьбѣ княгини; но онъ его надѣлъ съ умысломъ, и галстукъ также новый—подарокъ матери.

У перваго швейцара онъ спросилъ:

— Рынины дома?

Но ему хотѣлось знать не это;—только то: дома ли Зинаида Мартыновна.

— Полковникъ выѣхалъ, — доложилъ швейцаръ, — барыня дома!

— Принимаетъ?

— Принимають-съ.

Спросить, есть ли у нея кто-нибудь, онъ не посмѣлъ.

По лѣстницѣ князь входилъ съ поникшей головой. Такъ идутъ люди на скверное, постыдное дѣло: пьяница — за штофомъ, игрокъ — къ зеленому столу; эти сравненія пришли ему разомъ, когда онъ поднялся на площадку.

Налѣво—номеръ двадцать шестой. Еще минута—и онъ тамъ. И что будетъ?.. Упадетъ онъ на колѣни или зарыдаеть? Или бросится цѣловать ее?

Все было возможно; онъ это чувствовалъ.

Вотъ и дверь съ матовымъ стекломъ и номеромъ на стеклѣ.

Тихонько отворилъ онъ дверь и вошелъ въ переднюю. Его встрѣтила Милли.

Онъ этого не ожидалъ и смутился. Милли узнала его по Шираву, сейчасъ же вся оправилась и, отворивъ дверь въ гостиную, крикнула:

— Seine Durchlaucht der Herr Fürst!

Этотъ возгласъ довершилъ его смущеніе.

— Ахъ! геръ Фюрстъ!—раздалось оттуда.

Князь узналъ голосъ Снѣткина, потомъ и онъ самъ выдвинулся въ дверь, взялъ его подъ-руку и ввелъ въ гостиную.

Стыдъ овладѣлъ имъ—такой стыдъ, точно его поймали съ поличнымъ. Этотъ Снѣткинъ однимъ своимъ присутствіемъ вызвалъ наружу всю грѣховную тину его чувства.

Не лучше ли бѣжать? Или сказать безъ колебанія, сейчасъ же:

„Вотъ я какой искатель свѣта! Вотъ съ чѣмъ я пріѣхалъ сюда, съ какой скверной во всемъ своемъ существѣ!“

— Князь, здравствуйте!

Отъ привѣстія Зины онъ весь затрепеталъ. Такъ весело и просто, такимъ пріятельскимъ звукомъ кинула она ему эти два слова. Чѣмъ ему смущаться? Они—добрые друзья, не больше. Въ ней нѣтъ ничего грѣховнаго; она никуда не заманиваетъ его.

Ему протянули руку, онъ пожалъ ее, но не поцѣловалъ, сѣлъ около кушетки и заговорилъ довольно свободно; извинился за княгиню, спросилъ о мужѣ, отвѣтилъ на какое-то дурачество Снѣткина. И Снѣткинъ пересталъ его смущать. Даже хорошо, что онъ тутъ.

Но Снѣткинъ взялся за шапку, поглядѣлъ на него съ особой миной, потрепалъ его по плечу и спросилъ:

— А ты знаешь ли, Орестъ, что мы съ тобой больше не увидимся?

И онъ не остановился на смыслѣ этой фразы, пожалъ ему руку, и когда услышалъ, что тотъ ѣдетъ въ Парижъ, пожелалъ ему „веселиться“, ничего больше.

Ушелъ Снѣткинъ. Они вдвоемъ. Разговоръ какъ будто тотъ же, но глаза князя опущены; теперь онъ не рѣшается поднять ихъ; онъ чувствуетъ, что взгляда, одного взгляда довольно будетъ, чтобы все открылось.

Зина откинула голову и сквозь полусомкнутыя рѣсницы глядѣла на голову красавца, приводившую ее еще недавно въ такіе экстазы. Голова такъ же хороша: контуры лба, носъ, первыя ноздри и глаза, въ ту минуту опущенные. Но экстаза не было. Другое чувство разлилось по ней и давало ей прежнее превосходство надъ мужчиной. Зина видѣла, что передъ ней человѣкъ, охваченный влеченіемъ къ женщинѣ, а женщина—она. Ей сладко сознавать это: но голова ея работаетъ, способна спросить себя—чѣмъ же кончится съ княземъ? Будетъ ли это простой „flirt“, или связь подъ носомъ Парменія Никитича, свѣтскій „mariage

à trois“, если бѣ князь пошедь на него? А если не то и не другое, то не пришла ли самая лучшая минута разорвать съ Рыннымъ, получить законную свободу и сдѣлаться княгиней Ряжской?..

На всѣ эти вопросы она успѣла отвѣтить прежде, чѣмъ князь переиѣнилъ положеніе головы и рукъ и обратилъ глаза къ камину, уже съ приподнятыми рѣсницами.

Да, только—послѣднее. Играть она устала; съ такимъ человѣкомъ связь, если бы онъ и пошелъ на нее—обуза или что-нибудь нелѣпное, какой-нибудь „духовный скандалъ“. Остается разводъ и новое замужество.

Зачѣмъ?

Не любовь-страсть, даже не жалость, или доброта, или оцѣнка его добродѣтелей влекли ее къ князю; скорѣе смутное чувство того, что это-то и будетъ конецъ.

Если онъ станетъ ея мужемъ—первымъ номеромъ сдѣлается она, и такъ должно быть... Тутъ опять всплыло ея давнишнее убѣжденіе въ томъ, что любви между мужчиной и женщиной и быть не можетъ: любви-согласія, любви какъ взаимной жертвы...

Развѣ она не начинаетъ теперь же дѣйствовать съ нимъ, какъ съ врагомъ, хотъ онъ ей и нравится? Мужемъ или любовникомъ она его возьметъ скорѣе всякаго другого, но между ними будетъ вѣчный антагонизмъ... только потому, что онъ—мужчина, а она—женщина.

Она не хотѣла ему мстить за Шириѣво, за свое безумство, за свой женскій позоръ... Вся ночь послѣ поѣздки къ нему въ усадьбу пронеслась у нея въ головѣ, та ужасная ночь, точно раздѣлившая ея жизнь пополамъ. Нѣтъ! она мститъ ему не будетъ, а могла бы... вотъ сейчасъ заставить пасть къ своимъ ногамъ и крикнуть, какъ тому нѣмцу, въ паркъ: „as-tu fini Gugusse?“

То, чтó вскипѣло въ ней когда-то въ деревнѣ, то больше уже не повторится: выйдетъ она за него или только вступить съ нимъ въ связь.

— Князь, что же вы на меня не смотрите?—спросила Зина и засмѣялась.

Онъ взглянулъ на нее; рѣсницы его пришли въ нервное состояніе, щеки поблѣднѣли, ротъ начала также замѣтно сводить нервная дрожь.

Если бы она сохраняла еще на минуту свое вызывающее лицо, онъ бы не совладалъ съ тѣмъ, чтó его колы-

хало. Вышло бы что-нибудь „омерзительное“, что-нибудь несмыслимое никакимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ.

Но смѣхъ Зины смолкъ. Лицо ея — онъ опять на нее взглянулъ — стало вдругъ серьезно, улыбка исчезла; она, въ свою очередь, опустила рѣсницы и наклонила голову немного вбокъ.

— Я васъ смутила, — опять начала она совсѣмъ другимъ голосомъ: — вы помните мои слова?

— Да, — отвѣтилъ онъ чуть слышно.

Это-то напоминаніе и помогло ему овладѣть собой.

Онъ хотѣлъ тогда вызвать ее на объясненіе, узнать, какъ могъ онъ повлечь ее во что-то грѣховное; съ этою цѣлью дѣлалъ онъ ей первый визитъ въ тотъ разъ, когда не засталъ ея.

— Что же! — продолжала Зина, все такъ же искренно, — я вѣрю въ рѣшительныя встрѣчи. Вы сами знаете и вѣрите, что даромъ ничего въ жизни людей не бываетъ. Тогда я не понимала васъ, и все-таки вы такъ поразили меня...

Она не договорила.

Стыдъ за себя началъ овладѣвать имъ: какъ искренно ея слова, съ какимъ довѣріемъ она обратилась къ нему!.. А онъ?

Еще одно слово Зины, и онъ открылъ бы ей весь „смакъ“ своей души, повинился бы, какъ послѣдній изъ грѣшниковъ.

Смущеніе его Зина принимала все за тотъ же припадокъ страсти.

Стоить ей протянуть ему руку — и онъ ей принадлежить. Такой человѣкъ, коль скоро посягнулъ на сердце чужой жены, пойдетъ на всякую жертву. Для него адюльтеръ немислимъ.

„Рынинъ долженъ вернуться обѣдать, — быстро соображала Зина, — чего же лучше? Въ комнатѣ полусвѣтъ... они вдвоемъ... мужъ входитъ... застаётъ ее на груди князя... Нѣтъ уже ходу назадъ. Дратся князь не станетъ, а то Рынинъ могъ бы и убить его, онъ — хорошій стрѣлокъ... Остальное все будетъ такъ, какъ она рѣшитъ“.

— Какъ низко я палъ! Господи!

Глухія рыданія готовы были прорваться вслѣдъ за этими словами. Князь закрылъ лицо ладонями и смолкъ.

Рука Зины протянулась къ нему. Она слышала возгласъ: „Господи!“ — но первыхъ словъ не могла схватить отъ вол-

нев. которое овладѣло ею только тутъ: она уже не лгала, не интриговала, забыла и расчеты на сцену и скандалъ. Она готова была отдаться ему.

Въ дверяхъ стоялъ Рынинъ. Зина такъ и осталась съ протянутой рукой; успѣла только громко сказать:

— Мой мужъ!

Князь поднялся съ мѣста, повернулся къ Рынину, проворчалъ что-то и сталъ прощаться. Но все это вышло такъ похоже на его всегдашнюю манеру, такъ обыкновенно, что Рынинъ спокойно проводилъ его до передней, и Зина слышала слова мужа:

— Мой усердный поклонъ княгинѣ.

Зина удержалась отъ взрыва досады. Князь будетъ ея мужемъ, когда она захочетъ. Она сидѣла тихая и увѣренная въ томъ, что вела себя съ нимъ и умно, и честно.

— Зинаида Мартыновна!—весело окликнулъ ее Рынинъ въ дверяхъ.—Я заслужилъ обѣдъ. Прасковья Степановна Алехина приказала вамъ передать, что къ Пасхѣ вы будете *madame la préfète*.

— *Très bien, mon ami*, — кротко отвѣтила Зина и позвонила.

До Пасхи—она знала, кѣмъ она будетъ.

IX.

Больше двухъ лѣтъ сряду князь Ряжскій, когда ложился спать, мысленно обозрѣвалъ пережитый день, рѣшалъ самъ съ собою, каковы были истинныя побужденія всего того, что онъ сказалъ и сдѣлалъ въ теченіе этого дня. И помыслы, хотя бы мимолетные, онъ также разбиралъ всѣ до одного, какіе могъ вспомнить.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Зиной въ Петербургѣ, онъ пересталъ это дѣлать. Цѣлую недѣлю прожилъ онъ только съ минутными уколами совѣсти, но на ночь ему стыдно было отдавать себѣ отчетъ. Послѣ разговора съ-глазу-на-глазъ, въ „Европейской гостиницѣ“, въ тотъ же день, онъ вернулся къ своей исповѣди и пришелъ въ ужасъ.

Онъ не понялъ и тогда женщины, ея побужденій, еще менѣе ея расчетовъ и того, какъ она проиграла свою партію, думая, что доводить его до пароксизма страсти. Ничего этого онъ не понялъ! Во всемъ онъ еще разъ обвинилъ себя. Своя собственная „гнусность“ предстала передъ нимъ и заслонила все остальное. И „гнусность“ эта

была не передъ женщиной вообще, а передъ женой другого. Зинаида Мартыновна и не должна была знать про его „похоть“ и „посягательство“. Онъ вспомнилъ все, что она говорила ему. Если она не шутила, если дѣйствительно въ Ширяевѣ онъ вызвалъ ней нечистое чувство, опять онъ же былъ виной. Стало, въ немъ самомъ сидѣло что-нибудь порочное, что передалось и ей.

Вѣдь у нея нашлось же,—такъ разсуждалъ онъ,—достаточно душевной силы, чтобы побороть свою плоть!.. Она говорила съ нимъ по-товарищески; этотъ ея тонъ и возбуждалъ въ немъ грѣховность. Внезапно остылъ онъ только тогда, когда она начала говорить искренно. Значить, онъ—опять онъ—соблазнилъ ее.

Какой ужасъ! Какое паденіе! Не такъ слѣдовало ему покарать себя, когда вырвались у него слова:

— Какъ низко я палъ, Господи!

Онъ не долженъ былъ смущаться приходомъ мужа и убѣгать точно воръ или развратитель честныхъ женщинъ, захваченный врасплохъ. Онъ долженъ былъ обратиться къ мужу и громко, чистосердечно повѣдать ему свою гнусность, выразить раскаяніе и попросить прощенія и у него, и у жены.

А онъ убѣжалъ!..

То, что ему слѣдуетъ дѣлать теперь—онъ это знаетъ,—и колебаній никакихъ у него нѣтъ.

Онъ началъ съ того, что пошелъ къ княгинѣ.

Огорчать ее отказомъ отъ женитьбы на Ольгѣ ему было тяжело; но какъ же могъ онъ брать въ жены ничѣмъ не повинную, хорошую дѣвушку, хоть и свѣтски-воспитанную, если онъ способенъ на такіа внезапныя и гнусныя паденія?

Княгиня выслушала сына, тронутая его волненіемъ, слезами на глазахъ, глубокою искренностью всего, что онъ сказалъ.

Но первый ея вопросъ—вопросъ женщины—былъ:

— Tu as peut-être un amour... ailleurs, mon enfant?

Она спросила это безъ всякой строгости, какъ старшая сестра.

Вопросъ привелъ его въ еще большую тревогу. Онъ началъ говорить о себѣ еще безпощаднѣе, обвинялъ себя въ такой душевной гризи, которую она и представить себѣ не можетъ. Она остановила его жестомъ руки и,

улыбаясь, сказала, что не вѣрить ему, что ничего злого ея Орестъ чувствовать не въ состояніи.

Княгиня знала, во что вѣруеть ея сынъ, какую религію онъ себѣ создалъ,—не раздѣляла его ученія насчетъ того, какъ жить, его отношеній къ народу, къ деньгамъ, къ простому мужицкому труду. Но сама витала мыслями и мечтами на высотахъ піэтизма, не порвавшего свѣтскихъ привычекъ и обычаевъ. Надъ „чужаествомъ“ своего Ореста она никогда, ни въ глаза, ни за глаза, не смѣялась. Многое должно было отпасть отъ него, когда онъ женится или просто сдѣлается старше. Но въ его волненіи она почувствовала возможность страсти; подумала объ этомъ не сразу, къ концу изліяній сына. Она воздержалась отъ всякаго намека и не вызвала дальнѣйшихъ его самобичеваній; напротивъ, остановила ихъ. Скрыть отъ нея онъ ничего не могъ и не хотѣлъ; но онъ не сталъ бы и называть имени женщины, особенно замужней; продолжалъ бы только казнить еще сильнѣе одного себя, почему она его и остановила.

Онъ готовъ былъ ѣхать говорить съ Ольгой, хотя бы его мать и находила, что передъ ней онъ ни въ чемъ не виноватъ. Дѣвушка могла думать о серьезныхъ намѣреніяхъ съ его стороны; онъ не дѣлалъ ей предложенія, но не отказывался отъ нея, а что ужаснѣе всего—не любя ея, какъ нужно полюбить будущую жену, допускалъ этотъ бракъ въ мысляхъ своихъ.

И это объясненіе сына княгиня приняла болѣе кротко, чѣмъ даже можно было ожидать отъ нея. Ее считали въ свѣтѣ не очень умной, нѣкоторые даже—„простой“. Умъ замѣняли ей—не потускѣвшая въ свѣтѣ правдивость и способность сейчасъ спросить себя: не она ли виновата?

Такъ и тутъ, княгиня остановила во второй разъ самоосужденіе сына и безъ всякихъ упрековъ успокоила его.

Если у него нѣтъ настоящей любви къ Ольгѣ, о женитьбѣ и рѣчи быть не можетъ.

— Я вырву всякій грѣховный помыслъ и къ другой женщинѣ!—порывисто сказалъ онъ, и если бъ его нѣра позволила ему, прибавилъ бы:—клянусь тебѣ, тамап!

Но княгиня знала, что клятвъ сынъ ея никакихъ не допускалъ.

Ольгу онъ не увлекалъ,—такъ говорила она сыну,—ведь себя съ ней, какъ съ дѣвушкой, которую мать его любить. И если бы дѣйствительно вышло такъ, что Ольга

почему-нибудь считаетъ себя близкой къ замужеству съ нимъ, то не ему, а матери его надо взять на себя объясненіе.

Князь замолчалъ; но ему еще не было легко... Мать его слишкомъ добра; при такомъ „баловствѣ“, ему не удастся дать ей даже понять: до какой степени былъ онъ преисполненъ отвращенія къ своей гнусности. Потому только согласился онъ мысленно со словами матери объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ, что самъ онъ не хотѣлъ обижать дѣвушку, хотя бы туманными извиненіями, точно говорить ей: „вы, m-lle Курчаева, собрались за меня замужъ, такъ, извините, я на васъ жениться не могу“.

Что это было бы безтактно, глупо, онъ не думалъ. „Глупость“ и „безтактность“ были для князя слова суетныя, означающія высокомерный взглядъ на поведеніе: чужое или свое—все равно. По его вѣрованіямъ, такое объясненіе съ дѣвушкой было бы просто „гнусно“—въ этомъ словѣ заключалось для него все.

Видя, что сынъ смолкъ и опустилъ голову, княгиня подумала, что больше у него уже нѣтъ на душѣ ни изліяній, ни самообвиненій. Ей отрадно было сознавать, какъ чистъ онъ своими помыслами и какая у нихъ теплая связь. Зачѣмъ ему жену теперь, когда мать его еще не дряхлая старуха? Будетъ ли Ольга Курчаева способна понять его, не заставитъ ли она его страдать? Да и какая свѣтская дѣвушка, хоть и добраго сердца, согласится жить такъ, какъ онъ желаетъ; а характеръ у него есть, онъ уступитъ только изъ любви, и будетъ несчастенъ.

И зачѣмъ она, мать, такъ усердно хлопочетъ о томъ, чтобы женить его? Вѣдь тогда онъ для нея уже не будетъ тѣмъ, чтó теперь.

И княгиня улыбнулась мысли, что сынъ ея останется здѣсь, при ней, по крайней мѣрѣ до весны, что онъ опять привыкнетъ къ ней, будетъ цѣнить, съ полною свѣдѣтельностью чувства, ея любовь и ласку.

Князь тяжело переводилъ дыханіе и сидѣлъ не поднимая глазъ. Даже капли пота выступили у него на лбу. Ему предстояло огорчить мать свою, и огорчить безповоротно. Но такъ надо было. Еще на-дняхъ онъ слишкомъ рѣзко говорилъ съ ней о „безобразіяхъ“ городской жизни. Княгиня вынесла его рѣзкости и не стала съ нимъ спорить. Его взглядовъ она не бралась уже передѣлывать. Она только просила его пожить съ ней подольше.

Новый приступъ волненія прорвался у него въ возгласъ:

— Прости, мама, я долженъ назадъ, въ деревню!..

Этотъ глухой возгласъ былъ такъ порывистъ и силенъ, что княгиня почувствовала бесполезность всякихъ упрасиваній. Она сказала только:

— Какъ знаешь, дитя мое; только ты былъ, кажется, доволенъ тѣмъ, какъ идетъ твоя...

Она затруднилась выборомъ слова: „пропаганда“—она не хотѣла сказать, слово „дѣло“ не пришло ей сразу.

— Да,—торопливо заговорилъ князь, продолжая громко переводить дыханіе, — я не жалуюсь. Мнѣ горько... уѣзжать отъ тебя... не исполнить твоего желанія. Послѣ, черезъ полгода, я буду больше увѣренъ въ себѣ, а теперь...

Онъ не досказалъ; послѣ паузы, княгиня услышала отъ сына вторую исповѣдь: какъ ему нужно остаться одному съ простымъ народомъ, съ мальчиками, съ-глазу-на-глазъ со своей совѣстью, и продолжать дѣло пересозданія своей души. Если бы онъ не понадѣялся на себя, онъ не пріѣхалъ бы на зиму въ этотъ Петербургъ, даже и рискуя огорчить ее; много-много провелъ бы съ ней два-три дня. Его увѣренность въ себѣ вышла простой гордыней, дряннымъ самооправданіемъ. Грубая плоть, грѣховные, хищнические позывы живутъ еще въ немъ, быть-можетъ, и теперь, когда онъ приноситъ въ нихъ полное раскаяніе.

Опять не повѣрила княгиня мрачнымъ самообличеніямъ сына; но она не спорила, не просила, не сказала ему ничего горькаго. Она надѣялась на его привязанность. Черезъ три мѣсяца она его увидитъ въ деревнѣ, только бы эта деревня, съ постояннымъ углубленіемъ въ самого себя, не повела его къ какому-нибудь серьезному разстройству...

Княгиня это допускала.

Мягкость его матери вызвала въ князѣ новое недовольство собою.

Если у нея, какъ бы она ни была добра и снисходительна, не нашлось ни одного звука, чтобы подтвердить тотъ приговоръ, какой онъ себѣ самъ произносилъ, стало-быть, онъ говорилъ ей не противъ себя, а въ свою защиту? Когда онъ уходилъ отъ нея, онъ желалъ перенестись сейчасъ же къ мужу Зины, не давать себѣ ни одной секунды времени на то, чтобы его недовольство собою остыло.

Но надо было доѣхать до „Европейской гостиницы“. И братъ извозчика сдѣлалось ему противно; все это пахло городомъ, барствомъ, найомомъ, сообщничествомъ съ жизнью, куда мужика — вотъ этого извозчика, что повезетъ его въ Михайловскую улицу, — влечетъ жалкій заработокъ и приучаетъ къ глупому, бесплодному труду, трактиру и трущобѣ.

Извозчика онъ все-таки взялъ, чтобы не потерять лишнихъ полчаса, чтобы, идя пѣшкомъ, не измѣнить своему чувству и рѣшенію.

Было еще довольно рано. Онъ могъ застать Рынина тотчасъ послѣ завтрака. Такъ это и случилось.

Князь вошелъ въ его номеръ, состоявшій изъ двухъ же комнатъ, съ передней, но поменьше и побѣднѣе отдѣланныхъ, чѣмъ у Зины. У письменнаго стола, кромѣ хозяина — спиной къ входной двери, сидѣлъ, лицомъ къ двери, гость, незнакомый ему, немолодой господинъ, съ наружностью отставнаго военнаго. Они уже кончали дѣловой разговоръ.

Рынинъ всталъ и встрѣтилъ князя любезно, но безъ особенныхъ выраженій почтительности: онъ уже считалъ нужнымъ держать себя съ нимъ, усиленно соблюдая свое достоинство. Мелькомъ онъ представилъ обоимъ мужчинамъ другъ другу и, когда опять сѣлъ въ свое кресло, обратился къ гостю съ заключительной фразой:

— Таково положеніе вопроса, а что дальше будетъ — увидимъ...

Тотъ на это отвѣтилъ довольно длинной тирадой, прежде чѣмъ встать. Князь сидѣлъ между ними нѣсколько поодаль, сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку — на чернильницу письменнаго стола — и его дыханіе было затруднено. Рынинъ раза два, вскользь, посмотрѣлъ на его лицо и положеніе всей его фигуры и спросилъ себя: „Зачѣмъ этотъ пожаловалъ? Не проста“.

Въ головѣ его несовсѣмъ ясно, но проступали быстрыя соображенія насчетъ Зины, ея недавняго увлеченія княземъ, то, что онъ самъ не такъ давно думалъ, когда поджидалъ ее изъ дѣрки, возможность „любовной вспышки“ и въ этомъ „юродивомъ“, какъ ему пріятно было называть Рязскаго.

Первый гость ушелъ. Рынинъ проводилъ его до передней. Въ томъ, какъ онъ это дѣлалъ, уже появились нѣкоторые новыя черты. Такъ провожаютъ посѣтителей съ

вѣсомъ крупныя официальныя лица, когда тѣ ихъ дѣлаютъ свѣтскіе или полудѣловые визиты. И въ томъ, какъ онъ обратился къ Рязскому, тотчасъ у дверей, съ обѣими руками, слегка только отдѣленными отъ туловища, сидѣлъ отѣнокъ увѣренности и превосходства.

Онъ началъ практиковаться во всѣхъ этихъ пріемахъ авторитетнаго обхожденія.

За правило принялъ онъ идти прямо къ сомнительному поводу посѣщенія, какъ на этотъ разъ. Надо сейчасъ же предупредить князя и показать ему, что у него есть что-то особенное, съ чѣмъ онъ явился, и сдѣлать это просто, съ шуточкой, тономъ человѣка, для котораго нѣтъ затруднительныхъ положеній.

— Вы ко мнѣ не сирота пожаловали, ваше сіятельство?—сказалъ Рынинъ, сѣлъ къ столу и пододвинулся вмѣстѣ съ кресломъ къ гостю.—Вѣдь такъ?

Углы бровей князя поднялись. Лицо получило страдальческое выраженіе.

— Пожалуйста,—трудно выговорилъ онъ и просительно поглядѣлъ на Рынина влажными глазами,—не называйте меня такъ... даже въ шутку... Вы угадали... Я здѣсь по очень... очень важному дѣлу...

Не такъ хотѣлъ онъ выразиться. Слова: „важное дѣло“—вышли у него отъ волненія. Дѣло было первой важности для него; но Рынинъ могъ это совсѣмъ иначе понять.

— Къ вашимъ услугамъ, дорогой сосѣдь.

Рынинъ поднесъ князю папиросницу.

— Я не курю!..

Эти слова Рязскій выговорилъ почти жестко; углы бровей опали, между ними углубилась складка; рѣсницы онъ опустил и сталъ смотрѣть на бѣлый жилетъ Рынина, виднѣвшійся изъ-подъ разстегнутой утренней блузы военного австрийскаго покроя.

— Виновать!.. И въ самомъ дѣлѣ—это большой грѣхъ.

Шутливо-безцеремоннаго намека на его „святость“ Рязскій не слышалъ. По губамъ его прошла дрожь, и можно было замѣтить, какъ онъ беззвучно началъ произносить слова, толпившіяся на его губахъ.

— Передъ вами—человѣкъ,—вдругъ, яснымъ и слегка вибрирующимъ голосомъ сказалъ Рязскій.—Передъ вами,—повторилъ онъ,—жалкій рабъ своей похоти...

Рынинъ, въ первое мгновеніе, серьезно подумалъ, что

передъ нимъ чудакъ, у котораго начался болѣе острый періодъ душевнаго разстройства. Онъ даже неимного отодвинулся вмѣстѣ съ кресломъ, и сдѣлалось это инстинктивно. Но оглядывать Рязскаго онъ не сталъ и сидѣлъ, слегка нагнувъ голову.

Вся его посадка и мина говорили: „ну, что-то будетъ дальше?“

Князь уже не путался въ словахъ, выговаривалъ ихъ отчетливо и не очень громко, но не въ тонѣ келейной исповѣди, а точно онъ говоритъ, безъ усиля, нѣсколькимъ человѣкамъ, собравшимся въ одной комнатѣ.

— Вотъ какъ я чувствовалъ и поступалъ, — кончилъ онъ и взглянулъ опять просительно и кротко на Рынина, послѣ того, какъ сказалъ ему, что его привело сюда. — Простите меня!

Никакой неловкости не ощутилъ Парменій Никитичъ. Онъ не разсердился; но его уколола эта „выходка простоватенькаго святоши“, какимъ онъ считалъ Рязскаго, прозрачная искренность его покаянія, высказаннаго безъ всякой рисовки, правда, книжными словами, въ родѣ: „похоть“, „плоть“, „посягательство“, „вожделѣніе“, но такъ, что всякій долженъ былъ почувствовать себя тронутымъ.

Его же эта исповѣдь не тронула, а кольнула. Онъ увидалъ въ ней „блажь“, и за нее пужно было сейчасъ же „осадить“ этого юродиваго. Нужды нѣтъ, что онъ выказалъ душевную чистоту, вѣрность своимъ правиламъ, большую нравственную строгость къ себѣ; противъ „такихъ вещей“ Рынинъ не имѣлъ ничего, но онъ, выслушавшій раскаяніе человѣка, увлекавшагося его женой, — не долженъ очень умиляться такимъ поступкомъ, ни какъ мужъ, ни даже какъ членъ общества, какъ русскій дворянинъ извѣстныхъ взглядовъ на жизнь и мораль: все это отзывалось неумѣстнымъ отрѣшеніемъ отъ обычаевъ и отношеній, передъ которымъ „нечего прыгать“.

— Дѣло вашей совѣсти, князь, — началъ онъ и откинулся на спинку кресла, — такое сознаніе нравственной вины... Я не вижу, откровенно говоря, чтобы вы очень прегрѣшили... даже и противъ седьмой заповѣди... Сколько и поймать изъ словъ вашихъ, моя жена не слыхала даже отъ васъ самаго обыкновеннаго признанія...

— Это еще не все!.. — прервалъ его князь, и весь встрепечулся. — Я смутилъ ея душу... Зинаида Мартыновна...

Быстро сообразилъ Рынинъ, что дѣло пойдетъ о странномъ увлеченіи Зины. Видно, она сама проболталась князю. Нельзя было допускать до дальнѣйшихъ объясненій.

— Тутъ, — Рынинъ поднялъ голосъ, — ваша роль кающагося грѣшника уже прекращается, князь. Позвольте мнѣ просить васъ нейти дальше. Вы не можете знать, что происходило въ чужой душѣ. Прошу васъ думать, — онъ выпрямился, — что во мнѣ говоритъ не тщеславная щекотливость мужа. Предположимъ, что Зина, одно время, мечтала о васъ... не здѣсь, а въ деревнѣ. Это возможно, и даже понятно. Вы можете нравиться женщинамъ, особенно съ вашей манерой жить, держать себя и разсуждать... Но я еще разъ прошу васъ не вдаваться въ такое прокурорское обнаженіе своихъ... совершенно фантастическихъ винъ!

— Вы не хотите меня понять?

У князя эти слова вырвались почти со слезами.

— Прекрасно понялъ васъ и отвѣчаю вамъ такъ, какъ сдѣлалъ бы всякій разумный человѣкъ на моемъ мѣстѣ. Только скажите мнѣ, князь: развѣ вы не могли всѣмъ этимъ проникнуться и оставить это при себѣ?

— Я васъ оскорбилъ моимъ сознаніемъ?—вдругъ испугавшись, спросилъ Рязскій.

„Да онъ—дуракъ набитый!“—съ особымъ довольствомъ подумалъ Рынинъ, и вытянулъ ноги. Губы его повела усмѣшка.

— Вовсе нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. — Не во мнѣ дѣло. Я просто хочу узнать: почему вы—человѣкъ, ищущій божественной правды,—сочли нужнымъ такъ поступить?..

— А то какъ же? — наивно спросилъ князь и поглядѣлъ на него удивленно. — Увидать свою гнусность — этого мало; надо придти и объявить тому, передъ кѣмъ виновать.

— Да, если вы его оскорбили, заставили пострадать. Но ничего подобнаго, въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Вы,—я буду выражаться по-вашему,—вы почувствовали грѣшное влеченіе къ женѣ моей. Превосходно. И сейчасъ же обличили себя передъ собственною совѣстью. Женщинѣ вы не нанесли никакой обиды, ничѣмъ ее не смущали.

— Какъ ничѣмъ? А то, что тамъ, въ деревнѣ...

— Князь,—Рынинъ всталъ, отошелъ за кресло и взялся обѣими руками за верхній ободокъ спинки, — я покорно прошу васъ не возвращаться къ тому, чего ни вы, ни я

не имѣемъ права касаться. Вы изволите слышать: ни я! А я—ея мужъ. И ничего тутъ серьезнаго быть не могло. Зина воспитана, къ сожалѣнію, въ особенной средѣ. Она, вѣроятно, дурачилась, смѣялась... не надъ вами, а надъ самой собою. Она любитъ показывать свой скептицизмъ. Во всякомъ случаѣ, это до насъ съ вами не касается,—протянулъ Рынинъ послѣднее слово, и на минуту смолкъ.

Ему было пріятно слушать себя: такъ складно, литературно онъ говорилъ. Въ послѣдній годъ онъ совершенно исправилъ свою манеру выражаться: прежнихъ шероховатыхъ жѣсткостей офицера какъ не бывало; слышно было челоѣка, умѣющаго не только соблюсти свое достоинство, свой авторитетъ, но и показать тому, кого надо „прочитать“, что его геройство, его евангельское смиреніе, сердечная чистота—неумѣстная рисовка: вотъ какъ Рынинъ понималъ себя въ эту минуту.

Тѣмъ легче было ему такъ именно чувствовать, что передъ нимъ князь сидѣлъ растерянный, съ „глухимъ“ лицомъ.

— Я пахожу, — заговорилъ Рынинъ быстро и покачиваясь, стоя надъ кресломъ, — я нахожу, любезный князь, что въ такой исповѣди мнѣ, какъ мужу, не было ни малѣйшей надобности. Можетъ-быть, — улыбка его сдѣлалась уже совсѣмъ снисходительной, — по вашимъ убѣжденіямъ, вы поступили возвышенно, по-ангельски; но я, грѣшный, считалъ бы такой поступокъ не только ненужнымъ, но и недостаточно скромнымъ...

— Вы думаете?—почти съ ужасомъ спросилъ князь.

— Читать вамъ мораль я не буду, не имѣю права. Ваше побужденіе было... похвально... Конечно... Но вы не вдумались въ самую суть поступка... За симъ благодарю васъ за довѣріе и считаю инцидентъ поконченнымъ...

Рынинъ опять сѣлъ и протянулъ руку Рязскому.

„Инцидентъ... что же это?“—спрашивалъ себя князь и не могъ никакъ привести въ связь свое „намѣреніе“, свой сердечный порывъ, съ тѣмъ, что ему сейчасъ сказалъ этотъ мужъ своимъ довольнымъ, покровительственнымъ тономъ.

„Не то, не то,—повторилъ онъ мысленно,—не сумѣлъ! Себя выгородилъ, жалкій себялюбецъ!“

Руку его пожималъ Рынинъ: онъ этого не чувствовалъ; онъ весь трепеталъ. Но это возмущеніе собою вызвало въ немъ быструю реакцію. „Не хорошо такъ возмущаться,

хоть и самимъ собою“,—приказалъ онъ себѣ внутренно, и стихъ; глаза стали смотрѣть въ пространство, лицо больше уже не краснѣло, въ тѣлѣ пропалъ нервный трепетъ.

— Не осуждайте меня,—сказалъ онъ спокойно и даже суховато, по звуку, — не берите на себя этого грѣха. Я не сумѣлъ покаяться передъ вами и проникнуть къ вашему сердцу. Простите и за это!..

— Полноте, князь!

Рынинъ потрясъ его руку, и они разомъ поднялись со своихъ мѣстъ.

— Дайте мнѣ время,—продолжалъ Ряжскій (онъ точно думалъ вслухъ, для самого себя), — мы увидимся, быть-можетъ, въ деревнѣ, вы найдете во мнѣ другого человѣка.

— Вы ѣдете?—спросилъ Рынинъ умышленно-небрежно, чтобы дать понять гостю, что взвинченный тонъ объясненій пора прекратить.

— Завтра!—радостно выговорилъ Ряжскій.

Рынинъ подумалъ только: „неужели онъ пойдетъ объясняться къ Зинѣ?“—но больше ничего не сказалъ гостю, кромѣ:

— Доброго пути, и благодарю еще разъ за довѣріе.

Въ переднюю онъ прістворилъ дверь, когда князь надѣвалъ тамъ шинель, но провожать его до коридора не сталъ.

Князь въ коридорѣ остановился, когда дошелъ уже до площадки. Онъ удержалъ себя. Ему показалось „постыднымъ“ то, что онъ не захотѣлъ сразу докончить свое дѣло, идти къ Зинѣ, ограничивался только исповѣдью передъ ея мужемъ. Но страданіе, вызванное въ немъ словами Рынина, произвело новый приступъ обвиненій самого себя.

Вѣдь еще сегодня, утромъ, передъ разговоромъ съ матерью, онъ рѣшилъ, что надо открыть свою „гнусность“ и мужу, и женѣ. А теперь онъ пошелъ къ лѣстницѣ, забылъ о ней, опять постыдно испугался... Ему пугаться нечего!

Онъ съ новой силой жаждалъ самой безпощадной исповѣди; онъ долженъ былъ показать этой женщинѣ, что въ тысячу разъ хуже, чѣмъ она, опорочилъ и загрязнилъ свою душу.

Круто повернуль онъ назадъ и пошелъ къ номеру двадцать шестому. Все, что ему нужно было ей сказать, наполнило его сразу; онъ слышалъ свои слова, онъ не только

обнажалъ свою грѣховность, но и благодарилъ ее: ей вѣдь онъ обязанъ тѣмъ, что въ послѣдній визитъ все грязное слетѣло съ него такъ внезапно, когда она заговорила съ нимъ искреннимъ тономъ.

Безъ этого обращенія къ ней ничего не будетъ сдѣлано; на его душѣ останется все тотъ же грузъ.

Смѣло, безъ волненія, взялся онъ за ручку двери съ матовыми стеклами.

„Что это такое?“ — спрашивали себя Зина и не могла еще добраться до чего-нибудь определеннаго, — ее дергало въ разныя стороны: до такой степени то, что вышло десять минутъ передъ тѣмъ, опять на томъ же мѣстѣ, было страшно, нелѣпо или унижительно, божественно, если не постыдно для нея, гораздо постыднѣе, чѣмъ сцена въ усадьбѣ князя Рязскаго.

Она разсердилась на Рынина за то, что онъ третьяго дня вошелъ не въ-время, когда около нея сидѣлъ князь слишкомъ рано, можетъ-быть, на двѣ минуты раньше. — въ эти двѣ минуты „все было бы кончено“, — но она осталась вполнѣ увѣренной въ томъ, что князь былъ доведенъ до пароксизма страсти, и довела она его именно тѣмъ, что заговорила съ нимъ какъ женщина, способная пересоздать себя для него. Никакого сомнѣнія въ своемъ торжествѣ не было у нея, и весь тотъ день, когда она обѣдала съ мужемъ и про себя надъ нимъ подтрунивала, и на другой день... Тогда она притихла. Впередъ вкушала она, по кусочкамъ, предстоящую рѣшительную сцену. Мужъ могъ ихъ застать или не застать — это уже подробность. Князь такой человѣкъ, что для него поцѣловать женщину, значитъ — отдать себя ей навѣки... пойти на всякую благородную жертву.

Не нужно ей было ни писать ему письма, вызывая на новый разговоръ, ни волноваться его ожиданіемъ. Онъ долженъ былъ придти.

За полчаса до его прихода, сегодня, она хотѣла-было поѣхать кататься, и осталась, увѣренная, что онъ будетъ.

Въ ней, за эти два дня, происходилъ новый успокоительный поворотъ къ личности князя. Она все болѣе и болѣе увѣряла себя, что создана именно для замужества съ такимъ человѣкомъ, что безъ него ей не выбраться изъ своего тягостнаго убиванья жизни. Она не впадетъ въ его „святошество“, но у нея будетъ мужъ, который

зажегъ въ ней настоящую страсть, красивый, родовитый, кроткій. Не хочетъ она прибирать его къ рукамъ, чтобы заставить его страдать; но она непремѣнно измѣнитъ въ немъ все то, что мѣшало бы ихъ ладу.

Ладъ, душевное довольство представлялись ей возможными съ этимъ предметомъ ея первой страсти. Она, думая о немъ, мѣшала серьезныя мысли и порыванья съ шутивыми; но серьезность превозмогала, даже противъ ея воли.

Передъ приходомъ князя, она была твердо увѣрена въ томъ, что все будетъ кончено, и если она „первая“ заговорить, продолжая въ томъ тонѣ, какой она взяла третьягодня—она сдѣлаетъ это изъ великодушнаго чувства. Ей пріятно будетъ согрѣть и себя, и его словами, какихъ она еще никому не говорила, кромѣ его. Она покажетъ ему, до какой степени она не мстительна, не помнитъ страданій, доставшихся ей отъ него, отъ его непониманія и холодности.

Безъ малодушной тревоги слышала она его шаги въ передней, сѣла на кушетку, поправила свой пеньюаръ и застыла въ одной позѣ, закрывъ глаза. Это состояніе было ей очень пріятно и ново: сознаніе своей побѣды, увѣренность въ томъ, что она „кончаетъ“, чтобы сейчасъ же „начать“. Болѣе полно, какъ женщина, безъ боли и волненій, она еще не жила. Ей ясно стало, что она, быть-можетъ, не меньше склонна къ добру, чѣмъ ея будущій „настоящій мужъ“, только по-своему.

Вотъ онъ вошелъ, остановился у дверей; она все еще не раскрывала глазъ. Онъ сдѣлалъ два шага къ кушеткѣ; она почувствовала, что ступаетъ онъ твердо. Тутъ только она взглянула на него.

Князь смотрѣлъ, какъ бывало въ деревнѣ, куда-то вдаль; въ лицѣ возбужденіе прошло, небольшая блѣдность дѣлала его еще привлекательнѣе.

Она не дала ему начать, пригласила рукой присѣсть къ кушеткѣ и заговорила, какъ будто продолжала то, что было прервано третьягодня приходомъ мужа.

Что она говорила ему? Неужели то, что она ясно видитъ теперь свою „судьбу“, что она готова сбросить съ себя „узы“, что она сумѣетъ сдѣлаться подругой, достойной такого человѣка?.. Неужели всѣ эти слова произносила она вслухъ, наклонившись къ нему? Неужели она, когда говорила, не разглядѣла на его лицѣ чего-нибудь, что должно бы было удержать ее мгновенно?

Да, говорила... и такъ сладко, такъ пространно и мѣстами торжественно, какъ никогда не умѣла, съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ. Длилось это съ четверть часа. Онъ не прерывалъ ея; но глаза были опущены, мелькнуло передъ ней нѣчто, напоминавшее ей сцену во флигелѣ его усадьбы... но только мелькнуло. Все, до самаго конца, выговорила она. И опять, какъ третьягодня, только еще сильнѣе, охватило ее чувство близости своей побѣды. Невольно опустила она глаза.

И что же? Онъ сидѣлъ, какъ прикованный къ стулу. Вышла пауза въ нѣсколько секундъ, показавшаяся ей ужасно долгой.

Она должна была и его дослушать до конца. Сначала ей послышался знакомый тонъ, какимъ онъ говаривалъ и въ Ширяевѣ, и у себя.

„Зачѣмъ все это, если онъ—мой, если я довела его до страсти?“—спросила она себя.

Но слова были другія. Не сразу схватывала она ихъ: что-то ей мѣшало принимать ихъ въ себя, вновь уяснять себѣ ихъ смыслъ.

„Онъ отказывается отъ меня?“ — былъ второй ея вопросъ.

Не отказывается, а кается ей въ чемъ-то, называетъ себя разными „душеспасительными“, суровыми словами, повторяетъ нѣсколько разъ, что онъ одинъ, только онъ, а никакъ не она, во всемъ виноватъ. Она хотѣла—было спросить, подавленная, какъ бы вприсонкахъ: „да въ чемъ же вы виноваты?“—и способность рѣчи точно оставила ее. Князь продолжалъ настаивать на своемъ и еще въ чемъ-то обвинялъ себя... въ томъ, кажется, что онъ только выгораживалъ себя, даже и тогда, когда приходилъ каяться.

„Къ кому?“—мелькнуло у нея въ головѣ, но она не могла остановиться ни на одной опредѣленной мысли. Это ее давило, а мгновеньями казалось шуткой, или замаскированнымъ объясненіемъ, или пеловкостью человѣка, испугавшагося любовнаго признанія.

Но князь кончалъ; онъ уже отвѣчаетъ теперь на то, что она ему сказала сейчасъ, значить — онъ все понялъ не такъ, какъ въ Ширяевѣ или у себя въ усадьбѣ. Не только понялъ онъ все, но и прямо рассказалъ, какъ, третьягодня, она же, Зина, „спасла“ его, когда заговорила съ нимъ не шутливо-вызывающе, а „съ чувствомъ“...

Но это чувство „грѣховно“, и опъ еще разъ просилъ у нея прощенія за то, что возбудилъ его въ ея душѣ.

Слезы заблестали у него на опущенныхъ рѣсницахъ. Онъ прощался съ ней, протянулъ ей руку, сказалъ, кажется, что бѣжитъ изъ Петербурга... Еще немного, и она не удивилась бы, если бы онъ протянулъ надъ ея головой обѣ руки и призвалъ бы на нее благословеніе неба, послѣ того, какъ выполнилъ свою роль кающагося грѣшника.

И вотъ она одна... и ничего нѣтъ!..

Нѣсколько разъ принималась Зина перебирать въ головѣ, чѣмъ это началось, какъ это кончилось, и не могла убѣдить себя въ томъ, что такъ дѣйствительно было, что поправить ничего нельзя...

Онъ ушелъ—навсегда, сегодня же уѣдетъ въ деревню; а она останется тутъ, въ своей отелной гостиной: „à l'ushiner à bêtise, pumego...“ Она не докончила въ головѣ французской фразы и спросила себя:

„А какая это глупость, по счету?“—т. е. какая любовная исторія, маленькая или большая? Она начинала по-дѣтски, — такъ, какъ припоминаютъ, сколько было изношено платьевъ или шляпокъ съ извѣстнаго возраста, — считать свои „флёрты“... „Двадцать восемь?.. Кажется, всѣ?..“

Зина вслухъ засмѣялась и покинула ненавистную кушетку. Разомъ, злоба вскипѣла въ ней... Этотъ святоша, идіотъ остался вѣренъ себѣ!.. Не на него накинута она въ припадкѣ глухой ярости, а на себя. Ничего больше она не заслуживала, какъ такого, вотъ, послѣдняго наказанія за свою колоссальную глупость, за жалкую сентиментальность, за неумѣнье воспользоваться настроеніемъ и взглядомъ на жизнь, съ какими пріѣхала въ Петербургъ, послѣ своей болѣзни.

Ей ударило въ поясницу, такъ что она должна была схватиться за кресло, и острая боль отразилась сейчасъ же въ правой ногѣ, въ пальцахъ, всего сильнѣе въ большомъ. Это ее испугало. Она пріободрилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ по комнатѣ и заставила себя думать по-другому...

Вѣдь это все вздоръ, не серьезнѣе ея романа съ юношей, на кумысъ... Развѣ она опять полюбила князя или, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилась бросить мужа, связать свою судьбу съ такимъ юродивымъ, надъ которымъ Парменій

Никитичъ смѣется? И кто же это знаетъ: что между ними происходило здѣсь, въ оба раза? Никто!.. Да она сама сегодня же расскажетъ обо всемъ мужу, въ такомъ же забавномъ тонѣ, какъ рассказывала про свою деревенскую страсть, за завтракомъ, въ день пріѣзда сюда Сосѣ.

И это надо сдѣлать, непременно! Можно будетъ представить дѣло такъ, что князь, ни съ того, ни съ сего, пришелъ каяться въ своей любви...

Нѣтъ! Она ничего не скажетъ мужу: съ какой стати?.. Не будетъ она ни лгать, ни изворачиваться. Довольно ей и того, что она такъ плоско и банально обманулась: ждала взрыва страсти въ князѣ, въ первый его визитъ, какъ разъ въ ту минуту, когда въ немъ происходило „просвѣтлѣніе“, вызванное ею же тономъ.

Зина начала нервно потирать свои руки и щелкать суставами пальцевъ. Это, въ былое время, дѣлала она передъ припадкомъ. Привычка осталась; по звукъ хрустящихъ суставовъ остановилъ ее и снова испугалъ.

Безъ припадковъ!.. Не надо ихъ; она хочетъ быть здоровой всегда и во что бы то ни стало... Правая ступня продолжала ныть. Это еще что такое?

Она взялась за ручку кресла, стоявшаго почти посрединѣ комнаты, и опустила въ него... Больше она не могла ни разбирать того, что случилось, ни возмущаться, ни бранить себя... Хоть бы кто-нибудь пришелъ; плакать она тоже не могла, — а слезы облегчили бы ее; кусокъ, остановившійся въ груди, не давилъ бы ее такъ... Нѣтъ никого... ни Сосѣ, ни Снѣткина... Онъ — на пути въ Парижъ... Никого!.. Не пойдетъ же она къ мужу и не станетъ ему изливаться...

Безпомощно опустила она голову въ обѣ ладони, сидя все въ томъ же креслѣ.

— Зина!—кликнулъ ее голосъ мужа.

Она не тотчасъ подняла голову. Рыніе подошелъ къ ней, дотронулся своей холодной ладонью до ея плеча. Она слегка вздрогнула.

— Ха-ха-ха!—разнесся по комнатѣ, заглушенный гардинами и ковромъ, неприятный смѣхъ Парменія Никитича. — Значить, блаженный князекъ былъ здѣсь и тебя такъ ухаживалъ?..

— А какъ вы это знаете?—рѣзко спросила Зина.

— Боже мой, Зина! Къ чему такъ волноваться? Что же тутъ удивительнаго?.. Онъ сейчасъ былъ у меня съ

форменнымъ покаяніемъ... Только я не думалъ, что онъ еще къ тебѣ полѣзетъ! Идіотъ! Во всѣхъ частяхъ!..

Губы Рынина произвели что-то похожее на свистъ, но свистнуть вполнѣ онъ не позволилъ бы себѣ не только у жены, но и у себя въ спальнѣ: такія привычки были имъ оставлены въ полку.

Зина съ трудомъ поднялась и подошла къ нему, поглядѣла ему въ глаза со сдвинутыми бровями такъ сурово и гнѣвно, что онъ невольно отвелъ голову нѣсколько назадъ.

— Онъ былъ у васъ,—начала она, и дрожь голоса все возрастала,—онъ былъ у васъ... съ этимъ... и вы не могли меня предупредить?.. Прекрасно!

Руки ея сжались въ кулаки. Рынинъ подумалъ, что она его ударить. Лицо ея было блѣдно, впадало даже въ синеву; глаза стали больше; ихъ огонь сдѣлался зловѣщимъ...

Никогда еще Зина не чувствовала такъ, всѣмъ своимъ существомъ, коренную враждебность двухъ половъ: мужчинъ и женщинъ... И прежде этотъ человѣкъ былъ ей противенъ и тошенъ, но теперь, съ его самодовольной усмѣшкой, съ выраженіемъ желтоватыхъ глазъ, говорившихъ: „я все знаю, — вашъ юродивый, въ котораго вы влюбились до безумія, пришелъ каяться сначала мнѣ“, онъ вызвалъ въ ней ярость, гораздо большую, чѣмъ та, что, за десять минутъ до его прихода, она испытала здѣсь же, посреди этой комнаты.

— Не извольте бѣситься,—сказалъ онъ,—я ни въ чемъ не виноватъ!

Онъ подошелъ къ ней еще ближе и взялъ за обѣ руки повыше кулака, какъ будто съ успокоительной лаской, но тотчасъ же его сильные пальцы напомнили ей сцену въ Ширяевѣ, въ его кабинетѣ...

Онъ и здѣсь поступить такъ же, пригнетъ ее къ креслу, и — что еще гаже — сдѣлаетъ это съ шуткой.

Вся кровь хлынула ей въ лицо. Но она уже овладѣла собою.

— Что ты выдумалъ? — выговорила она и тихонько высвободила руки изъ его пальцевъ. — Я нисколько не бѣжусь!.. Но я только спрашиваю: неужели нельзя было предупредить меня?..

— Кто же могъ предполагать, что его идіотство дойдетъ до такого градуса? Я его два раза остановилъ, когда

онъ сталъ говорить о грѣшныхъ чувствахъ, вызванныхъ имъ въ тебѣ.

— Онъ это говорилъ?!

Возгласъ Зины выдавалъ ея душевное состояніе. Рынинъ счелъ нужнымъ дать ей мягкій дружескій урокъ.

— Ты слишкомъ волнуешься, мой другъ, прилягъ на кушетку... Я тебѣ все расскажу. Ты сама разсудишь: кто тутъ больше виновать...

— Je suis tout oreille,—сказала она съ напускною веселостью, и сейчасъ же поняла, какъ фраза плохо прикрывала ея разстройство, обиду, злость...

И она, чувствуя во всемъ тѣлѣ разбитость, прилегла на кушетку.

— Какъ же онъ могъ это знать... про тебя?—спросилъ Рынинъ снисходительно, какъ отецъ говорить дочери, надѣлавшей непростительныхъ глупостей. — Ты ему сама разболтала?..

— C'était du persiflage!

— Не знаю. Если и такъ, то этотъ persiflage—дурного тона... какъ и тонъ, какимъ ты мнѣ рассказала про свою... любовную лихорадку въ Ширяевѣ.

Ее снова схватило, всколыхнуло ее всю — и она его прервала.

— C'est lâche, c'est infâme! — крикнула она, двигаясь нервно по кушеткѣ.—Вы точно въ уговорѣ были съ этимъ кретиномъ... Слышите! въ уговорѣ... Une conspiration de mâles!

Рынинъ пожалъ плечами. Его жестъ подмигъ только масла.

Зина не вспомнила бы черезъ четверть часа, что она наговорила мужу. Но въ ея словахъ было не столько раздраженія противъ него, безгласности, неизгладимой антипатіи къ его характеру, натурѣ, внѣшности, всему, всему, сколько накопившихся страданій, какія дала ей страсть къ князю, позорнаго сознанія того, какъ она была сегодня одурачена, какъ человѣкъ, съ которымъ она мечтала „уйти навсегда“, выдалъ ее мужу, ему первому пришелъ каяться въ „похоти“ къ ней... Въ „похоти“—и только!

Слушая Зину, Рынинъ внутренно торжествовалъ. Ему даже пріятны были ея „неистовства“.

Развѣ не всѣ женщины такія же, какъ она? Гдѣ у нихъ что-нибудь похожее на правило, мысль, достоинство,

серьезный интерес въ жизни? Еще одно материнство спасаетъ ихъ — да и то не всегда — отъ постыдныхъ паденій, отъ вѣчно гложущаго ихъ полового инстинкта. Самый дрянной мужчина не въ состояніи бы былъ вести себя такъ, какъ его жена, а ее способны считать въ свѣтѣ изящной, умной, представительной женщиной, съ большимъ характеромъ!..

Парменій Никитичъ находилъ въ себѣ, во время „припада“ Зины, чувства доктора, специалиста по психіатріи, наблюдающаго явленія какой-нибудь „большой истеріи“...

Онъ все время стоялъ около камина и курилъ. Ему захотѣлось-было, цѣлымъ рядомъ вопросовъ, довести Зину до признанія виновной въ своемъ срамѣ и пораженіи только самоѣ себя, но охота прошла: во второй разъ, и все на томъ же мѣстѣ, и въ той же комнатѣ отеля, ему стало ее жалко.

Вдругъ потокъ бѣшеныхъ рѣчей Зины смолкъ. Ее всю передернуло, она схватилась за ногу — и смолкла...

„Такъ вотъ лучше, — подумалъ Рынинъ. — Бренное тѣло даетъ ей урокъ“.

Онъ подошелъ къ ней. Съ закрытыми глазами лежала она затылкомъ на спинкѣ кушетки, мертвенно блѣдная.

— Дурно тебѣ?.. Позвать Милли? — спросилъ онъ уже безъ насмѣшки въ голосѣ.

— Оставьте меня!..

Эти два слова вышли просительно-дѣтскимъ звукомъ, близкимъ къ плачу.

— На свободѣ обдумай все! — сказалъ онъ, уходя. — Пора переѣхать... ампула... другъ мой! *Les grandes coquettes ne vous réussissent pas!*

Когда его шаги смолкли за дверью передней, Зина продолжительно вздохнула, и, какъ маленькая, точно послѣ наказанія, она повторяла мысленно: „не воротишь! сама виновата, сама, сама!“

И слезы безъ конца потекли у нея по охолодѣлымъ щекамъ; затылокъ, свинцомъ налитый, былъ прикованъ къ кушеткѣ. Въ ногѣ то приливала, то отпущкала жгучая боль, посѣтившая ее сегодня впервые, предвѣстница новаго недуга...

X.

Съ папками подъ мышкой, въ узкихъ пальто съ мерлушечьими воротничками и въ высокихъ шляпахъ, шагали

Шварцъ и Кремлевъ по платформѣ Николаевскаго вокзала.

Они поджидали курьерскаго поѣзда. Утро стояло кислое, туманное; чуть замѣтно моросило. Шла уже вторая недѣля Великаго поста.

Оба пріятеля говорили между собою мало; но имъ обоимъ одинаково хотѣлось увидать поскорѣе Зинаиду Мартыновну... Недѣлю тому назадъ она уѣхала внезапно въ Москву, вызванная депешей о смерти отца. Мужъ отправился черезъ день на похороны тестя. Онъ навѣрно возвращается съ ней—и это имъ было особенно непріятно... увидать сейчасъ же лицо этого „бурбона“—они его почему-то такъ прозвали—рядомъ съ той, кто для нихъ обоихъ была „одинъ восторгъ“!.. И безъ того въ последнее время, передъ отъѣздомъ въ Москву, Зинаида Мартыновна такъ вдругъ измѣнилась—почти не принимала ихъ, никуда не ѣздила, не помышала ими,—что было бы „превосходно“; если и спрашивала о городскихъ новостяхъ, то не слушала, когда они, наперебой, начинали ей докладывать. Даже Кремлевъ, такой скупой на слова, началъ острить и рассказывать анекдоты; но она его останавливала, говорила: „ахъ, перестаньте болтать!“ и сидѣла съ ногами на кушеткѣ, жаловалась все на боль въ ногѣ; за докторомъ не посылала, очень похудѣла.

— Но какое у нея лицо!—восторженно повторяли оба пріятеля, каждый день, за ужиномъ, кончая у Бореля свой день.

Поѣздъ имѣлъ уже пять минутъ „опозданія“,—такъ сказалъ имъ сторожъ. Они остановились у одного изъ столбовъ деревяннаго навѣса и оглядѣли—кто дожидается. Кромѣ цѣлой кучки артельщиковъ въ бѣлыхъ фартукахъ,—двѣ дамы съ дѣвочкой, старушка въ капорѣ, офицеръ въ жандармскомъ мундирѣ и нѣсколько человекъ мужчинъ, не больше пяти-шести, ходившихъ въ разныхъ направленіяхъ, подъ сводами вокзала, поодаль отъ нихъ.

— Что ему нужно?—спросилъ Шварцъ своей обрывистой скороговоркой.—Точно за нами слѣдить?

Онъ указалъ головой на мужчину постарше ихъ, въ шинели съ бобромъ и въ лѣтней фѣтровой шляпѣ. Шварцъ поглядѣлъ на него и тихонько выговорилъ:

— Ignoble particulier!.. А по глазамъ—сейчасъ съ нами заговорить...

— Вотъ еще!

Кремлевъ всегда ужасно боялся „Богъ знаетъ съ кѣмъ разговаривать“.

Мужчина въ довольно подержаной шинели былъ Теняшевъ. Онъ тоже дожидался Зины. Пріѣхалъ онъ на-дняхъ, прямо съ крайняго Востока, остановился въ „Европейской гостиницѣ“, узналъ, что Зина въ Москвѣ, хоронить отца, и будетъ назадъ въ среду. Онъ хотѣлъ сдѣлать ей сюр-призъ.

Теняшевъ пожелтѣлъ, — онъ полгода страдалъ лихорадкой, — но не высохъ, расплылся и значительно полнѣлъ; въ бородѣ, попрежнему неопытно содержимой, бѣлѣлъ уже не одинъ сѣдой волосъ.

Въ Шварцѣ и Кремлевѣ онъ началъ распознавать адъютантовъ Зины. Навѣрно у нея есть они, вотъ этакого именно вида. Ему захотѣлось съ ними заговорить; въ этихъ случаяхъ онъ никогда не стѣснялся.

Только что они отошли отъ деревяннаго столба, Теняшевъ повернулся къ нимъ подъ прямымъ угломъ, поднялъ свою лѣтнюю шляпу, сдѣлавшую весь переѣздъ черезъ океанъ, и самымъ утвердительнымъ тономъ сказалъ имъ:

— Вы дожидаетесь Рыпиныхъ, господа?

А потомъ уже назвалъ себя и сейчасъ же прибавилъ, что знаетъ Зину чуть не съ дѣтства и „очень любопытень“ услышать отъ нихъ, какъ ея здоровье, хорошо ли живетъ съ мужемъ и осталось ли отъ этого „шута городского“ Мартына Ногайцева еще что-нибудь, кромѣ тѣхъ „духсотъ тысячъ“, которыя она принесла тому „ловкачу“ Рыпину.

Пріятели съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ слушали его непрерывающуюся рѣчь, оглядывали его и дѣлали про себя почти одни и тѣ же соображенія. Неужели онъ — пріятель Зины? Говоритъ онъ по-русски съ трактирными словечками и пожиманіемъ плечъ; вообще „моветонистъ“, но употребляетъ и французскія слова съ хорошимъ произношеніемъ; видно, что много жилъ за границей, да и сейчасъ отрекомендовался генеральнымъ консуломъ изъ такого мѣста, гдѣ консулы — политическіе агенты. Не могъ же онъ все это наврать. Вѣдь сейчасъ же пріѣдутъ Рыпины и ея кузина, а ее онъ также называетъ запросто „Сосѣ“, и рассказалъ уже имъ, какъ она „втѣрилась“ въ швейцарскаго янки, изъ „отставныхъ часовщиковъ“, теперь „кусаетъ локти“ и навѣрно хлопочетъ „опять о

разводѣ". Что-то такое слышали они мелькомъ и отъ Зинаиды Мартыновны.

Нечего дѣлать: надо обойтись съ нимъ вѣжливо. Они сказали ему свои фамилии.

— Состоите ли при Зинѣ въ званіи ординарцевъ?—спросилъ со смѣхомъ Теняшевъ.

Они хотѣли-было обидѣться, но не обидѣлись: онъ—добрый малый, хоть и „хамоватъ“. Ревновать его къ Зинѣ не стоило, это сейчасъ видно; теперь, въ траурѣ, въ великопостномъ настроеніи, оно и лучше, что такой пріятель внезапно появился; пускай его занимаетъ Зину; они будутъ только пользоваться минутами просвѣтлѣнія. Да и чаще ихъ будутъ пускать. Вѣдь „при ложѣ“ дежурить уже нельзя. Она никуда ѣздить не будетъ—ни въ Михайловскій, ни въ циркъ по субботамъ.

Кучка артельщиковъ пришла въ движеніе. Показалась круглая грудъ локомотива, и свистокъ гулко и непріятно зануль, проникая до сводовъ дебаркадера.

Съ площадки спального вагона, остановившагося наискось отъ мѣста, гдѣ Теняшевъ говорилъ съ Шварцемъ и Кремлевымъ, первая шагнула съ маленькимъ прыжкомъ Софья Германовна и понала въ широко разставленныя руки Теняшева.

Онъ, кажется, хотѣлъ се обнять. Она не сразу узнала его и отскочила:

— *Же, же!*—крикнулъ онъ, ломая нарочно французскій языкъ.—Хороша барынька! Закадыку не узнала!

— Ah... le pauvre ami!

Собоь обрадовалась ему искренно и дала ему цѣловать свою руку въ перчаткѣ.

— А Зина?

Этотъ вопросъ Теняшева, сдѣланный довольно громко, услышалъ Рынинъ, вышедшій изъ вагона раньше Зины.

Теняшевъ не почувствовалъ никакой неловкости. Ему все равно: онъ имѣетъ право такъ звать ее—и будетъ это дѣлать.

Вмѣсто отвѣта, показалось въ полуотворенной двери лицо Зины, желтовато-блѣдное, вытянувшееся, очень болѣзненное. Шварцъ и Кремлевъ почти ахнули, и ихъ обонихъ ударило въ сердце то, что „она подурнѣла“.

— Ахъ, голубушка моя, что съ вами?

Возгласъ Теняшева былъ такъ громокъ, что обратилъ даже вниманіе нѣкоторыхъ пассажировъ.

Руки свои онъ такъ же разставилъ, какъ и для пріема Сосѡ, но Зина остановилась на площадкѣ, взялась рукой за столбикъ и тихо сказала:

— Вы слишкомъ шумны, Теняшевъ. Сосѡ, ты поѣдешь съ Рынинымъ. Дайте мнѣ руку, — она протянула свою Теняшеву. — Я съ вами въ каретѣ... Есть экипажи отъ отеля?

— Все, все приготовлено! — быстро сказалъ Шварцъ.

Кремлевъ стоялъ съ приподнятой шляпой и безмолвно улыбался.

За Зиной вышелъ изъ двери докторъ Лукашинъ.

Шварцъ и Кремлевъ переглянулись. Они теперь только вспомнили, что одному изъ нихъ надо передать письмо отъ Снѣткина, застрѣливавшагося въ Парижѣ недѣлю передъ тѣмъ. Онъ просилъ, въ запискѣ, Шварца сдѣлать это въ „подходящую минуту“.

Теперь было бы совсѣмъ некстати.

Доктора они не знали въ лицо, но догадались, кто онъ, по тому, какъ онъ поддержалъ Зинаиду Мартыновну подъ локоть и какъ что-то сказалъ ей вполголоса, почти на ухо.

Всѣ сгруппировались. Сосѡ спросила о чемъ-то Теняшева. Рынинъ отдавалъ квитанціи двумъ артельщикамъ. Засуетился и Лукашинъ.

— Вотъ моя рука, голубушка, — сказалъ Теняшевъ, подходя къ Зинѣ сбоку.

Онъ замѣчалъ, что всѣмъ было неловко.

Молодые люди тоже топтались на мѣстѣ. Зина совсѣмъ и не смотрѣла въ ихъ сторону.

— Marchons! — усталымъ голосомъ сказала она и пошла съ Теняшевымъ. Обернувшись къ мужу и доктору, она прибавила: — Кто-нибудь останется для вещей. Сосѡ, я очень утомлена... вмѣстѣ мы завтракать не будемъ.

Тутъ только молодые люди подошли къ ней поближе, спросили о здоровьѣ и узнали: можно ли будетъ, хоть вечеромъ, явиться къ ней.

— Если не буду валяться, приму васъ... — кинула имъ Зина, и на ея лицѣ и тотъ, и другой прочли большое разстройство.

Оба огорчились.

Въ каретѣ Теняшевъ взялъ Зину за обѣ руки и такъ къ ней наклонился, точно хотѣлъ поцѣловать ее.

— Вотъ и свидѣлись! Только что же это, родная, какого вы вида — это просто срамъ!

Его голосъ раздражалъ ее. Она высвободила свои руки и выговорила:

— Ахъ, Теняшевъ, вы такой же шумный! Я не могу такъ... я нездорова.

— Да что съ вами? Скажите на милость?

— Подагра!

— Ха-ха-ха!—покати.ся онъ со смѣху.

— Я вамъ серьезно говорю. Докторъ Лукашинъ увѣряетъ.

— Да онъ всегда былъ тупица... Просто, ударъ... кончина отца... похороны... Это всегда расшатаетъ нервы. А что,—спросилъ онъ, нагнувшись къ самому уху,—папашенъ скончался голъ какъ соколъ, или малую долю карбованцевъ не пропало еще? А?..

И онъ подмигнулъ ей съ той же пріятельской гримасой, какъ бывало за границей. Она не разсердилась на него за эту безцеремонность. Правда, онъ теперь казался ей ординарнѣе, еще менѣе интереснымъ, опрощеннымъ на своемъ крайнемъ Востокѣ, но съ нимъ ей опять стало легко. Послѣ Ситкина, она нуждалась въ пріятель-мужчинѣ своихъ лѣтъ или старше, а на Теняшева она привыкла смотрѣть какъ на родственника.

— Послѣ него осталось двѣсти пятьдесятъ тысячъ,—выговорила она безстрастно.

Ей эта крупная цифра не доставила никакого удовольствія, когда она вслухъ произносила ее въ первый разъ.

— Жоли!..

Теняшевъ даже подскочилъ.

— И своихъ приданныхъ не прожили?

— Нѣтъ.

— Умница!..

Онъ нагнулся и поцѣловалъ у нея руку и сейчасъ же, безъ всякаго перехода, началъ рассказывать про себя, про свою бывшую жену, и просилъ совѣта у Зины, какъ ему быть. Жена чуть не побывала „въ морганатическихъ супругахъ“, а теперь пишетъ ему нѣжныя письма и не прочь сейтись съ нимъ опять.

— Вотъ комбинація-то!—кричалъ Теняшевъ.—Съ собственной женой въ незаконную связь вступить! Не дурно! Вѣдь если бы мы и законнымъ опять пожела.ли, такъ насъ разведутъ... Что жъ! Я ей зла не желаю; только она со мною не проживетъ и полугода. Да я теперь и не одинъ...

— Un collage?—оживленнѣ спросила Зина.

— По-туземному! Во временномъ бракѣ, по нотаріаль-
ному условію и подъ гарантією мѣстнаго высшаго началь-
ства!.. Я вамъ скажу—премиленькія бабеночки: чистень-
кія, ласковыя, только волосы очень уже себѣ наващиваютъ.
Сравненія нѣтъ съ тѣмъ, что во французскихъ колоніяхъ
зовутъ: „конгай“. У тѣхъ зубы подъ черный лакъ и въ
головѣ нащѣкомыя...

Зина прервала его жестомъ.

— Что прикажете дѣлать, голубушка!.. Скучать сталъ..
Смычокъ моихъ гончарокъ передохъ. Только у меня и
оставалось. Что дѣлать, что дѣлать!.. И язычницъ съ ко-
сыми глазами будешь любить!.. На чужой сторонкѣ!..

Это полушутовское: „что дѣлать, что дѣлать!“—вызвало
на губахъ Зины улыбку. Вотъ онъ выносить все, что ему
кидаетъ въ лицо жизнь, и утѣшается своей поговоркой.
Съ нимъ, по крайней мѣрѣ, ей нечего сдерживаться...
Она скорѣе ему, чѣмъ кузинѣ своей, стала бы говорить
объ испытаніяхъ этой недѣли, о томъ, что было въ день
последняго визита князя, какъ новые припадки уложили
ее въ постель, какъ потомъ въ Москвѣ похороны отца и
всѣ воспоминанія о смерти матери, о кладбищѣ, ея стра-
сти и попыткѣ накликать на себя смерть,—какъ все это
погрузило ее въ новое мертвенное равнодушіе. Всѣ тамъ
были ей тошны: и мужъ, съ своимъ тактомъ великодуш-
наго сердцевида и джентльмена, и Сосѣ, и Лукашинъ,
„выпалившій“ ей о подагрѣ, и городъ, и гостиница, и
она сама... Но всего тошнѣе ей было глядѣть на Сосѣ и
слушать ее! Сосѣ опять стремилась къ мужу, къ Альфонсу,
обобравшему ее, послѣ возгласовъ о томъ, что онъ пере-
сталъ для нея существовать, что онъ ей гадокъ своими
грубыми обманами avec des drôleses!

Но Зина не заговорила о ней первая. Теняшевъ отъ
своихъ дѣлъ перескочилъ и къ Сосѣ и началъ отчасти
спрашивать, отчасти самъ дѣлать свои соображенія:

— Обошлась... на часовщикѣ съ семнадцатью панта-
лонами!.. А теперь, поди, ѣдетъ его же выручать?

Зина не выдержала и рассказала ему, какъ Сосѣ въ
Москвѣ, въ самый день похоронъ Мартына Лукича, узнавъ
о капиталѣ, оставленномъ имъ, стала просить у нея въ
заемъ сто тысячъ рублей.

— Excusez du peu!—крикнулъ Теняшевъ.

Разумѣется, Зина отказала наотрѣзъ. Сосѣ разревѣлась,

начала называть ее эгоисткой, неблагодарной, чуть не попрекнула всѣми платьями, какія ея мать шила Зинѣ въ дѣтствѣ. Самое Сосѡ она бы сейчасъ выручила изъ всякой бѣды, но давать ей сто тысячъ для ея Альфонса—никогда! Исторія кончилась тѣмъ, что Сосѡ пошла къ отцу,—она затѣмъ и ѣздила въ Москву,—да вдругъ застыдилась просить; отецъ же, на радостяхъ, что ему стало лучше, далъ ей продать нѣсколько паевъ по какой-то мануфактурѣ, что составило, кажется, больше ста тысячъ. Она просила прощенія у Зины; но возмутительно то, что она опять „пылаетъ“ къ своему мужу и лжетъ, скрываетъ это, увѣряетъ, что она такъ стремится за границу только затѣмъ, чтобы спасти свое состояніе, откупиться отъ него.

— Ну, такъ я ее утѣшу!

Теняшевъ хлопнулъ себя по колѣну подъ шинелью.

Онъ, по дорогѣ въ Петербургъ, въ Италиі, за однимъ табльд'отомъ наткнулся на парочку—супругъ Сосѡ и вольтижерка изъ цирка,—ѣхали они изъ Монако и въ отелѣ были прописаны какъ *monsieur et madame Stockers*.

— *Vrai?*—почти вскрикнула Зина.

— Лопни мои глаза!..

— Угостите ее! Я очень рада! Надо взять рѣшительныя мѣры.

Оживившись, она стала менѣе блѣдна, и когда карета подъѣзжала уже подъ ворота отеля, Зина прибавила:

— *Merci, mon ami, vous m'avez fait du bien!*

— Только вотъ что,—успѣлъ сказать ей Теняшевъ, еще въ каретѣ,—не очень-то для васъ пріятная новость.

— А что?

— Княгиня Трубчевская... тутъ же въ отелѣ... лежитъ при смерти... Не нынче—завтра конецъ!

Зина оглянулась на него вбокъ. Лобъ ея наморщился.

— Въ отелѣ?—отрывисто спросила она.

— Въ отдѣленіи, подъѣздъ съ Итальянской, гдѣ приготовлено Софѣ Германовнѣ.

— *Est-elle bien bas?*—спросила Зина прежнимъ, заграничнымъ тономъ, котораго у нея не находилъ пріятель.

— *Elle file du plus mauvais coton.*

— *Il faut que j'aile la voir,* — какъ бы про себя сказала Зина.

Карета остановилась подъ воротами.

Это извѣстіе о княгинѣ Трубчевской наполнило ее но-

вой горечью, ощущеніемъ чего-то, явившагося прихлопнуть ее. Та и прежде-то была не особенно пріятна, съ циническимъ повтореніемъ фразы: „je vais claquer!“—а какова же будетъ она теперь!..

Внизу, на толстомъ войлочномъ коврѣ, Зина стояла растерянная. Теняшевъ, съ двумя ея мѣшками въ рукахъ, усмѣхался.

Служитель при лифтѣ предложилъ ей подняться. Она не согласилась.

— Почему?—шопотомъ спросилъ Теняшевъ.—Вѣдь вы на ногу жаловались.

— Не люблю!

Но она боялась. Такую точно боязнь она уже испытывала въ Москвѣ, когда скакала въ открытой коляскѣ, съ Козики на Тверскую, убѣгая отъ матери въ столбнякѣ, когда ей чудилось, что вотъ-вотъ и у нея отнимутся ноги.

Теняшевъ передалъ мальчику оба мѣшка и повелъ ее подъ руку. Онъ чувствовалъ, какъ она слабо ступаетъ на правую ногу и какая во всемъ ея тѣлѣ дрожь... Подъемъ потребовалъ чуть не десяти минутъ.

Когда они вошли въ номеръ двадцать шестой, ихъ встрѣтилъ Рынинъ, въ дверяхъ гостиной, съ газетой въ рукахъ. Онъ пріѣхалъ съ Сосѣ гораздо скорѣе и, не зная, вѣроятно, про то, что Теняшевъ сообщилъ женѣ его про умирающую тутъ же въ отелѣ княгиню Трубчевскую, выговорилъ:

— Снѣткинъ-то, каковъ!?

И тотчасъ же остановился: увидалъ, что на Зинѣ и безъ того лица нѣтъ. Онъ только что прочелъ въ лежавшемъ на столѣ сегодняшнемъ номерѣ газеты извѣстіе изъ Парижа съ подробностями самоубійства Снѣткина.

— Что такое?

Зина вся выпрямилась и пошла къ нему, безъ помощи Теняшева.

— Ничего... мой другъ.

Но выпутываться Парменій Никитичъ былъ не мастеръ; первоначальное выраженіе туги сходило у него съ лица, даже подъ сильнымъ напоромъ воли.

— Снѣткинъ? — спросилъ, вмѣшавшись въ разговоръ, Теняшевъ.—Это тотъ?.. Самоубійца въ Парижѣ?.. Я былъ тамъ еще, въ самомъ „Grand Hôtel“ . Молодцомъ! Съ пшютотомъ умеръ! А вы его знали развѣ?

Рынинъ напрасно старался дать ему понять глазами; тотъ все выговоришь.

Зина зашаталась. Ее успѣли поддержать съ обѣихъ сторонъ мужъ и Теняшевъ. Милли еще не пріѣхала съ багажомъ.

Въ шубѣ положили они ее на кушетку. Теняшевъ, перепугавшійся больше Рынина, ругалъ себя „осломъ“, бѣгалъ по комнатѣ, ища воды. Оба боялись обморока; но онъ не случился. Зина тихо стонала и жаловалась на новый припадокъ боли въ ногѣ. Рынинъ усадъ безтолковаго болтуна внизъ, въ квартиру Сосѣ, гдѣ долженъ быть и докторъ. Онъ жилъ въ томъ же коридорѣ.

Когда Зина оправилась и съ помощью вернувшейся Милли сняла съ себя шубу, шляпку и теплые ботинки, у ногъ ея сидѣлъ на кушеткѣ Лукашинъ, въ головахъ наклонилась надъ ней Сосѣ. Рынинъ стоялъ у камина. Теняшева онъ почти выгналъ,—до такой степени тотъ былъ наянливъ.

— *Raurez chère!* — закартавилъ надъ ней голосъ Сосѣ,

Эта нѣжность не трогала ее. Она знала, что у Сосѣ остался противъ нея „зубъ“ за Москву, а теперь она только испугалась, да и вообще не зла. И стало ей сейчасъ же противно то, что она, больная, еле-еле отдѣлавшись отъ припадка, все разбираетъ, судить другихъ, занимается своими мыслями и ощущеніями, не можетъ приказать своей головѣ ничего не думать, дать отдыхъ мозгу.

— Ничего, ничего, — раздался тоже ласковый, менѣе раздражавшій ее голосъ Лукашина, но все такой же „глупый“—она находила его такимъ и теперь, хоть и вѣрила тому, что онъ добрякъ и больше всѣхъ, гораздо больше мужа, жалѣетъ ее. Онъ да Милли.

— Се Теняшевъ, — продолжала Сосѣ, уже пускаясь въ потокъ рѣчей, — ужасный болтуны и силетникъ! *A-t-on jamais vu!*

Но она удержалась, оставляя на вечеръ возмущеніе Теняшевымъ, который, съ подхихиканьемъ, усмѣлъ уже разказать ей про то, какъ онъ накрылъ ее мужа съ наѣздницей въ отелѣ Турина.

Зина поняла, къ чему относилось восклицаніе Сосѣ: „*a-t-on jamais vu!*“—и презрительная усмѣшка промелькнула на ея посинѣлыхъ губахъ. Какъ жалка эта Сосѣ! Она обидѣлась за своего Альфонса; она страшно ревнуетъ

теперь,—это видно,—и поскачетъ отыскивать его, не потому, что боится за свои деньги, а мужчина ей нуженъ, возлюбленный!..

„Regain d’amour!“ — съ гадливостью воскликнула умственно Зина и вдругъ опустила ноги и сѣла на кушеткѣ. И стало ей еще противнѣе то, что никто не скажетъ ни слова о Снѣткинѣ, о его самоубійствѣ. Что за мерзкое бездушіе! Неужели и она такая же?.. Ну, Лукашинъ молчитъ, какъ докторъ, онъ добрякъ... А Рынинъ? А эта Сосѡ?.. Не хотятъ ее разстраивать? Но почему же ея жизнь и здоровье цѣнятъ жизни молодого, красиваго, умнаго и способнаго малаго? Какъ она была благодарна своей ногѣ и распатаннымъ нервамъ, что чуть не растянулась на полу. По крайней мѣрѣ, она показала мужу, что Снѣткинъ былъ ей близокъ... Отъ извѣстія о гибели Парменія Никитича она бы не зашаталась и съ больной ногой.

— Лежите, милая барынька!—остановилъ ее Лукашинъ, и даже взялъ ее слегка за плечо.

— Я здорова, — выговорила она и оперлась руками о кушетку.

— Chérie, pas de bêtises!—крикнула Сосѡ.

Рынинъ отдѣлился отъ камина и тоже хотѣлъ что-то сказать.

— Гдѣ у тебя газета?—строго сказала ему Зина.

— Какая?—спросилъ онъ.

— Ахъ, какъ это несносно!.. Ну, газета, гдѣ — смерть Снѣткина?!

— Но, Зина, мой другъ, — началъ было Рынинъ, — зачѣмъ же себя разстраивать?

— Дайте газету!—безстрастно, но еще тверже выговорила она.

Лукашинъ робко оглянулъ ее, испугался, какъ бы съ ней не сдѣлался столбнякъ отъ раздраженія, и быстро повернулъ голову къ Рынину.

— Позвольте газету, Парменій Никитичъ.

И онъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ сейчасъ же понялъ его опасеніе, взялъ газету со стола и поднесъ ее Зинѣ молча.

— Гдѣ?—спросила Зина.

— Вотъ тутъ, на четвертомъ столбцѣ.

— Ah! chérie!.. Quelle drôle d'idée! — не удержалась Сосѡ.

Зина только повела по ней взглядомъ и жадно начала глотать строки газетнаго столбца. Она хорошо схватывала смыслъ. Извѣстіе было перепечатано изъ „Figaro“. Снѣткинъ застрѣлился у себя, въ номерѣ „Grand Hôtel“а, передъ письменнымъ бюро. Его нашли въ сидячемъ положеніи, съ улыбающимся лицомъ. Въ переводѣ приведена была французская фраза парижскаго репортера: „une mort très correcte“. Никакого письма на имя женщины онъ не оставилъ. Жилъ онъ одинъ и родственниковъ у него не оказалось. Похоронили его на кладбищѣ „St. Ouen“.

Ее кольнуло то, что не осталось письма на ея имя. Не хотѣлъ ее разстраивать? Да, онъ былъ умный и добрый. Умеръ такъ, какъ говорилъ, и прощался не на шутку; а она была тогда съ нимъ такъ себялюбива, такъ отдавалась своей „grande passion“, какъ скартавила бы Сосѹ. Но какъ же его пріатели, Шварцъ и Кремлевъ? Неужели они ничего не знали? Конечно, знали. Ей ни тотъ, ни другой ничего не сказали на вокзалѣ. Изъ деликатности? Развѣ можно имѣть такія лица, получивъ только что извѣстіе о смерти пріателя?

Во рту Зины явилась жѣлчная горечь, физическое ощущение тошноты, которая все сильнѣе захватывала ее.

— Тебѣ его не жаль? — спросила она насмѣшливо кузину.

— Mais je ne sais pas!..

Лукашинъ сказалъ со вздохомъ:

— Еще русскій неудачникъ!

— По собственной винѣ, — не могъ не замѣтить Рынинъ вслухъ и получилъ упорный взглядъ Зины.

Она даже не сказала ему никакой рѣзкости; только еще крѣпче уперлась руками въ кушетку и встала безъ большого усилія.

— Я здорова! — повторила она и пошла по комнатѣ. — Вы видите, Лукашинъ, я не хромаю. Боли въ ногѣ нѣтъ... Мнѣ хочется ѣсть. Мы можемъ завтракать у Сосѹ. Эта комната наводитъ уныніе.

Никто ей не противорѣчилъ. Черезъ часъ, въ номерѣ Сосѹ, послѣ завтрака, прошедшаго въ отрывочныхъ фразахъ Сосѹ и Рынина, Лукашинъ взглядывалъ на Зину, ѣлъ и иногда вздыхалъ. Первая встала Зина, прошла по комнатѣ довольно твердо и спросила, остановившись у дверей:

— Сосò, ты идешь навѣстить княгиню?

— La princesse? — повторила растерянно Сосò. — Mais certes... seulement... rien ne presse... Да и ты... какъ же рисковать?.. Докторъ, не правда ли?

— Я должна ее навѣстить. Я знаю, что она здѣсь... On la dit au plus bas!.. Это было бы... — она искала слова, — ce serait de la dernière lâcheté ne pas aller la voir... Ты можешь и пойти.

Взглядъ Лукашина, обращенный къ Рынину, просилъ его не удерживать больную.

Рынинъ остался на своемъ мѣстѣ. Лукашинъ хотѣлъ было поддержать Зину на ходу; она остановила его взглядомъ.

— Я совсѣмъ здорова!

Все тѣмъ же упорнымъ звукомъ сказала это Зина и пошла съ Сосò къ дверямъ. Та двигалась на своихъ короткихъ ножкахъ, какъ дѣвочка, которую послали въ классъ, на ходу управляла лифъ и турнюру. Глубокій трауръ Зины, при ея высокой и сильно похудѣвшей фигурѣ, рядомъ съ полу-траурнымъ туалетомъ Сосò, дѣлалъ контрастъ между ними еще рѣзче. Сосò хотѣлось спросить, какъ вообще ей держаться у княгини, и не лучше ли бы было сначала послать хоть доктора; но она не смѣла выговорить все это вслухъ.

Имъ нужно было пройти до помѣщенія Сосò и сдѣлать еще нѣсколько шаговъ въ уголъ, гдѣ было отдѣленіе княгини, — запахло слегка лѣкарствомъ и особая тишина стояла въ этомъ углу.

Первая отворила дверь Зина. Въ темноватой передней—вдвое ниже остальныхъ комнатъ—сидѣлъ на стулѣ, у зеркала, лакей, изъ отельныхъ, но дежурившій тутъ—иностранецъ, кажется, французъ. Передняя наполовину была заставлена дорожными, заграничными сундуками.

— Madame la princesse est très souffrante, — выговорилъ тихо лакей; онъ былъ родомъ изъ французской Швейцаріи.

Зина объяснила ему, зачѣмъ онѣ пришли, и спросила: есть ли кто-нибудь у княгини. Около нея „une soeur de charité“ и горничная. Сейчасъ былъ докторъ. Консилиумъ собирався вчера.

— Madame est bien bas! — сказалъ швейцарецъ и пошелъ на пыпочкахъ сказать горничной, которую Зина знала еще за границей. Она неизмѣнно состояла при кня-

гинѣ и была еще изъ крѣпостныхъ, данныхъ за княгиней въ приданое.

Подождали онѣ недолго и молча. Сосѣ уныло разсматривала сундуки въ чехлахъ съ коронами и инициалами. Зина ни на что опредѣленно не глядѣла. Эта передняя давила ее своимъ низкимъ потолкомъ; изъ щелокъ двери проходилъ все лѣкарственный запахъ.

— Veuillez entrer! — пригласилъ ихъ лакей еще тише.

На цыпочкахъ вошли онѣ въ большую гостиную, и сходство ея отдѣлки неприятно поразило Зину. И также налѣво была дверь въ спальню. Къ нимъ павстрѣчу вышла сестра милосердія, пожилая, съ усталымъ лицомъ; жидкіе пепельные волосы выступали изъ-подъ ободковъ чепца и нѣсколько смягчали выраженіе.

— Княгиня очень слаба,—заговорила сестра усталымъ и глухимъ голосомъ,—но она не почиваетъ... мы ее посадили сейчасъ... Угодно, я доложу?..

— Пожалуйста,—попросила Зина и назвала свою фамилію.

Сосѣ только опустила рѣсницы и стояла поодаль. Ей дѣлалось все жутче. Она просто боялась увидеть умирающую, да и никогда она не любила эту старую „грѣховодницу“—для княгини Трубчевской она всегда употребляла именно это русское слово.

— Княгиня проситъ васъ.

Сестра шепнула эти слова въ дверяхъ спальни и сейчасъ же скрылась. Оттуда слышался голосъ, который Зина узнала скорѣе, чѣмъ Сосѣ: такой же жѣсткій, хриплый, но отрывистѣе, какъ будто она дразнить кого или надъ кѣмъ издѣвается. Этотъ голосъ заставилъ Зину вздрогнуть съ головы до пятокъ.

Въ спальню вошли онѣ съ Сосѣ не вмѣстѣ. Сосѣ осталась позади и переступала ножками вперевалочку.

И спальни была точь-въ-точь, какъ у Зины: то же одѣяло, размѣръ кровати, умывальный столъ, цвѣтъ гардинъ. Княгиню посадили въ кресло, стоявшее ниже кровати, обложили ее подушками и накрыли ноги пледомъ, привезеннымъ изъ-за границы; Зина узнала и его.

Горничная Даша, все такъ же похожая на дешевую гувернантку, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и шелковомъ фартукѣ, съ чепцомъ на головѣ, наклонилась надъ княгиней и утыкала ее сбоку пледомъ.

Княгиня была одѣта въ блузу изъ тафты стального

цвѣта съ кружевами. Лице ея ужаснуло Зину: все желто-бурое съ темноватыми пятнами; краска на волосахъ отчасти сошла, и сѣдина пробивалась прядями и цѣлыми кусками. Жидкую косу закрутили ей на маковѣ. Голая шея съ затвердѣлыми синими жилами, морщинистая и напряженная, зіяла темной впадиной подъ зобомъ.

— Bonjour, petite! — встрѣтила она Зину и протянула руку въ ея направленіи. Рука еще сохранила красоту.

— Ah, princesse!

Въ возгласѣ Зины дрогнуло волненіе. Сосѡ выступила изъ-за своей кухни и, набравшись духу, прокартавила:

— Comment allez-vous, princesse?

Та поглядѣла на нее оловянными зрачками, которые точно плавали въ желтыхъ бѣлкахъ, и ея насмѣшливый ротъ сдѣлалъ мину, отъ которой Сосѡ ударило всю въ краску. Княгиня еле кивнула ей:

— Vous avez de la chance, — съ трудомъ сказала она Зинѣ; видно было, что она не могла найти себѣ мѣста въ креслѣ. — Je vais claquer, cette fois pour sur!

Зина ожидала того же слова: „claquer“, какъ и въ Петергофѣ; но теперь въ звукѣ было что-то еще болѣе жуткое.

— Quelle idée! — вѣшлась Сосѡ, чтобы только какъ-нибудь освободиться отъ своего смущенія.

Правый глазъ княгини безмолвно спрашивалъ Зину: „зачѣмъ привела она эту дурочку, cette cruche?“ — какъ она называла Сосѡ за границей.

— La faculté l'a dit! — заговорила опять княгиня, — les idiots!.. Comme si je ne le savais pas... Depuis longtemps ce n'est que de la pourriture!

И она указала рукой позади спины, тамъ, гдѣ почки.

Зина еле держалась на ногахъ. Смерть—въ образѣ этой старухи, ея руководительницы, ея образца и идеала — смотрѣла на нее оловянными зрачками и вливала ей внутрь почти осязаемый холодъ.

— Vous permettez? — прошептала она и опустилась на стулъ.

Ничего она не чувствовала къ умирающей, кромѣ холода, гнетущаго ужаса смерти и сожалѣнія о томъ, зачѣмъ она сюда пришла. Она точно хоронила въ этомъ чуть живомъ существѣ самѣ себя. Такой она была бы непремѣнно, если бы осталась вѣрной питомицей княгини

Трубчевской; да и теперь она не ушла, быть-можетъ, отъ точно такого же конца.

Ея руки дрожали. Она боялась что-нибудь выговорить, чтобы и дрожаніе губъ не измѣнило ей.

— Et bien, petite,—съ новымъ усиленіемъ спросила княгиня,—faites-vous bon ménage avec le roublard?..

Она хотѣла было разсмѣяться, но у нея неостало силы, и голову она сейчасъ же откинула на высоко поднятую подушку.

Зина ничего не отвѣтила. Дрожь ея не проходила.

— Il est fort! M'a-t-il beaucoup arrangée à propos de mes démarches?!..

Не договоривъ, княгиня спохватилась. Зина не должна была слышать отъ нея самой про ея дѣла съ мужемъ, у котораго она хотѣла отобрать управленіе имѣніемъ, что ей не удалось и ускорило смертный исходъ ея болѣзни.

— Des justiciers! — вдругъ съ злобой и очень громко выговорила она и вся поднялась. Лицо было буро-красное, глаза потемнѣли, шея выпрямилась вмѣстѣ со всѣмъ станомъ.—Le régime de la vertu!.. Je m'en fiche!

Голова упала опять вбокъ на одну изъ подушекъ. Глаза закрылись, кулаки она сжала; княгиня заныла протяжно и съ кряхтеніемъ.

— Господи!—испуганно крикнула горничная.

— Извините!—шопотомъ сказала обѣимъ посѣтительницамъ сестра милосердія.

Съ трудомъ поднялась Зина со стула и должна была опереться о плечо Сосѣ, выходя въ гостиную. Тамъ она еще присѣла, прислушиваясь къ тому, какъ въ спальнѣ обѣ женщины переносили княгиню на постель.

Вечеромъ, когда Зина оставалась одна въ гостиной,—Сосѣ отправилась еще до обѣда по дѣламъ продажи своихъ купоновъ, а Рынина она сама заставила ѣхать и „не тормозиться для нея“,—Милли доложила ей о приходѣ Шварца. Она была разбита, но ничего у нея не болѣло. Не могла она отогнать отъ себя образа княгини съ ея бѣлками и кусками сѣдыхъ волосъ среди крашенныхъ прядей; и ея голоса звучалъ у нея въ ушахъ, слово „claquer“ и послѣдній возгласъ: „je m'en fiche!“ Когда она старалась перейти къ чему-нибудь другому, она начинала думать о самоубійствѣ Снѣткина, собралась даже послать

депешу Шварцу, да не знала его адреса, и съ восьми часовъ ждала его.

Она такъ обрадовалась его приходу, что хотѣла идти ему навстрѣчу; но чуть не упала, когда встала на ноги. Шварцъ явился одинъ, вошелъ къ ней точно къ опасно-больной; она его за это выбрала и стала спрашивать о Снѣткинѣ нарочно сильнымъ голосомъ.

Подробности онъ зналъ только изъ двухъ французскихъ газетъ, которыя читалъ: изъ „Figaro“, да изъ „Сl Blas“. Надя писала ему изъ Ниццы, послѣ похоронъ, и спрашивала, не знаетъ ли онъ чего-нибудь побольше, не писалъ ли кому Снѣткинъ? Обижалась она тѣмъ, что съ ней онъ не разсудилъ проститься „какъ слѣдуетъ“. Зина слушала Шварца и не могла разобратъ: жаль ли ему хоть немножко своего пріятеля; а онъ его дѣйствительно жалѣлъ, только Петербургъ навѣки его заморозилъ. Видѣла она, что онъ что-то такое отъ нея скрываетъ или къ чему-то готовитъ ее.

— У васъ есть письмо!—отгадала она.—Подайте его!..

Шварцъ началъ-было отпѣкиваться. Она назвала его „уродомъ“, приказала сейчасъ же достать письмо изъ бумажника. Ей захотѣлось остаться одной. Этотъ длинный молодой брюнетъ, съ своимъ благообразнымъ арабскимъ лицомъ, тихимъ голосомъ и все тѣми же петербургскими словечками, мѣшалъ ей прочесть письмо. Передъ нимъ она не можетъ даже поплакать, если бы слезы выступили у нея.

— Прикажете удалиться?—сказалъ онъ, съ условнымъ движеніемъ красивыхъ губъ, и подалъ ей письмо въ конвертѣ съ чѣмъ-то печатнымъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ заклеивался треугольникъ.

По крайней мѣрѣ, есть хоть тактъ. И онъ, и Кремлевъ явятся и исчезнутъ по ея знаку. А ему было и ея жаль, и онъ многое бы далъ, чтобы утѣшить ее; но онъ рѣшительно неспособенъ былъ ни сдѣлать это, ни выразить подходящими словами.

Такъ же тихо вышелъ онъ изъ гостиной, какъ и проникнулъ въ нее; его бѣлый галстукъ и вырѣзъ жилета промелькнули передъ глазами Зины, прикованными уже къ письму, которое она все еще не рѣшалась скрыть.

Листокъ съ печатнымъ адресомъ парижскаго „Grand-Hôtel“ вздрагивалъ въ ея рукахъ. Всѣ четыре страницы исписаны крупнымъ, очень четкимъ почеркомъ, безъ по-

марокъ, твердой рукой. Письмо Снѣткина было помѣчено 17-го марта новаго стиля.

„Прощайте, сестричка, — читала она. — Когда вы разорвете конвертъ, меня свезутъ не знаю ужъ на какое кладбище: я особаго завѣщанія, на этотъ конецъ, дѣлать не буду. Но смѣю васъ увѣрить, что все исполню тихо и благородно, что работа будетъ „чистая“. Я сижу теперь за моимъ бюро; всѣ бумаги и счета пересмотрѣлъ; ключъ въ замкѣ ящика, дверь номера не заперта изнутри. Допишу вамъ, приложу дуло между четвертымъ и пятымъ ребрами и постараюсь сохранить сидячее положеніе въ креслѣ. Пугать никого не буду: ни гарсона, ни даже моей бонны *Félicité* — звукъ отъ бульдога самый жидкій. Бонна войдетъ въ спальню — приготовить постель и въ отворенную дверь увидитъ меня, вскрикнетъ: „*Mon Dieu! mon-sieur s'est évaporé!*“. А ужъ остальное пойдетъ какъ по печатанному.

„Вамъ только и пишу, да записочку Шварцу, чтобы онъ передалъ это письмо въ подходящую минуту. Не подумайте, что изъ фатовства, изъ боязни, чтобы вы не упали безъ чувствъ, а, просто, нѣкоторые не любятъ получать писемъ съ того свѣта, безъ предупрежденія. Причинъ, которыхъ такъ всегда доискиваются въ полицейскихъ дознаніяхъ, я излагать не стану; вы слишкомъ большая умница, чтобы нуждаться въ этомъ. Я сдѣлалъ то, что предсказывалъ еще, кажется, у васъ, въ усадьбѣ, помните, во время жаркаго принципиальнаго спора съ Рынными; потомъ заявилъ вамъ, когда пришелъ проститься, въ номеръ 26-й „Европейской гостиницы“. Вашу супругъ и повелитель, конечно, удостоить меня нѣсколькихъ фразъ будущаго государственнаго мужа, содержащихъ въ себѣ брезгливую жалость при видѣ такого безумнаго расходванія силъ не на пользу отечества. *Пушай* его! Извините за то, что я подамъ поводъ къ этимъ злукубраціямъ во время вашего завтрака вдвоемъ.

„Но я хочу сказать вамъ лично, милая Зина, — простите мнѣ эту братскую *privauté*, — что вамъ такъ нельзя жить, какъ вы теперь живете, если вы не хотите кончить такъ же, какъ и я. Повѣрьте, вы ближе къ такому исходу, чѣмъ, быть-можетъ, сами думаете. Мой случай проще вашего. Я ни въ кунцы, ни въ дѣльцы не гожусь, валецомъ не хотѣлъ быть, безъ сторублевой ассигнаціи въ бумажникѣ существовать не могу... Ergo... и такъ далѣе. Вы

вашихъ денегъ не проживете, по смерти отца, вѣроятно, еще что-нибудь получите, и все-таки можете свести свое я—на нѣтъ, если... Вотъ тутъ надо дать какое-нибудь краткое и глубокое заключеніе.

„Вся трагедія, для каждаго изъ насъ, мужчины или женщины, состоитъ въ томъ, что мы не во-время явились. Прежде, въ сороковыхъ годахъ, говорили: „среда заѣла“, а одинъ умный французъ называетъ это „совпаденіемъ признаковъ“. Мирабо—не случись революціи—былъ бы просто „ярыжный дворянинъ“ и кончилъ бы на галерахъ, а не великимъ ораторомъ. Такъ и мы всѣ. Не тотъ нумеръ взяли. Свой нумеръ вы, въ дѣвицахъ, суди по нашимъ рассказамъ, взяли удачно—священнодѣйствіе, во имя высшего тона, во имя того, что зовется „la haute gomme“, и вы были тогда уравновѣшены. Вернитесь къ этому, смотря по тому мѣсту, гдѣ будете жить: губернаторшей, если пожелаете нести вериги супружества, или соломенной вдовой, за границей. Последнее—лучше. Ни при комъ вы состоять не должны. Вы—сами по себѣ, и въ этомъ ваше обаяніе и смыслъ вашего бытія, выражаясь торжественнѣе.

„На тотъ случай, если бы вы думали: „а что же Надя, его collage?“—сообщаю, что я ее отправилъ обратно, или, лучше, сдалъ ее съ рукъ на руки одному богатенькому молодому кретину, который ее и утѣшаетъ.

„Они должны еще быть и по сіе время въ Монако.

„Не могу вамъ сказать: „до свиданія“, дорогая сестричка; спасибо за то, что позволили сойтись съ вами. Снѣтенинъ“.

Слезы не заискрились на рѣсницахъ Зины. Ей только вступало въ високъ по мѣрѣ того, какъ она читала письмо. Языкъ Снѣткина вызывалъ въ ея мозгу самые звуки его голоса. Многое изъ этого слыхала она отъ него, даже тутъ вотъ, передъ кушеткой, гдѣ она лежитъ; тѣ же почти выраженія. Ей представились: его улыбающийся красный ротъ, блѣлое лицо съ румянцемъ, лоснящіеся черные волосы. Онъ навѣрно усмѣхался, когда выводилъ перомъ мысли о своей судьбѣ. Жалости, чего-нибудь похожего на ударъ въ сердце, большаго огорченія она не могла выдать изъ себя.

И зачѣмъ онъ кончаетъ обращеніемъ къ ней съ совѣтомъ? Не знаешь: смѣется онъ или это серьезно? Кто далъ ему право, передъ тѣмъ, какъ приставлять дулю револьвера

между четвертымъ и пятымъ ребрами, жалѣть ее? Кто просилъ объ этомъ?

Ей стало стыдно за свои почти негодующіе вопросы. Не она ли виновата въ томъ, что непремѣнно къ ней же вернулся и этотъ самоубійца, а не сказалъ ей чего-нибудь стоящаго, дѣянаго о себѣ.

Листокъ она сжала въ правой рукѣ и опустила голову на грудь. Ей стало тяжело; но не отъ того, что Снѣткинъ кончилъ такъ съ собою, а отъ того, что его письмо заставило ее опять вернуться къ своей личности.

Господи! когда же ей дадутъ забыться?! Неужели тогда только, когда она, послѣ какой-нибудь не менѣе ужасной болѣзни, чѣмъ у княгини Трубчевской, соберется умирать?..

Пришелъ навѣстить и узнать о томъ, какъ она себя чувствуетъ, Лукашинъ, сѣлъ въ ноги ея, тихо улыбнулся ей, особенно старательно одѣтый въ черный сюртукъ и даже подстриженный.

Зина хотѣла-было сказать: „да отстаньте вы отъ меня со своими заботами о моемъ здоровьи!“—но воздержалась.

Ей съ этимъ „идіотомъ“ менѣе тяжело, чѣмъ со всѣми. Его доброта дѣйствуетъ на нее лучше его лѣкарствъ, въ родѣ миндальнаго молока.

— Что вы такъ сіяете? — спросила она его, когда отвѣтила на его вопросъ.

— А нешто это видно?

Лукашинъ вскинулъ оставшіяся на лбу прядью волосъ.

— Еще бы.

Она отгадала: у него большая радость. Въ Петербургѣ, какъ разъ теперь, его закадычный другъ Блэзо, пріѣхалъ изъ Парижа по тяжбному дѣлу жены, и онъ съ нимъ, до возвращенія въ Москву, будетъ видѣться каждый день. Для свиданія съ нимъ онъ и отпросился на недѣлю у своего старика. Не скрылъ онъ и того отъ Зины, что Кунъ уже „наградилъ“ его, не дожидаясь смерти, обезпечилъ на всю жизнь.

— Я его не оставлю, — наивнымъ тономъ сказалъ Лукашинъ. — Не сбѣгу, заполучивъ кубышку! Добрый человекъ! Умереть—буду ѣздить въ гости къ Ивѣ Альфонсичу. Ну, а Россіи-матушки все же не брошу!..

„Вотъ счастливцевъ!—думала Зина.—Есть же такіе! Съ деньгами или нищими—будетъ вѣчно доволенъ“.

Лукашинъ пододвинулся къ ней и потрепалъ ее слегка по протянутой рукѣ.

— Ахъ, барынька!.. Умница вы моя... многого я отъ васъ ждалъ. А, такъ вотъ, мѣста себѣ не найдете. Здоровище свое забросили... Да и на душѣ у васъ неладно... Все отчего? Дѣтокъ бы нужно!.. Дѣтокъ! Денежекъ у васъ теперь еще больше стало... Отправились бы хоть за море, что ли, такую купель отыскали, которая плодородіе бы давала... право!.. Я ничего не могу... Сихъ дѣлъ не мастеръ я... Только хотъ глупаго моего совѣта послушайте: не запускайте вы вотъ того, что ножку-то вашу мозжитъ...

Это было сказано такъ заразительно-добро, что двѣ слезинки заискрились на рѣсницахъ Зины.

XI.

Лакеи отеля убрали все со стола и оставили только кофе. У Рынинныхъ обѣдала Уклонская. Она сдѣлала имъ визитъ на другой же день послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, а на третій Парменій Никитичъ попросилъ ее обѣдать. Наканунѣ же, вечеромъ, умерла княгиня Трубчевская.

Уклонская пріѣхала къ замужней сестрѣ, въ „кумы“, какъ она выразилась, крестить. Зина нашла ее нисколько не измѣнившейся, такой же моложавой, изящной, совсѣмъ не пахнувшей долгимъ житіемъ въ деревнѣ, но, послѣ того, къ чему привыкла уже здѣсь Зина—немножко чопорной и сухенькой. Этотъ оттѣнокъ въ натурѣ Уклонской сдѣлался ей замѣтенъ только здѣсь. Она было обрадовалась „чудихѣ“, но черезъ полчаса разговора съ-глазана-глазъ, передъ обѣдомъ, все-таки не могла начать съ ней говорить откровенно, не воспользовалась ея умомъ и пониманіемъ, сжалась и только слухала веселые и забавные рассказы про деревню и нѣкоторыя петербургскія гостинны, гдѣ Уклонская уже побывала.

Трауръ Зины не вызвалъ въ ней никакихъ лишнихъ вопросовъ,—это было сдѣлано изъ нежеланія коснуться чего-нибудь щекотливаго. Упомянуто было ею имя князя Рязскаго. Она слыхала объ этомъ „чудодѣѣ“; это заставило Зину еще сильнѣе замкнуться.

За обѣдомъ Рынинъ, очень оживленный, не удержался и заговорилъ о смерти княгини Трубчевской, которую и Уклонская гдѣ-то за границей видѣла и много слышала про нее.

Зина замѣтила ему, что есть такая латинская пословица, запрещающая дурно говорить объ умершихъ.

Онъ согласился съ тѣмъ, что пословица хорошая, но княгиня Трубчевская была для него только поводомъ—поговорить насчетъ цѣлой эпохи, которая отходила уже къ „праотцамъ“. Разъ онъ все-таки назвалъ ее и ея сверстницъ „бонапартистками“ и „военно-исправительной ротой“, но вскользь, и не сталъ дразнить Зину тѣмъ, какъ она когда-то обрекала себя на роль добровольной и даровой чтицы, изучала тонъ и житейскую мудрость княгини.

Отъ Трубчевской и „прожигательницъ“ шестидесятихъ годовъ Рынинъ перешелъ къ тому, кто нынче „законодательницы модъ“—онъ любилъ литературные трюизмы,—задѣлъ, по дорогѣ, такую *цыганищину*, какъ Ожигова. Зина почему-то вздрогнула при ея имени. Онъ прошелся слегка надъ „милѣйшей“ Сосѣ, и сталъ перебирать, для Уклонской, давно не бывшей зимой въ Петербургѣ, какой нынче у модныхъ молодыхъ „бабёнокъ“ тонъ съ мужчинами и между собою.

Зина къ концу обѣда, когда разговоръ зашелъ на эту тему, замолчала, совершенно какъ въ Ширяевѣ; только тогда она себя теребила и приравнивала къ „глупой дѣвчонкѣ“, не умѣющей вести никакой „causerie“, а теперь ей не было никакой охоты вступать въ споръ или помогать своей гостьѣ припоминать, о комъ идетъ рѣчь; да она и сама знала петербургскій свѣтъ только „rag gascos“, мелькомъ.

Кофе она налила и Уклонской, и мужу; сама пить не стала. Гостья заняла ея мѣсто на кушеткѣ; Зина настолько себя хорошо чувствовала, что не попросилась туда. Нога ея имѣла свои дни, въ родѣ лихорадочныхъ пароксизмовъ.

Уклонская сѣла съ ногами на кушеткѣ и курила; Зина тоже удобно усѣлась на диванѣ, передъ столомъ, гдѣ стоялъ кофейный сервизъ. Рынинъ ходилъ по комнатѣ, мимо камина. Канделябръ Зина попросила у гостьи позволенія приказать вынести. Одна лампа давала полусвѣтъ.

Рынинъ былъ особенно въ ударѣ. То, что онъ говорилъ, могла подтвердить и его пріятельница; а она сегодня поглядывала на него ласковѣе, чѣмъ въ деревнѣ; въ ея глазахъ мелькала улыбка одобренія; та же улыбка говорила и въ сторону Зины, хотя та не могла ее разсмотрѣть съ своего мѣста: „онъ правъ, вашъ мужъ, и намъ не лишнее послушать его“

— Я ухаживаніемъ не занимаюсь,—продолжалъ онъ,—но я слышу, какъ теперь молодые люди говорятъ съ дѣвushками... Такъ мы говорили только съ кокотками, да и то больше было... ну, хоть остроумія,—что ли!.. А самыя модныя наши „gommeuses“? Ну, вы знаете, напримѣръ, кое-кого изъ „май-дирокъ“?

Зина, движеніемъ головы, пожелала объясненія этого слова.

— Это тѣ, что сыплютъ все „my dear“, когда онѣ между собой. Княгиня Бетси, ея сестры... цѣлый кружокъ,—пояснила ей Уклонская.—Онѣ самыя тонныя...

— Были,—подхватилъ Рынинъ,—но и онѣ нынче портятся... Между ними... Мими Бѣлкова... какая была прелесть!.. Правда, англизирована черезчуръ... Досталась мужуболвану. Это опять правда. А теперь, первое удовольствіе—вранье... самое скромное... и шампанское, и рулетка... Да это куда бы ни шло; но языкъ, языкъ... Ну, вотъ вы, моя однокашница, любите мужицкія слова, и съ бабами вашими выражаетесь ихъ терминами.

— Васъ это коробить?—весело спросила Уклонская.

— Нѣтъ, это ужъ при васъ останется.

— Скажите лучше: вы—чудиха!

— Ничего не чудиха!.. Нашли себѣ игрушку и коротаете время съ пользой... Но я про жаргонъ говорю. Небось вы не станете у себя въ салонѣ за обѣдомъ, на балахъ... допускать языкъ, взятый напрокатъ у трактирныхъ ярыгъ. Поживите здѣсь, прислушайтесь... и скажите мнѣ потомъ: лгу я или нѣтъ...

Онъ остановился и заслонилъ отчасти потухавшее пламя камина.

— Знаете... я сейчасъ вспомнилъ... ѣхали мы съ вами, при родителяхъ... въ Швейцаріи это было...

— Изъ Дрездена въ Вевѣ?—вспомнила Уклонская.

— Такъ, такъ... мы съ вами улизули въ другой вагонъ. Было это уже около Берна. Нашли мы тамъ русскихъ, и такъ еще обрадовались, что русскій громкій разговоръ услышали.

— Помню!—еще радостиѣ вскричала Уклонская.—Ѣхало цѣлое общество соотечественниковъ.

— А какъ они говорили?..

— Этого не помню.

— Я помню, и весьма отчетливо... Ёли они груши и

абрикосы, было ихъ двѣ дѣвицы и трое мужчинъ. Одна, еще съ ринсе-пез, красивая такая.

— Да, да,—подтверждала Уклонская.

— Вотъ она и спрашиваетъ другую: „а сколько ты сожрала грушъ?“ Вы ужъ подошли было къ ихъ скамьѣ и такъ жадно вслушивались въ ихъ разговоръ. Это слово: „сожрала“ точно обварило васъ — маменька васъ строго воспитывала. Вы даже отступили немного назадъ.

— Все теперь припоминаю!

— Курносая - то и спрашиваетъ васъ: — Вы, кажется, испугались слова „жрать“? — Вы покраснѣли, но отвѣтили: „Нѣтъ, вы ошибаетесь“. А другая, красивая - то, сейчасъ и выложила весь свой лексиконъ. — Если, говорить, вамъ слово „жрать“ не нравится, такъ есть еще „лопать“ и „трескать“. Вся компанія расхохоталась. Я разозлился и что-то хотѣлъ имъ отпѣть, да вы меня схватили за рукавъ и оттащили.

— Какая же мораль?—тихо выговорила Зина.

— А та мораль,—довольно добродушно откликнулся Рынинъ,—что даже и эти напускали на себя... жанръ. И они говорили такъ изъ жанра. Точно такъ же и теперь наши гоммёзки.

— Ну, ужъ будто такъ? Я поотстала отъ Петербурга,—сказала Уклонская.

Зина промолчала.

— Да какъ же не такъ? Вотъ вамъ двѣ фразы для образчика: одну я услыхалъ на разъѣздѣ, другую въ гостиной, на большомъ балѣ... Обѣ сказаны самыми первыми гоммёзками.

— Пожалуйста, не томите! Вы очень меня интригуете.

Уклонская даже задвигалась на кушеткѣ и пустила сильную струю дыма.

— На балѣ... молодая женщина... хотите, назову?... да это сплетничество будетъ, ну, изъ первыхъ, говорить постороннему молодому малому, не брату, не кузену—думаю, что не любовнику—вполголоса, у зеркала, повернувшись къ нему спиной, а спина вырѣзана чуть не до крестца: „Петя, вынь поскорѣе... шпилька колетъ“...

— C'est possible,—согласилась Уклонская.

— Allons donc!

Возгласъ Зины былъ точно про себя.

— Слово-въ-слово!

— Qu'est-ce que ça prouve?—построже и погромче спросила Зина.

— Вторую фразу, пожалуйста... pardon, chère!

Уклонская кивнула ей.

— Вотъ она—стенографически записана. Такая же gommeuse... высшего стиля — считается умницей первой степени—говорить своему двоюродному брату на развѣздѣ: „Серёжка, а Серёжка, подь-ка сюды!.. Утхни мнѣ глотку шалью“...

— Да это наши бабы—tout crachées!

Уклонская разсмѣялась.

— И я умѣю такъ!—добавила она.

— Не сомнѣваюсь; но тутъ это жанръ, самый новый видъ... какъ бы это сказать?—ухарства, что ли...

Рынинъ подошелъ къ столу, сѣлъ въ кресло, нагнувъ голову и оперся однимъ локтемъ о колѣно. Болѣе злая усмѣшка прошла по его губамъ.

— Когда я попадаю... въ инныя гостинныя... гдѣ модныя барыни... такъ мнѣ все кажется, что я приглашенъ на крестины къ эскадронному вахмистру въ Отченашенскѣ, гдѣ съ насъ обязательно сходило по бѣленькой, и подносили намъ на тарелкѣ боваль теплаго Тотинскаго. Только тѣ полковныя дамы—жены вахмистровъ и писарей—были гораздо проще и приличнѣе... Онѣ не ломались такъ, не впадали въ озорство затѣмъ только, чтобы поддѣлаться подъ тонъ своихъ ухаживателей...

— Гдѣ же мораль?—уже насмѣшливо-строго выговорила Зина.

— Да ужъ если тебѣ угодно,—Рынинъ сохранялъ ту же ноту,—я вотъ при однокашницѣ своей скажу, разъ навсегда: ничего нѣтъ легче, какъ незамѣтно приучиться къ такому тону. Я считаюсь большимъ патриотомъ, но если уже выбирать изъ двухъ: на заграничный ладъ употреблять то, что зовется у васъ—онъ повернулся лицомъ къ Зинѣ—bagout, или вотъ такія прелести пускать: „утхни мнѣ глотку“,—лучше держаться заграничныхъ фазоновъ!

То, какъ онъ это сказалъ, было не тяжело, и не зло, и безъ учительства, скорѣе въ искреннемъ, пріятельскомъ тонѣ... Уклонская это поняла, Зина не хотѣла ни соглашаться съ нимъ, ни возражать... Ей никакого уже не было дѣла даже до собственнаго языка: какой онъ, петербургскій или заграничный. Ей показалось лишнимъ и

почти смѣшнымъ и то, что Уклонская такъ, повидимому, заинтересовалась „урокомъ“ Парменія Никитича.

Постучались. Вошелъ лакей и остановился у притолки.

— Что нужно?—спросилъ Рынинъ.

— Панихида началась у княгини Трубчевской,—доложилъ онъ.

— Хорошо...

Рынинъ поглядѣлъ сначала на Зину, потомъ переглянулся съ Уклонской.

— Ты собираешься?

На вопросъ мужа, Зина ничего не отвѣтила прямо; сказала въ сторону Уклонской:

— Я васъ не гоню. Посидите... Ты, кажется, собирався куда-то?—спросила она Рынина.

— На минутку и я заверну; а теперь, моя милая однокашница, извините меня...

Онъ поцѣловалъ руку Уклонской и вышелъ.

Оставшись опять съ-глазу-на-глазъ съ Уклонской, Зина подумала сейчасъ же: „нѣтъ, нельзя мнѣ имѣти пріятельницъ-женщинъ; лучше ужъ мужчинъ; съ тѣми проще, когда они не мужа и не влюбленные“...

Эта мысль пришла ей точно противъ ея воли. Она взглянула на Уклонскую,—лицо той было освѣщено лампой, — и въ ея умненькихъ, слегка насмѣшливыхъ глазахъ не прочла ничего, отвѣчающаго на свое настроеніе.

— А мужъ-то у васъ—охъ какъ поумнѣлъ! — выговорила Уклонская. — Я не стану васъ допрашивать: хорошо вамъ за нимъ живется—такъ у насъ въ уѣздѣ говорить,—зато прочно будетъ. Мужемъ всегда кончишь, рано или поздно.

Она чуть слышно вздохнула, поглядѣла на Зину съ улыбкой своихъ тоненькихъ губъ и даже комически кивнула ей головой, въ хорошей прическѣ. Потомъ встала, отряхнулась и начала прощаться. Зина удерживала ее вяло.

— Вамъ надо на панихиду... А я общала своимъ провѣдать крестника. Онъ теперь уже спитъ навѣрно... Только знаете чтò, милая Зинаида Мартыновна: нужно ли вамъ идти на эту панихиду?

— Это послѣдняя...

— Ну, хорошо, если послѣдняя. Позвольте васъ поцѣловать. Я завтра назадъ... Поклонитесь сосѣду?..

Этотъ вопросъ показался Зинѣ подозрительнымъ. Она сухо отвѣтила:

— Съ какой стати?

Прикоснулась она губами къ щекъ Уклонской и проводила ее до передней разбитой походкой.

На панихиду надо было идти. Замѣчаніе Уклонской вернулось къ ней сейчасъ же. Все панихиды! Сколько она ихъ выстояла, и въ какихъ-нибудь два мѣсяца! Тамъ будетъ Сосѣ, оставшаяся еще на два дня, и Теняшевъ, и эта ужасная Ожигова.

Ея имя, произнесенное передъ тѣмъ Рынинымъ, потому заставило ее вздрогнуть, что, въ день смерти Трубчевской, она была въ спальнѣ покойницы, когда туда влетѣла Ожигова... Сейчасъ же начала она распоряжаться нервно, съ пылающими глазами, приказала приготовить все для омыванія тѣла и сама почти накинулась на него. Зина видѣла это изъ другой комнаты. Что-то отвратительное чудилось ей въ этой страсти Ожиговой къ покойнику, къ омыванію его тѣла, одѣванію, укладыванію... Но уйти она не могла; сидѣла и смотрѣла.

На послѣднюю панихиду собралось больше; стояли и въ передней, и даже въ коридорѣ. Когда Зина подошла къ толпѣ, у всѣхъ уже были зажжены свѣчи. Она увидала за дверьми, ближе къ гробу, Ожигову, ея мужа, Сосѣ, Теняшева; за нѣсколько человѣкъ отъ себя, въ передней, Лукашина и его друга, Ива Блѣзо, такого же серьезнаго, въ черной парѣ парижскаго портного. Онъ держалъ свѣчу, по сторонамъ не смотрѣлъ и съ пріятелями не разговаривалъ, вѣлъ себя гораздо строже многихъ русскихъ.

Лукашинъ, завидѣвъ Зину, сейчасъ же началъ искать для нея, на чемъ сѣсть; но она сдѣлала ему знакъ головой не беспокоиться. Отъ ладана и жара восковыхъ свѣчъ ее скоро начало мутить, ноги подкашивались. Минорная нота діакона проводила по ея нервамъ точно смычкомъ.

Дольше она не могла выстоять, и тихонько попятилась назадъ, въ коридоръ. Ни Лукашинъ и никто изъ ея знакомыхъ не замѣтилъ этого. Она разсудила зайти къ Сосѣ; тамъ она посидитъ или даже приляжетъ и тамъ же напьется чаю. Туда же, навѣрно, придутъ и всѣ остальные.

Такъ она и сдѣлала. Никто не замѣтилъ ея ухода. У Сосѣ былъ приготовленъ уже чай и ломберный столъ помѣщался у камина, съ двумя свѣчами. Зина не взглянула на него. Дѣвушка не было.

Она прошла въ темную спальню, гдѣ ей такъ стало хорошо, послѣ ладана и свѣчнаго чада панихиды. Тамъ было прохладно и пахло смѣшанными духами Сосѳ, все той же знаменитой смѣсью, выдуманной ею еще послѣ своего перваго замужества: гелиотропъ, жокей-клубъ и ирисъ.

Только что она прилегла на постель и ея затылокъ освѣжило плотное и гладкое бѣлье, Зина заснула въ нѣсколько секундъ. Спала она крѣпко, безъ всякихъ грѣзъ: ее разбудилъ взрывъ голоса.

Она оглянулась, не могла понять, гдѣ она—въ темнотѣ, лицомъ она лежала къ стѣнѣ, — повернулась быстро на другую сторону.

Дверь была приотворена. Въ гостиной шумно спорили.

— Лягушка вы этакая!

Она узнала крикъ Ожиговой.

— Да помилуйте!

Это возражалъ Теняшевъ.

— Mais la comtesse a raison!..

Зина узнала голосъ Сосѳ.

— Какъ же я не права?—задорно закричала Ожигова.— Какое же это баккара?.. Это хуже трынки...

— Ха-ха-ха!..

Хохотъ былъ сладковато-глупый. Онъ принадлежалъ ея мужу.

— Перестань! — дала на него окрикъ графиня. — Начнемте сызнова. Et pas de bêtises, mes petits, pas de bêtises!

— Madame n'a pas déclaré?

Это еще чей голосъ? Французскій акцентъ, глухой, жидковатый. Да, это Блэзо.

Всѣ тутъ, и послѣ панихиды играютъ въ баккара, или тѣ играютъ, французъ смотритъ.

Зина лежала еще минуты двѣ-три. Игра началась съ новымъ азартомъ. Сосѳ взвизгивала. Ожигова бранилась, мужъ ея безпрестанно хохоталъ.

„Не кошмаръ ли это? — подумала Зина, взяла себя за пульсъ, потомъ повела рукой по волосамъ. — Нѣтъ, это на-яву!“

Она поднялась тихо, никто изъ игравшихъ не слыхалъ ничего, и стала въ дверяхъ спальни, правой рукой оперлась слегка о косякъ и смотрѣла.

Всѣ сидѣли за ломбернымъ столомъ, точно въ игорномъ

домѣ, нагнувшись надъ зеленымъ сукномъ. Свѣчи въ канделябрахъ оплыли и утопали уже въ табачномъ дымѣ. Ей виденъ былъ потный лобъ Теняшева, съ папиросой въ углу рта, и профиль графа, съ румянцемъ на пухленькихъ, дряблыхъ щекахъ, и толстый, короткій носъ графини, въ строгомъ креповомъ барокѣ,—шляпу она сняла; выставилась и грудь Сосѣ, тоже въ черномъ, съ брильянтами въ ушахъ, въ видѣ крупныхъ капель росы. Блэзо сидѣлъ немного поодаль; но и онъ былъ поглощенъ игрой. На его зрѣніе дѣйствовала пачка ассигнацій на одномъ углу стола, справа отъ Теняшева, занимавшаго среднее мѣсто.

На кругломъ столѣ чай давно остылъ въ чайникѣ. Особый маленькій столикъ занимали двѣ бутылки шампанскаго. Стаканы, до половины недопитые, стояли на карточномъ столѣ вразбродъ. Въ одномъ мѣстѣ было мокрое пятно отъ пролитаго вина. Держалъ стаканъ, еще непочатымъ, и Блэзо.

Минуты двѣ стояла Зина, даже задерживала дыханіе. Третьягодня эта Ожигова убирала княгиню въ гробу съ истерической страстью къ покойникамъ. Эта картина переплеталась теперь для Зины съ картиной бакара, гдѣ передъ ней вставала ея дѣвичья „vie à grandes guides“, на виллѣ Сосѣ... Всѣ были въ сборѣ, вплоть до фигуры Блэзо, для контраста, и до Лукашина. Онъ на-вѣрно побѣждалъ принести что-нибудь или распорядиться насчетъ ужина.

Сначала она почувствовала совершенное равнодушіе къ кузинѣ и пріятелю; потомъ и безразличное сознаніе своего превосходства, каковы бы ни были ея глупости, пораженія, испытанный ею позоръ, ея недуги и ея супружеская жизнь. Она не можетъ оставаться съ такими русскими... не можетъ... Какъ-то особенно прозрачны стали для нея: Сосѣ, Теняшевъ, чета Ожиговыхъ... Вотъ и чета опять въ Россіи, все еще мечтаютъ возвратить себѣ прежнее положеніе, урвали что-нибудь въ деревнѣ и грубо кутятъ, играютъ, бросаютъ сторублевья бумажки... Отъ нихъ не уйдешь... въ Петербургѣ. Они непременно повадятся къ ней, завтракать, обѣдать... не выкуришь ихъ...

Одинъ здѣсь всего и есть человѣкъ, котораго она способна выносить, — вонъ тотъ французъ. Онъ никогда не былъ близокъ ея душѣ; она даже не консѣмъ вѣрить его „непримиримымъ“ убѣжденіямъ; но въ его лицѣ ей пред-

ставилась теперь Франція, Парижъ, въ которомъ она никогда подолгу не жила. Все-таки ей тамъ и одной будетъ легче... Солнце есть, тепло, всякая болтовня, и роскошь настоящая, изящная, дающая тонъ всему міру... А главное—игривый умъ... Она задумалась.

— Monsieur Blaizot,—громко выговорила она,—comment allez-vous?

Всѣ разомъ обернулись и расхохотались.

— Cette pauvre chérie!..

Сосѣ подскочила къ ней.

— Храповицкаго задали, голубушка, на славу!—крикнулъ Теняшевъ, сіяющій и все болѣе и болѣе потный.

Ему везло.

— Пожалуйте! Поставьте бѣленькую!.. Послѣ панихиды отлично!.. Отъ мрачныхъ мыслей отводить,—улыбался во весь ротъ, говорилъ ей графъ и тянулъ за другую руку.

Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и перекачивался съ одной ноги на другую.

— Садитесь!—почти крикнула ей графиня.—Задерживаете партію!.. И приструньте вы Теняшева... Еще немножко, и онъ плутовать будетъ.

Графъ глупо разсмѣялся. Зинѣ стало нестерпимо гадко.

— Я не могу, мнѣ пора домой,—выговорила она и отдѣлилась отъ двери.

Ступала она довольно твердо.

— Глупости!—крикнула Ожигова.

— Tu vas mal?..

Сосѣ съ притворною живостью спросила это у нея, почти прикоснувшись носомъ къ ея лицу.

— Je vais bien, mais il faut que je rentre.

Она съ усиліемъ придавала своему отвѣту свѣтскій, мягкій тонъ и обернулась къ Блэзо.

— Donnez-moi le bras, monsieur Blaizot... Vous allez me reconduire chez moi.

Французъ, не успѣвшій хорошо поздороваться съ нею послѣ панихиды, стоялъ все еще со стаканомъ въ рукѣ и хотѣлъ вставить свое привѣтствіе въ рядъ окриковъ и возгласовъ остального общества. Онъ поставилъ тотчасъ же стаканъ свой на ломберный столъ, съ менѣе суровымъ лицомъ пододвинулся къ Зинѣ и согнулъ лѣвую руку, по заграничному обычаю.

— Une fois, deux fois, trois fois,—опросилъ ее черезъ столъ Теняшевъ,—остаетесь?..

— Нѣтъ,—отвѣтила Зина.

— A cheval, messieurs, à cheval!—спасиначать онъ.—
То бишь!.. A table, mesdames!.. A table!..

Всѣ опять накинулись на игру.

Въ коридорѣ Блэзо тихо и почтительно сталъ спра-
вляться о здоровьѣ Зины и выразилъ удивленіе, какъ она
могла такъ крѣпко заснуть подъ шумъ игры. Онъ улы-
бался чуть замѣтно и выказывалъ свои крѣпкіе, желтова-
тые зубы. Въ этой улыбкѣ она читала то же превосход-
ство надъ всей компаніей, какое было и въ ней самой,
только Блэзо—кремъ, или приучилъ себя быть кремъ,
а она—жалкая „истеричка“, какъ она уже давно про-
звала самоё себя. И она разспросила его о цѣли его при-
ѣзда въ Россію. Кое-что она слышала отъ Лукашина.
Блэзо обстоятельно, въ очень литературныхъ, суховатыхъ
выраженіяхъ, началъ ей рассказывать, кое-гдѣ припи-
ливая легкій сарказмъ надъ русскими порядками и нра-
вами. Они уже сидѣли у нея на диванѣ. Она приказала
подать чаю, отъ котораго Блэзо не отказался: онъ былъ
большой любитель чая съ тѣхъ поръ, какъ пожилъ въ
Россіи.

Его рассказъ о тяжёломъ дѣлѣ его жены, оставшейся
въ Парижѣ, слушала Зина съ удовольствіемъ, не потому,
чтобы радовалась опасности, грозившей ему и женѣ его,
потерять весь почти капиталъ, но факты говорили за то,
какова страна, гдѣ она сама должна будетъ жить, если
останется супругой Царменіи Никитича, и состарѣется, пе-
реѣзжая изъ одного губернскаго города въ другой, если
не оснуется навсегда въ Петербургѣ. Блэзо—жена и мужъ—
попались такъ, какъ, по увѣренію ея гостя, невозможно
было попасться во Франціи. Черезъ всѣ виды плутовства,
подлога и недобросовѣстности прошли они въ своемъ тя-
жёломъ дѣлѣ. Жаловались они не на судъ, а на нравы,
на поразительное отсутствіе того, что онъ называлъ „sens
moral“. Онъ это выговорилъ не горячась, съ жестковатой,
но не злой усмѣшкой.

Зина, безъ всякихъ подготовленій, ввела его въ то со-
стояніе своей души, какое она вынесла изъ картежной
комнаты Сосѣ. Выразаться по-французски ей было заново
легко и почти радостно имѣть передъ собой собесѣдника,
способнаго одѣнить всякій удачный оборотъ рѣчи. Она
поблагодарила его за то, что онъ случился у Сосѣ, и за
все, что сейчасъ сказалъ. Во Франціи, среди парижскаго

общества, должна она жить, а не на своей родинѣ, сдѣлавшей изъ нея—молодой женщины—„клиническаго субъекта“ въ какихъ-нибудь годъ съ небольшимъ!..

Она ждала одобренія со стороны Блэзо. Но онъ не согласился съ ней и сталъ ей, вмѣсто общихъ фразъ, рассказывать опять про себя. Вотъ три года, какъ онъ вернулся въ Парижъ съ женой и сыномъ. Возможность возврата была для него большой радостью. Онъ нашелъ друзей, товарищей, могъ возстановить свое прежнее положеніе, завязать новыя политическія связи, попасть въ ратушу, а потомъ и въ Palais Bourbon, основать газету... Все это осуществимо. Но... жена его начала замѣчать, да и онъ самъ, что ему случается хандрить... Онъ тоскуетъ!.. По комъ?.. По русскимъ!..

— Impossible!—вскрикнула Зина.

— Parfaitement, — подтвердилъ Блэзо тономъ профессора, излагающаго лекціи.

Она потребовала объясненій. Блэзо далъ ихъ. Въ Россіи, вотъ въ этомъ безпорядочномъ и плутоватомъ Петербургѣ, онъ привыкъ къ такой жизни сердца, къ такому добродушію, къ такому режиму дружбы, безъ всякаго расчета на что-либо, что у себя онъ сталъ безсознательно страдать отъ настоящей сухости всѣхъ, кто тамъ окружалъ его, начиная съ родныхъ. И десятки указаній, случаевъ, портретовъ, сценъ пронеслись передъ Зиной въ его спокойномъ, мѣстами мѣткомъ, нѣсколько жестковатомъ описаніи.

— Croyez-moi, — закончилъ онъ, и его голосъ сталъ вдругъ теплѣе, — restez avec les vôtres!.. Vous souffrirez parmi nous comme moi, beaucoup plus que moi... Il vous manquera toujours quelque chose... Et ce quelque chose, — онъ перевелъ духъ, — c'est l'âme large, quoique déséquilibrée, des slaves!..

Эту фразу слышалъ въ дверяхъ Лукашинъ и захопалъ. Онъ прибѣжалъ узнать, какъ чувствуетъ себя Зина, и захватить Блэзо; ему хотѣлось увлечь его къ себѣ въ комнатку, до ужина... Блэзо черезъ день уѣзжалъ, и ему каждый часъ, проведенный съ нимъ, былъ дорогъ.

Зина сидѣла съ опущенной головой. Все сказанное Блэзо о русскихъ и о томъ, отчего онъ сталъ страдать, изумило ее: но она не хотѣла возражать... Въ этомъ она услышала что-то пережитое, глубоко вѣрное...

Лукашинъ попробовалъ ей пульсъ, нашелъ, что она

утомлена „въ личикѣ“, вынулъ часы, показалъ, что у нея „девяносто три“ и настоялъ на томъ, чтобы она сейчасъ же легла, „хоть для проформы“, такъ какъ она почивала урывками. Онъ увѣрилъ ее, что все это онъ говоритъ „какъ передъ истиннымъ Богомъ“, а не потому, что ему хочется увлечь къ себѣ „благопріятеля“.

— Est-ce que je n'ai pas raison?—сказалъ Зинѣ Блэзо, степенно и ласково, указывая глазами на Лукашина.

— Oui,—съ тихимъ вздохомъ вымолвила Зина.— Идите,—добавила она Лукашину,—облизывать вашего божка!

Когда оба друга вышли, Зина долго еще оставалась подъ впечатлѣніемъ словъ Блэзо. У нея внутри поднимались какъ будто голоса, говорившіе заодно съ нимъ...

Въ комнатѣ доктора, Блэзо, утомленный своими дѣловыми разъѣздами, панихидой и вечеромъ, въ ожиданіи поздняго ужина, отъ котораго онъ не хотѣлъ отказываться для Лукашина, легъ на его постель и чувствовалъ въ этомъ лежаніи одѣтымъ—„quelque chose de délicieusement slave“.

Въ ногахъ его, на той же кровати, сѣлъ Лукашинъ и поджалъ подъ себя ноги. Одно его огорчало, что Блэзо уѣзжаетъ, и кто его знаетъ, когда вернется. Хорошо, коли тяжба его жены затянется и она еще разъ пришлетъ его ходить по адвокатамъ и судамъ.

Но онъ не выпускалъ изъ головы того, что „Ива“ Альфонсъчъ сейчасъ такъ задушевно сказалъ Зинѣ.

— Вѣдь ты признайся,—говорилъ онъ французу, наклоняясь надъ нимъ, въ полусвѣтѣ узкаго номера,—тебя, небось, тянетъ къ намъ, нужды нѣтъ, что у насъ воровского народа нынче столько развелось. Признайся... хоть съ-глазу-на-глазъ... Вѣдь такъ?

— Такъ...—отвѣчалъ медленно Блэзо и вытянулся.

— То-то! за это большое тебѣ спасибо, Ивушка, большое... Коли все у васъ съ жинкой прахомъ пойдетъ, не плачьте... Нужно будетъ на обзаведеніе чего-нибудь... я, по силѣ возможности...

— Ладно!..—веселѣе выговорилъ Блэзо, и твердое „да“ удалось ему на этотъ разъ очень хорошо.

— Спасибо тебѣ и за то, голубчикъ, что такъ говорилъ Зинаидѣ... Куда ей еще летѣть!.. Въ Парижѣ сидеть!.. Зимой тамъ климатъ (Лукашинъ произносилъ: „климатъ“) отвратительнѣе здѣшняго; она, съ камнями, не выберется изъ своихъ болей; а весь ея организмъ со-

Всѣмъ расклеился... точно фортепіаны, что въ сыромъ чуланѣ съ годъ стояли... Тебѣ жаль ли ея... а? Ты, когда-то, помнишь, въ Петергофѣ, очень ужъ строгонько ее аттестоваль... Того ли ты теперь мнѣнія... или помягче?

— Да, — отвѣтилъ Блэзо, голосомъ челоуѣка засыпающаго; но это „да“ Лукашинъ понялъ по-своему...

— Нельзя, Ивушка, такъ все приговоры произносить, какъ у васъ въ девяносто третьемъ году, что ли, когда вы головы-то рубили точно у насъ, по осени, кухарки кочни капусты.

— Кочни?.. Qu'est-ce?

— Иль запомятоваль?.. ну, капуста... цѣльная... кочанъ называется.

— Ах!..

— То-то моль!.. Этакъ нельзя... Женщина, по одному своему естеству, такъ устроена, что достойна сожалѣнія, всегда... Нельзя съ нея требовать, что съ насъ взыскивается... Ты вѣдь самъ физиологію проходилъ... пора бы у науки и терпимости научиться... Это, милый, наше евангеліе...

— You are right, — шутило сказалъ Блэзо, потрепалъ друга по плечу и, послѣ маленькой передышки, прибавилъ: — C'est ça!.. Une femme slave est triplement femme!

— Премудро сказано!

Лукашинъ готовъ былъ поцѣловать его, но онъ зналъ, что Ива такихъ славянскихъ нѣжностей не любилъ и считалъ даже почему-то (онъ никакъ не могъ понять, почему) не совсѣмъ приличными. И опять взяла его досада: зачѣмъ тотъ стремится въ свой Парижъ?..

— Хоть бы ужъ вы опять тамъ получше накуролесили, опять бы ты генерала какого ни на есть къ стулу привязалъ и убѣгъ бы къ намъ... Или бы отыскиали такого воеводу, чтобы онъ въ диктаторы попалъ, а тебя посломъ... Есть ли такіе на примѣтѣ воеводы?.. А?

Онъ теребилъ француза. Тотъ уже задремалъ и сквозь дремоту отвѣтилъ ему машинально:

— Oui, ma vieille!..

Лукашинъ тотчасъ же смолкъ, отошелъ на цыпочкахъ къ столу, поставилъ свѣчу на полъ, а самъ сѣлъ въ кресло, тихонько ждать, когда придутъ звать ужинать, и оберегать сонъ своего „Ивушки“.

XII.

Рынины остались одни въ „Европейской гостиницѣ“. Сосѣ уѣхала за границу. Тѣло княгини Трубчевской похоронили довольно парадно: отпѣвали въ почтамтской церкви и свезли на кладбище Новодѣвичьяго. Особенно много дамъ и мужчинъ изъ ея общества что-то не собралось. Ее успѣли позабыть, да и неудача интриги противъ мужа вооружила противъ нея. Зина замѣтила это въ церкви, гдѣ она съ трудомъ выстояла обѣдню и панихиду и съ дурно скрываемою брезгливостью подошла проститься съ покойницей. На кладбище она не поѣхала, да ее не пустилъ бы туда и мужъ. Онъ сталъ больше заботиться о ней и чаще заходить въ ея помѣщеніе. Онъ же настаивалъ на томъ, чтобы призвать для консультаціи одну медицинскую знаменитость. На это Зина согласилась не сразу...

Съ Сосѣ прощанье было почти суровое. Она не могла заставить себя быть съ ней ласковой. Та расплакалась, всхлипывая, упрекала ее въ сухости, оправдывалась, говорила даже: „gronde-moi!.. donne-moi un bon conseil, sou-tiens-moi!..“ Зина сказала ей только:

— Il faut que tu sois la femelle d'un mâle quelconque...

И ей не было ни грустно разставаться съ нею надолго, ни жаль ея... Пускай—этотъ ли Альфонсъ-мужъ, или, кто другой обираетъ ее до тла: она плакать не будетъ... Присутствіе Сосѣ въ отелѣ — останься она еще два-три дня—тяготило бы ее чрезвычайно. Свое поведеніе съ этой подругой дѣтства, такъ долго обожавшей ее, она не считала гадкимъ, недостойнымъ себя. Никакихъ вопросовъ такого рода она себѣ не задавала. Если кто могъ жаловаться, то, конечно, уже она сама. Двѣ недѣли сряду получала она одни горькія ощущенія... Князь, смерть отца, смерть Свѣткина... смерть Трубчевской... точно всѣ сговорились держать ее въ мертвецкомъ склепѣ...

Не пожалѣла она и объ отъѣздѣ Теняшева въ деревню, къ отцу. Онъ не могъ ей замѣнить Свѣткина: слишкомъ уже былъ онъ старомоденъ, шуменъ и незанимателенъ, и она только упрекала себя за прошлое: какъ могла она, въ дѣвушкахъ, допустить себя до пріятельства съ такимъ, хоть и не злымъ, ничтожествомъ... И Лукашинъ, добрый-шій и преданный ей болѣе другихъ, раздражалъ ее своимъ довольствомъ, чувствительной дружбой къ Блэзо, не-

способностью понимать, какъ слѣдуетъ, причину ея физическаго разстройства. Когда Лукашинъ пришелъ къ ней проститься, возвращаясь въ Москву, къ своему „старче“—такъ онъ называлъ Куна,—онъ, почти со слезами на глазахъ, упрасивалъ ее не упираться, пригласить знаменитаго практиканта и простить ему „веприличіе“ его діагнозы, то, что ему ея новая болѣзнь кажется чѣмъ-то въ родѣ подагры.

— Не волнуйтесь, голубушка, — сказалъ онъ ей вполголоса, — насчетъ Парменія Никитича. Какъ-никакъ, а все-таки вамъ самый близкій человѣкъ, и каковъ онъ ян есть,—васъ не покинетъ. Нынче и такіе въ рѣдкость.

Оставшись совсѣмъ сама съ собой—Шварпа и Кремлева она не считала,—Зина видѣла около себя одного только мужа... Смутно прошла въ головѣ ея мысль: да что за радость ему-то жить съ ней, выказывать хотя бы только наружное вниманіе, выносить ея правъ и болѣзненность?.. Не страсть и не грубый интересъ дѣйствуетъ въ немъ. Онъ — на дорогѣ, роскоши не любитъ; ея четырехсотъ тысячъ ему теперь не надо. Ей какъ будто становилось его жалко, въ первый разъ въ жизни... но онъ, до сихъ поръ, если не врагъ, то чужой... И въ простые друзья она не возьметъ его... Хорошо, если бы удалось хоть уважать его, хоть послушаться въ чемъ-нибудь добровольно...

Въ каминѣ дотлѣвали послѣдніе угли. Свѣтъ отъ него падалъ на коверъ и оставлялъ остальную часть комнаты въ полутемнотѣ; лѣвый уголъ, гдѣ горѣла свѣча, въ высокомъ подсвѣчникѣ, бѣлесовато отдѣлился отъ общаго сумрака.

Съ ногой, укутанной въ одѣяло,—наканунѣ опять былъ припадокъ,—Зина лежала на кушеткѣ, полузакрывъ глаза, и сквозь щелку ихъ глядѣла на красное пятно каминна.

Боль въ ногѣ не беспокоила ее сегодня, но двигать ею неловко. То, на что „идіотъ“ Лукашинъ намекалъ, подтвердилось: докторъ, знаменитость, разспросилъ ее про отца и про то, „какія у нея были кулинарныя привычки“, выговорилъ безъ всякихъ смягченій, что это — „подагра не подагра“, а „продромы“ ея, что она наслѣдственна, а при „вкусѣ“ къ ликерамъ и винограднымъ винамъ можетъ „пожаловать“ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ потребовалъ самой тихой жизни, строжайшей діеты, и кончилъ предположеніемъ: лѣтомъ отправиться въ Швейцарію, въ Рагацъ.

Не одинъ этотъ „ужасъ“—сдѣлаться калѣкой въ двадцать шесть лѣтъ, не одно сознаніе того, что она „affreusement infirme“, приковывало Зину къ кушеткѣ, больше, чѣмъ неловкость при движеніяхъ больной ноги. Она испытывала вся, до глубины своихъ нервовъ, невозможность такъ жить, какъ до сихъ поръ жила. Послѣднія недѣли казали ей, точно по какому-то уговору: или смерть, или глущую суету, или жалкую дрянность тѣхъ, съ кѣмъ она входила въ жизнь, кого она брала себѣ въ образцы. Эта княгиня Трубчевская, эта Сосѣ, ускокавшая къ своему мужу потому только, что долго не было около нея мужчины, а Теняшевъ разбередилъ ея запоздалую ревность одной сплетней, и эти Ожиговы—образчики того международнаго свѣта, гдѣ она душу свою клала на воздѣлываніе высшаго стиля. И самоубійство Свѣткина, и предвкушеніе того, что можетъ ей дать петербургская бойкая жизнь, даже если при ней будутъ состоятъ и не такіе ординарцы, какъ Шварцъ и Кремлевъ, а молодые люди изъ посольствъ и канцелярій министра иностранныхъ дѣлъ.

Ужъ о любви, о своей неудачной страсти, о возможности встрѣчи съ человѣкомъ, который вырвалъ бы ее насильно изъ-подъ гнета мужа, она и не мечтала. Не хочетъ она ни страсти, ни флѣрта, ни новаго чувства, ни возвращенія къ старому. Не рвется она изъ замужества. Она чувствуетъ безконечную тягость; но не оттого, что человѣкъ, живущій съ нею въ одномъ отелѣ—мужъ ея!.. Съ нимъ или безъ него—все равно; но такая жизнь мучить ее, какъ отравы. Не смерти она боится и даже не опасной болѣзни, а неспособности забыть, какъ-нибудь и на чемъ-нибудь, свои все разрастающіяся немощи; старости, самой страшнѣйшей изъ всѣхъ немощей для женщинъ, сложившихся въ то, что она изъ себя сдѣлала.

Уѣхать за границу и тамъ остаться?.. И до разговора своего съ Вязо, она уже сама доходила почти до того же, только не хотѣла этого говорить. Все равно, ее будутъ посылать то въ Швейцарію, то во Франценсбадъ, то на зиму въ Ниццу... въ эту неизбежную, пошлую, до гадости пріѣвшуюся Ниццу! Даже страсти къ рулеткѣ она не получить въ Монте-Карло: поминки Трубчевской вызвали въ ней почти омерзѣніе къ игри...

Темнота комнаты не усыпляла ее, помечтала только уходить съ меньшей душевной напесадой въ глубь своего су-

щества и знать при этомъ, что ничего она тамъ не отыщеть, что подняло бы ее, блеснуло передъ ней радужными цвѣтами и заставило забыть про больную ногу...

Тихонько пріотворилась дверь, вошла на цыпочкахъ Милли. Зина окликнула ее по-нѣмецки, не раскрывая со-всѣмъ глазъ. Та доложила, что „Excellenz“ присылалъ спросить, не започивала ли „die Gnädige“, а если нѣтъ, то „Excellenz“ желалъ бы зайти: вернуться они поздно...

Парменій Никитичъ вчера снялъ мундиръ, переимено-ванъ былъ гражданскимъ чиномъ и вчера же получилъ разрѣшеніе носить иностранный орденъ, пожалованный однимъ изъ славянскихъ государей — звѣзду съ лентой. На этотъ подарокъ Зина не полюбопытствовала даже по-глядѣть; но Милли его видѣла и стала тотчасъ же звать барина „Excellenz“.

Когда она приказала Милли просить барина и та ухо-дила, Зина вспомнила свой разговоръ съ Уклонской — о Рынинѣ. Умная „чудиха“, видно, разсмотрѣла въ немъ что-то такое, чего она прежде не признавала, и прямо посовѣтовала Зинѣ держаться за своего мужа и благода-рить судьбу, что „такой случился“.

Этотъ вечерній визитъ съ предосторожностями не осо-бенно тронулъ ее, зато и не вызвалъ пренебрежитель-ной усмѣшки. Что Рынинъ ничего не дѣлаетъ такъ, безъ соображеній—это было для нея аксіомой; но она не могла же не находить того, какъ онъ держится съ ней—пеглу-пымъ и даже не лишеннымъ чего-то, похожего на чув-ство. Тогда, при Уклонской, онъ говорилъ ядовито, но умно, и та съ нимъ соглашалась; стало-быть, онъ не пре-увеличивалъ и такъ ловко велъ разговоръ, что Уклонская не обидѣлась, хотя и у нея образовался для деревни рус-скій языкъ въ мужицкомъ вкусѣ.

Все-таки онъ пожелалъ зайти проститься съ ней по какому-нибудь особому случаю.

Въ дверяхъ уже стоялъ Парменій Никитичъ. Зина, все еще съ полузакрытыми глазами, не рѣшила вопроса, что такое ему понадобилось. Ея взглядъ, когда она повернула голову влѣво, упалъ сначала на что-то цвѣтное на его груди... Это была лента съ широкими полосами по краямъ, выступавшая на бѣломъ жилетѣ и лапестропѣ рубашки; рамкой всему служили лацканы фрака.

„Такъ и есть,—подумала она,—показаться въ лентѣ“... Она прежде непременно прибавила бы слово: „farceur“.

или что-нибудь въ томъ же родѣ; но тутъ прервала сама свою головную фразу и продолжала глядѣть на мужа, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ кушеткѣ: онъ во фракѣ, надѣтомъ въ первый разъ, много выигрывалъ; сухость фигуры и слишкомъ высокій ростъ исчезли, онъ казался полнѣе и пониже; лицо отъ бѣлаго галстука получило небывалую нарядность, бородку онъ сбрилъ и оставилъ только усы... Зина знала, что для штатскихъ—это особый признакъ чиновнаго изящества, потому что такъ бреются чины двора; фракъ сидѣлъ на немъ свободно, ленту и звѣзду носилъ онъ—точно въ нихъ родился...

Не могла она не согласиться съ тѣмъ, что Парменій Никитичъ вполнѣ представителенъ, и все, что теперь въ немъ есть и чего онъ добился—приобрѣлъ онъ самъ, своимъ характеромъ. И слово „roublard“ не было ею выговорено мысленно.

— Какъ ты себя чувствуешь?

Рынинъ спросилъ это простымъ, ласковымъ тономъ. Такъ онъ говорилъ бы съ больной сестрой.

Этого тона держался онъ неизмѣнно, даже и послѣ сцены по поводу князя, и въ Москвѣ, гдѣ Зина точно совсѣмъ не замѣчала его присутствія. О деньгахъ, о ея новомъ наслѣдствѣ, онъ еще ни разу серьезно не говорилъ съ ней, какъ будто это до него совсѣмъ не касалось, даже не давалъ никакихъ совѣтовъ: куда помѣстить эти двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Она сама ему сказала, что оставить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ были при жизни отца...

Промелькнуло у нея въ головѣ, послѣ его вопроса о здоровьѣ: „вотъ сейчасъ заговорить о деньгахъ“.

Она отвѣтила ему суше, чѣмъ его тонъ:

— Нога перестала ныть; но двигать ею неловко...

Звукъ ея голоса былъ подавленный. Въ немъ слышалось большое уныніе.

— Ты можешь побесѣдовать со мною минутъ десять?—спросилъ онъ и тихо сѣлъ на креслѣ, около нея, сдвинувъ свои высокія колѣни; складную шляпу положилъ онъ на столикъ.

— Это тебя не очень утомитъ?

— Нѣтъ, говори...

Но она сама чуть не расплакалась, и слезы уже потекли въ эти два слова.

Онъ наклонилъ впередъ и туловище, и голову, и остался такъ сидѣть съ опущенной головой.

— Вотъ видишь ли, Зина,—говорилъ онъ тише обыкновеннаго,—сегодня на вечеръ должно состояться мое назначеніе... Я уже предупрежденъ... Я получаю постъ...

Слово: „постъ“ онъ постарался произнести какъ можно проще.

— Поздравляю...

Насмѣшки не было въ поздравленіи Зины, а скорѣе тяжесть: такъ отвѣчаютъ больные, неспособные принять участіе въ удачѣ и радости другихъ потому, что имъ самимъ въ ту минуту слишкомъ тяжело...

— Вотъ я и хотѣлъ спросить тебя: принимать ли мнѣ этотъ постъ теперь, или отклонить до другой, ближайшей вакансіи...

— Почему?—живѣе откликнулась Зина.

— Можетъ-быть, нужно будетъ ѣхать за границу, для твоего здоровья?... Я могу, въ крайнемъ случаѣ, взять отпускъ.

— Не нужно! не нужно!—слезы опять зазвучали въ этихъ возгласахъ Зины.—Теперь мнѣ нужно лежать... За границу я могу и одна...

— Но если я буду назначенъ на-дняхъ,—продолжалъ Рынинъ такъ же тихо,—надо ѣхать... А ты не можешь двинуться!..

— Что же тебѣ сокрушаться?—уже съ нѣкоторою горечью возразила она.—Поѣзжай на свой постъ... Я приѣду послѣ... Отсюда или изъ-за границы... Впрочемъ, все равно: *bonnet blanc*,—*blanc bonnet*... Я отъ тебя не прошу никакихъ жертвъ...

— Ты поправилъ, ты молотъ, — говорилъ Рынинъ, точно разсуждалъ вслухъ, самъ съ собою,—но вотъ вѣдь чтò, другъ мой: чтобы ты была здорова, тебѣ надо какой-нибудь интересъ въ жизни; у тебя нѣтъ никакого...

Зачѣмъ онъ пришелъ растравлять ея раны? Она сама выводила отъ того же вывода, а онъ съ своими правдоученіями!

Голова Зины быстро отдѣлилась отъ подушки, къ щекамъ прилило, глаза блеснули...

— Она тебѣ не мѣшала и не мѣшала ни въ чемъ,—начала она скоро, безъ слезъ и безъ раздраженія, но очень твердо, совѣтъ не ласково и не кротко...

— Кто же тебѣ говорить?

— Я знаю, что ты мнѣ скажешь: „ты сама видишь, Зина... что за люди тебя окружали... Тебѣ и за границей, и въ Петербургѣ невыносимо тошно... Enfin tu as fini par une bauguerante morale...“ Но вѣдь это проповѣдь, это... въ родѣ глупостей князя Рязскаго. Гдѣ у тебя право на такую роль? Мораль!.. Убѣжденія!.. Ты сейчасъ мнѣ говоришь фразъ... Я знаю. А я не вижу и въ томъ, за что ты схватился... aucun fond moral!.. Противорѣчія, ложь, маска, расчетъ. L'ambition! Вотъ что дѣйствуетъ, вотъ что толкаетъ тебя!.. Принципы, правила, идеи... или какъ ты тамъ назовешь... не въ томъ вовсе дѣло: а ты умѣешь создавать себѣ пѣль... ты увѣрилъ себя, что такъ тебѣ будетъ хорошо!.. Больше ничего тутъ нѣтъ!..

— Положимъ!—отвѣтилъ Рынинъ. Онъ ее не перебилъ, а увидалъ, что она сама остановилась и опустила голову на подушку.—Разстраивать тебя не хочу. Если тебѣ тяжело, я сейчасъ уйду...

— Нѣтъ, я ничего!..

Она сказала это такъ бодро, что онъ сдѣлалъ жестъ головой и продолжалъ говорить.

— Я и не спорю съ тобой... Ты воспиталась, жила и теперь еще видишься съ людьми, у которыхъ этого воть самаго „sans moral“ и въ заводѣ никогда не было. Умомъ ты выше ихъ, а съ собой ничего не принесла, никакого запаса, чтобы хоть такъ жить, какъ простые люди говорятъ: „день да ночь—сутки прочь“. Мнѣ тебя жалко... Ты не обижайся... Что за счеты между нами!.. Кажется, я тебя своими супружескими правами не подавляю... Жалко мнѣ тебя чрезвычайно...

Она притихла. Голосъ его зазвучалъ гуще, искреннѣе...

— Если ты находишь, что я могу взять постъ въ провинціи постъ заграничнаго лѣченія или черезъ двѣ-три недѣли, тебѣ пужно, все равно, жить начальницей губерніи... Я говорю на случай нашего совместнаго житія... Тяжело тебѣ—живи одна. Я не препятствую... Только ты и одна, здѣсь ли, за границей ли, все равно будешь метаться. Тебѣ свобода ни на что!

„Онъ правъ, — подумала она и прибавила: — онъ не глупъ“.

И она начала ему вѣрить.

— Войди въ общую колею—вотъ спасенье. Дѣтей намъ не дожидаться, ты знаешь. Умъ у тебя безпокойный. Возьми да и приложи его... Кто знаетъ! Это самое „ambition“,

что ты сейчас кинула мнѣ, оно можетъ охватить тебя. И прекрасно! Все тогда ты приложишь, что теперь идетъ у тебя прахомъ: модный стиль твой, жаргонъ, умѣнье оцѣнивать людей, даже то, что ты на мужчину вообще смотришь какъ на врага... Попробуй!.. Вѣдь я не затѣмъ въ провинцію поѣду, чтобы намъ заглохнуть. Тебѣ предстоитъ играть роль здѣсь, держать салонъ.

— Помогать своему мужу дѣлать карьеру?—возразила она, все еще бодрымъ голосомъ.

— Я ее самъ сдѣлалъ.

Рынинъ выпрямился.

— Ты смотришь на всѣхъ женщинъ, я знаю какъ... *Des êtres malfaisants et inférieurs!..*

— Смотрю такъ на тѣхъ, кто мнитъ о себѣ много, а сами ничтожество! Ты просто изнываешь отъ неваренія... не желудка, а души, я такъ это называю... Попробуй!.. Ничего лучше ты не найдешь... Тогда и здоровье придетъ, потому что ты перестанешь метаться и глодать себя за всѣ свои неудачные эксперименты...

Онъ всталъ. Его фигуру, парадную, крупную, твердо стоящую на ногахъ, она чувствовала надъ собой. Къ чему было придраться изъ того, что онъ сказалъ ей? Онъ вѣдь ничего не требуетъ: только совѣтуетъ и пришелъ спросить ее—какъ она желаетъ, чтобы онъ поступилъ сегодня, когда вопросъ о его назначеніи рѣшится?..

— Хорошо...

Одно это слово Зины раздалось въ полной тишинѣ гостиной. Она не спорила и даже внутренно не желала возражать ему; но его выводы и то, что онъ ей показывалъ въ будущемъ, вошли ей внутрь, какъ ощущение неизбежности извѣстной мѣры. Ни въ сердцѣ, ни въ воображеніи не вставало никакихъ образовъ и порывовъ: голова готова была согласиться, все равно, что съ совѣтомъ доктора, пассивно, изъ боязни еще худшихъ послѣдствій...

Своимъ „хорошо“ Зина и отпускала мужа. Но она прибавила, чтобы еще разъ выгородить себя:

— Жертвъ... не нужно!.. ни малѣйшихъ!.. *Poursuivez votre but, sans vous inquiéter de moi!..*

Эта французская фраза на „вы“ дала заключительную ноту ихъ совѣщанію...

Тихо, шагая степенно по ковру длинными шагами, выдвинулся Рынинъ изъ комнаты, держа подъ мышкой

складную атласную шляпу. Онъ внутренне былъ спокоенъ и уравновѣшенъ. Его желтоватые, сухіе глаза не блестяли самодовольствомъ. Побѣду надъ „бѣдной“ своей женой онъ не считалъ даже „побѣдой“. Онъ сдѣлалъ сейчасъ, у ея кушетки, доброе дѣло, выразилъ ей свою высшую жалость и подалъ совѣтъ, который она вольна принять или нѣтъ! Онъ не сомнѣвался уже въ томъ, что Зина вполне оцѣнила тѣ его качества, какихъ она ни въ одномъ изъ своихъ „мужчинокъ“ не нашла, да и не найдетъ. Видитъ она и то, что теперь ему не нужно ея четырехсотъ тысячъ, что и не черезъ выкупъ Шириева, вырученного на ея деньги, пошелъ онъ полнымъ ходомъ...

Въ коридорѣ, черезъ нѣсколько шаговъ отъ номера двадцать шестого, съ нимъ встрѣтились Шварцъ и Кремлевъ. Они оба были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, за аршинъ отъ него остановились оба и отвѣсили ему по поклону. Эта встрѣча смутила ихъ. Оба пробирались къ Зинѣ, посидѣть передъ скучнымъ раутомъ, куда имъ приказано было явиться...

Но оправились они оба очень скоро, и Шварцъ первый, со сдержанной улыбкой, выговорилъ:

— Поздравляю съ Монаршей милостію...

— Получили назначеніе? — спросилъ почтительно Кремлевъ, — и въ дѣйствительные переименовались?..

— Ни то, ни другое, господа...

— Мы слышали о назначеніи, — подтвердилъ Шварцъ.

Рывинъ благосклонно взглянулъ на обоихъ молодыхъ людей: оба красивы, прекрасно держатся, фанаберіи мало, не болтливы, здѣсь бьютъ баклуши, безъ пути, какъ сотни другихъ петербуржцевъ, въ Зину они оба влюблены, это ясно, и такое ухаживаніе превратится въ преданность всему дому, если мужъ приблизитъ ихъ къ себѣ. Изъ нихъ могутъ выйти представительные чиновники по особымъ порученіямъ.

— Назначеніе еще не состоялось, — выговорилъ онъ тономъ благодушнаго начальника.

— Но ожидается, — съ дѣланной серьезностью подсказалъ Шварцъ.

И онъ, и Кремлевъ подумали: „угораздило же насъ наткнуться!“

— Если состоится... проситесь у Зинаиды Мартыновны на службу, — пошутить онъ и сдѣлалъ имъ обоимъ поклонъ. — Вы къ ней?..

— Узнать о здоровьи! — поторопился сообщить Кремлевъ.

— Кажется, она немного утомлена, но вы прикажите доложить о себѣ...

— Мы на минутку! — сказали они разомъ.

— Такъ проситесь къ будущей начальницѣ!

Всѣ трое разсмѣялись. Руки онъ имъ не подалъ. Они прошли мимо него учащеннымъ шагомъ, а Рынинъ, дойдя до площадки, остановился и оглядѣлъ себя въ зеркало. Правой рукой онъ началъ натягивать перчатку на лѣвую руку, по привычкѣ военнаго, еще не забывшаго, что статская мода позволяетъ и даже требуетъ входить въ салонъ съ голыми руками...

Все еще передъ зеркаломъ, Парменій Никитичъ поправилъ галстукъ и высвободилъ одинъ край ленты изъ-подъ борта фрака.

„По камзолу“, — выговорилъ онъ мысленно и нашелъ, что бѣлый жилетъ только и придаетъ лентѣ, надѣтой подъ фракъ, настоящее изящество, чего въ мундирѣ добиться нельзя... Но тотчасъ же онъ застыдился своей суетности, назвалъ себя даже „снобомъ“ и отошелъ отъ зеркала... Не сразу сталъ онъ спускаться по парадной лѣстницѣ. Лицомъ къ мраморнымъ периламъ, глядя надъ вѣр въ столовую, однимъ сходомъ ниже, натягивалъ онъ перчатку и думалъ... Не думать онъ не умѣлъ, и этимъ всего больше гордился...

Мундира ему совсѣмъ не было жаль. Онъ по собственному желанію переименовался гражданскимъ чиномъ. Это больше шло къ нему, къ его „идеѣ“, къ тому, что онъ всегда себя видѣлъ дѣятелемъ по внутреннему гражданскому управленію. Военнымъ въ душѣ онъ никогда не считалъ себя, находилъ только, что начинать службу въ видномъ полку и состоять потомъ въ адъютантахъ при комъ-нибудь, играющемъ политическую роль, — какъ сдѣлалъ онъ, — лучшая предварительная школа.

По внизу онъ замѣтилъ свое отраженіе въ зеркалѣ у входа въ столовую... Ему нельзя было еще разъ не посмотреть на себя. Отъ всего, еще молодого, мужчины, который стоялъ, во фракъ и въ лентѣ „по камзолу“, у мраморныхъ перилъ, шли къ нему обратно лучи того теплотвора, что наполняли его грудь вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы...

Въ чемъ она заключалась? Онъ въ ту минуту не хо-

тѣлъ разбирать. Да и прежде, и недавно, — когда въ немъ додѣлывался „грунтъ“ его направленія, — онъ не шелъ въглубь своихъ идеаловъ, не доискивался, послѣдователенъ ли онъ во всемъ, дѣйствительно ли онъ вѣритъ въ то, что считаетъ спасеніемъ своей родины?.. Онъ вѣрилъ въ себя, и съ него было довольно... Для общаго объясненія существующаго порядка у него имѣлся выводъ о „вотчинномъ чувствѣ“. Сколько въ этомъ выводѣ было тревожнаго или опаснаго, онъ не добирался... И не дѣлалъ этого сознательно. Можетъ, это и вздоръ... Мало ли что кажется намъ вздорнымъ и уродливо смѣшнымъ у турокъ и у китайцевъ, а попробуйте, посмѣйтесь, когда васъ за этотъ смѣхъ могутъ посадить на колъ? Въ груди у него приятно трепещетъ ему одному знакомый нервъ... И онъ знаетъ, что въ этомъ нервѣ — все дѣло... Ни на „своего брата“ дворянина, ни на „мужичка“ онъ не кладетъ никакихъ наивныхъ упованій... Ужъ передъ мужичкомъ-то всего менѣе способенъ прыгать... Не боится и тѣхъ, кого иные изъ его будущихъ сверстниковъ, съ желчной гримасой, зовутъ „интеллигентами“. И съ ними онъ готовъ помѣряться — нужды нѣтъ, что онъ — не изъ ученыхъ „моментовъ“, и покажетъ имъ, что онъ не генералъ Брынцевъ, что оппортунизма на русскій манеръ никто въ немъ не найдетъ.

„Никто!“ — повторилъ Рынинъ про себя, и тогда только сталъ спускаться медленно на вторую площадку.

Уступать нужно одной силѣ, а на соперниковъ и даже на тѣхъ, кому придется дѣлать рапорты, смотрѣть, какъ на случайныхъ людишекъ „безъ идеи“. На такомъ грунтѣ слѣдуетъ устоять до конца, и онъ устоять.

— Карета готова! — крикнулъ снизу швейцаръ.

Мальчикъ подбѣжалъ съ шинелью, поднялся на цыпочки и накиннулъ ее на плечи Рынина.

Парменій Никитичъ оглянулся на лѣстницу и благодарно обвелъ ее глазами: по ней входилъ онъ когда-то корнетомъ, а сходить кандидатомъ въ сановники...

Въ номерѣ двадцать шестомъ, все еще въ полусвѣтѣ, — лампа съ абажуромъ замѣнила свѣчу, — у большого стола сидѣли Шварцъ и Кремлевъ, за чайнымъ приборомъ. Зина лежала на кушеткѣ. Кремлевъ только что налилъ чашку и спрашивалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Какъ прикажете, ваше превосходительство: пожизне или покрѣпче?..

— Покрѣпче...—отвѣтила Зина.

Они уже ей сообщили про слова Рыпина насчетъ службы при губернаторшѣ. Шварцъ нашелъ за себя и за друга своего, что они поѣхали бы въ провинцію, если бы „генераль“ серьезно предложилъ имъ быть у него чиновниками.

— Мы съ вами и въ другую губернію переведемся... и всюду,—добавилъ Кремлевъ.

Имъ не было ни жалко, ни страшно бросить Петербургъ. Безъ Снѣткина и безъ Зины и здѣсь они будутъ адски тосковать.

Зина выслушала ихъ и сказала шутливо:

— Я васъ принимаю.

Когда она взяла изъ рукъ Кремлева чашку чаю и всё трое замолчали, ея мысль ушла, не стѣсненная присутствіемъ этихъ двухъ молодыхъ людей, послушныхъ, преданныхъ, хорошо дрессированныхъ. Если въ ихъ тонѣ съ ней уже проскользнула петербургская фамиллярность, то вѣдь это она ее сама допускаетъ, а дастъ одинъ легонькій щелчокъ, и они превратятся въ настоящихъ „ординарцевъ“.

Мысль ея продолжала дѣлать кругъ отъ той минуты, когда Рынинъ вышелъ изъ этой комнаты, и стояла теперь на полпути. Зина не хотѣла повторять его доводовъ, читать себѣ самой проповѣди; она только искала чего-то, въ родѣ того, какъ въ рѣшеніи задачъ ищутъ иксъ, неизвестное... И на половинѣ круга мыслей, она сначала смутно, потомъ уже опредѣленнѣе начала схватывать этотъ иксъ... Чтò ее поддерживало прежде, тамъ, за границей, въ дѣвушкахъ? Развѣ она была умнѣе, чѣмъ сейчасъ вотъ, опытнѣе, лучше понимала людей, цѣнила больше то, чтò всего дороже въ жизни? Вовсе нѣтъ. Откуда Зина Погайцева кажется ей довольно жалкой, полу-русской барышней-франтихой съ постояннымъ червякомъ своего незаконнаго происхожденія и бѣдности... Да и потомъ, на волѣ, богатой невѣстой, дворянкой, стояла ли она, какъ личность, выше, вела ли истинно радостную жизнь, наслаждалась ли, увлекалась ли, по крайней мѣрѣ? И того нѣтъ. Но она служила одному богу—стиля, высшей свѣтскости! Вотъ онъ — иксъ. Вотъ чтò поддерживало ее, бо-лѣзненную, наклонную къ „аглицкимъ привычкамъ“, не любящую мужчинъ, сухую и часто хандрящую.

Зина громко вздохнула, отпила немного изъ чашки и отставила ее. Да, служеніе чему-то обязательному, стоящему выше ея самой, держало ее на ногахъ и помогало жить. Письмо Свѣткина пришло ей на память. Вѣдь онъ то же говорить. Надо вернуться къ прежнему, но уже не затѣмъ, чтобы рядомъ съ Сосѡ быть первой „gothseuse“ курорта, а чтобы создать себѣ особое, новое положеніе женщины, не признающей ничего, кромѣ того „стиля“, какой она выработаетъ... Мужъ, его карьера, будущее вліяніе, власть, офиціальная гостиная,—все это должно служить ей, не она всему этому...

Иксъ былъ найденъ. Но лицо Зины что-то не просіяло, губы не раскрылись, глаза потускнѣли: она приговаривала себя къ долгой жизни безъ личныхъ радостей, и передъ ней поплыли картины какъ во снѣ: вотъ она тридцати лѣтъ, сорока, пятидесяти, вотъ изящной сѣдой старухой строгаго лица. Такъ же прилегла она на кушеткѣ своего салона, и два адъютанта въ бѣлыхъ галстукахъ хлопочутъ около чайнаго столика...

— Messieurs! — произнесла она громче, — vous pouvez vous retirer!

И собственный голосъ показался ей постарѣвшимъ на тридцать лѣтъ...

Оглавленіе IV тома.

ИЗЪ НОВЫХЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.

стр.

Часть вторая.	3
Часть третья.	150